

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

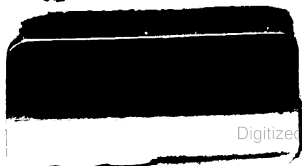
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**General Library System
University of Wisconsin - Madison
728 State Street
Madison, WI 53706-1494
U.S.A.**

Istoriia Religii

ИСТОРИЯ

РЕЛИГИЙ

И

ТАЙНЫХЪ РЕЛИГИОЗНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ

ДРЕВНЯГО И НОВАГО МІРА

Исторія Религіи и Тайныхъ

ИСТОРИЯ

РЕЛИГИИ

И

ТАЙНЫХЪ РЕЛИГИОЗНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ

И НАРОДНЫХЪ ОБЩИНЪ

ДРЕВНЯГО И НОВАГО МІРА

ДРЕВНИЙ МІРЪ

ТОМЪ ТРЕТИЙ

СЪ РИСУНКАМИ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ Типографіи д-ра М. Хана, въ Болотной ул., д. № 5

1870

General Library System
University of Wisconsin - Madison
728 State Street
Madison, WI 53706-1494
U.S.A.

BT
I 57
3

389222

ПЕРСИЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе.—Царства, вошедшія въ составъ Персидской монархіи.—Древнія ея имена.—Исторія Кира по сказаніямъ Геродота.—Сновидѣнія Астіана.—Спасеніе Кира.—Предопредѣленіе.—Наказаніе Гарпага.—Войны съ Крезомъ.—Покореніе Вавилона.—Убіеніе Кира Томирдою.—Сказанія Ктезія.

Персія—первая изъ монархій древняго міра, совмѣстившая въ своихъ предѣлахъ всѣ царства малой Азіи; основатель Персіи—первый герой исторіи, первая великая и свѣтлая личность, рѣзко выдѣляющаяся изъ сумрака вѣковъ. Теперешняя Персія на столько же ничтожна въ политическомъ и географическомъ отношеніяхъ, на сколько была сильна и обширна двадцать пять вѣковъ тому назадъ, въ тѣ времена, о которыхъ говорятъ намъ вѣчно живыя страницы исторіи и—оставы минувшихъ, славныхъ временъ, донынѣ сохранившіяся развалины.

Достаточно очертить предѣлы владѣній *Кира*, чтобы дать читателю точное понятіе о ихъ громадномъ пространствѣ. Ихъ ограничивали съ сѣвера: Понть Эвксинскій (Черное море), цѣпь Кавказскихъ горъ и море Каспійское; съ востока: рѣка Индъ; съ юга: Индійское море, заливъ Персидскій, Аравія; съ запада Эгейское море. Это послѣдній рубежъ завоеваній персовъ во владѣніяхъ древней Греціи, во время непрерывныхъ войнъ, часто пере-

ходившихъ изъ рукъ въ руки. Рѣка *Евфратъ* разрѣзывала персидскія владѣнія на двѣ неравныя доли, раздѣленныя на двадцать три области, или *сатрапіи*. Почти каждая сатрапія состояла изъ цѣлаго завоеваннаго царства, желѣзомъ и кровью принапнаго къ Персіи. Въ Малой Азіи было десять сатрапіи: три на западѣ, двѣ — центральныя, двѣ на югѣ и три на сѣверѣ. Начинаемъ обзоръ нашъ съ сатрапіи западныхъ (').

1) *Царство Лидійское* съ городами: Сардесомъ, Филадельфией, Гипепой, Траллесомъ и Магнезіей.

2) *Іонія*, заключавшая въ себѣ десять греческихъ колоній: Милетъ, Міунту, Приену, Эфезъ, Колофонъ, Лебедось, Теось, Клазомену, Фокею, Эриореи; два острова: Самось и Хиось. За исключеніемъ Милета и Міунты, власть персидскихъ царей надъ Іоніей была непрочно и потрясаема частыми возстаніями. То же можно сказать и о слѣдующей сатрапіи:

3) *Карія*, славной своими городами: Галибарнассомъ, Каунусомъ, Книдомъ, Милазой, Стратоникеей и Алабандой. Изъ острововъ назовемъ: Споряды, Косъ и Родось.

4) *Мизія*, въ составъ которой вошли останки древней Трои. Кромѣ нея замѣчательны были: Кизика, Абидось и Лампсака.

5) *Фригія*, съ городами Келенесомъ, Пессинунтомъ, Колосесомъ и Фимбрею. Въ составъ этой области входила и *Ликаонія*, съ городами: Иконіумомъ (нынѣшнее Кони), Лаодикеей и Ларандою.

6) *Каппадокія*, съ городами: Мазакою, Команю, Тіаню, Трапезундомъ и Зелюю.

7) *Пафлагонія* съ городомъ Синопою (нынѣшній Синопъ).

8) *Вивинія*.

9) *Ликія, Памфилія, Пизидія, Киликія*, — въ послѣдней столичный городъ Тарсъ и Исса — прославленная побѣдою Александра Македонскаго надъ Даріемъ Кодоманомъ (а).

(') Исторіи религій нѣкоторыхъ изъ нижеслѣдующихъ царствъ будетъ посвященъ слѣдующій, четвертый томъ.

(а) О религій всѣхъ этихъ греческихъ поселеній см. послѣдующіе томы: Греція и Римъ.

- 10) *Сирія* съ Финикіей и Палестиной.
- 11) *Месопотамія*, въ книгахъ Моисеевыхъ называемая Сирією, на двухъ рѣкахъ (*Арамъ-нагораимъ*). Города: Эдесса, Харранъ, Низибись.
- 12) *Вавилонія* или *Халдея*.
- 13) *Арменія* съ городами: Артоксатою и Баркаэіокертою.
- 14) *Ассирія* съ городами: Ниневіей, Лариссою, Меспилою и Арбеллами—смертнымъ одромъ славы и могущества древней Персіи.
- 15) *Персида*—ядро монархіи, область престольная царей персидскихъ и малѣйшая изъ всѣхъ завоеванныхъ областей. Города: Габесь, Ока и Персеполись.
- 16) *Сузіана*.
- 17) *Мидія* съ городами: Газою, Верою и Экбатаною.
- 18) *Арія*.
- 19) *Гирканія*.
- 20) *Бактріана*.
- 21) *Парвія*.
- 22) *Согдіана*.
- 23) *Карманія* и *Гедрозія*.

Древнѣйшее имя Персіи—*Эламъ* или *Элмаида*, отъ имени Элама, внука Ноева и сына Симова. Въ книгахъ пророка Даниїла и Эздры ее называютъ землею *Парсвъ*. По сказаніямъ Геродота, въ глубочайшей древности персовъ именовали *кефенами* и *артеями*; въ лѣтописяхъ мусульманскихъ Персія называется *Фарсвъ*, *Аджемъ* и *Иранъ*.

При всемъ нашемъ желаніи избѣгать педантическаго, школярнаго дробленія исторіи нашей на періоды, мы вынуждены, однакоже, для удобства читателя, раздѣлить исторію Персіи на три части, сообразно источникамъ, которыми мы пользуемся. Первая заключаетъ въ себѣ достовѣрную *исторію* Персіи отъ ея основанія въ 600 годахъ до Р. Х. до покоренія ея аравійскими халифами въ 650 году по Р. Х. Вторая часть посвящена біографіи великаго преобразователя религіи, *Зороастра*, изложенію догматовъ его ученія по книгѣ закона—*Зенд-Авесть*. Третья часть содержитъ въ себѣ обзоръ священныхъ книгъ, легендарную, т. е. баснословную исторію Персіи, описаніе богослужебныхъ обрядовъ

персовъ, *гебровъ* — и, наконецъ, очеркъ древнѣйшихъ памятниковъ и храмовъ религіи маговъ.

Трое изъ греческихъ историковъ: *Геродотъ*, *Ктезій* и *Ксенофонтъ*, повѣствуя о жизни и подвигахъ Кира, противорѣчатъ другъ другу во многомъ. Причина тому не нуждается въ излишнихъ объясненіяхъ: историки писали на основаніи разнорѣчивыхъ данныхъ. Правдивѣйшимъ изъ нихъ признаютъ Ксенофонта, такъ какъ его исторія согласуется съ книгами священнаго писанія; Геродотъ и Ктезій придерживались особенно элемента сказочнаго. Мы передадимъ читателю повѣствованія всѣхъ трехъ историковъ, начиная, согласно хронологической послѣдовательности, съ Геродота.

Астіагу, царю мидійскому, приснилось однажды, что единственная дочь его *Мандана* извергаетъ такое огромное количество воды, что послѣдняя потоцляетъ всю Азію. Волѣвы или маги, съ которыми Астіагъ совѣщался по своему пробужденіи, истолковали ему, что сонъ предвѣщаетъ царю рожденіе внука, который со временемъ будетъ повелителемъ всего свѣта. Страшась, чтобы вѣщій сонъ не сбылся (и, по обыкновенію, невольно тому способствуя), Астіагъ выдалъ свою дочь за знатнаго перса, *Калбиза*, жителя области подвластной Мидіи. Черезъ годъ послѣ свадьбы дочери, Астіагу снова приснилось, будто изъ тѣла Манданы выросла виноградная лоза, опутавшая побѣгами своими всю Азію, и опять маги объявили царю, что онъ будетъ свергнуть своимъ внукомъ. Астіагъ вѣзвалъ изъ Персіи въ Мидію свою беременную дочь, съ цѣлію убить новорожденнаго. Она, вскорѣ по прибытіи, родила сына. Астіагъ поручилъ приближенному своему *Гарпагу* взять и умертвить младенца, но сострадательный Гарпагъ вмѣсто того отдалъ его пастуху *Митрадату* и женѣ его *Спако* — приказавъ первому положить младенца куда нибудь въ уединенное мѣсто, грозя пастуху, въ случаѣ неповиновенія, страшной казнью. Жена Митрадата, сама недавно разрѣшившаяся отъ бремени мертвымъ младенцемъ, упросила мужа снести въ горы ея ребенка, а царскаго внука оставить у себя на воспитаніе. Пастухъ повиновался своей женѣ: мертвый сынъ его черезъ три дня былъ отданъ Гарпагу и похороненъ съ царскими почестями, а сынъ

Манданы, *Киръ*, цѣлый и невредимый, остался на попеченіи Митрадата и Спако.

Эта басня пришлась какъ-то особенно по вкусу древнимъ и новѣйшимъ историкамъ многихъ странъ и народовъ. Греки вставили ее въ біографію *Эдина*; римляне рассказывали ее при жизнеописаніи *Ромула* и *Рема*; она встрѣчается нерѣдко даже въ средневѣковыхъ легендахъ и исторіяхъ... Лѣтописцы, не утруждая себя сочиненіемъ новыхъ чудесъ о своихъ герояхъ, безъ исключеній весьма часто заимствовали чудеса у своихъ предшественниковъ. Въ сказкѣ о младенцѣ, приговоренномъ къ смерти его близкими (вслѣдствіе пророчества или вѣщаго сновидѣнія) и спасенномъ сострадательными людьми, скрывается та нравственная идея о предопредѣленіи или фатализмѣ, которую всего ближе выразить всемірной пословицей: отъ судьбы не уйдешь. Это слѣпое вѣрованіе въ предопредѣленіе — *αὐακη* грековъ, *fatum*—римлянъ—въ глубочайшей древности выражалось въ сказаніяхъ историческихъ. Христіанство возвело предопредѣленіе на степень религіознаго догмата, назвавъ его *волею Божіею*; это же самое предопредѣленіе легло въ основаніе закона Магомета. Это одинъ изъ тѣхъ великихъ, во вѣки вѣчны неразрѣшимыхъ вопросовъ, которые можно назвать камнями преткновенія для разума человѣческаго; границы его—двѣ крайности: или слѣпое вѣрованіе въ предопредѣленіе—*фатализмъ*, т. е. совершенное отрицаніе свободной воли и разума въ человѣкѣ—или *атеизмъ*—т. е. отрицаніе бытія божія и Его Провидѣнія. Сколько философскихъ школъ созидалось на основаніи того или другаго вѣрованія, сколько созиждется еще и, при всемъ томъ, повторяемъ, этотъ вопросъ останется безъ отвѣта... Только одна вѣчность могла бы отвѣтить на него, но самая эта колыбель и могила вѣковъ — какъ колыбель или могила — безотвѣтна и нѣма.

Киръ, до десяти лѣтъ дожилъ на попеченіи пастуховъ, и тогда неожиданный случай открылъ настоящее его происхожденіе. Любимѣйшею игрою мальчика со сверстниками была игра въ цари, въ которой Киръ занималъ всегда главную роль. Онъ назначалъ между мальчиками царедворцевъ, министровъ, военачальниковъ, тѣлохранителей и всѣ повиновались ему, будто настоящему царю,

безпрекословно. Однажды, за ослушаніе, онъ велѣлъ высѣчь одного изъ своихъ сверстниковъ—сына знатнаго вельможи *Артембареса*. Разобиженный отецъ пришелъ съ жалобою къ настоящему царю Астіагу и маленькаго Кира привели къ дѣду.

— Какъ ты смѣлъ, сказалъ ему тотъ, — высѣчь сына моего придворнаго? Ты сынъ простаго пастуха!

— Я высѣлъ его за дѣло! отвѣчалъ бойкій мальчикъ. — Меня выбрали въ цари и всѣ меня слушались; только онъ одинъ передо мною зазнавался, за что я его и наказалъ... Если меня самого слѣдуетъ за это наказать — наказывайте!

Астіагъ былъ пораженъ какъ смѣлымъ отвѣтомъ, такъ и не по лѣтамъ величавой наружностью мальчика. Отложивъ до времени наказаніе своевольника, Астіагъ съ глазу на глазъ съ Митрадатомъ вывѣдалъ отъ него всю истину о происхожденіи, спасеніи отъ смерти и воспитаніи своего внука. Въ отмщеніе Гарпагу, Астіагъ велѣлъ зарѣзать его сына и изжареннымъ его мясомъ угостить несчастнаго отца на пиршествѣ. Что же касается до Кира, дѣдъ отослалъ его въ Персію къ родителямъ. Маги успокоили мидійскаго царя тѣмъ, что пророческіе сны его уже сбылись и Киръ уже *былъ* царемъ, хотя и въ шутку. Когда онъ достигъ юношескихъ лѣтъ, Гарпагъ секретно (зашивъ свое посланіе въ заячью шкуру) увѣдомилъ будущаго обладателя малой Азіи о злодѣйствахъ Астіага, предлагая ему свергнуть его мидянь и съ тѣмъ вмѣстѣ и свое содѣйствіе, такъ какъ царь имѣлъ неосторожность возложить на Гарпага предводительство надъ своими войсками. Киръ воспользовался предложеніемъ мидійскаго военачальника: Персія возстала поголовно, войска Астіага безъ боя передались мятежникамъ... сны Астіага начали сбываться. Царь мидійскій казнилъ обманщиковъ—маговъ, собралъ остатки войскъ, сразился съ внукомъ, былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ — а царство его было присоединено къ Персіи. Щадя въ немъ отца своей матери, Киръ не казнилъ и помиловалъ стараго злодѣя.

Родственникъ и союзникъ Астіага, *Крезс*, знаменитый своими богатствами царь лидійскій, собравъ огромныя полчища, пошелъ войной на Кира и рѣшительная битва произошла подъ стѣнами Сардеса, на обширной равнинѣ, пересѣкаемой рѣкою Гиллусомъ.

Киръ, опасаясь сильной лидійской конницы, собралъ всѣхъ своихъ верблюдовъ, бывшихъ въ обозѣ и, посадивъ на нихъ всадниковъ, пустилъ въ авангардъ; за верблюдами слѣдовала пѣхота, за нею — конница. Расположивъ войска свои такимъ образомъ, Киръ рассчитывалъ, что лидійскіе кони смѣшаются, по антипатіи лошадей вообще къ виду и запаху верблюдовъ, — и это дѣйствительно случилось. Угадавъ хитрость противника, лидійцы смѣшались, но послѣ ожесточеннаго боя принуждены были отступить и запереться въ стѣнахъ Сардеса, который однакоже былъ взятъ послѣ четырнадцатидневной осады.

За завоеваніемъ Лидіи слѣдовало покореніе *Вавилона*. Во время похода Кира въ это царство, одна изъ его бѣлыхъ, такъ называемыхъ *священныхъ* лошадей, утонула въ рѣкѣ Гиндѣ. Огорченный Киръ поклялся уменьшить и ослабить рѣку, до такой степени, что женщины будутъ переходить черезъ нее, не замочивъ колѣнъ. Съ этой цѣлью онъ приостановилъ походъ на Вавилонъ, приказавъ войскамъ прорыть триста шестьдесятъ каналовъ для осушки Гинда. Въ этихъ работахъ прошло все лѣто и только къ веснѣ слѣдующаго года Киръ опять двинулся къ Вавилону и осадилъ эту знаменитую столицу, которою и овладѣлъ, отведя каналами воды Евфрата. Вторженіе персовъ было до того неожиданно, что они захватили жителей во время пиршества. Покоривъ Вавилонъ, Киръ вздумалъ поработить и воинственныхъ *массагетовъ*, управляемыхъ мужественной царицей *Томиридой*. Сначала завоеватель отправилъ къ царицѣ пословъ, какъ-бы съ брачнымъ предложеніемъ, но когда Томирида, угадывая хитрость, отказала имъ, Киръ пошелъ на массагетовъ войною. Заманивъ ихъ въ лагерь, гдѣ они упились виномъ, царь персидскій перебилъ ихъ великое множество и въ числѣ плѣнниковъ захватилъ сына царицы — *Спарганиза*, который убитъ съ отчаянія. Томирида, собравъ войска, выступила съ ними противъ персовъ: послѣ кровопролитнаго боя всѣ полчища ихъ были истреблены, а съ нимъ погибъ и Киръ, послѣ двадцати девятилѣтняго царствованія. Томирида велѣла отыскать его трупъ и, надругавшись надъ нимъ, погрузила его голову въ мѣхъ, наполненный кровью.

Таково повѣствованіе Геродота, очевидно сотканное изъ правды

и лжи; посмотримъ теперь на сказаніе *Ктезія*, въ которомъ первая совершенно теряется въ послѣдней.

Астиагъ—или, какъ его называетъ этотъ историкъ—*Астиагадъ*—никогда не былъ родственникомъ Кира. Преслѣдуемый царемъ персидскимъ, онъ скрылся въ Эвбатанѣ у дочери своей Амитиды и зятя Спитамада. Киръ, прійдя въ Эвбатану, подвергъ пыткамъ дочь, зятя и двухъ внуковъ бѣглеца: *Спитакеда* и *Мегаберна*, требуя отъ нихъ выдачи Астиага. Послѣдній, желая спасти ихъ отъ мученій, сдался самъ своему гонителю. Киръ пощадилъ его, Амитиду и сыновей ея, но мужа казнилъ за то, что тотъ упорствовалъ на вопросахъ. На Амитидѣ онъ женился и отца ея почиталъ какъ роднаго. Послѣ того Киръ пошелъ войною на *бактрианъ*, которые защищались упорно и покорились ему, узнавъ, что онъ мужъ Амитиды и зять Астиага. Ободренный успѣхомъ, царь персидскій обратилъ оружіе на *саковъ* и взялъ въ плѣнъ ихъ царя, *Аморгеса*. Жена послѣдняго—*Спареора* собрала войска изъ 300,000 мужчинъ и 200,000 женщинъ, побѣдила персовъ и освободила плѣннаго мужа. Киръ, заключивъ съ воинственными супругами дружескій союзъ, задумалъ завоевать Лидію и осадилъ царя Креза въ Сардесѣ. Городомъ этимъ онъ овладѣлъ хитростью, разставивъ на валахъ куколь, которыхъ испуганные воины Креза приняли за живыхъ непріятелей и сдались имъ безъ боя. Крезъ бѣжалъ и скрылся въ храмѣ Аполлона, гдѣ, три раза окованный по повелѣнію Кира, былъ каждый разъ находитимъ безъ цѣпей, хотя въ храмъ никто не могъ проникнуть, такъ какъ двери его были запечатаны печатью царя персидскаго. Изъ храма бѣднаго Креза привели во дворецъ и здѣсь снова заковали въ цѣпи, но небо громами и молніями возвѣстило Киру свой гнѣвъ и онъ освободилъ своего державнаго плѣнника. Впослѣдствіи, онъ далъ ему въ удѣлъ городъ Барену, близъ Эвбатаны. Завоевавъ Лидійское царство, Киръ послалъ за Астиагомъ вельможу своего, евнуха *Петизаку*, но этотъ злодѣй, во время пути черезъ степи, бросилъ старика на произволь судьбы и Астиагъ умеръ отъ голода и жажды. Когда преступленіе Петизаки было открыто, Амитида велѣла выколоть ему глаза, содрать съ него кожу и распять его на крестѣ. Тѣло Астиага было отыскано и

предано погребенію съ подобающими почестями; оно, лежа долгое время въ степи, сохранилось однако же безъ всякой порчи; львы охраняли его отъ прочихъ дивихъ звѣрей.

Послѣдній походъ Кира былъ противъ *Аморэя*, царя индійскаго народа *дербиковъ*. Войска его своими слонами привели въ смятеніе и обратили въ бѣгство персидскую конницу; Киръ упалъ съ лошади и былъ раненъ дротикомъ въ бедро. Персы и индійцы въ битвѣ потеряли по 10,000 человекъ. Вѣрный союзникъ Кира, *Аморгедъ*, явился къ нему на помощь съ 20,000 всадниковъ и тѣмъ далъ персидскому царю возможность вторично сразиться съ неприятелемъ и на этотъ разъ одержать блестящую побѣду. Земля дербиковъ была покорена, но раненый Киръ былъ на порогѣ смерти и наслѣдникомъ персидскаго престола объявилъ старшаго сына своего *Камбиза*, второму сыну *Таніоксарцесу* назначилъ въ удѣлъ *Бастріану* и многія другія области, безъ подчиненности старшему брату. Кромѣ того, умирающій далъ сатрапіи обоимъ пасынкамъ; всѣмъ дѣтямъ приказалъ повиноваться царицѣ *Амитидѣ*, просилъ *Аморгеда* быть имъ другомъ и союзникомъ и, наконецъ, всѣмъ присутствовавшимъ у своего смертнаго одра велѣлъ подать руки другъ другу въ знакъ согласія, желая всѣмъ счастья, общая благословеніе послушнымъ его волѣ, и грозя проклятьемъ ослушникамъ. Такъ умеръ царь Киръ на третій день послѣ раны, въ тридцатый годъ своего царствованія.

Этотъ рассказъ Ктезія достоинъ вниманія единственно потому, что знакомитъ нѣсколько съ обычаями древнихъ персовъ; примѣшанный къ нему фантастическій элементъ заимствованъ изъ ихъ древнѣйшихъ вѣрованій.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Киропедія Ксенофонта.—Дѣтство Кира.—Первые подвиги.—Преобразование войска.—Помилowanie царя Армянскаго.—Тиранизъ.—Крезъ и Нерилмиссаръ.—Паноея.—Абрадатъ.—Боевыя колесницы.—Войны съ вавилонянами.—Битва вимбрейская.

Цицеронъ, въ первомъ посланіи къ брату своему Квинту, называлъ *Киропедію* Ксенофонта не исторіей, въ строгомъ смыслѣ слова, но историческимъ романомъ (1). Великій ораторъ взялъ бы свой рѣзкій отзывъ назадъ, если бы имѣлъ подъ рукою несомнѣнныя доказательства правдивости сказаній Ксенофонта—книги священнаго писанія. Вотъ что повѣствуетъ Ксенофонтъ о первыхъ временахъ Персидской монархіи:

До временъ Кира, персы, раздѣленные на двѣнадцать колѣнъ, населяли область Персиду, давшую впоследствии свое имя и всему царству. Численность войскъ всѣхъ колѣнъ не превышала 120,000 человекъ, но за то воины эти, съ дѣтства приученные ко всѣмъ трудностямъ боевой жизни и въ тоже время возросшіе въ правилахъ гражданской и воинской доблести, были недосыгаемо выше всѣхъ прочихъ сосѣднихъ имъ народовъ. Таковъ былъ государственный строй Персиды, когда у государя ея Камбиза, отъ супруги его Манданы — дочери Астіага, царя мидійскаго, родился *Киръ* (въ 599 г. до Р. X.). Когда ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ, Астіагъ, наслышавшись о разумѣ и красотѣ внука, попросилъ свою дочь навѣстить его вмѣстѣ съ Киромъ. Богатство и роскошь мидійскаго двора ни мало не ослѣпили отрока; онъ попросилъ свою мать, собиравшуюся обратно въ Персиду, оставить его въ Мидіи, единственно затѣмъ, чтобы онъ могъ усо-

---

(1) Cyrus ille a Xenophonte, non ad historiae fidem scriptus, sed ad effigiem justii imperii.

вершенствоваться въ верховой ѣздѣ, на родинѣ его невѣдомой. Живучи при дворѣ дѣда, молодой Кирь снискалъ себѣ всеобщую любовь, отъ царя до послѣдняго простолюдина.

Ему было шестнадцать лѣтъ, когда царь вавилонскій *Эвильмеродахъ* (1), сынъ Навуходносора, охотясь на границахъ Миди, вторгнулся во владѣнія Астиага. Кирь сопутствовалъ дѣду въ походъ и не мало способствовалъ побѣдѣ, одержанной имъ надъ вавилонянами. На слѣдующій годъ онъ возвратился въ Персію, гдѣ оставался до сорокалѣтняго возраста.

Умершему (въ 560 г. до Р. Х.) Астиагу наследовалъ *Ціаксаръ*, дядя Кира, братъ его матери; въ это же время царь вавилонскій *Нериглиссаръ* (2), войдя въ союзъ съ Крезомъ лидійскимъ и собравъ огромныя полчища, пошелъ войною на Мидію. Ціаксаръ, въ свою очередь, попросилъ помощи у зятя своего Камбиза, и получилъ ее. Главное начальство надъ вспомогательными персидскими войсками, по приговору сановниковъ, было поручено Киру и онъ выступилъ въ походъ. Численность его войскъ состояла изъ 31,000 человѣкъ, т. е. 10,000 легко вооруженной пѣхоты, 10,000 пращниковъ, 10,000 стрѣлковъ и 1,000 *гомотимовъ* (3), вооруженныхъ латами, щитомъ на лѣвой рукѣ и копьемъ или мечемъ въ правой. Прибывъ съ своими войсками къ дядѣ, Киръ тотчасъ же попросилъ его вооружить ихъ всѣхъ по образцу гомотимовъ; въ то же время, желая побудить своихъ воиновъ биться съ непріателемъ лицомъ къ лицу, запретилъ имъ

(1) На халдейскомъ языкѣ Эвильмеродахъ изъ слова въ слово означаетъ: вдохновляемый Меродахомъ или безумно преданный служенію Меродаха. Меродахъ—богъ войны у вавилонянъ, котораго они олицетворяли себѣ въ планетѣ Марсъ.

(2) Нериглиссаръ—царь, покровительствуемый Неригелемъ или Неригелемъ. Имя другаго божества вавилонскаго; вѣроятно тоже названіе планеты или созвѣздія, подъ которымъ родился Нериглиссаръ.

(3) Гомотимъ по-гречески: равный достоинствомъ. Такъ называли благородныхъ персовъ, окончившихъ курсъ ученія въ высшихъ училищахъ. Изъ нихъ выбирали гражданскихъ чиновниковъ и военачальниковъ. Гомотимы Кира—первообразы дворянскихъ дружинъ (у насъ—боярскихъ дѣтей) гвардіи или рыцарей христіанской Европы.

употреблять въ сраженіи стрѣлы и дротики. Это преобразованіе въ вооруженіи персовъ не мало способствовало въ послѣдствіи ихъ побѣдамъ надъ непріятелями. Пользуясь стѣсненными обстоятельствами Ціаксара и воображая, что гибель его близка и несомнѣнна, царь Арменіи, данникъ царя мидійскаго, вздумалъ отложиться отъ него и отказался платить обычную дань. Киръ съ своими дружинами, вступивъ въ Арменію и расположась на нагорьяхъ уврѣжденнымъ лагеремъ, грозно потребовалъ у царя и дани, и вспомогательныхъ войскъ. Армянскій царь прислалъ къ нему въ знакъ покорности жену свою съ дочерьми, старшую свою невѣстку и младшаго своего сына *Сабариса*. Киръ объявилъ имъ, что они его плѣнники. Ужаснувшійся царь отправился на выручку ихъ, но и его постигла общая участь. Объясненія Кира съ семействомъ армянскаго царя и дальнѣйшая участь послѣднихъ заслуживаетъ подробнаго описанія.

— Зачѣмъ ты нарушилъ договоръ со своимъ повелителемъ? началъ Киръ. „Я заботился о своей свободѣ и хотѣлъ оставить ее въ наслѣдство дѣтямъ“, отвѣчалъ царь армянскій. — Защищать свободу дѣло похвальное, безспорно... Но что бы ты сдѣлалъ съ рабомъ, который вздумалъ бѣжать отъ своихъ господъ? „Сознаюсь, — наказалъ бы его.“ — А если бы кто изъ твоихъ савонниковъ былъ въ должности своей неисправенъ, ты оставилъ бы его на мѣстѣ? „Конечно, нѣтъ; я бы его отрѣшилъ отъ должности.“ — А если бы онъ нашлъ сокровища, ты позволилъ бы ему пользоваться ими? „Нѣтъ, я бы, разумѣется, отнял все.“ — А если бы ты узналъ, что онъ измѣнилъ тебѣ и сталъ союзникомъ твоего врага? „По истинѣ, я бы приговорилъ его къ смерти.“

При этихъ словахъ *Тигранъ*, старшій сынъ царя, снялъ съ него тиару и разорвалъ одежды; жена и дочери съ воплемъ стали рвать на себѣ волосы и царапать лица...

Когда отчаяніе царскаго семейства утихло, Тигранъ обратился къ Киру.

— Государь, едва ли мудрость твоя допустить смерть моего отца. Обязанный тебѣ жизнью, онъ, конечно, будетъ тебѣ на вѣки преданъ...

— Если я уступлю просьбамъ твоего сына, спросилъ Киръ

отца Тиграна, — чѣмъ ты поможешь мнѣ въ предстоящей войнѣ съ вавилонянами?

Царь объявилъ точное число своихъ войскъ и сумму всей казны. Киръ, взявъ половину первыхъ, другую уступилъ царю армянскому, такъ какъ онъ самъ велъ тогда войну съ халибами; но за то годичную его дань Мидіи удвоилъ. Покончивъ эти расчеты, Киръ спросилъ царя: Много ли даешь выкупа за царицу?

— Все мое имущество.

— А за дѣтей?

— Все мое имущество...

— Два раза? Стало-быть ты должникъ мой, ровно на столько, на сколько имѣешь въ наличности? Хорошо... А ты, обратился побѣдитель къ Тиграну—что ты дашь за свободу своей жены?

— Жизнь мою! спокойно отвѣчалъ Тигранъ.

— Бери же себѣ свою жену безъ всякаго выкупа, она свободна... И отъ тебя, царь армянскій, не нужно мнѣ ничего: всѣ мы свободны и—гости, а не рабы мои. Отужинайте со мною, а тамъ, идите куда желаете!

Послѣ роскошнаго ужина, царское семейство возвратилось въ свои владѣнія и здѣсь, во дворцѣ превозносили Кира: одинъ за великодушіе, другая—за кротость, третій—за мужество, четвертая—за красоту. Тигранъ спросилъ жену свою: что она скажетъ о красотѣ Кира? — „Не знаю“, отвѣчала та, — „я не смотрѣла на него.“ — „На кого же ты смотрѣла?“ „На того, кто отдавалъ свою жизнь за мою свободу!..“

Предъ возвратомъ въ Мидію, Киръ усмирилъ халибовъ, разоравшихъ Арменію и для огражденія ея отъ дальнѣйшихъ ихъ набѣговъ построилъ въ горахъ крѣпость, оставивъ въ ней сильный гарнизонъ. Твердыня эта была надежной порукой какъ за вѣрность армянъ, такъ и за покорность халибовъ.

Война съ Нериглиссаромъ, къ которой лидяне готовились три года, началась въ 556 году до Р. X. Цари вавилонскій и лидійскій расположились обширнымъ укрѣпленнымъ лагеремъ на равнинѣ, Киръ, напротивъ, скрылъ свои войска за окрестными холмами и деревьями. Послѣ нѣсколькихъ дней произошла первая схватка, окончившаяся бѣгствомъ вавилонянъ, гонимыхъ персами

до самых окоповъ. Киръ не отваживался однакожь ворваться въ лагерь, опасаясь западни. Опасенія его были напрасны, — силы союзниковъ были страшно парализованы: Нериглиссаръ убитъ, отборная дружина его — изрублена; Крезъ оставался единственнымъ предводителемъ войскъ, совершенно упавшихъ духомъ. При этихъ благоприятныхъ условіяхъ, Киру не трудно было, на зарѣ слѣдующаго дня, овладѣть лагеремъ и всѣмъ обозомъ непріятеля, отступившаго ночью. Оставивъ Ціаксара въ лагерѣ, Киръ пустился въ погоню за войсками Креза и настигъ его аріергардь, состоявшій изъ тысячи конныхъ ополченцевъ, жителей Гирканіи. Они не только сдались ему, но предложили сражаться за одно съ персами противу недавнихъ своихъ сотоварищей. Такимъ образомъ аріергардь Креза превратился въ авангардь его врага... Киръ ударилъ на новый лагерь лидійско-вавилонскихъ полчищъ, овладѣлъ имъ, рѣзалъ, рубилъ, гналъ перепуганныхъ непріятелей и одержалъ свою первую славную побѣду. Захваченныя сокровища были несмѣтны. Отдѣливъ часть на долю Ціаксара и предложивъ магамъ выбрать лучшее *для жертвоприношенія богамъ* изъ другой части, все остальное Киръ роздалъ на дѣлежь мидянамъ и гирканцамъ.

Въ числѣ плѣнницъ находилась *Панѳея*, жена сузіанскаго царя Абрадата. Киръ отдалъ ее на охраненіе и попеченіе молодому знатному мидянину Араспу.

— Видѣли-ли вы ее, государь? спросилъ этотъ у героя.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Киръ.

— Я предназначалъ ее вамъ, замѣтилъ Араспъ, — такъ какъ по красотѣ она вполнѣ того достойна. Это совершенство женщины... вы увидите сами.

— Нѣтъ, не увижу, особенно послѣ твоего восторженнаго описанія. Увида ее, я пожалуй засмотрюсь на красоту и позабуду о тѣхъ важныхъ дѣлахъ, которыя теперь требуютъ полнѣйшаго моего вниманія.

— Едва-ли красота можетъ имѣть на столько силы, чтобы честнаго человѣка отвлечь отъ его обязанностей! возразилъ Араспъ. — Осмѣлюсь указать вамъ на себя, для примѣра: я ви-

дѣль красавицу сузіанку, но это не помѣшало мнѣ явиться къ вамъ по обязанностямъ службы.

— Вѣроятно ты не долго смотришь на нее!

— О, государь, будьте же обо мнѣ лучшаго мнѣнія. Хотя бы мнѣ пришлось глазъ не спускать съ красавицы, я останусь вѣренъ своему долгу, — не ей соблазнить меня.

— Тѣмъ лучше! рѣшилъ Киръ, я именно тебя попрошу оставаться при ней. Легко можетъ быть, что она будетъ полезна для насъ, какъ заложница.

Внимательность Араспа къ Панееѣ не могла не снискать ему благосклонность прелестной плѣнницы; принимая эту благосклонность за любовь, Араспъ не замедлил признаніемъ, но былъ отвергнутъ; сузіанская царица, вѣрная и нѣжная жена, оставалась непреклонна... Когда же Араспъ прибѣгъ къ угрозамъ, она увѣдомила о томъ Кира, который съ однимъ изъ мидійскихъ вельможъ *Артабазомъ* прислалъ Араспу замѣчаніе, что Панеея должна быть внѣ всякихъ дерзкихъ покушеній. Исполнитель царскаго порученія осыпалъ Араспа волкостаями и укоризнами; бѣдный влюбленный залился слезами, опасаясь справедливаго гнѣва Кира, но герой, призвавъ его къ себѣ, сказалъ:

— Не ты, а я виноватъ, что оставилъ тебя съ такимъ опаснымъ врагомъ, какова Панеея.

— Друзья совѣтуютъ мнѣ бѣжать изъ опасенія строгой казни... замѣтилъ перепуганный Араспъ.

— И я совѣтую то же. Бѣги въ Лидію, будто отъ моего гнѣва (чему тамъ повѣрять), да подъ рукою разузнай о положеніи тамошнихъ дѣлъ.

Узнавъ о бѣгствѣ Араспа, Панеея предложила Киру увѣдомить мужа своего о всѣхъ милостяхъ къ ней персидскаго героя, увѣривъ послѣдняго, что Абрадаты за счастье почтеть быть ему преданнѣйшимъ союзникомъ и отложится отъ Вавилона. Все исполнилось по ея словамъ, и когда восхищенный мужъ спросилъ ее, чѣмъ воздать Киру за его великодушіе? — Быть въ отношеніи къ нему такимъ же великодушнымъ — и только! отвѣчала царица.

Абрадаты дѣйствительно оказался полезнымъ союзникомъ Киру:

*

онъ снабдилъ его армію сотнею *боевыхъ колесницъ* (1) со всей необходимою упряжью. Панея всё свои драгоценности отдала на отливку мѣдныхъ броней для упряжныхъ лошадей. Пользуясь содѣйствіемъ царя сузіанскаго, Киръ одержалъ блестящую побѣду надъ *Лаборозоарходомъ*, сыномъ Нериглиссара, побѣду, закончившую первую войну съ вавилонянами. Послѣ того Киръ съѣздилъ къ себѣ на родину, послѣ шестилѣтняго отсутствія, а по возвращеніи въ Мидію женился на единственной дочери Ціаксара, взявъ за нею въ приданое его царство.

Между тѣмъ, Крезъ лидійскій составлялъ огромный наступательный союзъ противъ Кира, набирая огромныя войска; къ Крезу присоединился и *Набонидъ*, внукъ Нериглиссара (2). Желая перенести театръ войны на непріятельскую землю, Киръ, оставивъ въ Мидіи охранительныя войска, двинулся самъ на встрѣчу непріятеля во главѣ 196,000 пѣхоты и конницы. Послѣ ускореннаго двухнедѣльнаго похода черезъ пустыни Месопотаміи, Киръ достигъ непріятеля во Фригіи близъ *Оимбреи*. Крезъ предводительствовалъ 420,000 войскъ, имѣвшихъ въ рядахъ своихъ: *вавилонянъ, лидійцевъ, фригійцевъ, каппадокійцевъ, финикійцъ, кипріотовъ, киликійцевъ, ликаонійцевъ, пфлагонійцевъ, аракійцевъ, іонійцевъ* и *египтянъ*. Послѣдніе составляли особый корпусъ въ 120,000 человекъ.

Не входя въ подробныя исчисленія полковъ Кира (о чемъ пространно разсказано у Ксенофонта), скажемъ только нѣсколько словъ о ихъ вооруженіи. Между ними были латники конные и пѣшіе, копейщики и легко вооруженные пѣхотинцы; было триста боевыхъ колесницъ съ косами, запряженныхъ каждая четверкой броненосныхъ коней; были подвижныя башни съ отрядами стрѣл-

(1) Боевыя колесницы за 600 л. до Р. Х. замѣняли нынѣшнія бомбы, картечи и конгревовыя ракеты. Обшитыя мѣдью, запряженыя лошадьми въ панцыряхъ, онѣ были по бокамъ унизаны лезвьями кость, имѣя въ сто дышла длинныя копыя. Этотъ смертоносный экипажъ пускали въ ряды непріятельскихъ войскъ, гдѣ онъ производилъ страшныя опустошенія.

(2) Набонидъ есть Валтасаръ книгъ еврейскихъ пророковъ.

ковъ, везомыя каждая шестнадцатю волами въ рядъ... Наконецъ, въ числѣ артилеріи (1) Кира было много верблюдовъ, на которыхъ помѣщалось по двое стрѣлковъ — арабовъ, сидѣвшихъ спина къ спинѣ.

Отъ захваченныхъ въ плѣнъ непріятельскихъ фуражировъ Киръ повыспросилъ всѣ подробности, для распоряженій необходимыя. Вскорѣ завидѣли вдаль отрядъ конницы Креза, и начальнику конницы Кира, *Гистаспу*, приказано было ударить на непріятеля. „Если между врагами,“ сказалъ ему Киръ — „увидишь людей, идущихъ къ тебѣ *съ поднятыми вверхъ правыми руками*, не только щади ихъ, но принимай какъ друзей.“

Тотчасъ по отбытіи Гистаспа и его всадниковъ, со стороны непріятельской показался Араспъ, мнимый бѣглець и измѣнникъ. Завидя его, Киръ пошелъ ему на встрѣчу и дружелюбно протянулъ ему руку. Араспъ передалъ царю, со всѣми подробностями, о расположеніи непріятельскихъ войскъ и, сообразно этимъ важнымъ свѣденіямъ, Киръ привелъ свои войска въ боевой порядокъ. Здѣсь *Ксенофонтъ*, какъ опытный тактикъ и стратегикъ, очень обстоятельно изображаетъ, читателю Киропедіи, планъ сраженія и распредѣленіе силъ великаго завоевателя древности. Эти страницы, драгоцѣнныя для военнаго историка, не имѣютъ никакого отношенія къ исторіи религіозной, а потому минуя ихъ, мы скажемъ только, что Киръ предъ началомъ битвы *принесъ жертву богамъ* и созвалъ военный совѣтъ, умоляя вождей мужественно постоять за честь персидскаго оружія. Принесли мяса и вина; Киръ, не сядя, отвѣдалъ того и другаго, одѣлилъ присутствующихъ и снова обратился къ богамъ съ мольбою и совершеніемъ возліаній... Затѣмъ онъ сѣлъ на коня, приказавъ дружинѣ своей слѣдовать за нимъ. Спутники царя были одѣты какъ онъ самъ: въ багряныя туники, мѣдныя латы и таковыя же шлемы съ бѣлыми султанами; вооруженіе состояло изъ меча и дротика рябиноваго дерева. Груды лошадей и бока

---

(1) Беремъ смѣлость, употребляя это слово, сдѣлать оговорку, что артилеріей называется вооруженіе войскъ вообще, какъ огнестрѣльнымъ, такъ равно и холоднымъ оружіемъ.

ихъ были покрыты мѣдными бронями, равно какъ бедра и икры всадниковъ.

Бой начался...

Три отряда или, вѣрнѣе, цѣлыя три арміи двинулись на войско Кира съ фронта и съ обоихъ фланговъ, желая, очевидно, захватить ихъ, какъ-бы въ исполинскія объятія... Персіяне невольно дрогнули, но по командѣ царя построились въ каре съ кавалеріею въ центрѣ—ждали. Звучнымъ голосомъ, среди томительной тишины, Киръ *запѣлъ гимнъ победы*; ему отделился хоръ его многочисленной рати. Царь, во главѣ конницы, ударилъ на правое крыло непріателя, смялъ его, а слѣдовавшая за нимъ пѣхота довершила пораженіе. Одновременно съ этимъ нападеніемъ, *Артагерсъ*, военачальникъ Кира, предводительствовавшій всадниками на верблюдахъ, атаковалъ лѣвое крыло непріателя, состоявшее изъ конницы: и когда испуганныя лошади разстроились, тогда подоспѣлъ *Абрадатъ* съ своими боевыми колесницами, пронизывая ряды копьями, перерѣзывая косами коней и всадниковъ. Пробившись, такимъ образомъ, сквозь уничтоженные ряды, онъ достигъ до центра арміи Креза, центра, состоявшаго изъ египтянъ. На этотъ разъ смертоносныя колесницы нашли опасныхъ противниковъ: многія изъ нихъ были опрокинуты, кони и возничіе перебиты, самъ Абрадатъ былъ изрубленъ съ своими спутниками. Подоспѣвшіе къ нимъ на помощь персы, послѣ ожесточеннаго, отчаяннаго боя, принуждены были отступить. Свѣжія силы египтянъ, ихъ стойкость и, самое главное—превосходство вооруженія—были важными помѣхами къ овладѣнію занимаемой египтянами позиціи, съ тѣмъ вмѣстѣ—и окончательному торжеству Кира надъ непріателемъ. Стройно отступали персы, дорого продавая египтянамъ каждый шагъ своего отступленія... Внезапно египтяне дрогнули и остановились, перемѣняя фронтъ; съ тылу ударилъ на нихъ самъ Киръ съ своей конницей. Началась общая свалка, въ которой герой Персіи едва не погибъ, сброшенный съ сѣдла раненымъ конемъ! Осыпаемые стрѣлами и дротиками, тѣснимые конницей и пѣхотой, египтяне сомкнулись въ каре, поражая сильнѣйшаго непріателя стойкостью и непоколебимымъ мужествомъ; они только защищались и умирали,

но защищались отчаянно, умирали героями. Уважая храбрость въ самыхъ непріятеляхъ, Киръ скомандовалъ своимъ прекратить бой и, вызвавъ изъ среды египтянъ переговорщика, спросилъ его: намѣрены-ли они погибнуть за малодушныхъ союзниковъ, очистившихъ поле сраженія, или остаться въ живыхъ, со славою истинно храбрыхъ людей?

— Одно препятствуетъ другому, овѣчалъ египтянинъ — и едва ли возможно!

— Нѣтъ, возможно, возразилъ Киръ — и не цѣною славы искупите вы вашу жизнь, — сдайтесь намъ и сложите оружіе не предъ сильными врагами, но друзьями, дарующими вамъ жизнь.

— А если мы будемъ друзьями вашими, что вы сдѣлаете съ нами?

— Мы будемъ обоюдно размѣниваться услугами. Во все продолженіе войны служите намъ, получая жалованье, больше противъ получаемого отъ лидійцевъ, а по окончаніи мы наградимъ васъ землями, женами и рабами.

Договоръ былъ заключенъ съ условіемъ, что египтяне не будутъ сражаться противъ Креза, въ отношеніи къ нимъ, честнѣйшаго изъ всѣхъ царей коалиціи. Киръ сдержалъ свое слово и потомки египтянъ, еще во времена Ксенофонта, населяли нѣкоторыя сѣверныя области персидскаго царства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Взятіе Сардеса. — Погребеніе Абрадаты. — Покореніе Каріи и Фриіи. — Паденіе Вавилона. — Торжественное молебствіе. — Жертвоприношенія. — Учрежденіе сатрапій. — Ревизоры. — Промахъ Плинія и Діоскорида. — Почты. — Библейское сказаніе объ освобожденіи іудеевъ изъ плѣненія вавилонскаго. — Слава Персіи. — Сонъ Кира. — Предсмертная его молитва. — Камбизъ. — Завоеваніе Египта. — Злодѣйство. — Фараонъ Псамменитъ. — Отравленіе его бычачьей кровью. — Истязаніе муміи.

Не ограничиваясь своей блестящей побѣдой, Киръ, на слѣдующее утро, повелъ войска свои къ столицѣ лидійскаго царства

Сардесу и почти безъ боя овладѣль ею, захвативъ Крезу въ плѣнъ въ собственномъ его дворцѣ. При свиданіи плѣнника съ побѣдителемъ, первый сказалъ: „Привѣтствую тебя, мой властитель!.. отнынѣ счастье даруетъ тебѣ это имя и я вынужденъ такъ называть тебя“. — „А я, въ лицѣ твоёмъ“ — отвѣчалъ Киръ — „привѣтствую такого же человѣка, каковъ самъ!“

Онъ предложилъ Крезу на выборъ — уступить городъ на грабежъ войскамъ или отдать за цѣлость его соотвѣтствующій выкупъ. Крезъ, разумѣется, согласился на послѣднее и вскорѣ предъ великимъ побѣдителемъ будто изъ земли выросли цѣлыя горы золота, серебра и безчисленныхъ сокровищъ. Торжествуя окончаніе войны, прославившей и обогатившей персовъ, Киръ освѣдомился у сподвижниковъ о своемъ вѣрномъ Абрадатѣ и получилъ вѣсть, что честный союзникъ палъ въ бою и что вѣрная жена его Панеи, отыскала его изувѣченный трупъ и привезла въ Сардесъ для преданія погребенію на берегахъ Пактола (1). Киръ почтилъ память друга принесеніемъ ей въ жертву воловъ, коней и т. д. какъ божеству, искренно оплакавъ его, сочувствуя скорби вѣрной Панеи, обезумѣвшей отъ горя. Въ день торжественнаго погребенія мужа, она закололась кинжаломъ надъ его трупомъ, умоляя окружающихъ похоронить ее въ одной могилѣ съ нимъ. Примѣру ея послѣдовали и три евнуха изъ ея свиты... Киръ, въ память этого грустнаго событія, воздвигъ памятникъ, упоминая о которомъ Ксенофонтъ говоритъ, что онъ еще существуетъ — „какъ говорятъ“; самъ же авторъ Киропедіи не видалъ его.

Одновременно съ пребываніемъ Кира въ Сардесѣ однимъ отрядомъ его войскъ, предводимымъ *Адузіемъ*, была усмирена и обложена данью волновавшаяся *Карія*, а другимъ, предводимымъ *Гистаспомъ* — Фригія. Во время своего пути изъ Сардеса къ Вавилону, Киръ покорилъ своей власти *Великую Фригію*, *каппадокійцевъ* и *аравитянъ*. Послѣдніе присоединились

(1) Эпизодъ о смерти Абрадата и Панеи, въ Киропедіи, по драматизму, простотѣ и несомнѣнной правдивости, если не превосходитъ эпизода о Гекторѣ и Андромахѣ въ Илиадѣ, то и никакъ не ниже послѣдняго.

къ его войскамъ, которыя въ 540 году до Р. Х. явились подъ стѣнами Вавилона и обложили его кругомъ. Высота и прочность стѣнъ не позволяли и думать о взятіи города приступомъ; одна надежда была на голодъ. Тѣмъ не менѣе, персы приступили къ осаднымъ работамъ: копали рвы, возводили окопы, временныя укрѣпленія. Вавилоняне, смотря съ своихъ стѣнъ на эти муравьиные труды, смѣялись надъ героемъ, такъ какъ у нихъ, даже въ случаѣ долговременной осады, было въ городѣ запасовъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на двадцать. Киръ, раздѣливъ свою армію на двѣнадцать корпусовъ, поручилъ каждому изъ нихъ ежемѣсячно наблюдать за осажденными. Послѣ долгаго ожиданія, онъ узналъ, что въ Вавилонѣ готовятся къ великому празднеству, при которомъ жители посвящаютъ всю ночь пиршествамъ и распутству. Киръ въ самую эту ночь велѣлъ прокопать каналъ, сквозь который воды Евфрата втекли во рвы въ лагерь, и тогда обмѣлѣлая рѣка представила всѣ удобства переправы въ бродъ. Этимъ путемъ войска проникли въ городъ. Защитники Вавилона, большею частью упоенные виномъ, изнуренные развратомъ, были перерѣзаны; бурнымъ потокомъ разошлись персы по улицамъ и площадямъ, устилая путь трупами вавилонянъ, безъ труда достигли дворца *Валтасара* (1): онъ и большая часть его собесѣдниковъ погибли подъ мечами побѣдителей... И пала „блудница великая,“ по глаголу пророковъ; совершился надъ Вавилономъ приговоръ—огненными письменами начертанный на стѣнахъ царскаго жилища—перстомъ божіимъ.

На другой же день, сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія о водвореніи порядка въ завоеванномъ городѣ, назначивъ себѣ въ тѣлохранители евнуховъ, а вельможъ своихъ въ правители завоеваннаго царства—Киръ пожелалъ явиться новымъ подданнымъ въ полномъ блескѣ царскаго величія и назначилъ великолѣпнѣйшій церемоніаль для предстоящаго благодарственнаго богослуженія. Отсюда начало безумной роскоши двора персидскаго... Можно было

---

(1) По халдейски Бельшат-саръ: царь, покровительствуемый Беломъ или Вааломъ.

подумать, что воздух Вавилана былъ пропитанъ заразой нѣги и роскоши! Киръ — этотъ воинъ-герой, съ дѣтства привыкшій ко всѣмъ лишениямъ боевой жизни—въ Вавилонѣ впервые облачился въ золото, виссонъ и пурпуръ; чрезъ двѣсти лѣтъ, стѣны этого же самага города были свидѣтельницами животнаго самоуниженія страстями и распутствомъ другаго героя древности — *Александра Македонскаго*! Современная наука очевидными фактами заставляетъ насъ вѣрить въ могучее вліяніе климата и почвы какъ на физическое, такъ и на нравственное развитіе человѣка.... допустить ли она, со временемъ, возможность существованія—въ тѣхъ же воздухѣ или климатѣ—тончайшихъ міазмовъ, тѣхъ неупомянутыхъ, ни ретортою, ни микроскопомъ, атомовъ, которые можно назвать зародышами нравственной порчи человѣка?

На зарѣ дня, назначеннаго Киромъ для торжества, все было уже готово, согласно даннымъ приказаніямъ. Путь отъ дворца до мѣста празднества былъ огороженъ; по ступенямъ главнаго крыльца были выстроены *дорифоры* ⁽¹⁾ въ числѣ четырехъ тысячъ. На площади выстроились спѣшившіеся конники, *спрятавъ руки подъ плащи*, въ знакъ покорности царю. Персы занимали правую сторону, союзники—лѣвую, такъ же расположены были и колесницы... Ворота дворца, наконецъ, распахнулись. Шествіе открывали *четыре бѣлыхъ быка, предназначенныхъ для принесенія въ жертву богамъ*, по указанію маговъ. За быками вели *коней, обреченныхъ на жертву Солнцу* (2); везли бѣлую съ позолотою *колесницу, посвященную Юпитеру*, за ней другую—*посвященную солнцу*; въ третью (вѣроятно, посвященную *огню*) были впряжены кони въ багряныхъ пополахъ, а за нею слѣдовали люди *съ ошемя*, пылавшимъ въ большой металлической жаровнѣ.

(1) *Дорифоръ* по гречески копьеносецъ. Это была почетная стража при царяхъ персидскихъ. Она существовала впрочемъ и у царей Ассирій, Вавилона и Іудей. Слово это встрѣчается также и въ одномъ изъ священнѣйшихъ пѣснопѣній нашей Церкви, для означенія степени ангельской.

(2) Напоминаемъ читателю жертвоприношенія *экиамъ* или *эмиамъ* у древнихъ индусовъ, см. Т. I *Индія*, Гл. XII, стр. 97—99.

Явился Киръ на колесницѣ, окруженной блестящей свитою. Голова царя была увѣнчана остроконечной тиарой, одежда его состояла изъ туники бѣлой, пополамъ съ пурпуромъ, украшенной золотымъ шитьемъ; обувь изъ золотыхъ сапожковъ. Тиару опоясывала діадема, носить которую имѣли право ближайшіе къ царю сановники и всѣ тѣ, которыхъ онъ удостоивалъ титула *двоюродныхъ братьевъ*; руки царя по локоть были обнажены. Его возничій былъ поставленъ такъ, что стоялъ ниже государя. При появленіи Кира, всѣ предстоявшіе *пали ницъ* — по приказанію распорядителей, а можетъ быть и по собственному побужденію (какъ замѣчаетъ Ксенофонтъ), но, во всякомъ случаѣ, съ тѣхъ поръ, у персовъ вошло въ обыкновеніе паденіемъ ницъ выражать свое благоговѣніе къ монархамъ. Лишь только колесница Кира спустилась съ дворцоваго крыльца, стоявшіе по бокамъ его дорифоры замкнули шествіе и послѣдовали за колесницею. Свиту царя составляли: триста евнуховъ верхомъ въ великолѣпномъ одѣяніи, двѣсти конюховъ, ведшихъ коней въ драгоцѣнныхъ сбруяхъ, двѣ тысячи копейщиковъ и тридцать тысячъ всадниковъ, наконецъ и войско союзниковъ. Во время шествія множество людей изъ народа, тѣсняясь къ царю, подавали ему просьбы, которыя, по повелѣнію Кира, принимали его приближенные для передачи ему на благоусмотрѣніе. „Просьбы разумныя и справедливыя должны быть исполнены!“ объявилъ царь при этомъ.

Когда шествіе прибыло на поле, предназначенное служить мѣстомъ богослуженія—всего прежде принесли въ жертву *Юпитеру* (1) быковъ, которые были сожжены до тла, за ними, въ честь *солнца* сожгли коней; принесли жертвы *земль* по обрядамъ, предписываемымъ магами и, наконецъ, *геніямъ-хранителямъ* Персіи. По окончаніи жертвоприношеній были военныя игрища и ристалища, и великій день праздника заключенъ былъ великолѣпнымъ пиршествомъ. На другой день Киръ, одаривъ союзныя вой-

---

(1) Ксенофонтъ называетъ *Юпитеромъ* божество персовъ, олицетворявшее творца вселенной, а можетъ быть и самое небо.

ска и отблагодаривъ за службу, распустилъ ихъ по роднымъ областямъ; наградилъ своихъ сподвижниковъ и раздѣлилъ между вѣрными и храбрыми персидскими войсками сокровища сардійскія.

Окончивъ всѣ свои распоряженія къ упроченію власти надъ завоеваннымъ Вавилономъ, оставивъ въ его стѣнахъ соотвѣтствующее число войскъ—Киръ, съ остальными своими дружинами, отправился въ Мидію; побывалъ недолго и въ Персіи, оттуда опять возвратился въ Вавилонъ, учредилъ должности *сатраповъ* (правителей, губернаторовъ) въ завоеванныхъ областяхъ, ограничивъ власть ихъ царской волею, единственно ей одной подчинивъ и находившіеся въ сатрапіяхъ гарнизоны. Для надзора за дѣйствіемъ сатраповъ, въ области ихъ ежегодно пріѣзжали ревизоры, назначаемые царемъ изъ своихъ приближенныхъ. Ихъ называли *дѣтьми, братьями царскими, очами царевыми*. Каждого, подобнаго ревизора, Киръ снабжалъ открытымъ листомъ, за собственной печатью, въ которомъ всѣмъ подданнымъ повелѣвалось оказывать царскому посланному возможное содѣйствіе, заботиться о его продовольствіи и удобствахъ во время слѣдованія къ мѣсту командировки. Эти открытые *листы* персидскіе историки, охотники до иносказаній, назвали листьями чудеснаго дерева, растущаго при царскомъ дворѣ, *листьями*, которые кормятъ и поятъ путешественника, такъ что замѣняютъ ему всякіе дорожные запасы. *Плиній* и *Диоскоридъ* поняли эту алегорію буквально и первый въ своей Исторіи міра, а второй въ Ботаникѣ, очень серьезно толкуютъ о чудесномъ деревѣ персидскомъ, листья котораго имѣютъ свойство утолять голодъ и жажду!..

Для удобнѣйшаго сообщенія между обширными своими областями, Киръ учредилъ первыя въ свѣтѣ *почтовые дворы*, съ подставными лошадьми, для ѣзды своихъ посланныхъ на перекладныхъ. Таковы были распоряженія царя, обличающія въ немъ великаго государственнаго администратора.

Второй годъ взятія Вавилона, т. е. 536 г. до Р. Х., былъ ознаменованъ безсмертнымъ и незабвеннымъ указомъ, разрѣшавшимъ іеудеямъ, плѣнникамъ царей вавилонскихъ, возвратиться въ

Іерусалимъ и отстроить храмъ Богу единому. Приводимъ подлинное свидѣтельство Писанія ('):

„Царствующему Киру Персскому, перваго лѣта, во исполненіе слова Господня, усты Іереміинными, воздвиже Господь духъ Кира, царя Перскаго, и проповѣда во всемъ царствѣ своемъ и кунно писаніями глагола: сія глаголетъ Киръ, царь Перскій (Господь) меня постави, царя вселенной, Господь Израилевъ, Господь вышній, и назнамена мнѣ создати Ему домъ въ Іерусалимѣ, иже во Іудеи. Аще убо кто есть въ васъ, отъ языка его, да будетъ Господь съ нимъ: и возшедь въ Іерусалимъ, иже во Іудеи—да созиждется домъ Господа Израилева, сей Господь иже вселися въ Іерусалимѣ.“

Число израильтянъ, вышедшихъ изъ предѣловъ ненавистнаго имъ языческаго царства, простиралось до 42,360 человекъ, не считая прислужниковъ (7,337 человекъ). Съ дозволенія Кира они взяли съ собою драгоценные священные сосуды, похищенные *Навуходоносоромъ* изъ храма іерусалимскаго и отдаваша ихъ въ храмъ Ваала.

Послѣдніе годы жизни, Киръ, велѣніямъ котораго повиновались до 800,000 воиновъ—посвятилъ покоренію всѣхъ царствъ, лежащихъ отъ предѣловъ Сиріи до Чернаго моря (2): завоевалъ Египетъ—и увеличилъ, наконецъ, пространство владѣній до тѣхъ границъ, которыя мы показали читателю въ началѣ предлагаемой исторіи.

Не имѣя постоянной резиденціи, Киръ проводилъ семь зимнихъ мѣсяцевъ въ Вавилонѣ, три весеннихъ мѣсяца въ Сузѣ и два—лѣтнихъ въ Экбатанѣ—что заставило сказать о немъ, что онъ наслаждается непрерывной весной.

Годы уходили и старость,—эта предтеча смерти—побѣдительница всѣхъ побѣдителей, убѣлила сѣдинами голову героя. Онъ отправился въ Персію—въ седьмой и послѣдній разъ въ жизни. Прибывъ въ свою отчизну, принесъ обычныя жертвы богамъ, ис-

(1) См. *Эздры*; Книга I гл. II, ст. 1—4.

(2) Слѣдовательно и Аравія была покорена имъ.

полнилъ въ честь ихъ *священную пляску* (1) и щедро одарилъ народъ. Утомленный обрядами, Киръ уснулъ и въ сновидѣніи явился ему исполинъ царственного вида и сказалъ ему: „Царь готовься! Скоро явишься ты въ ту область, гдѣ властвуютъ боги!..“ Герой пробудился и понялъ, что исполинъ въ сновидѣніи былъ вѣстникъ близкой его смерти. Тотчасъ же онъ приказалъ приготовить жертвы богамъ, отправился съ ними, по обычаю персовъ, *на высокую гору* (2) и здѣсь обратился къ богамъ съ слѣдующей молитвой: — „Богъ отцовъ моихъ, ты, солнце и вы все боги бессмертные, примите жертвы мои, которыми я заканчиваю мой жизненный путь. Благодарю васъ за благіе *совершенія*, которые вы подавали мнѣ чрезъ *внутренности жертвъ, небесныя знаменія, пророчества, предзнаменованія* — побуждая меня къ чему нибудь доброму, или предостерегая отъ чего либо дурнаго. Благодарю васъ въ особенности за то, что ни разу въ жизни моей вы не допустили меня до отрицанія вашего содѣйствія; что ни разу не дозволили мнѣ, въ минуты моего могущества — *забывать, что я человекъ*. Мнѣ объ одномъ только остается теперь просить васъ, боги, — о счастіи моихъ дѣтей, жены, друзей и родины и о ниспосланіи мнѣ конца, достойнаго моей жизни!“

По принесеніи жертвъ, царь ослабѣлъ и, возвратясь во дворецъ, слегъ на ложе, отказываясь отъ пищи. Въ теченіе двухъ послѣдующихъ дней бесѣдовалъ съ сыномъ, царедворцами и ратными своими сподвижниками, прощаясь со всѣми. Наконецъ, подалъ имъ руки и, покрывъ себѣ лицо пеленою, испустилъ послѣдній вздохъ. Продолжительность царствованія Кира историки опредѣляютъ различно: въ семь, девять или тридцать лѣтъ, смотря по тому, считаютъ ли отъ перваго его похода, отъ взятія Вавилона или отъ смерти Ціаксара.

Преемникомъ великаго царя былъ сынъ его *Камбизъ* — тоже

(1) Священные пляски существовали повсемѣстно: въ древней Индіи, въ Китаѣ; въ Иудеѣ Давидъ плясалъ предъ ковчегомъ.

(2) Напоминаемъ читателю и объ этомъ обычаѣ, повсемѣстномъ на востокѣ въ глубочайшей древности.

великій—въ гнусностяхъ и злодѣйствахъ. О чудовищахъ, подобныхъ ему, не слѣдуетъ распространяться историкъ или слѣдуетъ писать о нихъ особую исторію, чтобы не смѣшивать *звѣрей* съ *людьми*.

Свое вступленіе на престоль (529 л. до Р. Х.) Камбизъ ознаменовалъ отмѣною указа своего отца касательно іудеевъ: онъ запретилъ имъ продолжать начатую постройку храма іерусалимскаго.

Амазисъ, царь египетскій и наслѣдникъ его *Псамменитъ*—уклонялись отъ платежа дани персамъ; пользуясь этимъ, Камбизъ собралъ огромныя войска морскія и сухопутныя, пошелъ на Египетъ войною, осадилъ и взялъ *Пелузу*, ключъ къ Египту со стороны Аравіи. Существуетъ преданіе ⁽¹⁾, очевидно вымышленное, будто при осадѣ города, Камбизъ, вмѣсто авангарда, выдвинулъ впереди своихъ войскъ собакъ и кошекъ, животныхъ священныхъ для египтянъ и тѣмъ отнялъ у послѣднихъ возможность вступить въ бой.

Въ сраженіи, слѣдовавшемъ за взятіемъ Пелузы, египетскія войска были разбиты и отброшены къ Мемфису. Камбизъ отправилъ къ нимъ пословъ съ требованіемъ покорности, но ожесточенные подданные фараоновъ изломали въ щепе корабль, на которомъ приплыли посланники, ихъ же изрубили въ куски.... Камбизъ овладѣлъ Мемфисомъ и взялъ въ плѣнъ фараона Псамменита со всѣмъ его семействомъ и дворомъ. Не довольствуясь побѣдой, царь персидскій, желая усугубить торжество свое, изощрялъ весь свой скудный умъ на изобрѣтеніе всевозможныхъ обидъ и оскорбленій плѣнному фараону. Одѣвъ дочь его въ лохмотья рабыни и давъ ей въ руки тяжелый кувшинъ, онъ велѣлъ провести ее на рѣку за водой, мимо отца, котораго заставилъ глядѣть на это зрѣлище. Псамменитъ, видя дочь, опустилъ глаза и ни единая слезинка не выступила изъ подъ рѣсницъ его. Тогда недостойный сынъ великодушнаго Кира велѣлъ, вмѣсто дочери Псамменита, провести на казнь его сына, съ двумя тысячами знатнѣйшихъ египетскихъ юношей. Они всѣ шли съ веревками на шеѣ и не-

(1) См. Polyæni Strateg. VII cap. 9.

доуздемъ, протернутыми севозь ротъ. Псамменить, увидя сына, только вздохнулъ и опять опустилъ глаза; но онъ заплакалъ, увидя стараго своего друга, вельможу—въ лохмотьяхъ, просящаго милостыню. Камбизъ не могъ не подивиться этой холодности къ дѣтямъ и жалости къ чужому, но Псамменить отвѣчалъ: „бѣдствія дѣтей моихъ слишкомъ велики, чтобы измѣрять ихъ слезами, другу же моему я еще въ силахъ удѣлить ихъ!“

Камбизъ, ограничиваясь этими страданьями, отпустилъ фараона, однако же вскорѣ, вслѣдствіе новаго мятежа въ Египтѣ, велѣлъ отравить Псамменита *бычачьей кровью*, отъ которой тотъ, по словамъ Геродота, мгновенно умеръ. Это отравленіе было предметомъ цѣлыхъ диссертаций ученыхъ минувшаго столѣтія. Что бычачья кровь не ядовита, въ этомъ убѣждаетъ насъ любой кусокъ ростбифа, хотя Плиній, а за нимъ и средневѣковые натуралисты, доказывали противное, ссылаясь на Геродота. Многие комментаторы подъ именемъ *бычачьей крови* предполагали алхимическое названіе какой нибудь красной металлической окиси—но это явная натяжка! Осмѣливаясь имѣть „свое сужденіе“, мы думаемъ, что Геродотъ совершенно правъ: Псамменить былъ отравленъ, либо ядомъ, примѣшаннымъ въ кубокъ бычачьей крови, которую его принудили выпить, *ради глумленія надъ его религіей*; либо умеръ, именно вслѣдствіе этого — и безъ всякаго яда убитый мыслию, что грѣхомъ этимъ губить свою душу. Быки были священными животными въ Египтѣ.

Не довольствуясь истязаньями живыхъ, Камбизъ отправился въ Саисъ для совершенія казни надъ муміей умершаго Амазиса: приказалъ вынуть ее изъ гробницы, сѣчь розгами, вырвать бороду, колоть иглками!... Натѣшившись до сыта, царь велѣлъ бросить мумію въ огонь, чѣмъ попралъ священные законы какъ Египта, такъ и Персіи. По вѣрованію египтянъ и персовъ—огонь былъ божество; оба народа не жгли труповъ на томъ основаніи, что *богъ не можетъ питаться мясомъ человѣческимъ*... но злодѣй волю свою считалъ выше закона и людскаго и божьяго! (1).

(1) См. Геродота, книга III, гл. 16.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Походъ въ Эѳіопію.—Тулая тетива.—Гибель войска.—Неистовства и кощунства въ Египтъ.—Убіеніе Смердиса.—Кровосмѣшеніе.—Казни.—Самозванецъ.—Смерть Камбиза.—Сверженіе самозванца.—Олиархи.—Избіеніе маговъ.—Воцареніе Дарія, сына Гистаспа.—Подати.—Мужъ, сынъ или братъ.—Умирненіе мятежа въ Вавилонѣ.—Походъ въ Скивію.—Символическіе дары.—Бѣдствія войска.—Отступленіе.—Завоеваніе Индіи.—Бунтъ греческихъ поселеній.—Мардоній.—Битва при Маравонѣ.—Смерть Дарія.

Въ шестой годъ своего царствованія (523 л. до Р. Х.) Камбизъ задумалъ одновременно вести войну съ тремя народами: *карвагенянами, аммонійцами и доловльчными эѳіопами* (макробами), жителями Ливіи. Назначивъ флотъ къ отплытію въ Карѳагенъ, отдѣливъ часть войскъ на аммонійцевъ, онъ захотѣлъ вызнать чрезъ лазутчиковъ и землю и силы эѳіоповъ, и для этого вызвалъ изъ города Элефантины — *ихтіофаговъ* (рыбоѣдовъ), знавшихъ эѳіопскій языкъ. Все это дѣлалось у Камбиза скоро, необдуманно, но въ вліяніемъ минуты помѣшательства, которому онъ, по всѣмъ признакамъ, былъ подверженъ.

Первая его затѣя, морской походъ въ Карѳагенъ, оказалась мечтою несбыточною: финиціане, на содѣйствіе которыхъ онъ рассчитывалъ, отказались дать ему свои корабли противъ своихъ же союзниковъ, родственниковъ и единовѣрцевъ. *Другая* затѣя: походъ на аммонійцевъ, окончилась гибелью войскъ Камбиза, заблудившихся въ песчаныхъ пустыняхъ; *третья* — сдѣлала его смѣшницею людей, живой карикатурой на покойнаго своего отца, вороненкомъ басни, затѣявшимъ подражать орлу.

Ихтіофаги, призванные изъ Элефантины, прибыли къ Камбизу. Онъ передалъ имъ подарки, назначенные эѳіопскому царю, а равно снабдилъ и инструкціею, какъ имъ успѣшнѣе замаскировать сущ-

ность настоящего порученія. Ихтиофаги отправились въ Эіюпію, представили царю подарки и пустились въ льстивыя рѣчи о дружбѣ и расположеніи къ нему Камбиза.

— Государь вашъ, отвѣчалъ царь эіюпскій — лукавецъ и обманщикъ, а вы никто иные, какъ его соглядатаи и лазутчики. Снесите ему отъ меня этотъ лукъ (онъ подаль имъ огромный лукъ съ необыкновенною тугою тетивою) и скажите, что я совѣтую ему только тогда идти въ мое царство, когда между персами отыщется силачъ, который бы смогъ натянуть тетиву.... Въ ожиданіи же, заключилъ царь — пусть вашъ Камбизъ благодарить боговъ, что у меня нѣтъ охоты искать завоеваній!“

Лазутчики возвратились со стыдомъ, успѣвъ однако же высмотрѣть подробности пути въ Эіюпію и главные пункты этой далекой страны. Камбизъ, въ бѣшенствѣ, собралъ свои войска, оставивъ въ Египтѣ только союзныя ему, греческія. Въ Оивахъ отрядилъ 50,000 человекъ на аммонійцевъ, поручивъ имъ сечь славный храмъ Юпитера-Аммона, а самъ пошелъ дальше. Не совершивъ еще и пятой доли предстоявшаго, долгаго пути, армія Камбиза уже нуждалась въ жизненныхъ припасахъ; поѣвъ обозную скотину, лошадей, утоляя голодъ скудной растительностью оазисовъ — войны дошли наконецъ до людоедства, и убивая, по жребію, нѣкоторыхъ изъ своей среды, питались ихъ мясомъ... Потерявъ нѣсколько десятковъ тысячъ своей арміи, Камбизъ вернулся въ Оивы.... со *стыдомъ* сказали бы мы, если бы допускали хотя искру этого человѣческаго чувства въ этомъ злѣѣ!

Изъ Оивъ, распростившись съ союзниками-греками, которые отплыли на родину, Камбизъ отправился въ Мемфисъ, куда прибылъ во время праздниковъ въ честь *Аписа*. Вообразивъ себѣ, что египтяне веселятся ради смѣху надъ его неудачей, онъ казнилъ первѣйшихъ городскихъ сановниковъ, ругался надъ жрецами и, приказавъ привести къ себѣ живое божество, быка Аписа — своеручно ранилъ его въ бедро, издѣваясь надъ божествомъ, состоявшимъ изъ костей, мяса и крови... Этого мало! Жрецы, по повелѣнію царя, были наказаны розгами, а жители города, участвовавшіе въ празднествахъ — перерѣзаны! Тогда-то, по сказаніямъ египтянъ — боги отняли у него разумъ: и дѣйствительно, всѣ

послѣдующія преступленія доказываютъ, что съ этого времени, царь персидскій, не довольствуясь быть просто звѣремъ, сталъ звѣремъ бѣшеннымъ. Первою его жертвою былъ родной его братъ *Смердисъ* — уже удаленный отъ двора за то, что при Камбизѣ имѣлъ силу натянуть тетиву эоіопскаго лука. Вскорѣ Камбизу приснилось, будто кто-то говорилъ ему, что Смердисъ, воссѣдая на тронѣ, головою достигаетъ небесъ. Объясняя себѣ это сновидѣніе пророчествомъ, что братъ свергнетъ его съ престола, Камбизъ послалъ къ нему въ Сузу своего приближеннаго, *Прексаспа* съ повелѣніемъ умертвить Смердиса. Повелѣніе было исполнено. Желая, какъ видно, въ своемъ лицѣ умѣститъ всѣ пороки, царь къ братоубійству присоединилъ и кровосмѣшеніе. Онъ влюбился въ одну изъ своихъ сестеръ и вздумалъ на ней жениться, но такъ какъ примѣръ этотъ былъ первый въ Персіи — царь спросилъ мнѣнія о немъ у государственныхъ совѣтниковъ. Они дали самый уклончивый отвѣтъ: примѣра не бывало и въ законахъ подобнаго нѣтъ; но есть другой законъ, дозволяющій царю дѣлать въ Персіи все, что ему ни заблагоразсудится... Камбизъ женился на одной своей сестрѣ, а тамъ, вскорѣ и на другой. Вторую онъ убилъ за то, что она осмѣлилась при немъ плакать объ убіенномъ Смердисѣ. Неистовства Камбиза въ Египтѣ — неисчислимы; они соединялись преимущественно съ кощунствомъ, богохульствомъ или ядовитой ироніей надъ священнѣйшими чувствами человѣка... Тамъ, напримѣръ, Камбизъ въ глазахъ своего клеветы *Прексаспа* (убійцы Смердиса) застрѣлилъ изъ лука его сына, желая этимъ доказать, что персы напрасно считаютъ его за сумасшедшаго. Старый Крезъ, со времени Кира жившій при дворѣ персидскомъ, за свои правдивыя укоризны извергу, былъ имъ приговоренъ къ смерти. Получившіе этотъ приказъ помедлили исполненіемъ въ надеждѣ, что Камбизъ одумается... Дѣйствительно, на слѣдующій день, онъ одумался, пожалѣлъ о Крезѣ и очень обрадовался, когда старикъ предсталъ предъ его ясныя очи, цѣлъ и невредимъ. Очень порадовался Камбизъ — но ослушниковъ своему безчеловѣчному приказу, все-таки, предаль жестокой казни!..

Покуда царь въ Египтѣ являлъ, такимъ образомъ, невиданные

*

до того времени примѣры мерзостей, до которыхъ только можетъ дойти человѣкъ, два брата, маги *Патизиветъ* и *Смердисъ*, составили заговоръ, имѣвшій цѣлю возведеніе на престолъ второго изъ нихъ, тезки убитаго царскаго брата и поразительно похожаго на покойнаго ('). Магамъ удался ихъ замыселъ, чему не мало способствовало и то обстоятельство, что убіеніе настоящаго Смердиса сохранилось отъ народа въ глубочайшей тайнѣ.

Камбизъ со своимъ войскомъ находился въ Экбатанѣ сирійской, когда въ городъ этотъ пришла вѣсть о воцареніи самозванца. Разспросивъ вѣстника и получивъ отъ убійцы настоящаго Смердиса самыя убѣдительныя доказательства дѣйствительнаго его убіенія, Камбизъ узналъ наконецъ, чьи это продѣлки. Тутъ-то онъ вспомнилъ о своемъ пророческомъ сновидѣніи и заплакалъ о невинно-убіенномъ братѣ! Не теряя ни минуты, царь собралъ войска, чтобы вести ихъ въ Сузу, но второпяхъ, сядя на коня, нечаянно поранилъ себя мечемъ въ ногу. Рана эта его особенно встревожила, когда на его вопросъ, какъ имя города, ему отвѣтили, что городъ зовутъ Экбатаною. За нѣсколько времени передъ этимъ, оракулъ города Буто (на устьяхъ Нила), предрекъ Камбизу, что онъ кончитъ дни свои въ Экбатанѣ. Царь полагалъ, что пророчество относилось къ Экбатанѣ мидійской... но, какъ бы то ни было, оно сбылось и Камбизъ умеръ не столько отъ раны, сколько отъ суетвѣрной паники, убѣждая всѣхъ окружавшихъ одръ его не признавать власти самозванца и свергнуть лже-Смердиса. Со смертію Камбиза, дѣло однако же усложнилось. Прексаспъ объявилъ, что самозванецъ есть дѣйствительно братъ царя, чудесно спасшійся отъ смерти... Персы признали власть, хитростью присвоенную, и преемникомъ Камбиза былъ лже-Смердисъ—благодаря таинственности убіенія Смердиса настоящаго и своему разительному сходству съ послѣднимъ. Въ первый же день

(') Обстоятельства воцаренія персидскаго самозванца во многомъ напоминаютъ нашего Гришку Отрепьева, какимъ изображаютъ его лѣтописи.

своего воцаренія Смердисъ (1), по просьбѣ самаритянъ, воспретилъ іудеямъ достраивать Іерусалимъ и, желая снискать любовь своихъ подданныхъ, избавилъ ихъ на три года отъ платежа податей и обязательной военной службы. Последняя мѣра лишила мага-самозванца защиты отъ вспыхнувшего вскорѣ возстанія. Смердисъ навлекъ на себя подозрѣнія тѣмъ, что, избѣгая личныхъ свиданій съ вельможами, всё приказаніе свои отдавалъ чрезъ посредство нѣсколькихъ приближенныхъ евнуховъ. Знатный персъ *Отанъ*, тесть покойнаго Камбиза, поручилъ своей дочери *Федимъ*, доставшейся въ наслѣдство Смердису, удостовѣриться кто именно новый царь: обманщикъ или братъ Камбиза. Для этого онъ велѣлъ ей, во время сна царя на ея половинѣ, осмотрѣть его уши. Исполнивъ желаніе отца, Федима объявила ему, что уши у царя—отрѣзаны. Отанъ зналъ, что позорному этому наказанію, при покойномъ Кирѣ, былъ подвергнутъ одинъ изъ его маговъ. Улика была на лицо. Тесть Камбиза сообщилъ о томъ друзьямъ своимъ *Аспадину* и *Габріату*, къ нимъ присоединились еще вельможи: *Интафернъ*, *Мегабизъ*, *Гидарнъ* и только что прибывшій въ Сузу сынъ Гистаспа—*Дарій*. Эти семеро заговорщиковъ рѣшили свергнуть самозванца, въ чемъ имъ много помогъ переметчикъ Прексаепъ, теперь распутившій въ народѣ молву, что царь, никто иной, какъ магъ, мидянинъ. Заговорщики проникли во дворецъ, закололи преданныхъ самозванцу евнуховъ и достигли до чертоговъ самозванца и его брата. Оба, послѣ отчаяннаго сопротивленія, были убиты, головы ихъ отрублены и выставлены на показъ народу. Независимо отъ этого справедливаго наказанія, свергнувшіе самозванца умертвили всѣхъ маговъ, которыхъ только могли отыскать во дворцѣ и въ городѣ. Впослѣдствіи, день этотъ праздновали особымъ торжествомъ, называемымъ: *избѣженіемъ маговъ* (магофонія). Въ этотъ день ни одинъ изъ этой касты не осмѣливался показываться на улицѣ.

---

(1) Самозванца древніе историки называютъ различными именами. Въ книгахъ писанія: Артаксерксомъ; Геродотъ—Смердисомъ, Ктезій—Сфендадатомъ, Эсхилъ—Мардомъ, а Іустинъ—Оропастомъ.

Уничтоживъ самозванца и истребивъ его приверженцевъ, заговорщики приступили къ важному вопросу объ установленіи новаго правительства. Отанъ предлагалъ республику демократическую, т. е. правленіе народное; Мегабизъ — олигархію; Дарій стоялъ за единоедержавіе. Последнее мнѣніе взяло верхъ и Отанъ тотчасъ же отступился отъ всякихъ притязаній на престоль, съ единственнымъ условіемъ, чтобы онъ и все семейство его оставались свободными. Новаго царя рѣшили избрать изъ среды шестерыхъ остальныхъ освободителей Персіи — *бросивъ жребій*, причеиъ заключили договоръ, что сотоварищи избранника останутся первѣйшими по немъ вельможами съ правомъ невозбраннаго, во всякое время, входа въ его чертоги. Жребій состоялъ въ томъ, что царемъ будетъ тотъ изъ шестерыхъ претендентовъ, чей конь первый заржетъ при восходѣ солнца. Съ помощью своего конюшаго *Эварета* (спрятавшаго въ кустахъ у сборнаго мѣста — кобылицу), Дарій заставилъ заржать своего коня прежде прочихъ — и съ сѣдла пересѣлъ на престоль персидскій. При выборѣ коня, въ орудіе судьбы, Дарій и товарищи его руководились идеей религіозной, такъ какъ конь, у древнихъ персовъ, былъ посвященъ солнцу и почитался животнымъ священнымъ.

Дарій, сынъ Гистаспа, воцарился въ 521 г. до Р. Х. Происходя отъ царственнаго семейства Ахеменидовъ, онъ, для лучшаго еще упроченія власти, породнился съ царскимъ домоиъ, взявъ себѣ въ жены двухъ дочерей Кира, его внучку, дочь Смердиса и дочь Отана — главнаго виновника своего воцаренія. Царство свое Дарій раздѣлилъ на двадцать *сатрапій*, обложивъ ихъ правильными денежными податями, которыя, въ предыдущія царствованія, приносились, по мѣрѣ надобности, деньгами или натурою. Вслѣдствіе этой мѣры, у персовъ сложилась пословица: Дарій — торгошъ, Камбизъ — властитель, Киръ — отецъ (1). Такимъ образомъ, государственный доходъ представлялъ цифру въ 14,560 талантовъ (около 36 миліоновъ нашихъ серебряныхъ рублей).

(1) См. Геродота, книга III, гл. 89.

Тяготясь онекой бывшихъ своихъ сообщниковъ, Дарій подѣ благовиднымъ предлогомъ казнилъ одного изъ нихъ — *Интаферна* и съ нимъ нѣсколькихъ его родственниковъ. Историки сохранили намъ преданіе о женѣ несчастнаго, умолавшей царя о пощадѣ приговоренныхъ къ смерти. Тронутый Дарій рѣшился помиловать только одного, по ея выбору; выбирать же ей пришлось между мужемъ, дѣтми и братомъ. Она указала на послѣдняго, сказавъ царю: я могу найти другаго мужа, отъ котораго у меня могутъ быть еще дѣти, но другаго брата мнѣ не найти!“ Царь отдалъ ей виѣстѣ съ братомъ и старшаго сына, прочихъ казнилъ.

На третій годъ царствованія Дарія — или на второй, по книгамъ іудейскимъ (1) — самаритяне, продолжая интриговать противъ іудеевъ, донесли ему, что послѣдніе, не взирая на запрещеніе Смердиса, продолжаютъ строить Іерусалимъ, ссылаясь на старинный указъ Кира. Дарій подтвердилъ іудеямъ благодѣтельный этотъ указъ, разрѣшивъ, кромѣ города, достраивать и храмъ, обращая на расходы слѣдующія въ казну подати (2). Въ 516 г. до Р. Х. (пятый царствованія Дарія), вспыхнулъ мятежъ въ Вавилонѣ, при которомъ инсургенты, запершись въ городѣ, приготовились къ отчаянной защитѣ. Девятнадцать мѣсяцевъ безуспѣшно осаждалъ царь мятежную столицу, которою однако же овладѣлъ, благодаря хитрости и коварству *Зопира*, сына Мегабиза, сыгравшаго съ вавилонянами ту же шутку, какую сыгралъ при Кирѣ — Араспъ. Зопиръ обрилъ себѣ голову (3), обрѣзавъ носъ и уши и передался вавилонянамъ, будто бы для отмщенія изуродовавшему его Дарію; вкрался къ нимъ въ довѣренность, водилъ ихъ противъ своихъ, принималъ участіе въ вылазкахъ, при которыхъ рѣзалъ персовъ немилосердно... добился наконецъ до того, что вавилоняне довѣрили ему защиту всего города, который онъ и предалъ изъ рукъ въ руки своему законному царю,

(1) См. Эздры, кн. II, гл. 4, ст. 24 и прор. Аггея: гл. I, ст. 1.

(2) Эздры, кн. I, гл. 5 и 6.

(3) Длинные волосы у персовъ были отличительнѣйшимъ признакомъ знати.

чего ради возвелъ на себя напаслину и изуродовался такимъ ужаснымъ образомъ. Вторично палъ буйный Вавилонъ и на этотъ разъ позорѣе перваго: Дарій приказалъ разрушить его стѣны, снять городскія ворота и казнить три тысячи знатнѣйшихъ гражданъ.

Усмиривъ мятежъ, Дарій, по примѣру Камбиза, неудачно ходившаго войной въ Эеіопію, задумалъ воевать со *скиѣами*, желая наказать ихъ за вторженіе въ Мидію — сто двадцать лѣтъ тому назадъ. Тщетно братъ царя *Артабанъ* отклонялъ его отъ безразсуднаго намѣренія — царь упорствовалъ и дѣятельно занялся приготовленіями къ походу. Выступленіе свое онъ ознаменовалъ однимъ изъ тѣхъ звѣрскихъ подвиговъ, на которые былъ такъ изобрѣтателемъ Камбизъ. *Эвазъ*, знатный персъ, умолялъ царя не отнимать у него всѣхъ троихъ сыновей для слѣдованія въ Скиѣю и оставить ему хоть одного.

— Я тебѣ оставлю всѣхъ! отвѣчалъ Дарій — и дѣйствительно оставилъ — казнивъ всѣхъ трехъ сыновей. Многочисленныя войска Дарія, согласно поставленному царемъ маршруту, шли на берега Босфора еракійскаго. Здѣсь, ничего еще не видя, соорудили памятникъ съ горделивымъ описаніемъ этого подвига и исчисленіемъ войска, простиравшагося кромѣ экипажа 600 кораблей, до 700,000 человекъ пѣхоты и конницы. Перейдя чрезъ Босфоръ, посредствомъ понтоннаго моста, Дарій велъ своихъ воиновъ чрезъ Фракію и земли готовъ, мимоходомъ покоренную. Достигнувъ береговъ *Истера* (Дуная), Дарій переправилъ войска на противоположный берегъ, приказавъ союзникамъ своимъ, іонійцамъ, разобратъ наведенный ими мостъ и слѣдовать за нимъ, но передумалъ, по совѣту *Козта*, предводителя митиленцевъ, и отложилъ разводку моста на шестьдесятъ дней, наказывая грекамъ возвратиться домой, безъ него, если онъ не возвратится на берегъ изъ внутренности страны къ этому сроку.

Избѣгая столкновеній съ завоевателемъ, скиѣны, отступая передъ нимъ, заманивали его подалше отъ береговъ, повсюду истребляя запасы и тѣмъ дѣлая возвратный путь персовъ крайне затрудни-

тельнымъ (1). Дарій расположился лагеремъ, въ которомъ вскорѣ обнаружился жестокой голодъ. Тогда скиѣскіе вожди прислали къ нему пословъ, которые, вручивъ Дарію пять стрѣлъ, птицу, мышъ и лягушку, безъ всякихъ объясненій возвратились къ себѣ. Дарій истолковалъ себѣ эти странные дары скиѣовъ выраженіемъ ихъ покорности; но одинъ изъ его спутниковъ, *Габріатъ* объяснилъ эти символы иначе; по его словамъ, скиѣи хотѣли сказать царю: зарывайся въ землю какъ мышъ, улетай какъ птица, прячься въ болото какъ лягушка, вездѣ и всюду скиѣскія стрѣлы достигнутъ тебя!

Голодъ и болѣзни въ лагерѣ наконецъ принудили Дарія къ отступленію. Ночью, безчеловѣчно покинувъ больныхъ и раненыхъ, онъ постыдно бѣжалъ къ берегамъ Истера, куда прежде его прибыли скиѣскія дружины. Послѣднія предлагали іонійцамъ, разобрать мостъ на тотъ берегъ и тѣмъ отрѣзать царю персидскому дальнѣйшее отступленіе. Правитель Херсонеса еракійскаго, *Милциадъ* аѣинскій совѣтовалъ грекамъ исполнить желаніе скиѣовъ и погубить Дарія... Они, было, согласились — но ихъ отговорилъ одинъ изъ вождей, *Гистіей*, тиранъ милетскій. Во избѣжаніе споровъ со скиѣами, греки разобрали часть моста — но лишь только враги удалились на поиски за персидскимъ царемъ, Дарій другой дорогой пришелъ на берегъ Истера и переправился съ войсками на противоположный берегъ. Оставивъ, подъ начальствомъ Мегабиза 80,000 войска въ Херсонесъ, Дарій съ остальными войсками направился въ Сардесъ, гдѣ и перезимовалъ. Мегабезъ, между тѣмъ, покорилъ персидской державѣ всѣ народы Пеллеспонта, въ числѣ прочихъ странъ и Македонію, гдѣ посланники Мегабиза, за ихъ наглость и оскорбленіе женъ и дѣвицъ, были перерѣзаны. — Въ 508 году до Р. Х. скиѣи опустошили Эракію, пользуясь отсутствіемъ Дарія, покорившаго этижъ временемъ *Индію*. Геродотъ, упоминая объ этомъ важномъ событіи

---

(1) Черезъ 2328 лѣтъ точно такой-же системы войны придерживался великій потомокъ древнихъ скиѣовъ съ завоевателемъ Европы XIX столѣтія. Походъ Наполеона I въ Россію — былъ повтореніемъ экспедиціи Дарія въ Скиѣю.

(кн. IV гл. 44) умалчиваетъ, однако, о подробностяхъ похода въ эту великую страну.

Черезъ четыре года (504 г. до Р. Х.) вспыхнулъ мятежъ въ іонійскихъ поселеніяхъ. Жители рѣшились свергнуть иго правителей (тирановъ), хотя и своихъ единокровныхъ, но тѣмъ не менѣе покорнѣйшихъ рабовъ двора персидскаго. Власть тирановъ исчезла по всей Іоніи; Аѣины послали въ Милетъ свои корабли на помощь возставшимъ. Во главѣ возстанія явился правитель Милета — *Аристагоръ*. Онъ овладѣлъ Сардесомъ, который случайно былъ при этомъ выжженъ до тла... Греческія войска, тѣснимыя персами и мидянами, отплыли въ Эфесъ, близъ котораго были разбиты и разсѣяны; аѣиняне, ихъ недавніе союзники, отступились отъ нихъ. Дарій, взбѣшенный вѣстями о возстаніи греческихъ поселеній и сожженіи Сардеса, рѣшился жестоко отмстить мятежникамъ и ихъ союзникамъ. Для поддержки въ себѣ ярости, велѣлъ одному изъ царедворцевъ разжигать ее ежедневно напоминаніемъ объ аѣинянахъ. Мятежъ, между тѣмъ, возрасталъ и принималъ угрожающіе размѣры; іонійцы освободили изъ подъ ига персовъ всѣ принадлежавшія имъ греческія поселенія по берегамъ Геллеспонта, въ числѣ ихъ — Карію и Кипръ. Персидскія войска, раздѣленныя на три арміи послѣ кровопролитныхъ битвъ съ инсургентами, покорили мятежные города; но покоренія эти стоили имъ слишкомъ дорого, да сверхъ того, ослабляли военныя силы царя, вслѣдствіе необходимости оставлять гарнизоны въ каждомъ покоренномъ городѣ. Гистіей, одинъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ мятежа, былъ взятъ въ плѣнъ въ Мизіи и распятъ на крестѣ въ Сардесѣ. Отрубленную и посленную его голову Артафернъ послалъ Дарію; но царь, помня прежнія заслуги Гистіея, велѣлъ похоронить голову его съ должными почестями (1). Не довольствуясь усмиреніемъ мятежа, царь жаждалъ отмстить аѣинянамъ за ихъ вмѣшательство и въ 494 г. до Р. Х. послалъ морскія и сухопутныя войска въ Грецію, подъ предводительствомъ зятя своего *Мардонія*. Флотъ персидскій овладѣлъ Оазосомъ, сухопутныя

(1) См. Геродота, кн. VI, гл. 25 и 30.

войска — Македоніей. Во время пути кораблей изъ Аванеа они были истреблены бурей у Аэонскаго мыса, при чемъ погибло свыше двадцати тысячъ человекъ. Около этого же времени сухопутныя войска Мардонія, расположенныя укрѣпленнымъ лагеремъ въ Македоніи, много пострадали отъ ночнаго нападенія еракійцевъ и самъ главнокомандующій былъ раненъ. Послѣ непродолжительной стоянки, войска Дарія возвратились домой, довольствуясь (за неимѣніемъ другой прибыли) покореніемъ Македоніи — колыбели будущаго завоевателя міра.

Второй походъ на Грецію, не смотря на великія приготовленія — былъ еще неудачнѣе. Дарій всего прежде велѣлъ уничтожить всѣ укрѣпленія на островѣ Эазосѣ и весь его флотъ отвести въ Абдери. Желая вынудить мнѣніе о немъ грековъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ средства къ защитѣ, царь персидскій отправилъ во всѣ области пословъ, требовавшихъ отъ грековъ отъ его имени — *воды и земли*, т. е. безусловной покорности... Почти всѣ города и всѣ острова дали желанныя отвѣты, кромѣ Аѣинъ и Спарты. Аѣиняне свергли пословъ Дарія въ пропасть, въ которую бросали преступниковъ, а спартанцы — въ колодезь, говоря при этомъ, что они даютъ имъ и землю и воду. Дарій послалъ мидяннина *Датиса* и *Артаферна* (сына) съ огромными арміями, съ повелѣніемъ поработить непокорныхъ (490 г. до Р. Х.). Изъ Киликіи на 600 трехдечныхъ галерахъ поплыли въ Іонію на Самосъ; съ Самоса въ море Икарійское (обѣгая берега Аэона). Покоривъ Наксосъ и нѣкоторые другіе острова, Датисъ направился къ Эвбеѣ. Эретрійцы, подкрѣпляемые аѣинянами, выдержали шестидневную осаду; на седьмой день, два измѣнника предали персамъ городъ, который былъ выжженъ, храмы ограблены, а жители уведены въ неволю. Изъ нихъ образовали особое поселеніе близъ Сузы. Покоривъ Эретрію, персы поплыли къ берегамъ Аттики и здѣсь то, на равнинахъ *Маравона*, послѣ упорнаго, кровопролитнаго боя, *Мильциадъ*, сынъ Кимона, разбилъ персовъ на голову и, отбросивъ ихъ къ морскому берегу, овладѣлъ семью кораблями. Потеря со стороны аѣинянъ ограничивалась 192 человекъ; персовъ легло на мѣстѣ до 6400. Попытка персидскихъ

войскъ овладѣть Аѳинами только удвоила ихъ позоръ и славу аѳинянь... Галеры Дарія уплыли въ Азію.

Вторичная неудача не ослабила энергіи въ персидскомъ деспотѣ и онъ дѣятельнѣе прежняго занялся приготовлениями къ третьему походу, но въ это самое время пришла къ нему вѣсть о возстаніи египтянь (487 г. до Р. Х.). Пришлось вмѣсто одной войны вести двѣ, а тутъ еще, какъ на зло, возникли распри между двумя сыновьями царя изъ-за правъ престолонаслѣдія: *Артабазанъ* ссылался на свое старшинство, *Ксерксъ* — на происхождение, такъ какъ по матери онъ былъ внукомъ Кира. Дарій объявилъ *его* своимъ наслѣдникомъ и тѣмъ прекратилъ дальнѣйшіе споры. Назначеніе наслѣдника было тѣмъ нужнѣе, что черезъ годъ Дарій умеръ (485 г. до Р. Х.), послѣ тридцатишестилѣтняго царствованія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ксерксъ.—Усмиреніе Египта.—Продолженіе войнъ съ греками.—Силы персовъ, ихъ численность и вооруженіе.—Мостъ черезъ Геллеспонтъ.—Священное дерево.—Истязанія рѣки.—Казнь сына Пивія.—Смотръ и переправа.—Буря у горы Пеліона.—Битва при Артемизіумъ.—Θермопилы.—Взятіе Аѳинъ.—Саламинская побѣда.—Платея.—Микале.—Отступленіе.—Грабежъ и разореніе храмовъ.—Звѣрства Амстриды.—Окончательное отупленіе Ксеркса.—Его убіеніе.

Отложивъ до времени заботы о покореніи Греціи, *Ксерксъ* все свое вниманіе намѣревался обратить на усмиреніе Египта, однакоже уступилъ докучливымъ просьбамъ Мардонія и царей ессалійскихъ, вовлекшихъ его въ войну съ греками. Мардоній, восхваляя царю Грецію со всѣми ея богатствами, утверждалъ, что только *Ксерксу* слѣдуетъ быть ея обладателемъ. Усмиривъ Еги-

петь, царь всецѣло предался сумасбродной мысли покоренія Греціи, а съ нею и всей Европы; заговорила въ Ксерксѣ кровь его дѣда и въ сердцѣ воскресла отцовская ненависть къ грекамъ. Четыре года посвятилъ онъ приготовленіямъ къ войнѣ и на пятый сталъ во главѣ несмѣтныхъ, до того времени невиданныхъ полчищъ. Тутъ были представители всѣхъ народовъ, подвластныхъ Персіи, и мы, безъ всякаго опасенія прискучить читателю, представляемъ ему перечень войскъ Ксеркса и рассказъ о ихъ вооруженіи, заимствованный у Геродота (¹). Число всѣхъ войскъ (говоритъ онъ), какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ, составляло *пять миліоновъ двѣсти восемьдесятъ три тысячи двѣсти двадцать человекъ*. Пѣхотою предводительствовали: *Мардоній, Тритантэхмесъ* (двоюродный братъ царя), *Смердоменесъ* и *Мазистъ* тоже; *Герисъ* и *Мегабизъ*. Особымъ десяти тысячнымъ корпусомъ *безсмертныхъ* командовалъ Гидарнесъ. Конницей предводительствовали сыновья Датиса: Гармаиересъ и Тиоей; флотомъ: родственники царя Ахеменесъ и Ариабитнесъ, Прексаспъ, Мегабизъ и царица Артемиза... Какую пеструю, живую картину представляетъ у Геродота слѣдующій перечень войскъ Ксеркса: — *Персы* были въ мягкихъ войлочныхъ шапкахъ, разноцвѣтныхъ туникахъ съ длинными рукавами, желѣзныхъ латахъ, выкованныхъ наподобіе рыбей чешуи, и въ длинныхъ шароварахъ, скрывавшихъ ихъ ноги. Вооруженіе ихъ состояло изъ тростниковыхъ щитовъ (*герресовъ*), колчана съ короткими дротиками, большихъ луковъ съ камышевыми стрѣлами и кинжаловъ, привѣшенныхъ къ поясамъ по правому бедру. Такъ же точно одѣты и вооружены были *мидяне, киссійцы* и *ирканійцы*. Головной уборъ *ассирійцевъ* состоялъ изъ мѣдныхъ шлемовъ; ихъ щиты, дротики и мечи походили на египетскіе. Кромѣ того они были вооружены деревянными булавами, обсаженными желѣзными шипками, тѣло ихъ было защищено льняными панцырями. Головной уборъ *бактрійцевъ* походилъ на уборъ мидянъ. Луки ихъ были камышевые, а стрѣлы короткія. *Ариане,*

(¹) Кн. VII, гл. 60.

пары, хоросмійцы, согдіане, индарійцы и дадикійцы ничѣмъ особеннымъ не отличались отъ нихъ. *Сакійцы* были въ войлочныхъ колпакахъ и кромѣ луковъ и мечей вооружены были двойными бердышами (*сагарисы*). *Индійцы* были въ одеждахъ льняныхъ; *каспійцы* въ козьихъ шкурахъ... *Аравитяне* были вооружены длинными луками; *эіоны*, одѣтые въ лъвинья и леопардовья кожи, были вооружены пальмовыми луками лостей въ пять длиною, дротиками съ наконечниками изъ сайгачьяго рога, отточенного какъ желѣзо, и тяжелыми палицами. Отправляясь на битву, они обмазывали одну часть тѣла гипсомъ, другую — киноварью. *Эіоны восточные*, вмѣсто шлемовъ, покрывали головы лошадиными кожами, содранными съ коневыхъ головъ вмѣстѣ съ гривой, щиты у нихъ были изъ журавлиныхъ шкурокъ (¹). *Ливійцы* были укутаны въ звѣриныя шкуры, дротики же у нихъ были желѣзные, закаленные въ огнѣ... Головы *нафлагонійцевъ* были покрыты кольчугами; *эракійцевъ* — лисьими шкурами; *эракійцевъ азійскихъ* — мѣдными шлемами съ бычачьими ушами и рогами, обвѣшанными гремушками. Шлемы *жителей Колхиды* были деревянные, а щиты изъ сыромятной воловьей кожи. По исчисленіямъ Геродота *пятьдесятъ народовъ* входили въ составъ ополченія Ксеркса! Не персы готовились къ походу на грековъ — цѣлая Азія угрожала вторженіемъ своимъ Европѣ. По повелѣнію Ксеркса, въ теченіе трехъ лѣтъ прорыли каналомъ перешеекъ, соединяющій мысъ горы Аѳонской съ твердою землею, близъ города Сана. То были труды титановъ, подъятые для увѣковѣченія памяти о всемогуществѣ царя персидскаго. Черезъ рѣку Стримонъ для переправы войска былъ наведенъ мостъ; черезъ Геллеспонтъ впоследствии навели еще два другихъ. На *блломъ берегу* Эракіи, въ Дорискѣ, Эіонѣ и въ Македоніи сложены были богатые запасы продовольствія.

Изъ Каппадокіи, гдѣ собраны были всѣ войска Ксеркса, онъ, со своей арміей, пошелъ къ Сардесу. На дорогѣ, царь нашелъ великолѣпный яворъ (*Platanus orientalis* L), украсивъ который зо-

(¹) Вѣроятно изъ строфокамиловой кожи.

лотыми браслетами, ожерельями, онъ поручилъ охраненію отряда *безсмертныхъ*. Ксерксомъ при этомъ руководила мысль религіозная: яворъ у персовъ почитался деревомъ священнымъ; почести, возданныя царемъ этому дереву, были приношеніемъ богамъ и памяти героевъ. Въ Абидосъ, для переправы войскъ, черезъ Геллеспонтъ были наведены два моста въ 375 саженъ длиною каждый... Буря сорвала ихъ и разсѣяла флашкоты тотчасъ же по окончаніи работъ. Ксерксъ въ бѣшенствѣ велѣлъ дать Геллеспонту триста ударовъ бичемъ (1) и бросилъ въ эту рѣку пару кандаловъ, говоря ей: „Вода горькая и соленая! Владыка твой наказываетъ тебя за то, что обиженъ тобою безъ всякой причины. Царь Ксерксъ, волей или неволей, перейдетъ черезъ твои волны. Не даромъ, никто не хочетъ приносить тебѣ жертвъ — ты рѣка соленая и обманчивая!“ — И это наказаніе рѣки было слѣдствіемъ *религіозныхъ впрованій* персовъ, признававшихъ рѣки — божествами: Ксерксъ надругался надъ божествомъ рѣки греческой. Распорядители работъ при наведеніи мостовъ были обезглавлены, а вмѣсто разрушенныхъ мостовъ были наведены новые, одинъ на 360, а другой на 314 судахъ, удерживаемыхъ *мертвыми якорями* (2). На пути въ Абидосъ, Ксерксъ опозорилъ себя дѣломъ безчеловѣчнымъ, которое можно назвать повтореніемъ исторіи Дарія съ сыновьями Эваза. Лидіецъ *Пиоій* просилъ Ксеркса уволить отъ похода старшаго изъ пятерыхъ его сыновей. — „Презрѣнный!“ отвѣчалъ взбѣшенный царь — „въ Грецію, кроляъ меня, идутъ мои братья, дѣти, друзья... а ты, рабъ мой, смѣешь говорить о своемъ сынѣ?“ По приказанію царя, сынъ Пиоія былъ разрубленъ пополамъ и части его тѣла были поставлены къ сторонамъ вѣзда на дорогу, по которой слѣдовали войска. Царскій отрядъ состоялъ изъ двухъ тысячъ человѣкъ отборнѣйшихъ всадниковъ и

---

(1) У насъ сохраняется въ народѣ преданіе о томъ, какъ *Петръ Великій* съѣвъ кнутомъ Ладожское озеро.

(2) На *мертвыхъ якоряхъ* держатся и наши флашкотные мосты (Литейный, Дворцовый, Троицкій). Якоря брошены на обѣ стороны съ носа и кормы, что даетъ возможность судну выдерживать сильнѣйшіе напоры вѣтра и теченія.

пѣшихъ воиновъ, вооруженныхъ копьями; за нимъ вели десять *священныхъ лошадей* низейскихъ, покрытыхъ богатыми уборами. Потомъ слѣдовала *колесница Юпитера*, запряженная восмерикомъ бѣлыхъ коней, безъ возничаго, ведомыхъ подъ уздцы.—За колесницею ѣхалъ царь. Въ числѣ его тѣлохранителей была тысяча дорифоровъ, у которыхъ наконечники копій, вмѣсто острия, были украшены золотыми гренадовыми яблоками; у девяти тысячъ другихъ яблоки были серебряныя. На ночномъ привалѣ арміи Ксеркса, у подошвы горы *Иды* разразилась страшная гроза, погубившая много народу. При слѣдующей остановкѣ на берегахъ *Скамандра*—войска исчерпали всю воду рѣки до суха. Ксерксъ осмотрѣлъ здѣсь остатки дворца Пріама, принесъ тысячу быковъ *въ жертву Минервѣ илійской*, а маги совершили возліаніе въ честь героевъ страны. Въ Абидосѣ происходилъ смотръ войскъ, при которомъ царь, возсѣдая на тронѣ изъ бѣлаго мрамора, могъ видѣть и сушу, покрытую безчисленными войсками, и море, покрытое кораблями и галерами. Немедленно по восходѣ солнца приступили къ переправѣ черезъ Геллеспонтъ. На мостахъ жгли благоговонія, усыпая настилку миртовыми вѣтками. Ксерксъ, совершая изъ золотого кубка возліанія морю, молился солнцу о ниспосланіи ему желаннаго успѣха. Окончивъ молитву, онъ бросилъ въ Геллеспонтъ кубокъ, золотую чашу и персидскій мечъ. Это было сигналомъ къ переправѣ: черезъ одинъ мостъ пошли войска, черезъ другой обозы и прислуга; корабли, распустивъ паруса, вскорѣ скрылись изъ виду. Переправа персидскихъ войскъ, съ малоазіатскаго берега на греческій, продолжалась семь сутокъ.

Исторія нашествія Ксеркса на Грецію съ дѣтства извѣстна каждому изъ насъ вмѣстѣ въ именахъ *Леонида*, *Темистокла* и *Аристиды*, а потому, не вдаваясь въ излишнія подробности, мы ограничимся бѣглымъ обзоромъ неудачъ персидскаго завоевателя, самыя побѣды котораго, поглощавшія тысячи людей—стоили поражений. На первый случай, флотъ персидскій пострадалъ отъ страшной бури у скалистыхъ побережьевъ горы Пеліона: до четырехъ сотъ судовъ было разбито и, кромѣ соответствующаго числа воиновъ, въ волнахъ погибло много сокровищъ и запасовъ продовольствія. Когда остальные суда, перемѣняя позицію, огибали мысъ Магне-

зи, греки захватили пятнадцать оставшихъ кораблей. Эта неудача персовъ на морѣ была прологомъ къ послѣдующимъ славнымъ пораженіямъ ихъ флота при *Артемизиумъ*, *Саламинъ* и *Микале*. Сухопутныя войска, предводимыя Ксерксомъ, расположились лагеремъ въ Трахиніи, въ *Мелидѣ*; семь тысячъ грековъ, подъ предводительствомъ царя спартанскаго *Леонида*, преграждали имъ дальнѣйшій путь черезъ горное *ущеліе Термопильское*. Цѣлую недѣлю, изо дня въ день, Ксерксъ прорывался сквозь эту позицію—и каждый разъ принужденъ былъ отступать предъ храбрѣйшимъ, хотя и малочисленнѣйшимъ непріателемъ... Наконецъ, благодаря измѣнѣ *Эфиалта*, указавшаго тропинку къ неприступнымъ, по видимому, Термопиламъ, персы овладѣли ими. Греки съ Леонидомъ легли костью, но и персовъ погибло до двадцати тысячъ; въ числѣ ихъ были два брата Ксеркса. Въ самый день этого позорнаго торжества персовъ на сушѣ, флотъ царскій схватился съ греческимъ, близъ гавани Артемизиума и снова потерпѣлъ какъ отъ бури, такъ и отъ храбрѣйшаго непріателя. Греческіе корабли, правда, сошли со своей позиціи, но за каждую сажень пространства, захваченнаго персами на поверхности моря, имъ пришлось заплатить нѣсколькими кораблями.

Термопильскимъ ущеліемъ Ксерксъ проникъ въ *Дориду* и *Фокиду*, предавъ послѣднюю область огню и мечу. Подвиги эти были ему тѣмъ болѣе легки, что Фокида жителями своими была покинута. Въ городѣ *Панопель*, Ксерксъ раздѣлилъ силы свои на двѣ арміи: первая, подъ его начальствомъ, пошла къ Аѳинамъ; вторая къ храму дельфійскому, выжигая и опустошая города. По сказаніямъ Геродота (1), при приближеніи войскъ къ храму *Минервы-Пронэи*—надъ ними разразилась страшная гроза: съ вершины Парнасса посыпались обломки скалъ и подавили множество воиновъ. Эти чудеса побудили персовъ къ отступленію, при которомъ дельфійцы гнали ихъ и рубили безпощадно. Первая армія достигла *Аѳинъ*, овладѣла городомъ и, расположившись лагеремъ на холмѣ *Ареопага*, осадила жителей въ *Акрополисѣ*

(1) Книга VIII, гл. 37.

(кремль), въ которомъ храмъ Минервы служилъ имъ крѣпостью. Гордо отвергая всѣ предложенія о сдачѣ, осажденные скатывали на осаждавшихъ громадныя глыбы камня, при малѣйшемъ покушеніи персовъ идти на приступъ. Послѣднимъ посчастливилось, однако, проникнуть въ Акрополисъ, выжечь его весь, перерѣзать жителей и разграбить храмъ Минервы. Овладевъ Аѳинами, Ксерксъ немедленно послалъ къ Артабану, въ Сузу, вѣстника съ увѣдомленіемъ о своемъ торжествѣ. Жители Сузы, въ знакъ праздника посыпали улицы миртовыми вѣтвями и жгли благоуханія.... праздникъ и ликованія однако же обратились въ плачъ, когда слѣдующій посланный привезъ вѣсть о несчастномъ для персовъ дѣлѣ *саламинскомъ*. Триста сорокъ кораблей аѳинскихъ и египетскихъ, подъ предводительствомъ *Фемистокла*, одержали побѣду надъ двумя тысячами судовъ персидскихъ. Въ этомъ морскомъ сраженіи особенно отличилась боюзница Ксеркса, царица *Артемиза*, командовавшая отдѣльной эскадрою; это заставило царя сказать, что „въ саламинской битвѣ мужчины вели себя какъ женщины, а женщины—какъ мужчины.“ Боясь что бы греки, разрушивъ мосты черезъ Геллеспонтъ, не отрѣзали ему отступленія, царь, препоручивъ всѣ свои войска Мардонію, бѣжалъ въ Сузу. Мардоній, съ 300,000 войска, далъ ему слово покорить всю Грецію. Отряды, слѣдовавшіе за Ксерксомъ къ берегамъ Геллеспонта, убили на три четверти, истребляемые голодомъ и моровою язвою; буря разрушила мосты черезъ Геллеспонтъ; на привалѣ въ Абидосѣ жестокая эпидемія истребила остатки дружинъ персидскихъ... Вся Греція поголовно возстала на Мардонія, готовясь дать ему рѣшительную битву. Персы заняли сильную позицію у подошвы *горы Киверона*; конница ихъ, подъ предводительствомъ *Мазистія*, ударила на грековъ; билась съ ними съ возрастающимъ успѣхомъ, повуда не палъ Мазистій. Эта потеря парализовала недавнюю энергію персовъ, которые въ смятеніи отступили къ лагерю Мардонія. Онъ самъ и всѣ его войска, *въ знакъ траура по Мазистіи, остригли бороды и волосы себѣ и гривы своимъ конямъ*. Воздавъ такимъ образомъ должную почесть убитому военачальнику, Мардоній направилъ всѣ свои силы на грековъ, расположенныхъ лагеремъ на

равнинахъ *Платейскихъ*, въ числѣ 110,000 человекъ, подъ предводительствомъ *Павзанія*. Сладить съ ними, казалось Мардонію тѣмъ легче, что его войска простиралось до 350,000. Когда на военномъ совѣтѣ, нѣкоторые изъ его сподвижниковъ выразили свои сомнѣнія, онъ отвѣчалъ имъ: „Оракулъ предсказалъ грекамъ, что персы, разграбивъ храмъ дельфійскій, всѣ до единого погибнуть. Мы, зная объ этомъ предсказаніи, храма не тронемъ, грабить его не станемъ, а потому и не погибнемъ!“ Битва при *Платей*, 22 сентября 479 г. до Р. Х. рѣшила судьбы Греціи и персидскихъ войскъ: послѣднія были разбиты на голову, Мардоній палъ жертвою своего честолюбія и непомерной самонадѣянности; Артабазъ съ 40,000 уцѣлѣвшихъ воиновъ бѣжалъ въ Азію... Въ самый этотъ день греками истребленъ былъ и флотъ персидскій, въ битвѣ при мысѣ *Микале*! Однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій славнаго для Греціи и постыднаго для Персіи окончанія войны—было отложеніе іонійскихъ поселеній отъ подданства послѣдней.

Вѣсть о торжествѣ грековъ нашла Ксеркса въ Сардесѣ. Поспѣшно отправляясь въ Сузу онъ велѣлъ разрушить всѣ греческіе храмы въ городахъ Малой Азіи, и въ томъ числѣ храмъ *Аполлона дидимейскаго*, близъ Милета, въ которомъ найдены огромныя сокровища (1); проходя чрезъ Вавилонъ Ксерксъ не пощадилъ и тамошнихъ храмовъ (2), къ чему побуждали его, въ равной степени—усердіе къ исповѣдуемой имъ религіи маговъ и разореніе казны, которую, во чтобы ни стало, нужно было пополнить. Въ Грецію вторгнулся онъ какъ разбойникъ, теперь же занялся святотатствомъ; одно зло было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ другаго.—Здѣсь мы передадимъ читателю, со словъ Геродота, одинъ фактъ изъ семейной жизни Ксеркса, уясняющій какъ нѣкоторыя стороны этого чудовищнаго характера, такъ равно и женскіе нравы того времени. Незадолго до похода въ Грецію, Ксерксъ влюбился въ жену своего брата *Мазистеса*. Надѣясь

(1) См. Страбона; кн. XIV.

(2) Аррианъ; Походы Александра, кн. VII, гл. 17.

побѣдить непреклонную милостями и щедротами, онъ выдалъ дочь ея, *Артаинту*, за своего сына и нареченнаго наслѣдника *Дарія*. Видя, что и это родственное сближеніе не можетъ поколебать супружеской вѣрности невѣстки, Ксерксъ обратилъ свои страстные помыслы на дочь ея, свою сноху, которая оказалась уступчивѣе матери. До времени, связь ихъ сохранялась втайнѣ; но къ несчастію, однажды Ксерксъ подарилъ своей возлюбленной великолѣпное платье, подаренное ему его женою *Аместридою*. Оскорбленная супруга, узнавъ объ этомъ, вздумала отомстить не дочери, но матери, которую считала главной виновницей невѣрности царя. Дождавшись дня рожденія Ксеркса, дня, въ который онъ, по закону, обязанъ былъ исполнить желаніе царицы *какое-бы ни было*, она потребовала у мужа выдать ей мать Аместриды. Связанный закономъ, Ксерксъ выдалъ ни въ чемъ неповинную невѣстку—и Аместрида велѣла вырѣзать ей языкъ, груди, отсѣчь носъ, уши, губы и бросить ихъ собакамъ! Мужъ изувѣченной, собравъ всѣхъ своихъ слугъ и воиновъ, отправился въ Бактріану, въ надеждѣ поднять въ этой области знамя мятежа. Ксерксъ въ погоню за нимъ послалъ войска, которыя, по повелѣнію царя, настигнувъ бѣглеца, убили его, со всѣмъ семействомъ и спутниками...

Въ 476 г. до Р. Х. греческій флотъ, подъ предводительствомъ *Павзанія* и *Аристиды*, изгналъ персовъ съ острова Кипра и овладѣлъ Византіей. Измѣна Павзанія, вступившаго въ тайные переговоры съ Ксерксомъ, воспрепятствовала дальнѣйшимъ успѣхамъ великаго дѣла освобожденія Греціи. Предатель былъ казненъ своими соотичами—за два года до убіенія Ксеркса, которому дѣйствительно давно уже было пора избавить міръ отъ ненавистнаго своего присутствія. Отказавшись отъ роли завоевателя, царь, со всей разнузданностью одряхлѣлаго разврата, утопалъ въ омутѣ грязныхъ наслажденій. Начальникъ тѣлохранителей *Артабанъ*, съумѣвъ привлечь на свою сторону внуха *Митридата*, зарѣзалъ спавшаго Ксеркса, и объявилъ третьему его сыну *Артаксерксу*, что царь убитъ своимъ наслѣдникомъ—*Даріемъ*. Артаксерксъ немедленно умертвилъ брата и съ помощью Артабана взошелъ на престолъ, помимо прямаго наслѣдника *Гистаспа*,

находившагося въ Бактрианѣ. Артабанъ рассчитывалъ, до времени оставить Артаксеркса на тронѣ, а тамъ свергнувъ его, воцариться самому, но царь проникъ его замыслы и гнусный царевійца былъ убитъ, не успѣвъ осуществить своихъ хитрыхъ намѣреній.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Артаксерксъ и его прозвище. — Распри. — Казнь корытами. — Звѣрства древнѣя и новѣя. — Царица Вашти. — Мардохей и Эсфирь. Умыслы Амана. — Ею казнь. — Милости царя къ іудеямъ. — Темистокль у Артаксеркса. — Побѣды грековъ. — Бунтъ Египта. — Инаръ. — Миръ съ греками. — Освобожденіе поселеній греческихъ отъ персидскаго ига. — Казнь Инара. — Метабизъ. — Эздра. — Неэмія. — Обновленіе Іерусалима. — Язычество, іудейство и христіанство. — Гиппократъ.

Артаксерксу или Ассуиру дано было прозвище *длиннорукаго* (лонгимана) — „за то,“ говоритъ Плутархъ, — „что у него правая рука была длиннѣе лѣвой.“ Однако *Страбонъ*, это же самое прозвище даетъ и Дарію Гистаспу, который, какъ мы говорили, впервые обложилъ подданныхъ правильными податями.... Не въ переносномъ ли смыслѣ прозвище дано было тому и другому, какъ намекъ на ихъ любостыжаніе?

Первый годъ воцаренія Артаксеркса былъ ознаменованъ кровавыми распрями между его войсками и приверженцами Артабана, во главѣ которыхъ возстали семеро его сыновей. Царскія войска, разумѣется, одержали верхъ; за побѣдою слѣдовали казни соучастниковъ убійствъ Ксеркса. *Митридата* казнили посредствомъ *корытъ*, что подробно описано у Плутарха. Для этой казни выдалбливали два корыта нѣсколько короче роста подсудимаго, подгоняя ихъ такъ, чтобы одно плотно приходилось къ краямъ другаго и оба корыта могли быть вѣрно, одно къ другому прико-

нопачены (1). Положивъ преступника на спину въ одно корыто, его прикрывали другимъ, но такъ, что голова и ноги высунуты были наружу. Въ этомъ положеніи его кормили, а если онъ отказывался отъ пищи, заставляли ѣсть насильно, покалывая ему иглами глаза. Послѣ ѣды истязуемому вливали въ ротъ смѣсь молока съ медомъ, ею же опрыскивая и лице, которымъ истязуемаго поварачивали къ солнцу, затѣмъ чтобы на него безпрестанно садились и являли его мухи. Такъ какъ истязуемый былъ принужденъ тутъ же въ корытѣ отправлять естественныя свои нужды — отъ гніенія изверженій зараждались черви, которые обтачивая наружныя покровы тѣла, проникали, наконецъ, и во внутренности. Послѣ смерти казненнаго верхнее корыто снимали и находили, что все тѣло было обглодано червями, продолжавшими точить и внутренности. Истязаніе это длилось иногда до семнадцати дней...

Хорошія и полезныя изобрѣтенія не умираютъ! *Пытка корытомъ* вошла въ каталогъ европейскихъ средневѣковыхъ истязній; а инквизиція истребила такимъ образомъ не одну тысячу мучениковъ. Сказаніе Плутарха о варварствахъ персовъ, пригодилось европейцамъ, точно также, какъ описаніе лодокъ съ опускаемымъ дномъ — вычитанное у *Тацита* членомъ революціоннаго конвента, Каррье, пригодилось ему, въ 1793 и 94 годахъ по Р. Х., для устройства *нуайядъ* (noyades) во время казней въ округахъ нижней Луары!.. Противупоставляя въ трудѣ нашемъ суевѣріе древнихъ язычниковъ суевѣрію современныхъ народовъ христіанскихъ, мы не можемъ умалчивать и о звѣрствахъ, на которыя бывалъ, да пожалуй и бываетъ способенъ человѣкъ.

Покончивъ кровавыя свои расчеты съ убійцами Ксеркса, Артаксерксъ послалъ цѣлую армію въ Бактріану противъ брата своего Гистаспа, у котораго онъ отнялъ царскую тиару. Первая битва была нерѣшительна, но при второй Гистаспъ былъ разбитъ и власть Артаксеркса упрочена. Мудрая его распорядительность, устраненіе злоупотребленій и неуспышныя заботы о благѣ под-

---

(1) Всего точнѣе, снарядъ этотъ имѣлъ видъ короткаго гроба съ прорѣзками для головы и ногъ.

данныхъ, вскорѣ снискали ему всеобщую любовь и уваженіе. Въ третій годъ царствованія Артаксеркса, въ Сузѣ происходило 180 дневное торжество, окончившееся семидневнымъ пиршествомъ, на которомъ царь угощалъ всѣхъ своихъ вельможъ и народъ, а супруга его *Вашти* (1), придворныхъ дамъ и горожанокъ. Въ послѣдній день пира, царь разгоряченный виномъ, превознося присутствующимъ красоту своей жены, пожелалъ, чтобы она показала народу въ полномъ царскомъ убранствѣ, по другимъ сказаніямъ — обнаженною. Гордая *Вашти* — отказалась. Артаксерксъ, негодуя на упрямцу, спросилъ у одного изъ семерыхъ безсмѣнныхъ своихъ совѣтниковъ, чѣмъ наказать ее. Совѣтникъ предложилъ изгнать и замѣнить другою супругою; совѣтъ этотъ понравился царю и онъ повелѣлъ созвать въ Сузу первѣйшихъ красавицъ со всѣхъ концовъ царства и отдать ихъ, до времени выбора, подъ надзоръ евнуха *Эял*. Въ числѣ гражданъ Сузы жилъ нѣкто *Мардохей*, израильтянинъ изъ колѣна Вениамина, съ племянницею *Эдиссою* или *Эсфирью* (2), дѣвицею красоты необыкновенной. Отправляя ее во дворецъ къ царю, *Мардохей* наказывалъ *Эсфири*, не открывать никому, ни родины своей ни происхожденія. Выборъ Артаксеркса палъ, именно, на нее и *Эдисса* стала царицею подъ именемъ *Эсфири*. Одновременно съ этимъ событіемъ, *Мардохей* черезъ племянницу предостерегъ царя отъ грозившаго ему заговора евнуховъ *Багавана* и *Фарета*, которые, по повелѣнію Артаксеркса, были повѣшены. *Аманъ*, любимецъ царя, ненавидя *Мардохея*, рѣшился погубить его, а съ нимъ и весь народъ израильскій. *Бросивъ жребій* на жизнь и смерть іудеевъ, и получивъ въ отвѣтъ, что они погибнутъ въ двѣнадцатый мѣсяцъ года, *Аманъ* оклеветалъ ихъ предъ царемъ и предложилъ за ихъ истребленіе десять тысячъ талантовъ. „Деньги

(1) *Вашти* по персидски: красота, доброта, любезность. Въ книгѣ *Эсфири* имя царицы: *Вастія*.

(2) *Эдисса* или по еврейскому произношенію *Хадасса*, означаетъ мѣсяцъ *Эсфирь* или *Эсверъ*, *Стара*, на древнемъ *зендскомъ* языкѣ: звѣзда, счастье, блаженство.

эти оставь у себя! отвѣчалъ царь—и дѣлай что хочешь!“ Немедленно всѣмъ сатрапамъ Аманомъ былъ посланъ указъ объ одноподневномъ истребленіи по всему царству іудеевъ обоаго пола и всякаго возраста. Мардохей сообщилъ Эсеири о грозномъ указѣ и она рѣшилась быть спасительницей своихъ единовѣрцевъ. По закону, всякій вошедшій въ царскій чертогъ безъ зову—былъ казненъ, если только царь не протягивалъ къ нему своего скипетра; не взирая на это, Эсеирь, облекшись въ царскія одежды, вошла къ мужу. „Царица, что съ тобой?“ спросилъ онъ ее, протягивая скипетръ.—Я пришла пригласить тебя вмѣстѣ съ Аманомъ во мнѣ на пиршество! смиренно отвѣчала Эсеирь. Царь принялъ приглашеніе и, весело проведя время, предложилъ женѣ просить у него, чего она ни пожелаетъ, давая ей царское слово исполнить просьбу. Эсеирь отложила ее до другаго дня. По возвращеніи съ праздника, Аманъ велѣлъ построить для казни Мардохея висѣлицу въ пятьдесятъ локтей, а царь, томимый бессонницей, всю ночь слушалъ лѣтописи своего царствованія (¹). Когда чтець дошелъ до разсказа о недавнемъ открытіи заговора евнуховъ, Артаксересъ спросилъ, чѣмъ наградили Мардохея?—Ничѣмъ! отвѣчали присутствующіе. Въ эту минуту вошелъ Аманъ, и царь у него спросилъ, какъ надо чествовать любимца царскаго? Аманъ, воображая, что рѣчь идетъ о немъ—присовѣтовалъ одѣть заслужившаго царскую милость въ царскія одежды, увѣнчать его тиарой, и посадивъ на царскаго коня, водить по городу, возвѣщая всѣмъ его заслуги. Артаксересъ всѣ эти почести велѣлъ воздать Мардохею, а тому же Аману поручилъ вести его коня подъ уздцы и возглашать народу о царской къ нему милости. На второй день праздника, когда царь опять спросилъ у жены, въ чемъ ея завѣтное желаніе—Эсеирь отвѣчала: пощади жизнь мою и моихъ соотечественниковъ и избавь насъ отъ злоумышленника (она указала на Амана).—Разгнѣванный на любимца, Ар-

(¹) Слѣдовательно древніе цари персидскіе придерживались обыкновенія императоровъ китайскихъ: при нихъ были историографы, подневно записывавшіе событія ихъ царствованія.

таксерксъ вышелъ въ садъ, а Аманъ въ ужасѣ бросился на за-
стольное ложе Эсеири, умоляя ее о пощадѣ... Возвратившійся
царь, видя это непочтительное обхожденіе Амана съ царицею,
тутъ же обвинилъ его въ покушеніи на ея честь. Тогда опаль-
ному любимцу тотчасъ *закрыли лице пеленой* въ знакъ пре-
данія его смертной казни: онъ былъ повѣшенъ на той же самой
висѣлицѣ, которую готовилъ для Мардохея. Въ огражденіе евре-
евъ отъ всякихъ притѣсненій, царь позволилъ Эсеири и дядѣ ея
написать отъ его имени охранныя грамоты за царской печатью
и разослать ихъ во все концы обширнаго своего царства.

Другимъ, не менѣе важнымъ событіемъ въ частной жизни Ар-
таксеркса, которое много говоритъ въ пользу его великодушія и
справедливости—былъ приемъ истинно царскій, оказанный *Θе-
μιστοκλυ*, недавнему залятому врагу персовъ, изгнанному не-
благодарными согражданами. Довѣріе *Θемистокла* къ царю пер-
сидскому, его расчетъ на благородство Артаксеркса—были тѣмъ
удивительнѣе, что голова его была оцѣнена въ двѣсти талантовъ;
однако же расчетъ оказался вѣренъ. Награда за голову *Θеми-
стокла* была выдана ему же самому, съ придачею знатной и бо-
гатой жены, ежегоднаго щедрого содержанія и царскаго жилища
въ любомъ изъ городовъ по его собственному выбору. *Θемистоклъ*
жилъ въ Магнезій, гдѣ и убитъ въ 466 г. до Р. X. Кромѣ
вышеупомянутыхъ милостей, царь, въ знакъ особеннаго благоволе-
нія, разрѣшилъ *Θемистоклу* безпрепятственно *слушать уроки*
маговъ и быть посвященнымъ въ сокровеннѣйшія тайнства ихъ
философіи (1).

Въ 470 году *Кимонъ* аѳинскій, сынъ Мильціада, съ тремя
стами трехдечныхъ галеръ—овладѣлъ всеми греческими населе-
ніями на берегахъ Малой Азіи, вытѣснивъ изъ нихъ персовъ.
Царь послалъ противъ грековъ флотъ, подъ начальствомъ *Тие-
равстета*, побочнаго своего брата. Въ морской битвѣ близъ
Кипра, персы были побѣждены, не смотря на численный перевѣсъ
надъ греками (450 галеръ противъ 250). Вслѣдъ за этою по-

(1) Плутархъ: Жизнь *Θемистокла*, гл. XXIX.

бѣдою, Кимонъ разбилъ персидскія войска и на сушѣ на берегахъ *Эвримерона*. Персы потеряли весь свой флотъ, двадцать тысячъ плѣнными и всю воинскую казну. На слѣдующій 469 г., тотъ же Кимонъ вытѣснилъ персовъ изъ Херсонеса еракійскаго... Эти событія были еще только предвѣстниками послѣдующихъ бѣдствій. Въ 460 г. египтяне изгнали персидскихъ сборщиковъ податей и провозгласили своимъ царемъ ливійскаго князя *Инара*. Онъ собралъ сухопутныя войска, аеиняне дали ему въ подмогу свои корабли. При вѣсти о возстаніи Египта, Артаксерксъ созвалъ ополченіе со всѣхъ сатрапій, снарядилъ флотъ и началъ шестилѣтнюю войну, окончившуюся, правда, умиротвореніемъ Египта, но за то и стоившую ему огромныхъ потерь. Первые войска были побѣждены на сушѣ и на морѣ; въ 457 году отправлены были другія въ числѣ 300,000, подъ начальствомъ *Артабаза* и *Мегабиза*. На этотъ разъ, войска самозванца Инара были разбиты и весь Египетъ покоренъ, за исключеніемъ южной части Дельты, въ которой держался *Амиртей*. Какъ бы то ни было, Инаръ былъ взятъ въ плѣнъ, мятежъ усмиренъ, а съ аеинянами заключенъ честный миръ—нарушенный ими черезъ четыре года (450 л. до Р. X.). Кимонъ съ сильнымъ флотомъ завладѣлъ нѣсколькими городами на Кипрѣ и оттуда на помощь Амиртею послалъ шестьдесятъ кораблей въ Египетъ; разбилъ персидскихъ военачальниковъ, *Артабаза* и *Мегабиза*, и со славою возвратился на Кипръ. Артаксерксъ предложилъ ему миръ, главною статью котораго было: совершенное освобожденіе мало-азійскихъ греческихъ населеній отъ ига персидскаго съ предоставленіемъ имъ *автономіи* (т. е. управленія собственными законами).

Придерживаясь мудраго правила, что худой миръ лучше доброй ссоры, Артаксерксъ надѣялся отдохнуть отъ долгихъ, изнурительныхъ войнъ, но это желанное спокойствіе было нарушено бунтомъ честнаго и вѣрнаго царскаго полководца Мегабиза. Поводъ къ нему подалъ самъ царь. *Инаръ* и многіе аеинцы, сдавшіеся Мегабизу на честное слово, что жизнь ихъ будетъ пощажена, пять лѣтъ жили споконно при дворѣ персидскомъ. Мать царя, *Алестрида* (та самая вровопійца, о которой мы говорили въ предыдущей главѣ) не давала ему покоя, требуя, чтобы онъ

выдалъ ей плѣнниковъ для казни, въ отмщеніе за смерть ея сына *Асхеменета*, убитаго на войнѣ въ Египтѣ. Эта персидская *Катерина Медичи* — добилаь наконецъ своего: сынъ выдалъ ей плѣнниковъ и Инаръ былъ распятъ на крестѣ; всѣ товарищи его обезглавлены. Пораженный этимъ вѣроломствомъ, честный Мегабизъ удалился въ Сирію, свою сатрапію, собралъ войска и открыто возсталъ на царя. Артаксерксъ противъ него послалъ 200,000 подъ предводительствомъ *Узириса*; царскія войска были разбиты, Узирисъ тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ. Царь потребовалъ у мятежника возвращенія плѣнника и Мегабизъ, по излеченіи его, далъ ему всѣ средства возвратиться въ Сузу. На слѣдующій годъ новая армія, предводимая царскимъ племянникомъ *Меностаномъ*, была также разбита и обращена въ бѣгство. Видя, что силою ничего не возьмешь, царь для переговоровъ послалъ къ Мегабизу жену его Амитиду и брата своего Артарія. Посольство это имѣло успѣхъ: Мегабизъ смирился и прощенный возвратился ко двору. Вскорѣ по возвращеніи онъ былъ съ Артаксерксомъ на охотѣ и спасъ ему жизнь, убивъ льва, готовившагося растерзать царя. Послѣдній, вмѣсто всякой благодарности, приказалъ отрубить голову своему спасителю, будто бы за дерзость, что онъ своимъ ударомъ льву предупредилъ царя!... Только ходатайство матери и сестры было уважено Артаксерксомъ и смертная казнь была замѣнена пожизненнымъ изгнаніемъ на берега Чермнаго моря. Черезъ пять лѣтъ Мегабизъ бѣжалъ изъ ссылки въ Сузу, вторично былъ прощенъ царемъ и жилъ при дворѣ до самой смерти.

Въ 431 г. до Р. Х. началась въ Греціи *пелопонезская* война между аѳинянами и спартанцами, въ которую какъ тѣ такъ и другіе намѣрѣвались вовлечь Артаксеркса въ качествѣ союзника. Хитро уклоняясь отъ этого опаснаго предложенія Артаксерксъ дліялъ переговоры годъ за годомъ — цѣлыя шесть лѣтъ, до вѣдѣния своей въ 425 году по Р. Х. и сороковомъ своего царствованія, завѣщая престолъ единственному сыну своему отъ царицы *Дамаспії*. Въ дополненіе обзора царствованія Артаксеркса, считаемъ необходимымъ привести три сказанія до него ка-

сающіяся, и первыя два изъ нихъ заимствуемъ изъ книгъ Священнаго писанія (¹).

Въ 467 г. до Р. Х. ученный іудейскій богословъ *Эзра* получилъ отъ царя и семи его совѣтниковъ разрѣшеніе возвратиться въ Іерусалимъ, со всѣми желающими за нимъ слѣдовать, для восстановления царства и истиннаго богопочитанія по закону Моисееву. Царь удостоилъ Эзру титуломъ *писца закона Бога небеснаго* и пожаловалъ ему щедрыя денежныя приношенія, драгоценныя золотыя и серебряныя сосуды для храма іерусалимскаго. Сатрапамъ Сиріи и Палестины было повелѣно содѣйствовать распоряженіямъ посланнаго. Тринадцать лѣтъ Эзра завѣдывалъ высшей судебной администраціей въ Іудеѣ, оставивъ по себѣ память мудраго и справедливаго въ народѣ божіемъ. Его (въ 454 г.) замѣнили *Нэемія*, царскій врачій, получившій отъ Артаксеркса милостивое разрѣшеніе возстановить на царскій счетъ стѣны, врата и зданія святаго города, лежавшія въ развалинахъ со времени разгрома вавилонскаго. Не смотря на происки *амонитянъ, самарянъ, аравитянъ* и другихъ сосѣднихъ языческихъ племенъ, Нэемія, въ пятьдесятъ два дня, возвелъ стѣны, соорудилъ ворота и, возвратясь черезъ двѣнадцать лѣтъ въ Іерусалимъ, довелъ этотъ городъ до высшей степени благолѣпія. Отношенія Артаксеркса къ нему, къ Эздрѣ, въ особенности къ Эсѣири доказываютъ разумную вѣротерпимость царя, даже уваженіе его къ закону моисееву. Подобно тому какъ дочь Фараона египетскаго берегла и воспитала великаго законодателя народа іудейскаго, такъ же точно, язычество инстинктивно щадило ту убогую, подвластную ему окраину Азіи, на которой суждено было впоследствии родиться *Сыну Божію*.

Великодушіе Артаксеркса простиралось, впрочемъ, не на однихъ іудеевъ. Когда въ 430 г. до Р. Х. чума опустошала обширныя его владѣнія, царь пригласилъ въ Персію славнаго *Гиппократа*, предлагая ему за заботы и попеченія о своихъ подданныхъ щедрое вознагражденіе. Гиппократъ, ненавидя персовъ, отвѣчалъ

(¹) Эзры книга II, гл. II, ст. 3 и слѣд.

царю отказомъ, прибавивъ, что въ дарахъ его не нуждается. Артаксерксъ послалъ въ Косъ строгое повелѣніе жителямъ — выдать ему геніальнаго земляка, но и они оставили угрозы его безъ вниманія... И царь персидскій оставилъ въ покоѣ *отца медицины*, уважая его геній; пощадилъ и жителей Коса, безразсудно вичившихся. Черта заслуживающая похвалы болѣе всякой побѣды!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Междоусобія. — Охъ и Согдіанъ. — Задушеніе золою. — Дарій Новакъ. — Киръ младшій. — Артаксерксъ-памятливый. — Обрядъ вѣнчанія на царство. — Доносъ Тиссаферна. — Ссылка Кира. — Его возстаніе. — Греки-наемники. — Битва при Кунаксѣ. — Отступленіе десяти тысячъ грековъ. — Злодѣйства Паризатиды. — Отравленіе Статиры. — Войны съ Аезилаемъ и греками. — Завоеваніе Кипра. — Походъ на кадузійцевъ. — Тирибазъ. — Начало упадка Персіи.

Ксерксъ II послѣ сорока пяти дневнаго царствованія былъ убитъ *Согдіаномъ*, сыномъ одной изъ отцовскихъ наложницъ. Царевѣйца, восшедъ на престолъ (424 г. до Р. Х.), казнилъ *Багоразу*, вѣрнаго внука покойнаго Артаксеркса за то, что тотъ безъ его разрѣшенія возвратился во дворъ, похоронивъ покойнаго и жену его, умершую съ царемъ въ одинъ день. Багоразъ былъ побитъ камнями и смерть его возбудила въ войскахъ живѣйшее негодованіе. Пользуясь этимъ, братъ Согдіана, *Охъ*, сатрапъ Гирканіи, составилъ заговоръ къ его низверженію, заговоръ, къ которому присоединились всѣ военачальники. *Охъ* вѣнчали царской тиарой ⁽¹⁾ и такимъ образомъ, на престолъ пер-

(1) Тиара, китара или кидара, состояла изъ высокой шапки, въ верх-

сидскомъ одновременно явилось два царя. Захвативъ Согдіана Охъ велѣлъ *задушить его золою* ⁽¹⁾, окончательно исхитивъ власть изъ рукъ ея похитителя.

При восшествіи своемъ на престолъ Охъ назвался *Даріемъ*. Къ этому имени историки греческіе присоединяютъ прозвище *Новоса*, т. е. незаконнорожденнаго. Этотъ извергъ со своей женой и вмѣстѣ сестрою — *Паризатидою*, девятнадцать лѣтъ свершили престолъ, первое время усмиряя частые мятежи сатраповъ, удушаль виновныхъ въ золѣ (казнь эта, какъ видно, была его изобрѣтеніе) и довольно успѣшно воюя съ возставшими египтянами. Былъ союзникомъ аеинянъ и спартанцевъ во время междоусобной (еще продолжавшейся) войны пелопонезской. Въ 407 году, по настояніямъ жены, онъ довѣрилъ управленіе всеми сатрапіями Малой Азіи младшему сыну своему *Киру*, который принялъ исключительно сторону спартанцевъ и разыгрывалъ роль самовластнаго царя, на второй годъ своего управленія казнилъ двухъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, единственно за нарушеніе ими ничтожнаго правила придворнаго этикета. Разгнѣванный Дарій отозвалъ его обратно ко двору, куда самоуправецъ прибылъ незадолго до кончины царя. Паразатидѣ удалось вымолить у мужа прощеніе Киру, но напрасны были ея старанія склонить его къ объявленію младшаго сына, помимо старшаго *Арзакъ* — наслѣдникомъ престола. Оставивъ Киру данный ему удѣлъ, и завѣщая престолъ Арзакъ — Дарій умеръ въ Вавилонѣ въ 404 г. до Р. X.

Арзакъ, за удивительную память свою, прозванный *Мнемонъ* (памятливый), наименовался при восшествіи на престолъ *Артаксерксомъ*, въ честь дѣда. Торжественное вѣнчаніе его на царство происходило въ главномъ храмѣ *Парсапада*. По закону, новый царь облачался въ одежды Кира, основателя цар-

---

ней части представлявшей подобіе башни. Двѣ висячія по бокамъ ленты закладывались за уши, третья бѣлая, усыпанная золотыми звѣздами перепоясывала тіару.

(1) Казниаго вталкивали въ комнату до верху наполненную золою и онъ утопалъ въ ней. См. Валерія Максима, кн. IX, гл. 2.

ства, хранившіяся въ храмѣ; потомъ съѣдалъ сушеную смовву, жевалъ листокъ терпентинника (*Pistacia terebinthus* L.) и пилъ смѣсъ уксуса съ молокомъ. Этотъ напитокъ и странныя закуски символически напоминали восходящему на престолъ о томъ, что жизнь царская есть смѣсъ сладости и горечи, веселья и скорби. Въ самую минуту совершенія этого обряда, сатрапъ *Тиссафернъ* подвелъ къ царю мага, воспитателя молодого Кира, обвинявшаго царевича въ умыслѣ на царевубійство въ самомъ храмѣ. Артаксерксъ послалъ за братомъ и велѣлъ его умертвить — но рыдающая Паризатида, загородивъ его своимъ тѣломъ, прикрывъ голову его волнистыми своими косами — съумѣла вымолить ему пощаду — и Артаксерксъ ограничился высылкою брата въ его сатрапію.

Первые годы царствованія Артаксеркса были печально ознаменованы кровавыми раздорами въ его семействѣ, виновницею которыхъ были Статира, жена царя, дочь сатрапа *Идернеса*. Братъ ея *Теритухметъ* женатъ былъ на царской сестрѣ *Аместридѣ* и послѣ смерти отца наследовалъ его сатрапію. Страстно влюбясь въ свою сестру *Роксану*, красавицу собою, отличавшуюся кромѣ того и воинственными наклонностями, *Теритухметъ* задумалъ убить жену. Дарій (это было еще въ его царствованіе), узнавъ объ этомъ, велѣлъ вельможѣ своему *Удіастету* убить своего зятя, что и было исполнено. Сынъ убійцы, *Митрадату*, преданный душою и тѣломъ Теритухмету, собралъ войско и взбунтовался противъ Дарія, но мятежъ былъ скоро усмиренъ. Царица Паризатида велѣла зарыть живыми въ землю: мать Теритухмета, обоихъ его братьевъ и обѣихъ сестеръ; Роксана, по ея повелѣнію была изрѣзана на куски. Дарій хотѣлъ умертвить и Статиру, но Артаксерксъ вымолилъ ей пощаду. Взойдя на престолъ онъ, по ея просьбѣ, велѣлъ вырвать языкъ Удіастету и замучить его въ лютѣйшихъ истязаньяхъ. Сатрапія его была передана Митрадату.

Молодой Киръ, жившій въ Сардасъ, дѣятельно занялся привлеченіемъ на свою сторону многочисленныхъ приверженцевъ, не скупясь при этомъ ни на ласки, ни на подарки. Партія его возрастала съ каждымъ днемъ и кромѣ того, онъ вошелъ въ переписку со спартамцами, предлагая за содѣйствіе ихъ щедрое воз-

награжденіе. Замыслы свои злодѣи маскировали глубочайшей покорностью къ брату. Собравъ, наконецъ, войска, Киръ увѣдомилъ царя, что онъ намѣревается идти съ ними усмирять возстаніе въ Пизидіи. *Тиссафернъ*, проникая цѣль Кира, предостерегалъ Артаксеркса, говоря, что армія его брата, усиленная греческими войсками, слишкомъ велика для войны съ пизидійцами; что Киръ, по наущенію матери, намѣревается свергнуть Артаксеркса съ престола. Упреки, которыми Статира осыпала при этой вѣсти Паризатиду, впоследствии навлекли на царицу мщеніе этой злодѣйки... Между тѣмъ Киръ выступилъ въ походъ со своими многочисленными дружинами единоземцевъ и греческихъ наемщиковъ. Изъ Лидіи переправаясь черезъ рѣку Меандръ, послѣ семидневнаго отдыха въ Фригіи, онъ прибылъ въ Келену — во все продолженіе пути увеличивая свои войска вновь прибывшими греками. Въ Тиріеумѣ киликійскомъ, Киръ дѣлалъ смотръ всей своей пѣхоты (грековъ) и конницы (персовъ) — окончившійся большими маневрами, при которыхъ послѣдніе не на шутку испугались и побѣжали отъ первыхъ. Черезъ три дня Киръ былъ уже въ Иконіумѣ фригійскомъ, откуда прибылъ въ Ликаонію, отдавъ ее на разграбленіе своимъ возлюбленнымъ грекамъ. Войска Артаксеркса, посланные противъ мятежника, настигли его близъ Тарса въ Киликіи, но въ открытый бой не вступали; передовые ихъ отряды были изрублены измѣнниками киликійцами. Въ Тарсѣ, греки, сообщники Кира, заупрямились, не желая идти далѣе; они тронулись въ путь, выторговавъ себѣ прибавку къ наемной цѣнѣ.... Замѣтимъ, что эти торгаши были потомки героевъ *Фермопилъ* и *Саламина!*

Ксенофонтъ въ исторіи своей, шагъ за шагъ и день за день, слѣдитъ за походомъ Кира; свѣденія эти, драгоцѣнныя для военнаго историка, для насъ не имѣютъ никакого интереса. Изъ нихъ явствуетъ только, что Киръ велъ и *проводилъ* своихъ наемщиковъ, всячески задобривая ихъ и, такъ сказать, золотомъ устилая свой путь къ позорной смерти. Царскія войска во время похода Кира по Персіи тоже скитались изъ одной области въ другую и только на берегахъ Евфрата Киръ натолкнулся, наконецъ, на слѣды передовыхъ конныхъ отрядовъ Артаксеркса. Здѣсь,

родственникъ мятежника *Оронтъ*, одинъ изъ его военачальниковъ, задумалъ предать Кира. Выпросивъ у него тысячу конниковъ для преслѣдованія царскихъ передовыхъ отрядовъ, Оронтъ написалъ Артаксерксу, что передается ему. Письмо было перехвачено Киромъ; Оронтъ былъ задержанъ и, отданный подъ судъ семи полководцевъ, единогласно приговоренъ къ смерти. По обычаю персовъ всѣ присутствовашіе, вставъ съ мѣстъ, прикоснулись къ поясу приговореннаго; подчиненные поклонились ему до земли. Затѣмъ Оронта увели въ шатеръ *Арпаната*, начальника тѣлохранителей Кира—и онъ уже оттуда не возвращался и никому не было вѣдомо какого рода смертію погибъ измѣнникъ (1). Войска приблизились къ Вавилону. Число ихъ простиралось до 130,800 человекъ; изъ нихъ персовъ было сто тысячъ. Царскихъ войскъ насчитывали 900,000 конницы и пѣхоты. Рѣшительная битва произошла при *Кунаксѣ*, въ 360 стадіяхъ отъ Вавилона. Дѣло начали греки и взяли верхъ, такъ какъ царская конница оборотила тылъ. *Клеархъ* ударилъ въ лѣвое крыло Артаксеркса вмѣсто нападенія на центръ; но какъ бы то ни было и эти царскія дружины бѣжали. Киръ, завидя царя, бросился на него и ранилъ его въ грудь, но въ ту же минуту самъ былъ пораженъ дротикомъ въ лице. Началась общая, рукопашная схватка, въ которой палъ Киръ со своими приближенными. О смерти его рассказываютъ розно: *Плутархъ* говоритъ, что его убилъ карійскій воинъ, которому за это Артаксерксъ приказалъ постоянно носить впереди войскъ золотого пѣтуха, прикрѣпленнаго къ наконечнику копья; *Ктезій* убійцею Кира называетъ *Митридата*, ударомъ въ високъ свалившаго его съ коня... Кому бы не принадлежала эта незавидная честь, во всякомъ случаѣ, смерть Кира рѣшила битву въ пользу Артаксеркса—и мятежники, еще недавно имѣвшіе перевѣсъ, въ смятеніи бѣжали, оставляя весь свой лагерь во власть побѣдителя. Царь приказалъ евнуху *Меэабату* отрубить голову и правую руку Кира, а лагерь его отдать на разграбленіе своимъ воинамъ. Греки, занявъ сильную позицію, нѣсколько разъ отражали нападеніе войскъ Артаксеркса, которыя, наконецъ, прекратили

(1) Есенофонтъ, Походъ Кира, кн. I. гл. VI §§ 1—11.
Исторія грековъ. Т. III.

атаки, уступая не численности (грековъ было до 30,000), а мужеству и искусству. Такъ окончилась битва, спасшая Артаксерксу его престоль, въ 401 г. до Р. Х. — Современникъ, и одно изъ дѣйствующихъ лицъ этого событія — *Ксенофонтъ*, въ исторіи своей превозноситъ Кира до небесъ и столько же щедрится на похвалы, какъ его герой на подарки, *грекамъ* въ особенности. Эта замѣтка избавляетъ насъ отъ дальнѣйшей критики сказаній греческаго историка. Его похвалы — дѣлають конечно честь его чувствамъ благодарности, но ни на волосъ не приносятъ ея Киру. Современникъ — очевидецъ никогда не можетъ быть безпристрастнымъ историкомъ совершающихся на глазахъ его событій; не современникамъ, но потомству принадлежитъ право произносить свой безапелляціонный приговоръ надъ міровыми событіями и дѣяніями людей, вѣковъ давно минувшихъ.

Считая себя побѣдителями при Кунаксѣ, наемники-греки, сохраняя угрожающую позицію, гордо отвергли предложенія о сдачѣ, сдѣланныя имъ Артаксерксомъ и Тиссаферномъ. Не желая вступать съ ними въ бесполезный бой, царь предложилъ грекамъ идти во свояси, обѣщая дать проводниковъ и припасы. Это предложеніе было принято и Тиссафернъ *ударилъ по рукамъ* съ греческими вождями. Безпокойные гости пустились въ обратный путь, въ сопровожденіи цѣлой персидской арміи, переправились черезъ Тигръ и сдѣлали приваль на берегу Заба. Здѣсь греческій вождь *Клеархъ* поспорилъ съ Тиссаферномъ и задумалъ рѣшить споръ оружіемъ, но вмѣстѣ съ своей дружиной былъ изрубленъ персами, а остальные вожди, за нарушеніе договора, были обезглавлены. Проникая вѣроломство Артаксеркса, греки рѣшили избрать изъ среды своей новыхъ вождей въ замѣну казненныхъ и выборъ ихъ палъ на Ксенофонта. Тотчасъ же по избраніи ему пришлось имѣть схватку съ отрядомъ *Митридата*, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти напавшаго на грековъ. Намѣренія персовъ выказались во всей гнусной наготѣ, — злодѣи, вопреки обѣщанію и договору, хотѣли постепенно истребить союзниковъ Кира. Отразивъ Митридата и отступивъ за Тигръ, греки достигли *Лариссы* и *Меспилы*; здѣсь напали на нихъ войска Тиссаферна, но были отброшены. Такъ, сражаясь съ персами и приверженными имъ племенами, бо-

рясь съ голодомъ, жаждой, зноємъ — а на горахъ Арменіи и съ жестокою стужею, отсунали греки въ числѣ *десяти тысячъ*, напоминая собою льва, травимаго стаей кабановъ. Достигнувъ Синопса, они наконецъ частію переправились въ Гераклію, частію черезъ Вионію прибыли въ Хризополисъ (нынѣшній *Скутари*). Въ Византіи они вступили въ службу еракійскаго царя *Севета*. О дальнѣйшей ихъ участи здѣсь не мѣсто распространяться, такъ какъ *отступленіе 10,000* составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ исторіи Греціи, но не Персіи.

Сраженіе при Кунавсѣ избавило Артаксеркса и отъ брата-мятежника и отъ его союзниковъ. Обрадованный царь озаботился наградами и наказаніями, выказавъ какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, самодурство и лютость истиннаго деспота. Онъ ухитрился даже соединить въ однихъ и тѣхъ же лицахъ награды и казни. Таковъ удѣлъ былъ именно двухъ убійцъ Кира младшаго: карійскаго воина и Митридата. Перваго сначала наградили, а потомъ выдали Паризатидѣ, которая послѣ десятидневной пытки велѣла вырвать ему глаза, а въ заключеніе вливать въ уши расплавленный металлъ. Митридата предали казни корытами за хвастливость своимъ подвигомъ: убивъ Кира, онъ услужилъ Артаксерксу, но навлекъ на себя гнѣвъ Паризатиды; царь — почтительный сынъ, не хотѣлъ огорчить своей достойной матери!

Эта злодѣйка не могла довольствоваться только двумя жертвами; для Паризатиды — чудовища, дышавшаго, такъ сказать, послѣдними вздохами людей, находившаго дикое сладострастіе въ ихъ истязаніяхъ — смерть и муки были насущными потребностями. Ей нужна была жизнь Мезабата, того внуха, который, по приказу царя, отрубилъ руку и голову у убитаго Кира. Чтобы выманить его у Артаксеркса, царица предложила сыну сыграть съ нею въ кости и, умышленно проигравъ ему большую сумму, она ее заплатила. Потомъ, какъ бы досадя на проигрышъ, попросила царя позволить ей отыгратъся, съ тѣмъ, чтобы на конь, вмѣсто денегъ, съ его стороны былъ поставленъ *какой нибудь* внухъ. Съли играть; царица выиграла и потребовала у царя Мезабата. По ея повелѣнію, съ несчастнаго была содрана кожа, тѣло его было распято на трехъ крестахъ, а кожа натянута на вольяхъ...

*

„Стоить жалѣть о дрянномъ старомъ евнухѣ!“ отвѣчала Паризатида царю на его сѣтованія: — „я проиграла тебѣ прошлый разъ тысячу червонцевъ и то не горюю!..“

Возмущенная гнусостями свекрови, Статира, жена Артаксеркса, просила его укротить свою возлюбленную родительницу. Узнавъ объ этомъ, Паризатида примирилась съ невѣсткою, стала осыпать ее всевозможными ласками, угожденіями и... не взирая на все принятія Статирию предосторожности, Паризатида отравила ее за обѣдомъ половиною жареной перепелки, съѣвъ сама безвредно другую половину, такъ какъ ядомъ была обмазана та сторона ножеваго лезвія, которая прикасалась къ долѣ Статире. Подозрѣвая Паризатиду, Артаксерксъ предалъ пыткамъ... не ее, разумѣется, но ея сообщницъ, а любимицу ея *Гинду* велѣлъ казнить, какъ отравительницу. Казнь состояла въ томъ, что голову виновной, положенную на камень, ударами другого камня можжили и плющили до приведенія ее въ безобразную массу костей, мяса, мозговъ и крови. Настоящая же виновница, Паризатида, была сослана въ Вавилонъ, избранный ею же самою мѣстомъ своего изгнанія.

Тиссафернъ былъ награжденъ удѣлами Кира младшаго. Желая увеличить свою сатрапію, онъ сталъ прибирать къ рукамъ и греческія поселенія подъ тѣмъ предлогомъ, что многія изъ нихъ держали сторону мятежниковъ. Въ отвѣтъ на просьбу о помощи, спартанцы послали грекамъ *Оимброн* съ 5,300 войска (399 г. до Р. Х.), которыя, соединясь съ полками Ксенофонта, заняли Пергамъ, Тевранію и Галисарну. Заступившій мѣсто *Оимброна*, *Деркиллитъ*, болѣе хитрый дипломатъ нежели храбрый военачальникъ, велъ не столько войну, сколько переговоры съ персидскими сатрапами, окончившіеся однако освобожденіемъ поселеній и подтвержденіемъ ненарушимости ихъ автономіи. Черезъ три года Артаксерксъ занялся приготовленіями къ морскому походу именно на тѣ же греческія поселенія, въ намѣреніи отнять силою тѣ права, которыми они пользовались по договору. Царь спартанскій *Агезилай* со своимъ флотомъ сдѣлалъ высадку въ Ефесѣ. Тиссафернъ чрезъ пословъ спросилъ его о причинѣ этой высадки и его намѣреніяхъ. „Я прибылъ дать малоазіатскимъ грекамъ ту же свободу, которою пользуются греки европейскіе“, отвѣчалъ Аге-

зилай. Попросивъ непрошеннаго гостя не начинать дѣйствій до полученія отвѣта отъ царя, Тиссафернъ послалъ вѣстниковъ къ Артаксерксу. Послѣдній требовалъ, чтобы Агезилай покинулъ берега Азіи, но тотъ, будто глумясь надъ персами, занялъ Фригію. Весною онъ объявилъ войскамъ, что поведетъ ихъ въ Лидію, что и исполнилъ, одержавъ надъ персами блестящую побѣду на берегахъ Пактола и овладѣвъ ихъ лагеремъ. Тиссафернъ, подозрѣваемый въ измѣнѣ (а главное по проискамъ Паризатиды), былъ обезглавленъ; сатрапія его была отдана *Тиеравстету*. Новый военачальникъ персидскій предложилъ Агезилаю свободу поселеній съ условіемъ, чтобы онъ немедленно удалился, но въ то же время (394 г. до Р. Х.) подкупами старался возстановить европейскихъ грековъ противъ спартанцевъ. Агезилай, разоривъ Фригію, перешелъ въ Пафлагонію; тамошній царь рѣшился вступить съ нимъ въ союзъ, впрочемъ векорѣ нарушенный распрями изъ-за дѣлежа добычи. Приски персидскаго двора и подкупы въ европейской Греціи увѣнчались желаннымъ успѣхомъ: Агезилай былъ отозванъ эфорами изъ Азіи. Пользуясь его отсутствіемъ, Артаксерксъ поручилъ напасть на спартанскій флотъ *Фарнабазу* вмѣстѣ съ афинскимъ вождемъ *Конономъ*. Они одержали верхъ надъ непріятелями у береговъ Каріи и, одушевленные успѣхомъ, пошли походомъ къ берегамъ лакедемонскимъ, произведя тамъ страшныя опустошенія. Кононъ, въ награду за свой братоубійственный союзъ, получилъ отъ персовъ деньги на отстройку и подновленіе укрѣпленій аеинскихъ. Спартанцы протестовали *Тирибазу*, военачальнику Артаксеркса, стараясь привлечь его на свою сторону или, по крайней мѣрѣ, побудить его быть посредникомъ при мирныхъ переговорахъ съ Персіей. Миръ — позорный, унижительный для Спарты — былъ заключенъ: она отступалась отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла малоазіатскихъ поселеній (387 г. до Р. Х.). На слѣдующій годъ Артаксерксъ велъ войну съ *Эвагоромъ*, царемъ кипрскимъ; Оронть, зять царя, предводительствовалъ войсками сухопутными, Тирибазъ — кораблями; союзниками Эвагера были египтяне, карійцы и финиціане. Побѣды персовъ принудили Эвагора согласиться на невыгодный миръ, заключенный въ 385 г. до Р. Х., около этого же времени Тирибазъ, обвиненный Орон-

томъ въ измѣнѣ, былъ заточенъ въ темницу, изъ которой однако же былъ выпущенъ для содѣйствія царю въ его походѣ противъ *кадузійцевъ*. Заведя въ ихъ страну армию изъ 300,000 пѣхоты и 10,000 конницы, Артаксерксъ глупыми распоряженіями едва не довелъ ее до голодной смерти... Тирибазу удалось хитростью склонить къ миру обоихъ царей кадузійскихъ. На обратномъ пути изъ этого похода Артаксерксъ выказалъ много твердости и терпѣнія къ перенесенію трудностей боевой жизни, чему Плутархъ въ исторіи своей крайне удивляется. Безпристрастно судя, можно только сказать, читая про эти подвиги, что Артаксерксъ, весьма плохой царь, могъ бы быть отличнымъ солдатомъ; не *повелывать*, а *повиноваться* созданъ былъ этотъ обладатель древняго міра. По возвращеніи изъ похода, онъ нарядилъ надъ Тирибазомъ третейскій судъ изъ военачальниковъ, извѣстныхъ своей справедливостью и безкорыстіемъ. Впрочемъ, съ несправедливыхъ судей въ древней Персіи сдирали кожу и обивали ею стулья остальныхъ ихъ сотоварищей. Тирибаза обвиняли въ умышленной медленности при мирныхъ переговорахъ съ Эвагоромъ. Обвиняемый защищался самъ; упомянулъ о своихъ заслугахъ, между прочими о спасеніи жизни царю на охотѣ, когда на него напали два льва. Тронутые судьи единодушно объявили ему оправдательный приговоръ, утвержденный Артаксерксомъ. Клеветникъ Оронть былъ вычеркнутъ изъ списковъ друзей царевыхъ.

Въ 377 г. до Р. К. Фарнабазъ и Ификратъ, по повелѣнію Артаксеркса, ходили походомъ въ Египетъ для усмиренія этой мятежной страны. Старанія полководцевъ не увѣнчались успѣхомъ и кромѣ громаднхъ расходовъ походъ этотъ не принесъ Персіи ничего. Вообще въ царствованіе Артаксеркса въ организмѣ этого царства уже обнаруживались признаки близкаго разрушенія; распутство царило при дворѣ, власть царская надъ покоренными народами почти повсюду была расшатана; коварная, предательская дипломатія замѣнила прежнее воинское прямодушіе; потомки сподвижниковъ Кира и Дарія Гистаспа оподлились и опошлились. *Дарій*, старшій сынъ и наслѣдникъ Артаксеркса, возненавидѣлъ отца за то, что тотъ не хотѣлъ уступить ему одну изъ своихъ 360 наложницъ. Надобно замѣтить, что царь увѣнчалъ тiarою

этого самаго сына еще при своей жизни для отклоненія всякихъ распрей между нимъ и его братьями, въ особенности *Охоль* и *Аріаспомъ*. Партіи того и другаго были сильны, но Дарій съ Тирибазомъ составили заговоръ на жизнь Артаксеркса — открытый во время. Тирибазъ былъ убитъ царскими тѣлохранителями, а Дарій по приговору суда зарѣзанъ бритвою палачемъ, или, по другому преданію, изрубленъ рукою родителя. *Охъ*, избавившійся отъ Дарія, прислами своими довель Аріаспа до отравы, а другаго брата *Арсама* — до кинжала убійцы. Отрывъ себя, такимъ образомъ, путь къ престолу, онъ взомель на него послѣ смерти 94-хъ лѣтнаго Артаксеркса въ 361 г. до Р. Х.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Царствованіе Оха. — Мавзолъ и Артемиза. — Чудо свѣта. — Гибельныя послѣдствія кровосмѣшенія. — Паденіе Сидона. — Шокореніе Египта. — Кошунство Оха. — Его убіеніе. — Дарій Кодоманъ. — Появленіе Александра Великаго. — Его побѣды и завоеванія. — Сожженіе Персеполиса. — Смерть Дарія. — Паденіе Персіи. — Казнь Бесса. — Три династіи. — Сассаниды. — Артаксерскъ. — Возрожденіе персидской монархіи.

Десять мѣсяцевъ скрывая отъ народа смерть Артаксеркса, Охъ правилъ его именемъ; потомъ, надежно утвердясъ на престолѣ, провозгласилъ себя царемъ подъ именемъ *Артаксеркса III*. Историки называютъ его жесточайшимъ деспотомъ изъ всей первой династіи Ахеменидовъ, а всѣ они, за исключеніемъ двухъ, трехъ, были какіе-то звѣри въ образѣ человѣческомъ. Охъ, дѣйствительно, въ злодѣйствахъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Онъ казнилъ всѣхъ родственниковъ царскаго дома, всѣхъ, не обращая вниманія ни на полъ, ни на возрастъ. Родную сестру свою *Оху* зарылъ живую въ землю; дядю, съ его сыновьями и внуками въ числѣ ста человѣкъ, велѣлъ раз-

стрѣлять стрѣлами... Сатрапъ Артабазъ, соединясь съ аеинянами подъ начальствомъ *Харета*, попытался возстать на изверга; но аеиняне струсили, отступились и Артабазъ нанялъ еиванцевъ. Съ помощью ихъ онъ одержалъ двѣ побѣды надъ войсками Оха въ 354 г. до Р. Х. Годъ этотъ ознаменованъ былъ еще и смертью правителя (династа) Каріи, *Мавзола*, брата и мужа царицы *Артемизы*, прославившейся своею неутѣшною скорбію о потерѣ своего брата—мужа. Артемиза, имя которой сдѣлалось нарицательнымъ для означенія безутѣшной вдовицы, объявила, что *она сама* (вѣрнѣе ея желудокъ) *будетъ гробомъ незабвеннаго супруга*. Для этого, она ежедневно проглатывала въ питьѣ нѣсколько щепотокъ золы, оставшейся отъ сожженія трупа Мавзола... но, этого мало! Проглотивъ мужа, Артемиза увѣковѣчила его память сооруженіемъ, близъ Галикарнасса, гробницы, подъ именемъ *мавзолея*, причисленной впоследствии къ семи чудесамъ свѣта. Эта Артемиза, *сестра* и *жена* своего *брата*, вызываетъ насъ на слѣдующее размышленіе:

Мы уже говорили въ одной изъ предыдущихъ частей нашего труда (1), что уродство физическое есть непремѣнное слѣдствіе противуестественнаго кровосмѣшенія при брачномъ союзѣ. Въ древней Персіи, со временемъ Камбиза, родные братья женились на родныхъ сестрахъ и, такимъ образомъ, вся первая династія Ахеменидовъ представляла рядъ поколѣній, происшедшихъ отъ кровосмѣсительнаго союза. Физическаго уродства въ нихъ замѣтно не было, но не замѣнялось-ли оно уродствомъ *нравственнымъ*? Всѣ эти персидскіе цари и царицы, сдирающіе кожу съ живыхъ людей, заливающіе имъ уши расплавленнымъ металломъ, удушающіе въ золѣ, избобрѣтающіе лютѣйшія пытки, не служатъ ли живыми доказательствами великой истины, что грѣхъ, т. е. нарушеніе законовъ природы, въ себѣ самомъ носитъ и наказаніе — какъ плодъ носитъ въ себѣ зерно? Донныя изъ всѣхъ народовъ земли, персіяне славятся лютостью и безчеловѣчіемъ. Намъ думается, что причины тому не въ климатическихъ условіяхъ, а въ

(1) См. Буддизмъ Гл. VI стр. 320 и Гл. VII стр. 224—222.

породѣ, въ крови этого племени. Не осмѣливаясь рѣшать вопроса, мы его только ставимъ, ожидая отвѣта отъ современной физиологiи. Догадку нашу мы подтвердимъ еще однимъ примѣромъ изъ древней же греческой исторiи. *Эдипъ*, неумышленно, мужъ родной своей матери *Локасты*; былъ отцомъ *Антигоны* — идеала дочерней любви, *Этеокла* и *Полника*, братьевъ, ненавистниковъ, двухъ Каиновъ. Въ чемъ искать зародыша ихъ ненависти, если не въ крови, не въ чудовищной породѣ людей, доводившихся внуками родной ихъ матери и братьями ихъ отцу!..

Охъ, царствованiе котораго мы теперь обозрѣваемъ—этотъ кровожаднѣйшiй изъ царей персидскихъ, былъ также плодомъ кровосмѣшенiя и самъ—кровосмѣнитель. Относясь къ нему съ этой точки зрѣнiя, мы уже не можемъ удивляться его злодѣйствамъ.

Финикiяне, заключивъ тайный союзъ съ египтянами, возстали на Оха. Храбрость ихъ и единодушiе восторжествовали и персы изъ Финикiи были вытѣснены. Поощренiе примѣромъ финикiянъ, жители Кипра, въ свою очередь, попросили помощи у египтянъ, чтобы свергнуть ненавистное иго. Охъ, принявъ афинянъ, послалъ въ Кипръ многочисленныя войска, а самъ съ 330,000 армiей занялъ границы Финикiи. *Менторъ*—родосскiй, недавнiй союзникъ финикiянъ, предалъ финикiянъ Оху и поступилъ въ его ряды. *Теннъ*, царь Сидона, по совѣту измѣнника—впустилъ Оха съ войсками въ свой городъ. Не желая сдаться врагамъ, сидонцы зажгли городъ и до 40,000 человекъ погибло подъ развалинами. Не имѣя болѣе надобности въ Теннѣ, Охъ казнилъ его, переполнивъ свою казну сокровищами, найденными на развалинахъ Сидона и состоявшими изъ слитковъ, сплавившихся въ огнѣ пожара, золота и серебра. Слѣдствiемъ разоренiя Сидона было покоренiе всей Финикiи и за нею и Кипра. Требованiе Оха при этомъ были довольно умѣренны, такъ какъ вниманiе его было преимущественно обращено на мятежный Египетъ. Увеличивъ свои войска наемными греческими—царь, на первый случай утопилъ большую ихъ часть, попавъ нечаянно на *Сирбонидскiя трясины*... не взирая, однако же, на эту неудачу, армiя Оха дости-

гла Пелузы, защищаемой пятитысячнымъ гарнизономъ и надежными укрѣпленіями. Персы овладѣли ею послѣ непродолжительной осады; овладѣли не съ бою, а благодаря измѣнѣ гарнизона, состоявшаго изъ грековъ, которые въ это время, продавая себя кому угодно, служили и нашимъ и вашимъ. Благодаря ихъ трусости и предательству, почти все города Египта, ими защищаемые, были преданы персамъ. Фараонъ *Нектанибъ* изъ Мемфиса бѣжалъ въ Эіопію и тогда весь Египетъ покорился Оху (350 г. до Р. X.). Злодѣй повсемѣстно разрушилъ укрѣпленія, разграбилъ и освернилъ храмы. Оставивъ покоренную страну на попеченіи сатрапа *Ферендата*, Охъ возвратился въ Вавилонъ, гдѣ съ восторгомъ былъ встрѣченъ народомъ; грекъ *Менторъ* — предатель, злодѣй и достойный елевреть Оха былъ осыпанъ милостями; наемники, получивъ заслуженную цѣну крови, были распущены по домамъ.

Усмиривъ мятежныя области, Охъ, махнувъ рукою на дѣла правленія, довѣрилъ ихъ Ментору и Багоасу, а самъ предался своимъ животнымъ страстямъ и въ 338 году до Р. X. былъ отравленъ евнухомъ Багоасомъ. Уроженецъ Египта, онъ служилъ Оху, въ надеждѣ вымолить у него какія нибудь льготы своей родинѣ, при ея покореніи... но царь персидскій, не довольствуясь грабежемъ, посягнулъ на цѣлость и неприкосновенность и, по примѣру Камбиза, надругаясь надъ религіей, велѣлъ разрѣзать Аписа и мясомъ его подчивалъ своихъ вельможъ. Послѣднее было главной причиной ненависти Багоаса. *Эманъ* говоритъ, что, отравивъ Оха, метильный египтянинъ изрѣзалъ его тѣло на куски и кормилъ ими кошекъ. Все сыновья царя, за исключеніемъ младшаго, *Арзеса*, были перерѣзаны; Арзесъ подвергся этой участи послѣ двухлѣтняго царствованія и на опустѣлый престолъ въ 336 г. до Р. X. былъ возведенъ Багоасомъ — *Дарій Кодоманъ*, правнукъ Дарія Нооса, сатрапъ Арменіи. Этотъ послѣдній царь Персіи — сравнительно лучший изъ всехъ своихъ предшественниковъ, особенно недавнихъ, отравилъ Багоаса, которому былъ обязанъ возведеніемъ своимъ на престолъ, обвиняя его въ покушеніи на свою жизнь... Правъ онъ былъ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ былъ вѣренъ принципу царей персидскихъ, которымъ трупы и чужія головы постоянно

служили ступеньками при ихъ восшествіи на престолъ. Черезъ два года сынъ македонскаго царя Филиппа, великій *Александръ*, явился въ предѣлахъ Азіи съ 30,000 пѣшого и 5000 коннаго войска, но уже не тѣхъ жалкихъ грековъ-торгашей—а героевъ неутомимыхъ и закаленныхъ въ бою. На берегахъ *Граники* произошла первая битва, пошатнувшая престолъ персидскій. Разбивъ на голову царскія войска, Александръ овладѣлъ Сардесомъ, объявилъ жителямъ Лидіи ихъ освобожденіе отъ ига персидскаго и осадилъ Галикарнасъ, защищаемый Мемнономъ, правителемъ всѣхъ малоазіатскихъ сатрапій. Городъ, зажженный ружьями своихъ защитниковъ, сдался побѣдителю, овладѣвшему вскорѣ всей Каріей. Не сознавая въ себѣ достаточно силъ, чтобы вступить съ Александромъ въ честный бой, Дарій задумалъ подослать въ нему отравителя, но умыселъ этотъ рухнулъ; Мемнонь—намѣревавшійся перенести театръ войны въ Македонію, достигъ только Лесбоса, гдѣ и умеръ, начавъ осаду Митилене... Потеря этого опытнаго вождя могла служить Дарію подтвержденіемъ того, что участь его царства уже рѣшена, что пришло время монархіи великаго Кира послужить подножіемъ монархіи другаго величайшаго завоевателя!... Съ быстротою громовой тучи три войска Александра надвигались на владѣнія Дарія, который, взявъ городъ *Иссу*, занятую македонскими госпитальями, перерѣзалъ тамъ всѣхъ больныхъ и раненыхъ и на слѣдующій день приблизился къ рѣкѣ Тинару, черезъ которую переправился и привелъ свои полки въ боевой порядокъ. Сраженіе не замедлило, и результатомъ его было—бѣгство Дарія, совершенное пораженіе его арміи и смерть главнѣйшихъ ея вождей. Александръ, узнавъ, что семейство Дарія оплакиваетъ царя (воображая, что и онъ погибъ при Иссѣ), отправилъ нарочнаго въ Дамаскъ, гдѣ оно содержалось, успокоить царицу и царевенъ съ увѣреніемъ, что въ отношеніи къ нимъ, онъ, Александръ, никогда не нарушитъ должнаго уваженія. Въ *Мараѣ* сирійскомъ побѣдитель принималъ пословъ Дарія съ мирными предложеніями и просьбою возвратить царю плѣнное его семейство. Побѣдитель, отвѣчая отказомъ побѣжденному, напомнилъ ему, что Дарій, какъ рабъ, не имѣетъ права вступать въ переговоры съ Александромъ, своимъ господиномъ. Вслѣдъ затѣмъ

вся Финикия, за исключеніемъ *Тира*, поворилась Македонскому; послѣднимъ городомъ онъ овладѣлъ послѣ семидневной осады. Примѣру Финикіи послѣдовали: вся *Палестина* (за исключеніемъ *Газы* (послѣ двухмѣсячной осады взятой приступомъ) и *Египетъ*, откуда Александръ повелъ свои дружины на берега Тира... Дарій, видя, что всѣ надежды на миръ — тщетны, собралъ ополченіе, до миліона пѣхоты и сорока тысячъ конницы (1), и расположился укрѣпленнымъ лагеремъ близъ *Арбеллъ* на берегахъ Бумода. Здѣсь рѣшилась судьба Персіи: персы бѣжали, покрывъ поле 300,000 труповъ (2) и еще большимъ числомъ раненныхъ и плѣнныхъ; потеря грековъ ограничивалась сотнею воиновъ и тысячею коней (?!!!). Дарій бѣжалъ въ Мидію, а Александръ овладѣлъ Арбеллами, покорилъ Вавилонъ и остановился въ Сузѣ, гдѣ хранились царскія сокровища, награбленныя Ксерксомъ въ Греціи. Изъ Сузы, горами страны Уксійцевъ, македоняне вступили въ Персиду и расположились на зимнихъ квартирахъ въ Персеполисѣ. Здѣсь герой и его сподвижники, вознаграждая себя за всѣ труды и лишенія недавнихъ походовъ и битвъ, предались пьянству и распутству. На одномъ пиршествѣ, наложница Александра, афинянка *Файса*, предложила ему съечь дворець, въ отплату за злодѣйства Ксеркса въ Греціи. Герой — въ эту минуту безобразно пьяный, послѣдовалъ совѣту и своеручно поджегъ жилище царей персидскихъ — въ нѣсколько часовъ обратившееся въ пепель.

Весною Александръ, желая овладѣть Даріемъ, пошелъ въ Мидію къ Экбатанѣ. Первой мыслию царя персидскаго было бѣгство; чувство самолюбія взяло однако верхъ и онъ, въ послѣдній разъ, рѣшился попытаться счастья съ оружіемъ въ рукахъ. Сатрапъ Бактріоны *Бессъ* и приближенный Дарія *Набарзанъ* сговорились выдать его головою побѣдителю, въ случаѣ если тотъ будетъ его преслѣдовать; или умертвивъ царя — овладѣть его полуразрушеннымъ престоломъ. Захвативъ Дарія и оковавъ его золотыми цѣпями, Бессъ повлекъ его за собой въ Бактріану, объа-

(1) *Arrianus*, Походъ Александра кн. III, гл. VIII § 6.

(2) *Онг-же*. кн. III, гл. XV § 6.

вивъ себя главнымъ вождемъ всѣхъ царскихъ войскъ. Александръ, прибывъ въ Экбатану, черезъ пять дней послѣ похищенія Дарія, пустился за нимъ въ погоню. Въ Парсидѣ ему сообщили объ измѣнѣ Бесса, что побудило героя еще болѣе ускорить преслѣдованіе. Онъ ударилъ на полки измѣнниковъ внезапно: Набарзанъ и Бессъ — зарѣзавъ Дарія, бѣжали. Тѣло послѣдняго царя Персіи, по приказанію Александра, было погребено съ подобающими почестями (330 г. до Р. Х.). *Спиоаменъ*, союзникъ Бесса, выдалъ его Македонскому, который, обрѣзавъ ему носъ и уши, препроводилъ его въ *Оксаэрету*, брату убіеннаго царя, предоставляя ему казнить убійцу... Послѣднія строки древнѣйшей кровавой исторіи Персіи — достойны ея начала: *Оксаэретъ* привязалъ Бесса по рукамъ и по ногамъ въ гибкимъ деревьямъ, связаннымъ вершинами и когда съ нихъ были сняты опутывавшія ихъ веревки — Бессъ былъ разорванъ на куски... Съ послѣднимъ своимъ вздохомъ персидскій деспотизмъ завѣщаль потомству лютую казнь четвертованія посредствомъ деревьевъ!..

Черезъ семь лѣтъ послѣ покоренія Персіи Александръ умеръ, завѣщая обладаніе полусвѣтомъ „достоинѣйшему“ и кровавня распри своему семейству. Азіатскія владѣнія, за исключеніемъ части Сиріи, Аравіи и Палестины, достались въ удѣлъ *Селевка-Никатора* (побѣдителя). Династія его, послѣ 56 лѣтняго владычества, была свергнута царемъ Арзакомъ, родоначальникомъ новой династіи — *Арзакидовъ* и основателемъ имперіи Пароянской. Четыреста восемьдесятъ два года существовала имперія и затѣмъ, послѣдній изъ Арзакидовъ, *Артабанъ IV* въ 226 г. по Р. Х. былъ свергнутъ съ престола Артаксерсомъ — основателемъ третьей, знаменитой династіи *Сассанидовъ*, овладѣвшимъ Персією и предоставившимъ Арзакидамъ царство Армянское, гдѣ они владычествовали до половины шестаго вѣка.

Малькольмъ, въ своей исторіи Персіи, называетъ пятивѣковой періодъ царствованія потомковъ Селевка и Арзака — пробѣломъ въ лѣтописяхъ Востока, но это не совсѣмъ справедливо: эти пять вѣковъ — не пробѣлъ, а вѣрнѣе періодъ рѣзни и неурядицы. Длинный списокъ царей, обрызганный кровью, ни одного великаго событія — вотъ все, что мы находимъ въ лѣтописяхъ. Мы упомя-

немъ только объ одномъ царѣ этой династіи, *Хозроль II* (у греческихъ лѣтописцевъ *Вононесъ*) единственно потому, что онъ былъ современникомъ императора римскаго Августа, слѣдовательно и начала Эры христіанской. *Сассаниды* воцарились въ Персіи чрезъ двѣсти двадцать шесть лѣтъ по воплощеніи на землѣ Слова Божія, т. е. уже тогда, когда божественное ученіе евангельское, стараніями апостоловъ, было распространено по Азіи и кровью мучениковъ запечатлѣно въ Европѣ... Приступая теперь къ историческому обзору Персіи и начиная его именно съ этой эпохи, мы будемъ основываться на данныхъ, почерпнутыхъ изъ европейскихъ и восточныхъ лѣтописей.

Артаксересъ или *Артаксерксъ* (*Ардширъ I*), свергнувшій съ престола Артабана IV, былъ сыномъ жены чеботаря, *Пабека*, жителя области Кадузійскаго, кромѣ своего ремесла успѣшно занимавшагося и астрологіей. Однажды, принимая у себя въ домъ персидскаго военачальника *Сассана*, *Пабекъ*, составляя его гороскопъ, увидѣлъ, что у *Сассана* долженъ родиться сынъ, который прославится по всему свѣту. Прорицателю душевно хотѣлось породниться съ отцомъ будущаго героя и, по неимѣнію сестеръ и дочерей, *Пабекъ* предложилъ *Сассану* свою собственную жену. Плодомъ этого возмутительнаго брака былъ *Артаксересъ*. Отцы уговорились, чтобы новорожденный именовался: „сыномъ *Пабека* изъ племени *Сассана*.“ Сынъ двухъ отцовъ выросъ, собралъ дружины, свергнулъ Артабана въ 226 г. по Р. Х. и взомель на престолъ персидскій, принявъ титулъ *царя царей*. Первой мыслію его было — возвратить Персіи ея минувшую славу и воскресить въ своихъ подданныхъ доблести сподвижниковъ *Кира* и *Ксеркса*. Онъ объявилъ войну римлянамъ, властителямъ Азіи и вытѣснилъ ихъ войска изъ областей приевфратскихъ. Императоръ *Александръ Северъ* съ огромною арміею вступилъ въ Месопотамію, но изъ Антіохіи отправилъ къ *Артаксерксу* пословъ для переговоровъ о мирѣ, которые были отвергнуты. Тогда римляне овладѣли Месопотаміей, снова отнятой у нихъ персами по возвращеніи *Александра* въ Европу. Начавъ борьбу, *Артаксерксъ* завѣщаль продолженіе ея своему сыну — *Сапору*.

Независимо отъ воинскихъ подвиговъ, родоначальникъ *Сассани-*

довъ пересмотрѣлъ древніе законы, сдѣлалъ необходимыя исправленія и дополненія; былъ покровителемъ наукъ, искусствъ, торговли, въ особенности-же земледѣлія. Сыну своему онъ уступилъ престолъ свой еще при жизни.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Сапуръ I. — Пророчества астрологовъ. — Царевна-чародѣйка. — Первое появленіе Мани. — Дѣти вдовицы. — Вараранъ II. — Сказанія о Мани. — Казнь его. — Замѣтка о сектѣ манихейцевъ. — Вараранъ III. — Его исправленіе. — Нарсесъ. — Гормиздатъ II. — Казнь царицы. — Тираннія царей. — Сапуръ II. — Борьба съ римлянами. — Походъ Юліана. — Его смерть. — Царь-младенецъ. — Плѣнъ Сапора. — Блѣство. — Перенесеніе столицы. — Артаксерксъ II. — Вараранъ IV. — Издигердетъ I. — Его милости христіанамъ. — Царевичъ и Номакъ. — Крещеніе Номана. — Избраніе Хозрова на царство.

Сапуръ I—Шапуръ ⁽¹⁾ (241 г.) былъ со своими войсками вытѣсненъ изъ Сиріи императоромъ *Гордіаномъ*, вскорѣ умерщвленнымъ *Филлипомъ*, который заключилъ съ Сапуромъ миръ, уступивъ ему Месопотамію и Арменію. Не довольствуясь этимъ, персы продолжали дѣлать набѣги на области римскія и осадили Эдессу. Императоръ *Валеріанъ*, отправившійся въ походъ на персовъ, былъ взятъ въ плѣнъ и Сапуръ, ободренный успѣхомъ, продолжалъ свои набѣги, но былъ разбитъ *Оденатомъ*, царемъ, палмирскимъ, мужемъ знаменитой *Зиновіи*. Принужденный къ

(¹) Второе имя царей то, подъ которымъ они извѣстны въ лѣтописяхъ Востока. Біографія каждого состоитъ изъ повѣствованій европейскихъ и восточныхъ лѣтописцевъ. Сказанія послѣднихъ означены (В. Л.).

отступленію, Сапуръ перерѣзалъ всѣхъ своихъ римскихъ плѣнниковъ, а съ дряхлаго Валеріана, послѣ тяжелыхъ оскорбленій, велѣлъ содрать кожу. Послѣ этихъ гнусностей Сапуръ не ознаменовалъ себя никакими подвигами. Тѣснымъ Оденатомъ и Зиновіей, онъ, послѣ смерти послѣдней, съ трудомъ держался противъ Авреліана.

(В. Л.) Ардширъ при воцареніи своемъ истребилъ всѣхъ членовъ семейства *Ардавана* (Артабана). Причиной этой жестокости было предсказаніе астрологовъ, что царство перейдетъ во власть потомковъ Арзака. Вскорѣ по убіеніи царскаго семейства Ардширъ влюбился въ красавицу рабыню, которая, увѣренная въ любви царя, открыла ему впоследствии, что она изъ племени Арзака. Царь, призвавъ визиря, велѣлъ зарыть ее живую въ землю. Рабыня объявила, что она беременна; визирь, желая спасти мать и будущаго младенца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исполнить царскую волю—скрылъ рабыню въ подземную пещеру и окружилъ ее всевозможнымъ довольствомъ. Этими заботы визиря не ограничились. Во избѣжаніе искушеній любви, которая легко могла пробудиться въ немъ къ рабынѣ, онъ подвергъ себя кастраціи, вручивъ царю на сохраненіе отторгнутыя отъ организма части—въ запечатанномъ ящичкѣ. Черезъ нѣсколько времени подземная узница-раба родила сына, котораго назвала: *Шапуромъ*, т. е. царскимъ сыномъ. Прошло нѣсколько лѣтъ... Однажды заставъ царя въ грустномъ настроеніи духа, визирь спросилъ о причинѣ, и когда царь отвѣчалъ, что причина его скорби—неимѣніе сына и наслѣдника, визирь открылъ ему завѣтную тайну рожденія Шапура, подтвердивъ законность его происхожденія сохраненными у царя доказательствами операціи. Ардширъ, весьма довольный, велѣлъ привести Шапура съ тысячею другихъ, одинаково одѣтыхъ, мальчиковъ и приказалъ имъ всѣмъ играть въ мячики въ большомъ покоѣ, смежномъ, съ его собственнымъ, въ который входъ былъ воспрещенъ подъ смертною казнію. Одинъ изъ мячиковъ закатился въ царскій покой и изъ всѣхъ мальчиковъ одинъ только Шапуръ отважился войти къ отцу—который по этому и призналъ въ немъ свою кровь.

Сдѣлавшись царемъ, Шапуръ прославился побѣдами и завое-

ваніями. Во время продолжительной осады города *Хадхара*, между Тигромъ и Евфратомъ, принадлежавшаго арабскому царю *Манизену*, Шапуръ своею красотою плѣнилъ дочь царя *Назирату*. Она предложила ему научить его способу овладѣть городомъ, съ условіемъ, чтобы онъ взялъ ее въ рабыни своего гарема. Когда Шапуръ далъ ей клятву исполнить ея желаніе, она написала къ нему, чтобы онъ, взявъ голубку съ сизымъ горлышкомъ, на лапкахъ ея, кровью дѣвственницы — начерталъ, по указанію Назираты, таинственныя письма, а послѣ пустилъ птицу на волю. „Башня, на которую сядетъ голубка — обрушится!“ добавила предательница въ своемъ наставленіи Шапуру. Все исполнилось по ея словамъ: двѣ башни рухнули и городъ былъ взятъ. Въ свою очередь, вѣрный своему слову, Шапуръ помѣстилъ чародѣйку Назирату въ свой гаремъ, но потомъ, негодуя на ея неблагодарность къ отцу, велѣлъ ее умертвить, привязавъ за косы къ хвосту дикой лошади.

Овладевъ Хадхаромъ, Шапуръ осадилъ *Низибу*, но городъ этотъ держался крѣпко и царь взялъ его только тогда, когда, по совѣту одного праведника, всѣ воины исповѣдывали грѣхи свои единогласною молитвою. Стѣны города пали сами собою... Вслѣдъ затѣмъ, Шапуръ покорилъ еще многія области, принадлежавшія римлянамъ. Послѣдніе годы его царствованія ознаменованы были появленіемъ лже-пророка *Мани* (1), который, опасаясь гнѣва царскаго, однако же бѣжалъ изъ предѣловъ персидскихъ.

Гормиздатъ — Гормузъ (271 г.). По сказаніямъ восточныхъ лѣтописей славился мужествомъ и мудростью. По матери происходилъ отъ племени царя *Махрека*, со всѣмъ семействомъ истребленнаго Ардширомъ вслѣдствіе пророчества астрологовъ, что изъ племени Махрека родится царь обладатель всего Ирана. Одна изъ царскихъ дочерей спаслась и укрывалась у пастуха, гдѣ встрѣ-

(1) Этотъ Мани никто иной какъ Манесъ, основатель секты манихеевъ, впоследствии преобразованной въ тайное еретическое общество: *сыновой едолицы*, о которомъ мы поговоримъ подробнѣе въ той части нашей исторіи, которая будетъ заключать въ себѣ обзоръ ересей и расколовъ религіи христіанской.

тилъ ее Шапуръ. Повторилась съ нею та же исторія, которая была съ матерью Шапура, за исключеніемъ прятковъ въ подземелье и прочихъ мелодраматическихъ приключеній. Гормузъ, при жизни отца, былъ назначенъ правителемъ Хорасана, гдѣ оклеветанный завистниками въ покушеніи на отцеубійство—отрубилъ себѣ правую руку и послалъ ее царю вмѣсто всякаго оправданія, написавъ отцу, что теперь лишается всякаго права на наслѣдіе. Шапуръ, глубоко тронутый, отвѣчалъ ему: „хотя бы ты *всего себя* изрѣзалъ на куски (?!), все же ты, а не другой кто—будешь моимъ наслѣдникомъ!“ Царствовалъ Гормузъ только два года, оставивъ по себѣ память царя справедливаго и великодушнаго.

По этому образчику лѣтописей персидскихъ, читатель можетъ судить о народномъ характерѣ персовъ: у нихъ что ни царь, то и герой. Могло ли быть иначе въ странѣ деспотизма; да и кто кромя льстиваго раба можетъ быть лѣтописцемъ деспота и тирана? Сравните китайцевъ и ихъ судъ исторіи со сказаніями персидскихъ лѣтописцевъ...

Вараранъ II—Бахрамъ (273 г.). Устрашенный вторженіемъ войскъ императора *Проба*, заключилъ миръ съ римлянами, но пользуясь смутнымъ временемъ и усобицами въ имперіи, занялся укрѣпленіемъ границъ и наборомъ войска, готовясь къ набѣгу на римскія области. Появленіе *Диоклетіана* въ Арменіи удержало воинственные порывы Варарана, вскорѣ умершаго.

(В. Л.) Олицетворенная кротость, царь, обожаемый всѣми своими подданными. При немъ произошла казнь *Мани*. Человѣкъ этотъ, обладавшій удивительнымъ талантомъ въ живописи, прославился какъ художникъ не только въ Персіи, но даже въ Индіи и въ Китаѣ. Потомъ, разглашая о ниспосланномъ ему свыше дарѣ пророчества, Мани написалъ книгу, будто ниспешую къ нему съ небесъ. Скитаясь по царству, онъ случайно нашелъ пещеру, чрезъ которую узкимъ проходомъ можно было проникнуть на прелестную плодоносную долину съ журчащими ручейками свѣжей воды. Мани перенесъ въ эту пещеру всѣ свои книги, письменныя принадлежности и запасы продовольствія на цѣлый годъ; затѣмъ, собравъ учениковъ, объявлялъ имъ, что Богъ желаетъ восхитить его на небо, откуда онъ возвратится чрезъ годъ и

принесетъ людямъ откровеніе божественныхъ тайнъ. Сказавъ это ученикамъ, Мани скрылся въ пещеру, гдѣ занялся рѣзьбою чудныхъ рисунковъ на доскѣ (которую назвали впоследствии *Эртенки-Мани*) — а по минованіи годичнаго срока показалъ эту доску (она же его книга) ученикамъ. Искусная работа обманщика соблазнила многихъ, которые и перешли въ его вѣроисповѣданіе. Ободренный первымъ успѣхомъ, Мани дерзнулъ явиться къ царю Бахраму, предлагая ему послѣдовать новому ученію. Бахраму сначала понравились наставленія Мани, но потомъ онъ приказалъ магамъ и ученымъ людямъ диспутировать съ преобразователемъ... Ученые его загоняли, уличили въ безбожій и требовали, чтобы онъ отрекся отъ своего ученія и послѣдовалъ религіи маговъ; Мани упорствовалъ и тогда царь велѣлъ содрать съ него кожу и повѣсить ее на воротахъ города Джонджишапура (1).

Бахрамъ царствовалъ три года и три мѣсяца и заслужилъ прозвище *шахиндеха* (благодѣтеля). Онъ очень любилъ лошадей и славился познаніями ветеринарной медицины. Одною изъ любимѣйшихъ его поговорокъ была слѣдующая: „вѣтъ радости

---

(1) По сказаніямъ греческихъ лѣтописей Манесъ былъ казненъ при царѣ Сапорѣ и не за религиозныя свои убѣжденія, а за то, что не вылечилъ его сына, за выздоровленіе котораго ручался головой. Маги, ненавистники Манеса, тайно отравили царевича и Сапоръ велѣлъ содрать кожу съ несчастнаго врача. Эта казнь совершалась въ Персіи посредствомъ тростинокъ, которыя засовывали подъ кожу чрезъ надрѣзы и, такимъ образомъ, отдирали наружные покровы. Тѣло Манеса было выдано для погребенія его ученикамъ, которые, въ память страдальческой кончины ересіарха, установили праздникъ, при которомъ всѣ присутствовавшіе въ молельні стояли съ зажженными свѣчами и тростниковыми стеблями въ рукахъ. По срединѣ молельни ставили гробницу съ живописнымъ изображеніемъ мертвеца, съ котораго содрана кожа. Праздникъ этотъ у манихейцевъ бывалъ въ августѣ мѣсяцѣ, соблюдался послѣдователями этого ученія въ средніе вѣка, соблюдается и донинѣ, такъ какъ секта Манеса донинѣ существуетъ и слѣды ея догматовъ встрѣчаются даже между нѣкоторыми изъ нашихъ раскольничьихъ толковъ. Абатъ Баррюэль, въ своихъ письмахъ о якобинизмѣ, совершенно ошибочно смѣшиваетъ манихейцевъ съ масонами.

безъ спокойствія души; нѣтъ истиннаго удовольствія безъ здоровья!“

Вараранъ III (1), *Бахрамъ II* (276 г.). Въ началѣ царствованія угнеталъ народъ и вельможъ, вслѣдствіе чего составилъ обширный заговоръ къ его низложенію. *Мобедъ мобедовъ* (верховный жрецъ закона Зороастра) упросилъ заговорщиковъ до времени отложить исполненіе ихъ умысла и совершенно покинуть царя, оставивъ его безъ прислуги. На слѣдующій же день дворецъ царскій опустѣлъ и царь тщетно звалъ къ себѣ прислужниковъ. Въмѣсто нихъ явился мобедъ мобедовъ, но на всѣ разспросы отвѣчалъ царю молчаніемъ. Выведенный изъ терпѣнія, Бахрамъ замѣтилъ ему, что онъ ведетъ себя какъ матежникъ. Тогда мобедъ мобедовъ, испросивъ позволеніе говорить откровенно, отвѣчалъ царю: — „Съ удивленіемъ смотрю я на благородныя черты лица твоего и на то возмутительное поведеніе, къ которому подстрекаетъ тебя духъ злобы. Это поведеніе побудило твоихъ подданныхъ выйдти изъ повиновенія тебѣ. Предшественники твои держались на престолѣ единственно благодаря своей мудрости и благоразумію!“ Тронутый Бахрамъ далъ слово исправиться (2) и, разумѣется, исправился и сталъ чуть не ангеломъ во плоти. Онъ оставилъ по себѣ двухъ сыновей, *Нарсета* и *Бахрама*.

Нарсетъ — Нарси (294 г.) — въ одной изъ битвъ былъ разбитъ *Діоклетіаномъ* и вынужденъ къ постыдному миру съ римлянами. Восточныя лѣтописи даютъ ему прозвище *Нахдіуръ-хана*, т. е. воителя съ дикими звѣрами, намекая на его страсть къ охотѣ.

Горлиздатъ II — Гормузъ (302 г.) только тѣмъ и прославился, что былъ отцемъ *Сапора II*, одного изъ величайшихъ царей династіи Сассанидовъ. По словамъ восточныхъ лѣтописцевъ, онъ былъ женатъ на дочери бабульскаго царя, которая однако же не позволяла ему пользоваться супружескими правами. На вопросъ визирю, чему подлежитъ царица за свое неповинове-

(1) По греческимъ лѣтописямъ годъ его воцаренія 293.

(2) Сцена нашего Ивана IV съ Сильвестромъ — повтореніе этой сцены. Ничто не ново подъ луною!

ніе, сынъ визиря, исправлявшій его должность, отвѣчалъ: — смертной казни. Гормузь, послѣ тщетныхъ убѣжденій жены, приговоривъ ее къ смерти, чрезъ нѣсколько времени спросилъ у визиря, какому наказанію подлежитъ убійца *невиннаго* существа? Получивъ въ отвѣтъ: — „казни“, царь велѣлъ прѣсѣчь его сына. Отецъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ только: — „что я могу отвѣчать царю моему? Противиться его велѣніямъ я не смѣю ни въ здѣшней жизни, ни *въ будущей!*“ За эти слова (т. е. за эту подлость) царь возвысилъ визиря на *высочайшую* степень славы и почета...

Какъ быть! Въ это время въ Персіи отецъ-дѣтоубійца, въ угоду царю, почитался идеаломъ вѣрноподданничества... Хороши подданные, такъ дико понимающіе свои обязанности къ царямъ, да хороши и цари, вмѣняющіе въ обязанность своимъ подданнымъ забвеніе законовъ божіихъ и заглушеніе голоса природы, голоса, которому послушны самыя скоты... Впрочемъ, надобно же человѣку чѣмъ нибудь и отличатся отъ скота!

Сапоръ II—Шануръ-Дхулактабъ (310 г.). При вступленіи на престолъ рѣшился отторгнуть отъ римской державы всѣ области, принадлежавшія древнимъ царямъ персидскимъ. Сознавая, что его войска не достаточно сильны для борьбы со всемірными властителями, онъ собралъ ополченіе изъ сосѣднихъ племенъ. Ревностный поклонникъ религіи маговъ, онъ *преслѣдовалъ христіанъ* въ своихъ владѣніяхъ и, только благодаря внимательству императора *Константина*, прекратилъ свои гоненія. Эта уступка не помѣшала, однако, персидскому царю, вести ожесточенныя и, большею частію, безуспѣшныя войны съ восточной римской имперіей. Одинъ изъ военачальниковъ Констанса, *Антонинъ*, бѣжалъ ко двору Сапора и совѣтами своими успѣлъ склонить царя идти въ походъ къ берегамъ Евфрата для занятія Сиріи. Сапоръ овладѣлъ Амидою послѣ семидесятитрехдневной осады и, умертвивъ тамошній гарнизонъ, разрушилъ Сингару месопотамійскую и занялъ многіе города. Констансъ, перешедшій Евфратъ, не въ состояніи былъ отнять у Сапора города Безабду и, за дурнымъ осеннимъ временемъ и по недостатку припасовъ, вынужденъ былъ перезимовать въ Сиріи. Военныя дѣйствія возоб-

новились лѣтомъ, съ воцареніемъ въ римской имперіи знаменитаго императора *Юліана*. Занявъ Ассирію, онъ приступилъ къ осадѣ Ктезифона, не взирая на всѣ возраженія своихъ сподвижниковъ. Въ то же время, желая усилить войска присоединеніемъ къ нимъ моряковъ, Юліанъ сжегъ всѣ свои корабли на Тигрѣ. Недостатокъ жизненныхъ припасовъ вскорѣ побудилъ Юліана отступить къ *Кордуэни*; причемъ римляне много потерпѣли и отъ голоду и отъ нападеній персовъ. Въ *Марантъ* они натолкнулись на весьма значительный корпусъ пѣхоты и конницы, предводимый Мереномъ, военачальникомъ Сапора. По разсказамъ *Амміана Марцеллина*, войска персидскія были превосходно вооружены длинными копьями и тростниковыми стрѣлами, а головы и лица воиновъ были покрыты мѣдными шлемами наподобіе череповъ, съ отверстіями для глазъ и ушей. Римляне первые начали атаку и персы уступили дружному ихъ натиску; послѣ трехдневнаго перерыва была новая битва, въ которой Юліанъ былъ раненъ на смерть дротикомъ, брошеннымъ рукою какого-то таинственнаго всадника ('). *Ювіанъ*, избранный въ императоры римскими легионами, успѣшилъ заключить миръ съ Сапоровъ, уступивъ ему пять областей съ городами Низибою и Синіарою. Успѣшно окончивъ войны съ римлянами, Сапоръ ходилъ походомъ въ Татарію и Индію; а послѣ смерти Ювіана, вопреки данному слову, вторгнулся въ Арменію, гдѣ убилъ царя Арзака. Появленіе сильнаго римскаго корпуса принудило его отступить и возвратиться въ Персію, гдѣ онъ незадолго до кончины перенесъ престолъ царей персидскихъ въ *Ктезифонъ*, древнюю столицу государей парянскихъ.

(В. Л.). Таеъ какъ Гормузъ не оставилъ по себѣ наследника, то царедворцы спросили у женъ его гарема: нѣтъ ли между ними беременной? и когда одна изъ нихъ объявила, что она беременна и по всѣмъ признакамъ непременно мальчикомъ; тогда царедворцы осѣнили царскою тиарою ея утробу и воздали ей (т. е. утробѣ) всѣ почести, подобающія царю. Младенца, созрѣвшаго и родившагося, таимъ образомъ, подъ сѣнію царской шапки,

(') По христіанскимъ легендамъ это былъ св. Меркурій.

назвали *Шапуромъ*. Пользуясь его малолѣтствомъ, аравитяне, турки и римляне овладѣли многими областями царства; но младенецъ, разумный не по лѣтамъ, подавалъ блестящія надежды, что отниметь у враговъ владѣнія свои съ лихвою. Семи лѣтъ онъ уже отлично ѣздилъ верхомъ; восьми — написалъ законы, до образа правленія относящіяся; шестнадцати, предводительствуя войсками, одержалъ побѣду надъ аравитянами и изгналъ ихъ за предѣлы Тигра и Евфрата. Такъ какъ усталые воины не имѣли силъ убивать плѣнныхъ, то Шапуръ велѣлъ, прокалывая имъ плечи, низывать ихъ такимъ образомъ на веревки и вести за собою: за это дано ему было прозвище *дхулактафа*, т. е. плечеваго. Побѣдивъ аравитянъ, Шапуръ пошелъ войной на римлянъ и, оставивъ на границѣ свои войска, переодѣтый пробрался въ Константинополь, желая повывѣдать все что нужно было ему знать о состояніи двора и непріятельскаго войска. Не задолго передъ этимъ римскій императоръ велѣлъ списать портретъ съ Шапура и украсить его изображеніемъ блюда и чаши своего стола. Царь персидскій пришелъ въ Константинополь и попалъ во дворецъ какъ разъ во время пиршества, на которомъ по портретамъ его узнали и захватили въ плѣнъ. Императоръ велѣлъ зашить Шапура въ свѣжую бычачью шкуру, въ которой царь персидскій пробылъ цѣлый годъ. По прошествіи этого времени императоръ, отправляясь въ походъ въ Персію, велѣлъ воинамъ своимъ взять съ собою и плѣнника, нагрузивъ его какъ обозную лошадь. Въ Персіи Шапуру удалось бѣжать изъ римскаго лагеря и, въ свою очередь, взять императора въ плѣнъ, въ которомъ послѣдній пробылъ только во все продолженіе исправленія городовъ, опустошенныхъ римлянами, а послѣ того былъ выпущенъ на волю. Нѣкоторые рассказываютъ, будто Шапуръ предъ освобожденіемъ императора велѣлъ обрубить ему ноги, проколоть ноздри и прoderнуть сквозь нихъ уздечку. Римляне, соединясь съ аравитянами въ числѣ 170,000 всадниковъ, вторглись въ Персію; но Шапуръ, занявъ свои войсками римскую имперію, принудилъ императора Константина къ миру. Шапуръ перенесъ царскую свою резиденцію въ городъ *Мадаинъ*, вскорѣ заселенный богатѣйшими купцами и знатнѣйшими сановниками.

Артаксеркс II—Ардширз (380 г.) три года был правителем царства и попечителем своего племянника, которому передал власть, не желая опозорить себя похищением престола.

Сапорз—Шапурз III (383 г.). Лѣтописи греческія не говорятъ о немъ ничего, за то восточныя осыпаютъ похвалами, между прочимъ за то, что онъ былъ врагомъ роскоши и жилъ постоянно въ простомъ шатрѣ. Эта привычка была причиною его смерти: вихрь опрокинулъ однажды шатеръ и царь былъ убитъ на повалъ упавшей на его голову подпоркой.

Вараранз IV—Бахрамз (388 г.). Царствовалъ, по выраженію лѣтописцевъ „безукоризненно“, что не помѣшало ему однако же быть убитымъ стрѣлою во время мятежа войскъ.

Издигердетз I—Издигердз-алатхимз (400 г.). Честный и вѣрный союзникъ восточныхъ императоровъ, попечитель *Теодосія II*, довѣреннаго ему императоромъ *Аркадіемз*. Сначала *Издигердетз* былъ гонителемъ христіанъ, но по внушеніямъ епископа *Маравата*, посланника *Теодосія*, сдѣлался впоследствии покровителемъ, разрѣшивъ христіанамъ (не взирая на происки маговъ) безпрепятственно строить свои храмы по всеѣмъ областямъ персидской монархіи. Вотъ, вѣроятно, причина, по которой восточныя лѣтописцы, давая ему прозвище *несправедливаго* (алатхимз), отзываются о немъ не всеѣмъ благосклонно. По ихъ словамъ, царь этотъ, мудрый на словахъ, былъ жестокъ на дѣлѣ; грабилъ вельможъ, угнеталъ народъ и войска; надругался надъ законами божескими и человѣческими... Музыка и веселая застольная бесѣда заглушали въ немъ голосъ совѣсти и гасили малѣйшіе проблески чувствъ справедливости. Сыновья у него были не живучіе, они все умирали въ малолѣтствѣ и только одинъ — *Бахрамз* подалъ, наконецъ, надежду на жизнь болѣе продолжительную. Царь приказалъ астрологамъ составить его гороскопъ и тѣ отвѣчали, что сынъ его *Бахрамз* будетъ долголѣтенъ и счастливъ и одѣленъ всеѣми благами тѣлесными и душевными, если только царь отдастъ его на воспитаніе въ чужую землю. Выборъ палъ на область *Джезире*, управляемую аравитяниномъ *Номаномз*, которому царь довѣрилъ воспитаніе царевича. Три избранныя *Номаномз* кормилицы питали *Бахрама* чистымъ здоровымъ молокомъ,

благорастворенный воздух укрѣплялъ и развивалъ организмъ младенца одновременно съ умственнымъ его развитіемъ, подъ надзоромъ Номана... Къ сожалѣнію, царевичъ вскорѣ лишился своего мудраго наставника. Номанъ поклонялся идоломъ, но при немъ, въ качествѣ визиря, служилъ христіанинъ. Однажды въ ясный весенній день, бесѣдуя съ Номаномъ о красотахъ природы, послѣдній замѣтилъ, что всѣ онѣ конечны и скоропреходящи. „Да развѣ есть страна вѣчной весны? спросилъ Номанъ.— „Есть! отвѣчала визирь:—это страна, въ которой сады милосердія Божія и райскіе вертоградъ. Чтобы попасть въ нее, нужно только познание истинной вѣры и повиновеніе закону Бога, который весь есть Любовь и Милосердіе!“ Пораженный этими словами, Номанъ немедленно крестился, покинулъ царство, семью, всѣ свои сокровища и удалился въ пустыню. Воспитаніемъ царевича Бахрама занялся сынъ и преемникъ Номана, *Мондаргъ*, человѣкъ образованія высокаго. Царевичъ, достигшій уже лѣтъ юности, мирно проводилъ время, посвящая его наукамъ, музыкѣ и охотѣ—какъ внезапно дошедшая до него вѣсть о кончинѣ отца его, царя *Іздгерда*, и о занятіи престола однимъ изъ потомковъ *Ардшира Хозровомъ (Кесра, у аравитянъ)* вызвала Бахрама изъ мирнаго уединенія. Онъ собралъ войска и пошелъ отнимать у самозванца законное свое наслѣдіе. О смерти-же *Іздгерда* повѣствуютъ, будто она была справедливымъ возмездіемъ божіимъ за всѣ его злодѣянія. Въ дворъ царскаго жилища невѣдомо откуда забѣжала дикая лошадь, которую царь велѣлъ осѣдлать, что было невозможно, такъ какъ она страшно лягала и кусала конюховъ. Смѣясь ихъ неумѣнью, царь взялся самъ укротить ее и дѣйствительно лошадь смирилась при его приближеніи... но, какъ только царь хотѣлъ накинуть на лошадь сѣдло, она ударомъ копыта повергла его мертвымъ на землю. Народъ и войска до такой степени обрадованы были смертію *Іздгерда*, что благодарили Бога въ храмахъ и одѣляли нищихъ щедрыми милостынями—вмѣстѣ съ тѣмъ будучи увѣрены, что Бахрамъ похожъ на своего отца, избрали царемъ *Хозрова*.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вараранъ V. — Епископъ Акакій. — Сказки о Бахрамъ. — Битва со слономъ. — Издигердетъ II. — Раздѣлъ Арменіи. — Перозесъ. — Мачи. — Чудная жемчужина. — Баласъ. — Кобадетъ. — Замокъ забвенія. — Быство царя. — Осада и взятіе Амиды. — Столкновение съ христіаниномъ. — Гунны. — Казнь Сеозета и ея причины. — Войны съ Юстиніаномъ. — Велисарій. — Пророкъ Маздакъ. — Его хитрости. — Негодование вельможъ. — Заточеніе и освобожденіе царя. — Сущность ученія Маздака. — Преобразователи религій вообще. — Предшественники исламизма.

Вараранъ V ⁽¹⁾ *Бахрамуръ* (425 г.). Началь свое царствованіе *гоненіемъ на христіанъ*. Тысячи семействъ бѣжали изъ Персіи въ области, принадлежавшія имперіи римской; маги, для удержанія бѣглецовъ, разставили войска на вѣсѣхъ границахъ, но эта мѣра, къ счастью для христіанъ, оказалась поздною. Вараранъ требовалъ у Θεодосія II выдачи переселенцевъ, на что императоръ отвѣчалъ отказомъ; тогда взбѣшенный царь удержалъ въ качествѣ заложниковъ горнорабочихъ, присланныхъ ему Θεодосіемъ и ограбилъ римлянъ, проживавшихъ въ предѣлахъ Персіи. Неминуемымъ слѣдствіемъ этого грубаго насилія и неуваженія къ международнымъ правамъ была война. Начало дѣйствій было неблагоприятно для персовъ: войска ихъ были разбиты и военачальникъ царя *Нарзетъ*, тѣснимый римлянами, вынужденъ былъ запереться въ Низибѣ и выдержать тѣсную осаду, отъ которой его избавилъ Вараранъ. На слѣдующій годъ (422 г.) при одной изъ стычекъ съ римскими войсками, персидскій богатырь вызвалъ римлянина *Ареобинда* на поединокъ, предлагая этимъ путемъ рѣшить предстоявшее сраженіе. Ареобиндъ убитъ богатыря и вся персидская армія вслѣдъ затѣмъ была разбита на голову. Не смотря на перевѣсъ, Θεодосій, сознавая всю невыгоду веденія войны въ предѣлахъ Персіи, предложилъ Варарану миръ, на который тотъ было и согласился, но отборная его гвардія, без-

⁽¹⁾ По греческ. лѣтописямъ 421 г.

смертные (эти янычары царей персидскихъ), принудили его продолжать военныя дѣйствія, обѣщая истребить римлянъ... Истреблены были однако же не римляне, а сами *безсмертные*. Эта неудача смирила Варарана: онъ заключилъ миръ на *сто мьтъ*, съ условіемъ не угнетать христіанъ и предоставить имъ полную свободу вѣроисповѣданія. Условіе это вскорѣ было нарушено царемъ персидскимъ, котораго однако же принудили къ соблюденію его, не вооруженныя войска, не грубая сила, а кротость и подвиги милосердія смиреннаго служителя церкви. Римляне, занявъ область Арзанену, захватили въ плѣнъ многихъ жителей-язычниковъ для прислуживанія себѣ на походѣ. По окончаніи войны семь тысячъ этихъ несчастныхъ были оставлены въ тяжомъ плѣну въ городѣ Амидѣ. Епископъ *Акакій* продалъ всѣ церковныя облаченія, даже сосуды и, выкупая на эти деньги плѣнниковъ, одѣлялъ ихъ одеждою, продовольствіемъ и возвращалъ на родину. Тронутый этими подвигами христіанина, избавителя язычниковъ — Вараранъ вызвалъ Акакія къ своему двору, осыпалъ ласками, милостями и въ угоду ему далъ многія льготы христіанамъ. Много вредили еще при этомъ, благимъ видамъ царя, происки маговъ, ненавистниковъ ученія евангельскаго. Мирнаго своего договора съ Восточной имперіей Вараранъ не нарушалъ до самой своей смерти.

(В. Л.) Появленіе *Бахрама*, съ огромными силами въ предѣлахъ Персіи, распространило повсемѣстно смятеніе и ужась. Послѣ долгихъ переговоровъ между приверженцами царя Хозрова и Бахрамомъ — порѣшили тѣмъ, чтобы царская тиара досталась тому изъ двухъ истцовъ, который возьметъ ее, положенную между двумя голодными львами. Хозровъ отступился отъ этого опаснаго опыта, но Бахрамъ, вспрыгнувъ на спину одного льва, оглушилъ его ударомъ камня; потомъ, схвативъ за ухо другаго льва, сталъ бить его головой объ голову перваго, до тѣхъ поръ, покуда не разможилъ череповъ тому и другому. Хозровъ и весь народъ персидскій безпрекословно покорились герою.

Бахрамъ, при восшествіи, получилъ прозвище *гура*, т. е. диваго осла. Этотъ странный эпитетъ данъ былъ ему за то, что однажды на охотѣ онъ одной стрѣлой пробилъ на вылетъ льва и диваго осла, у котораго тотъ сидѣлъ на хребтѣ. Мудрый, справе-

дливый, просвѣщенный Бахрамъ, по словамъ лѣтописца *Миркхон-да* „съ корнемъ вырвалъ дерево тиранства и на мѣстѣ его насадилъ кустарникъ правосудія!“ Царствованіе его было золотымъ вѣкомъ для Персіи. Однажды, въ праздничный день, въ одной изъ областей Сиріи царь увидѣлъ, что жители пляшутъ безъ музыки. Узнавъ, что нельзя было ни откуда достать музыкантовъ, Бахрамъ выписалъ изъ Индіи 12,000 музыкантовъ и плясунновъ, которыхъ разослалъ по всѣмъ областямъ своего царства. Эти выходцы были родоначальниками персидскихъ шутовъ и скомороховъ. Кротость, миролюбіе и праздность Бахрама внушили сосѣднимъ царямъ мысль отнять у него нѣкоторыя страны обширнаго его царства. Царь китайскій вторгся въ Хорасанъ. На всѣ просьбы подданныхъ вести ихъ на иноплеменика, Бахрамъ отвѣчалъ, что все свое упованіе возлагаетъ на милосердіе божіе, которое не допустить Персію до конечной гибели. Вельможи, слушая эти рѣчи, вообразили, что царь струсилъ или помѣшался. Какъ бы въ подтвержденіе послѣдняго предположенія, Бахрамъ, поручивъ управленіе царствомъ брату своему Нарси, отправился съ семью товарищами и свитой изъ трехсотъ воиновъ на охоту, ведя за собою на сворахъ дрессированныхъ пантеръ и охотныхъ соколовъ. Правитель и вельможи вступили было въ переговоры съ китайцами, какъ царь, изъ Азербиджана пробравшійся въ Армению и усилившій тамъ свою свиту тысячею воиновъ—внезапно ударилъ на лагерь китайцевъ, разбилъ ихъ (25,000 человекъ) и прогналъ за рѣку Джихунъ. Къ этой сказкѣ есть вариантъ. Нѣкоторые лѣтописцы, вмѣсто китайцевъ, называютъ *мурокъ*, разбитыхъ Бахрамомъ и обращенныхъ въ бѣгство вслѣдствіе паническаго страха, нагнаннаго на нихъ грохотомъ 7000 надутыхъ и набитыхъ камешками бычачьихъ шкуръ, привязанныхъ къ лошадямъ, пущеннымъ ночью на непріятельскій лагерь. Которое изъ двухъ сказаній нелѣпнѣе—рѣшить этотъ вопросъ предоставляемъ читателямъ.

Избавивъ Персію отъ враговъ, Бахрамъ отправился въ Индію, желая просвѣтиться и повидать всѣ диковинки этой чудесной страны. Здѣсь онъ удивлялъ всѣхъ своимъ искусствомъ въ наѣздничествѣ и стрѣльбѣ; слухи о немъ дошли вкорѣ и до царя индійскаго. Черезъ нѣсколько дней, въ окрестностяхъ столицы цар-

ства, появился чудовищной величины слонъ, отъ котораго не было проходу ни звѣрямъ, ни людямъ; тѣхъ и другихъ слонъ раздиралъ на части своими клыками. Не могли съ нимъ справиться даже войска индійскія и дошло, наконецъ, дѣло до того, что между столицею и другими городами пресѣклось сообщеніе... Бахрамъ рѣшился избавить страну отъ этого чудовища. Онъ отправился въ лѣсъ, гдѣ и встрѣтилъ слона: тотъ хотѣлъ ринуться на храбреца, но Бахрамъ пустилъ ему въ лобъ стрѣлу-каленую, спрыгнулъ съ коня, ухватилъ слона за хоботъ... слонъ упалъ на колѣни, а Бахрамъ отсѣкъ ему голову мечемъ булатнымъ, вскинулъ отсѣченную голову на плечо, выѣхалъ изъ лѣсу и бросилъ ее на большую дорогу. — Царь, узнавъ о подвигахъ иноземца, призвалъ его къ себѣ, спросилъ кто онъ такой, но Бахрамъ царемъ не назвался, а выдалъ себя за бѣглеца изъ Персіи. Это не помѣшало ему сдѣлаться первымъ другомъ царя индійскаго.

Затѣмъ сосѣдніе народы объявили индійскому царю войну; онъ хотѣлъ мириться, но Бахрамъ присовѣтовалъ воевать и самъ вступилъ въ ряды индійскаго войска: куда пустить стрѣлу—тамъ непріятель падалъ, гдѣ махнетъ мечемъ—перерубитъ человѣка пополамъ. Устрашенные враги бѣжали, а царь индійскій въ восторгѣ предложилъ Бахраму свою дочь въ жены, а съ нею и все свое царство. Тогда персидскій царь открылся кто онъ, на царской дочери женился, подаривъ тестю нѣсколько пограничныхъ областей... Мы, однако, удовольствуемся этими разсказами, иначе читателю покажется, что вмѣсто лѣтописей, его забавляютъ выписками изъ *Тысячи одной ночи!* Изъ всего, о чемъ еще слѣдуетъ упомянуть, скажемъ, что визирь Бахрама *Михиръ-Насри*, сложивъ свое званіе, посвятилъ себя на служеніе Богу, удалясь на всю свою жизнь въ *храмъ огня*.

Издигердетъ II--Іаздгердъ (441 г.). Въ первый годъ его вцаренія былъ бунтъ въ области армянской влѣдствіе распрей двухъ братьевъ *Арзака* и *Тиграна*. Сторону перваго принялъ Θεодосій II и войска его побѣдили Тиграна, который удалился въ Персію, уступивъ Издигердету все свое царство; Арзакъ со своей стороны уступилъ Армению Θεодосію. Опять вспыхнула война между Восточной Имперіей и Персію, окончившаяся полюбо-

внимъ дѣлжемъ: Издигердету досталась юго-восточная часть Арменіи, названная *Персарменією*.

Перозесъ-Форузъ (458 г.). Ведя войны въ *Этвэлитами* (бѣлыми гуннами), въ одномъ сраженіи попалъ въ безъисходную западню со всѣми своими войсками. Враги, падя царя, потребовали отъ него, чтобы онъ поклонился ихъ царю и далъ ему клятву, что онъ впредь оставитъ ихъ въ покоѣ. Перозесъ спросилъ у маговъ совѣта исполнять ли ему эти требованія? Маги отвѣчали, что клятву предоставляютъ на его волю; что же касается до поклона царю гунновъ, съ величіемъ царскимъ не совмѣстнаго—то можно схитрить. „По закону“, сказали маги—„царь долженъ поклониться восходящему солнцу: иди же къ царю гунновъ при восходѣ божественнаго свѣтила и поклонись на востокъ...“ Обманувъ гуннскаго царя своимъ поклономъ, Перозесъ нарушилъ и данную ему клятву: вторгся въ его области, гдѣ впрочемъ погибъ со всѣми своими войсками. Умирая отъ ранъ, Перозесъ забросилъ принадлежавшую ему безцѣнную жемчужину, съ тѣмъ, чтобы она никому не досталась послѣ его смерти. Византійскій лѣтописецъ *Проконъ* по этому случаю рассказываетъ, будто жемчужину эту, когда она лежала въ раковинѣ, на берегу Персидскаго залива, охраняло страшное морское чудовище, поглотившее водолаза, отважившагося овладѣть этой драгоцѣнностью, которую однако же онъ успѣлъ бросить товарищамъ на берегъ. Не скрывается ли въ этомъ сказаніи какой нибудь аллегоріи и, подъ именемъ жемчужины, не слѣдуетъ ли подразумѣвать одну изъ женъ царя персидскаго, можетъ быть убитую имъ передъ смертью—именно съ той цѣлю, чтобы она *никому не досталась*?

(В. Л.) Восточныя лѣтописи согласуются съ греческими въ своихъ сказаніяхъ о царствованіи *Фируза*. Подробности о пораженіи его гуннами не любопытны. Царствованіе его было ознаменовано страшными семилѣтними засухами и голодомъ; бѣдствіями, которыя царь съумѣлъ смягчить и ослабить мудрыми своими распоряженіями.

Баласъ—(Палауз) (482 г.). Вмѣстѣ съ Перозесомъ погибли тридцать его сыновей и наследникомъ престола остался самый младшій *Кобадетъ*, еще младенецъ. Персы провозгласили

царемъ брата покойнаго царя *Баласа*, человѣка вроткаго и миролюбиваго, въ теченіе двухъ лѣтъ исправно платившаго дань бѣлымъ гуннамъ и умершаго отъ горя вслѣдствіе этого униженія отечества.

Кобадетъ — *Кобадъ* (485 г.) свергнулъ иго гуннскаго и покорилъ недавнихъ властителей. Новый правитель былъ крутъ до безчеловѣчія; измѣнилъ многіе законы, отнялъ право у дворянъ и издалъ указъ, въ силу котораго каждый могъ жениться на чужой женѣ, если она ему нравилась. Дворянство возмутилось, свергло тирана и, заточивъ его въ темницу, возвело на престолъ брата его *Замасфета* (496 г.). На совѣтѣ, собранномъ новымъ царемъ, вельможа *Гузанададетъ* предлагалъ зарѣзать Кобадета, но предложеніе было отвергнуто. Въмѣсто того порѣшили — заточить на вѣки развѣнчаннаго царя въ такъ называемый *Замокъ забвенія*.

Замасфетъ дѣятельно занялся исправленіемъ золь, причиненныхъ государству его предшественникомъ. Приверженцы послѣдняго не дремали: женѣ его удалось обольстить своей красотой и страстными объятіями (съ согласія мужа) коменданта замка; *Сеозетъ*, другъ Кобадета, денно и ношно находился вблизи темницы, улучая удобную минуту къ побѣгу. Съ помощью его и *вѣрной* жены узникъ бѣжалъ къ гуннамъ, женился на дочери тамошняго царя и вторгся въ Персію съ цѣлю отнять престолъ у *Замасфета*. Побѣдивъ его, Кобадетъ велѣлъ выколоть ему глаза и заточить въ темницу; казнилъ Гузанададета, а избавителя своего Сеозета возвелъ въ званіе *Драстадарансалана*, т. е. фельдмаршала и генералиссимуса. Не будучи въ состояніи уплатить гуннскому царю военныхъ издержекъ, Кобадетъ обратился къ императору *Анастасію* съ просьбою о займѣ, но императоръ отказалъ. Кобадетъ, не трудясь даже объявить войну, вторгся чрезъ Арменію въ Месопотамію и 5 октября 502 года осадилъ Амиду. Отчаянная защита заставила царя помыслить уже о снятіи осады, какъ внезапно неумѣстная вичливость и дерзость осажденныхъ погубили городъ: амидійцы, желая посмѣяться надъ персами, послали на городскія стѣны публичныхъ женщинъ, которыя безстыдно *показали себя* съ весьма непристойной стороны. Маги уговорили

царя продолжать осаду, предсказывая, что скоро амидійцы, подобно этимъ женщинамъ, покажутъ царю все что у нихъ есть тайнаго и сокровеннаго. Царь отважился на приступъ и городъ Амиды былъ взятъ послѣ 80-дневной осады. По обычаю востока (исчезнувшему, впрочемъ, и въ Европѣ *только* въ началѣ текущаго столѣтія) во взятомъ городѣ начались грабежи и рѣзня. Престарѣлый христіанскій священникъ, прійдя къ царю, сталъ умолять его умилосердиться. — „Зачѣмъ вы защищались?“ спросилъ Кобадетъ. — Затѣмъ, отвѣчалъ священникъ, — что такъ было угодно Богу. Онъ желалъ, чтобы взятіемъ города ты былъ одолженъ своему мужеству, а не нашему малодушію!“ Тронутый царь тотчасъ же велѣлъ прекратить рѣзню, но городъ тѣмъ не менѣе разграбилъ, часть жителей уведена въ плѣнъ, въ Амидѣ оставленъ гарнизонъ изъ 1000 человекъ подъ начальствомъ *Глона*. Посланные Анастасіемъ войска на помощь Амидѣ запоздали и прибыли къ городу уже послѣ его взятія; Кобадетъ, напавъ на грековъ ⁽¹⁾, изрубилъ у нихъ цѣлый конный отрядъ... Нашествіе гунновъ отвлекло его силы отъ дальнѣйшей борьбы съ войсками Анастасія, которые осадили Амиду; Глонъ былъ убитъ на вылазкѣ; сынъ его, заступившій его мѣсто, сумѣлъ склонить греческихъ военачальниковъ къ перемирію на семь лѣтъ (въ апрѣлѣ 505 г.), въ теченіе которыхъ Кобадетъ имѣлъ возможность справиться съ гуннами.

Кромѣ множества дѣтей отъ наложницъ, у Кобадета было три сына отъ законныхъ женъ; любимѣйшимъ изъ нихъ былъ младшій *Хозрой*. Замышляя передать ему престолъ послѣ своей смерти и вмѣстѣ съ тѣмъ спасти ребенка отъ злоумышленниковъ, Кобадетъ послалъ къ императору *Юстину* въ Константинополь Сеозета, съ просьбою взять Хозроя на свое попеченіе. Императоръ уклонился отъ этого щекотливаго предложенія, и за это Сеозетъ подвергся опалѣ царской. Кромѣ того вельможу обвинили въ поклоненіи иноземнымъ кумирамъ и въ нарушеніи законовъ религіи маговъ, вопреки которымъ, онъ предалъ землѣ тѣло умер-

(1) Замѣняемъ этимъ именемъ прежде—римлянъ, такъ какъ восточная имперія составляла уже самобытную, греческую.

шей своей жены, чѣмъ осквернилъ божественную стихію. Царь утвердилъ смертный приговоръ надъ своимъ избавителемъ по обычаю царей персидскихъ, предпочитая черную неблагодарность высокому чувству признательности. Остальные годы царствованія Кобадета протекли въ непрерывныхъ войнахъ съ императоромъ *Юстиніаномъ*, войнахъ, ознаменованныхъ частыми пораженіями персидскихъ войскъ славнымъ *Велисаріемъ*. Перемиріе между Персією и Грецією было заключено незадолго до смерти Кобадета.

(В. Л.) Въ десятый годъ его царствованія нѣкто *Маздакъ* изъ Истакара началъ проповѣдывать въ народѣ вѣру необыкновенную. Достигнувъ до царя, онъ объявилъ, что обладаетъ даромъ пророчества. Для вѣщаго убѣжденія Кобадета, онъ велѣлъ прорыть подземный тайникъ *въ храмѣ Огня* и, пробивъ въ сводѣ отверстіе противъ того мѣста, гдѣ горѣлъ священный огонь, онъ спряталъ въ это отверстіе челоуѣка. Потомъ, прійдя къ царю, сказалъ, что ему дана власть творить чудеса, въ подтвержденіе его божественнаго призванія, и что огонь говоритъ съ нимъ. Въ храмѣ, Маздакъ въ присутствіи царя разговаривалъ со своимъ помощникомъ и царь, введенный въ обманъ, принялъ новую вѣру. Она, главнымъ образомъ, состояла въ разрѣшеніи брачнаго союза между ближайшими родственниками, въ запрещеніи убивать животныхъ и питаться ихъ мясомъ. Обманщикъ утверждалъ, что люди для пропитанія своего должны довольствоваться растеніями, яйцами, молокомъ, сыромъ и тому подобнымъ. Для приданія большаго вѣса своимъ проповѣдямъ, Маздакъ ходилъ въ грубой шерстяной рясѣ и все свое время проводилъ въ благочестивыхъ упражненіяхъ. Этимъ удалось ему привлечь къ себѣ многихъ послѣдователей, преимущественно изъ самой презрѣнной черни. Вскорѣ послѣдователи его размножились и лже-пророкъ достигъ высокой степени могущества. Мужчины низшихъ сословій брали себѣ въ жены, *женъ* и дочерей первѣйшихъ сановниковъ и тѣмъ посягали на раздоры въ семействахъ; никто не могъ поручиться ни за свое спокойствіе, ни за безопасность жены, ни за цѣлость имущества. Однажды, Маздакъ попросилъ у самого царя позволенія жениться на царицѣ и отказался отъ этого намѣренія только по усиленнымъ просьбамъ сына ея *Нусширвана*. Ученіе Маздака распро-

страшилось по всей Персїи и навлекло на эту страну великія бѣдствїя; для спасенїя государства отъ конечной гибели вельможи рѣшили низложить царя, такъ какъ онъ покровительствовалъ новой вѣрѣ. Имъ удалось овладѣть Кобадетомъ и заточить его въ темницу; хотѣли умертвить и Маздака, но число его приверженцевъ было такъ велико, что схватить его не было никакой возможности. Вельможи постановили сперва покончить съ царемъ, а потомъ уже взяться за Маздака, но и это не удалось имъ. У царя Кобадета была красавица сестра, на которой онъ женился, согласно законамъ новой вѣры, которые въ этомъ случаѣ не противорѣчили законамъ Зороастровымъ. Она, плѣнивъ своею красотою тюремщика царскаго, похитила мужа изъ темницы. Воротивъ свой престоль съ помощью бѣлыхъ гунновъ, Кобадетъ казнилъ заговорщиковъ и помиловалъ Маздака, разрѣшивъ ему со всѣми послѣдователями безпрепятственно исповѣдовать новую вѣру. Эта ересь, какъ видно изъ сказанїй, представляла смѣсь *буддизма* съ закономъ Зороастра. Она не удержала за собою владычества надъ Персїей, но нѣтъ никакого сомнѣнїя, что нѣкоторые обычаи этой секты привились къ народному быту. Ни Манеса, ни Маздака нельзя назвать преобразователями въ томъ великомъ смыслѣ слова, въ какомъ были *Будда* въ Индїи, *Лао-Тси* и *Кунфу-тси* въ Китаѣ, *Зороастръ* въ Персїи, но во всякомъ случаѣ появленїе сектаторовъ было живѣйшимъ протестомъ противъ одряхлѣвшихъ догматовъ, заявленїемъ настоятельной потребности въ новыхъ религіозныхъ законахъ. Замѣтимъ еще, что появленїю великихъ преобразователей религій человѣческихъ, вездѣ и всюду предшествовало появленїе ересїарховъ и сектаторовъ, образовывавшихъ, такъ сказать, передовые отряды, какъ бы подготавливавшіе людей къ воспрїятію новаго ученїя... Всякое же вѣрованїе тѣмъ долговѣчнѣе, чѣмъ оно ближе къ истинѣ, и каждый преобразователь былъ только олицетворенїемъ тѣхъ идей, до которыхъ постепенно дозрѣвалъ разумъ человѣческій въ прогрессивномъ своемъ развитїи. Толчекъ, данный закону Зороастра, сперва Манесомъ, потомъ Маздакомъ, подготовилъ персовъ къ воспрїятію ученїя того великаго человѣка, который черезъ семьдесятъ лѣтъ родился въ *Меккѣ* и, будучи могучимъ соперникомъ Будды и брамаитовъ,

полюбовно размежевалъ съ ними всю Азію... Дѣйствительно, эта часть свѣта была размежевана между *буддизмомъ* и *исламомъ* и въ этихъ двухъ религіяхъ, слились въпослѣдствіи всѣ вѣрованія древнихъ азіатскихъ царствъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Хозрой.—Сношенія съ Византіей.—Казни.—Коварство Хозроя.—Его характеристика.—Побѣды Юстиніана.—Казнь Маздака.—Царевичъ-христіанинъ.—Сношенія съ Китаемъ и Индіей.—Драгоценныя дары.—Мудрецъ Абузурд-жміуръ.—Двѣнадцать правилъ.—Шакалы.—Правосудіе.—Гѳрмиздатъ II.—Хозрой II.—Посланіе къ Вараму.—Быство царя и его письмо къ императору Маурікію.—Иудеи.—Звѣрство.—Бѣдствія Малой Азіи.—Разрушеніе Іерусалима.—Похищеніе животворящаго креста.—Гоненіе христіанъ.

Хозрой-Хосру, Кесра или Нусширванъ-правосудный (531 г.). Въ первый годъ его воцаренія было посольство отъ *Юстиніана* съ поздравленіемъ и мирными предложеніями. Уполномоченный *Рубинъ* встрѣтилъ въ Хозроѣ человѣка настойчиваго и къ миру нерасположеннаго. Миръ былъ *купленъ* греками и девять лѣтъ персы не тревожили Восточной имперіи. Вельможи, опасаясь, что Хозрой характеромъ и склонностями въ отца своего *Кобадета*, рѣшили свергнуть царя и возвести на престолъ брата его, *Замета*, но послѣдній, будучи вѣривъ, не могъ быть царемъ, такъ какъ, по закону, увѣчный не имѣлъ права занимать престола. Тогда, на мѣсто *Замета* избрали сына его *Кобадета*, еще отрока. Заговоръ однако же былъ открытъ, зачинщики казнены, а избранный ими царь спасенъ своимъ наставникомъ *Адергудунбадомъ*. Сынъ послѣдняго донесъ на отца и тогда Хозрой вазнилъ спасителя *Кобадета*, щедро наградивъ доносчика. Той же участи подвергся, совершенно безвинно, *Мебодетъ*, старшія котораго Хозрой былъ обязанъ престоломъ. Царь послалъ за нимъ, въ то время, какъ *Мебодетъ* былъ занятъ смотромъ

*

войскъ. Онъ отвѣчалъ царскому посланному, что придетъ къ Хозрою по окончаніи смотра. За это царь велѣлъ *позвать его къ треножнику*, предъ которымъ его, черезъ нѣсколько дней, зарѣзали. Призывъ къ треножнику, на которомъ передъ дверьми дворца, горѣлъ неугасимый огонь, равнялся смертному приговору. Весною 540 г., вопреки миру съ Юстиніаномъ, Хозрой вторгся въ Сирію и Киликію; овладѣлъ Сурою на Евфратѣ и Антиохію, въ которой благосклонно принялъ пословъ Юстиніана. Выслушавъ ихъ внимательно, Хозрой отвѣчалъ имъ: „По моему мнѣнію, правду говорить старинная пословица, что Богъ никогда не даетъ человѣку радости безъ примѣси горя. Сквозь смѣхъ нашъ всегда просачиваются слезы, сквозь веселье пробивается печаль и никто не наслаждается полнымъ, совершеннымъ счастьемъ. Вотъ я, на примѣръ, — овладѣлъ знаменитымъ городомъ, прославился побѣдой, дарованной мнѣ Богомъ; а между тѣмъ, видя множество убитыхъ, не могу не подумать, что трофеи мои запятнаны кровью побѣжденныхъ, и при этой мысли побѣда не радуетъ меня. Истинная причина бѣдствій Антиохіи — упорство ея жителей, которые, будучи не въ силахъ выдержать осады, были на столько безразсудны, чтобы биться съ моими персами въ стѣнахъ взятаго уже города. Приближенные мои просили меня разрушить Антиохію и перерѣзать плѣнныхъ, но я, зная, что убивать беззащитныхъ — преступленіе и грѣхъ, я употребилъ всѣ силы, чтобы уговорить антиохійцевъ бѣжать изъ города!..“

Хозрой говорилъ эти слова (повѣствуетъ *Проконъ*) томнымъ, унылымъ голосомъ, въ той надеждѣ, что послы въ самомъ дѣлѣ подумаютъ, будто онъ сѣтуетъ о бѣдствіяхъ Антиохіи; но тѣ знали очень хорошо, что Хозрой не преслѣдовалъ бѣжавшихъ жителей единственно опасаясь западни. Царь самъ обличалъ себя, сваливая всѣ свои злодѣянія на другихъ, ни въ чемъ неповинныхъ. Всегда готовый обѣщать и клятвою подтверждая свои обѣщанія, Хозрой былъ еще того способнѣе забывать и клятвы и обѣщанія. Хотя въ лицѣ его было выраженіе благочестія, а съ языка не сходили рѣчи нравственныя, назидательныя, тѣмъ не менѣе, едва ли нашелся бы другой человѣкъ, подобно Хозрою, способный на всякое злодѣяніе, если только оно было сопряжено съ какими

нибудь выгодами. Овладевъ хитростью городомъ Сурою, онъ (при греческихъ посланникахъ), увидя своихъ воиновъ, насилъ-вавшихъ женщину—прослезился и, набожно поднявъ къ небу глаза, молилъ Бога наказать изверговъ и главнаго виновника всѣхъ бѣдствій, намекая на Юстиніана. „Вотъ, заключаетъ лѣтописецъ—самый вѣрный портретъ Хозроя.“

Портретъ безспорно, не хорошъ, прибавимъ мы; коварствомъ, лицемѣриемъ, злобою дышуть всѣ его черты... но, всматриваясь внимательнѣе въ это изображеніе персидскаго тирана, нельзя не найти сходства въ немъ со многими византійскими императорами и многими, такъ называемыми, *великими* людьми послѣдующихъ вѣковъ... Такъ портретъ Хозроя напоминаетъ намъ между прочими *Людвика XI* французскаго и нашего *Ивана Грознаго*; напоминаетъ, именно этой фарисейской набожностью, этими слезящимися глазами, возведенными горѣ въ тѣ самыя минуты, когда передъ ними истязуютъ человѣка по царскому же приказу! Слезы по завоеванной Антиохіи не залили ея пожара; онѣ не помѣшали Хозрою обратить городъ въ пепель, не оставя въ немъ камня на камнѣ... Юстиніанъ *купилъ* у Хозроя постыдный миръ, при заключеніи котораго царь персидскій со всѣмъ цинизмомъ разбойника, сказалъ византійскимъ уполномоченнымъ: „Не надѣйтесь на прочность мира. Дружба, проданная за деньги, длится повкуда держатся деньги; она исчезаетъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ истрачиваются. Это вѣрно! Прочный миръ между нами можетъ существовать только при ежегодномъ платежѣ денегъ съ вашей стороны!“

Согласно этому гнусному правилу, Хозрой, тридцать слишкомъ лѣтъ, желѣзомъ покупалъ греческое золото: грабилъ и разорялъ города, заставляя императоровъ откупаться деньгами. Походъ Велизарія въ Месопотамію (541 г.),—отчасти вознаградивъ Юстиніана за частые убытки, покрылъ ржавчиной безславія греческое оружіе. Въ 542 г. Хозрой ходилъ въ Палестину съ намѣреніемъ ограбить Іерусалимъ, чего однако же не исполнилъ, при вѣсти о приближеніи Велисарія. Въ слѣдующемъ году полководецъ его *Набадетъ* съ 4,000 войска разбилъ въ Арменіи 30,000 грековъ, предводимыхъ *Нарзесомъ*—и такъ, годъ за годомъ, про-

должалась эта война продавца мира съ его покупателями до 576 г. Близъ Мелитины въ малой Арменіи, греки одержали, наконецъ, блестящую побѣду надъ войсками Хозроя, овладѣли его лагеремъ со всѣми сокровищами и *алтаремъ неугасимаго огня*... царь едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. *Юстиніанъ*, военачальникъ византійскій, перешелъ Тигръ и Евфратъ и проникъ въ глубину Персіи, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія. Хозрой, со всѣмъ смиреніемъ побѣжденнаго, приступилъ уже къ мирнымъ переговорамъ, какъ внезапная побѣда надъ греками (577 г.) дала ему возможность продолжать войну съ возрастающимъ успѣхомъ. Смерть застала его готовящимся къ продажѣ мира императору *Тиверію* въ 579 году. Изъ сказаній восточныхъ лѣтописей о Хозроѣ, можно было бы составить цѣлую книгу; это любимѣйшій герой Персіи—ея *Александръ*. Первой мыслию его при восшествіи на престолъ было искорененіе опасной секты Маздака. Сначала опъ ограничивался выговорами іересіарху за его безнравственное поведеніе; впослѣдствіи, прибѣгнувъ къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, такъ какъ безстыдство послѣдователей ученія Маздака дошло, наконецъ, до насильнаго похищенія жень у мужей. Маздаку и ученикамъ его отрубили головы (по другимъ сказаніямъ ихъ живыхъ закопали въ землю) и по повелѣнію царя, по всей Персіи начались розыски послѣдователей ученія Маздака, котораго можно назвать родоначальникомъ нынѣшнихъ *мормоновъ*. Розыски увѣнчались успѣхомъ: сто тысячъ *зендиговъ* (¹) было перевѣшено и висѣлицы эти были надежными опорами водвореннаго спокойствія.

Повѣствованія о сраженіяхъ Хозроя съ греческими императорами и о его завоеваніяхъ изукрашены въ лѣтописяхъ всѣми богатствами восточныхъ вымысловъ. Для насъ несравненно важнѣе рассказъ о женѣ Хозроя и о сынѣ его *Нусшизадѣ*.

Жена Хозроя, первѣйшая красавица въ Персіи, была *христіанка*. На всѣ просьбы царя переимѣнить законъ она отвѣчала: „слѣдуй ученію Зороастра, а мнѣ позволь слѣдовать ученію еван-

(¹) Такъ называли послѣдователей Маздака.

гельскому.“ Царь, страстно любя ее, особенно не настаивалъ. Царница родила ему сына *Нусшизада*, который, достигнувъ юношескихъ лѣтъ, внимательно занялся сравнительнымъ изученіемъ религій отца и матери. Первая показала ему противною здравому смыслу, вторая—совершеннѣйшею. Тщетно отецъ умолялъ его слѣдовать закону маговъ; царевичъ упорствовалъ и за это, Хозрой, велѣлъ заточить его въ уединенный дворецъ, впредь до дальнѣйшихъ приказаній; самъ же отправился на войну въ Сирію, гдѣ вскорѣ опасно захворалъ. Пользуясь отсутствіемъ Хозроя и его болѣзнію, Нусшизада, покинувъ заточеніе, собралъ многочисленныя дружины, преимущественно изъ христіанъ, овладѣлъ всѣми царскими сокровищами — готовясь овладѣть и царствомъ. Увѣдомленный о мятежѣ, Хозрой писалъ главнокомандующему въ Персію, чтобы тотъ собралъ войска и, взявъ въ плѣнъ Нусшизада — непременно живаго, не причинялъ ему ни малѣйшей обиды, а помѣстилъ его въ прежній дворецъ и окружилъ всѣми угодами... изъ словъ письма видно было, что царь прощаетъ любимому сыну. Не смотря однакоже на всѣ предосторожности главнокомандующаго въ сраженіи, царевичъ, смертельно раненный стрѣлой, вскорѣ умеръ, завѣщая духовнику своему, епископу, похоронить его по обряду христіанскому. Изъ уваженія къ памяти сына, Хозрой избавилъ отъ податей своихъ подданныхъ христіанъ и евреевъ — моложе двадцатилѣтнаго возраста.

При Хозроѣ, говорятъ лѣтописи—Персія была обширнѣйшимъ и могущественнѣйшимъ царствомъ въ свѣтѣ. Кромѣ императоровъ греческихъ—Индія и Китай раболѣпно склонялись предъ великимъ царемъ и щедрыми дарами вымаливали себѣ пощаду у его побѣдоноснаго оружія. Въ числѣ даровъ отъ китайскаго императора была золотая статуя пантеры, въ настоящую величину осыпанная жемчугомъ съ глазами изъ драгоценныхъ алыхъ каменьевъ; рукоятъ сабли покрытая изумрудами; синее шелковое одѣяніе съ вышитымъ на немъ изображеніемъ царя персидскаго... оно положено было въ золотой ларецъ, который поднесла царю дѣвственница красоты ослѣпительной. Императоръ индійскій прислалъ Хозрою тысячу фунтовъ алоэваго дерева, таявшаго какъ воскъ на огнѣ; сосудъ изъ драгоценнаго краснаго камня, наполненный жем-

чугомъ и коверъ изъ змѣиной кожи, мягкой и узорчатый, будто вытканый изъ шелку.

Изъ Индіи же были тогда привезены: книга *Калилы и Димны*, шахматная игра и помада *хидни*, для окраски сѣдыхъ волосъ въ черные до самаго корня.... Отъ тибетскаго царя присланы были сто золотыхъ нагрудниковъ и тысяча пузырей благовоннаго мускуса.

Превосходи мудростью всѣхъ своихъ предшественниковъ, Хозрой любилъ окружать себя мудрецами и учеными людьми. Изъ первыхъ, особенно прославился *Абузурджміръ*, исторія котораго довольно любопытна. Однажды царю приснился боровъ, который, вырвавъ у него изъ рукъ чашу, выпилъ изъ нея все вино и растянулся на подушѣ, служившей сѣдалищемъ царю. Такъ какъ никто изъ придворныхъ мудрецовъ и чародѣевъ не могъ объяснить Хозрою значенія его таинственнаго сна, онъ разослалъ по всѣмъ областямъ отыскать ученаго человѣка для истолкованія чудеснаго сновидѣнія. Близъ города Мервы въ Хорасанѣ одному изъ посланныхъ по имени *Азадъ-Серу* посчастливилось найти мудреца, у котораго въ числѣ учениковъ былъ Абузурджміръ. Онъ вызвался быть снотолкователемъ царю и вмѣстѣ съ Азадъ-Серу отправился во дворецъ къ Хозрою. Дорогою они прилегли отдохнуть на берегу ручья, подъ тѣнью раскидистаго дерева. Мудрецъ покрылся одѣяломъ, на которомъ обыкновенно спалъ, и погрузился въ глубокой сонъ. Тогда спутникъ его увидѣлъ, что изъ кустовъ выползла черная змѣя, которая, открывъ одѣяло и полизавъ у спящаго голову и ноги, всползла на дерево. По прибытіи во дворецъ, Азадъ-Серу рассказалъ объ этомъ чудѣ Хозрою и представилъ ему Абузурджміра. По его объясненію, сонъ означалъ, что въ гаремѣ Хозроя скрывается любовникъ одной изъ его женъ, что и оказалось на дѣлѣ. Любовниковъ казнили, а мудрецъ вскорѣ получилъ санъ *визиря*. Однажды созвавъ всѣхъ ученыхъ и мубедовъ, Хозрой спросилъ, что всего нужнѣе для блага царя и его подданныхъ? Всякій отвѣчалъ, ни ладно, ни складно — одинъ только Абузурджміръ сказалъ, что всѣ блага царя и подданныхъ можно выразить слѣдующими *двѣнадцатью правилами*:

- 1) Остерегаться любви, гнѣва и страстей; 2) соблюдать правду

въ рѣчахъ и вѣрность въ обѣщаніяхъ; 3) совѣтоваться съ мудрыми и въ дѣлахъ свѣдущими; 4) награждать ученыхъ, словесниковъ, вельможъ и военачальниковъ—каждаго по его заслугамъ; 5) быть правосуднымъ, основывая рѣшеніе всякаго дѣла на неопровержимыхъ данныхъ; 6) изслѣдовать поведеніе узниковъ, наказывая виноватыхъ, освобождая правыхъ; 7) покровительствовать торговымъ людямъ; 8) наказывать подданныхъ за ошибки, награждать за подвиги; 9) имѣть всегда въ запасѣ войско и оружіе; 10) любить и уважать свою семью и родныхъ; 11) имѣть во всѣхъ областяхъ надежныхъ и честныхъ правителей; 12) заботиться и печиться о своихъ приближенныхъ.“ Эти банальныя правила, которыя можно умѣстить въ два слова: *будь справедливымъ* - пришлись особенно по вкусу Хозрою: онъ велѣлъ начертать ихъ золотомъ на мраморной доскѣ... Надобно полагать, они были для него пріятной и неслыханной новостью.

Въ послѣдніе годы его царствованія по персидскимъ областямъ появились и стаями бродили шакалы. Мобель-мобедовъ, на вопросъ царя о знаменіи этомъ, отвѣчалъ, что по мнѣнію старыхъ людей, появленіе хищныхъ звѣрей въ царствѣ вѣрная примѣта несправедливости правителей. Царь назначилъ слѣдственную комиссію надъ правителями областей и за обнаруженныя упущенія и злоупотребленія: девяносто человекъ были повѣшаны. Примѣръ могущественно подѣйствовалъ на чиновниковъ и благотворно отразился на народномъ быту. Какъ особенно характеристичную черту правосудія Хозроя, лѣтописцы рассказываютъ о томъ, что у прекраснаго его дворца, одинъ флигель, наперекоръ правиламъ архитектурной симетріи, былъ меньше другаго. На вопросъ византійскаго посланника о причинѣ, придворные отвѣчали, что рядомъ съ малымъ флигелемъ былъ домъ старухи, не желавшей продать его въ казну ни за какія деньги. Царь предпочелъ лучше повредить планомъ дворца, нежели закономъ и совѣстью.

Гормиздатъ III — Гормузъ (579 г.). Пятнадцать лѣтъ непрерывныхъ войнъ съ Византіей и мятежъ главнокомандующаго персидскаго *Варама* (Бахрама), окончившійся сверженіемъ Гормиздата—вотъ въ немногихъ словахъ, вся исторія царствованія

Гормиздата. Инсургенты, раскаленными иглами выколовъ глаза царю, избрали ему въ преемники сына его *Хозроя II*.

Хозрой II — Хосру-Парвизъ (590 г.). Казнилъ отца и двухъ дядей, но въ то же время, желая ознаменовать восшествіе свое на престоль добрыми дѣлами, освободилъ многихъ узниковъ. Вель позорную и унизительную переписку съ Варамомъ, главою мятежниковъ, предлагая ему за поворность половину своего царства. Гордо отвергая всѣ эти предложенія, Варамъ, въ свою очередь, предлагалъ Хозрою уступить ему, Вараму, весь престоль и довольствоваться одной областью. Вотъ подлинный отвѣтъ царя на это предложеніе: „Хозрой, царь царей, повелитель князей, властитель народовъ, владыка міра, спаситель людей, между богами вѣчный и добрый человекъ, между людьми славнѣйшій богъ, исполненный славы, побѣдоносный, встающій съ солнцемъ, дарующій глаза (1) ночи, знаменитый предками, благодѣтель, врагъ войны, хранитель царства, содержащій геніевъ (*иездановъ*) на жалованьи (2), привѣтствуетъ Бахрама, военачальника персидскаго, друга своего: Мы вспомнили о храбрости вашей, всюду прославляемой и обрадовались, узнавъ о вождедѣльномъ вашемъ здоровіи. При всемъ томъ, въ посланіи вашемъ есть слова, рожденныя не вашимъ сердцемъ; мы думаемъ, не написано ли посланіе ваше человекомъ увившимся виномъ, погруженнымъ въ усыпленіе, при которомъ грезилъ ему сны нелѣпыя и несбыточныя? Напоминаемъ, что нынѣ деревья сбрасываютъ лѣтнее свое одѣяніе, а потому зная, что осенніе сны не сбывчивы, мы не смущаемся (3). Честно достигнувъ престола, мы закона не нарушили; выпущенныхъ на свободу узниковъ опять въ темницы не заточимъ — такъ какъ бла-

(1) Т. е. посылающій звѣзды на небесный сводъ.

(2) Это слово хотя и означаетъ духовъ небесныхъ, но здѣсь оно употреблено единственно въ смыслѣ: гениальныхъ людей.

(3) По древнему повѣрью персовъ (еще до Зороастра) сны во время осенняго листопада признавались пустыми, несбыточными и не имѣющими съ грядущими событіями ни малѣйшей связи. Вообще же *врованіе въ сны* было однимъ изъ религиозныхъ догматовъ древнихъ персовъ. См. далѣе главу XIII.

годѣніе царей персидскихъ отѣвнѣ не подлежитъ. Что же касается до тиары царской — мы ея не сложимъ и еслибы кромѣ здѣшняго міра, были еще другіе, мы не отказались бы отъ надежды управлять и ими. Мы пойдемъ на *тебя* войною какъ подобаетъ царямъ и покоримъ тебя либо убѣжденіемъ, либо оружіемъ. Если желаешь себѣ добра, дѣлай то, что ты долженъ дѣлать. Прощай, лучшей изъ будущихъ нашихъ сподвижниковъ.“

Одновременно съ этимъ письмомъ, въ которомъ Хозрой счумѣлъ соединить страшное высокомеріе со лстивымъ раболѣвствомъ, онъ собралъ войска и повелъ ихъ въ Низибу противъ Варама. Послѣ ожесточеннаго боя царскія войска были разбиты и Хозрой бѣжалъ въ Месопотамію, гдѣ нашелъ пріютъ въ византійскомъ городѣ Цирцезіумѣ. *Провз*, тамошній градоначальникъ, принялъ его со всѣми почестями и на другой же день царь послалъ императору *Маверикію* нижеслѣдующую грамоту: „Хозрой, царь персидскій, шлетъ привѣтъ свой мудрѣйшему, благодѣтельному, миролюбивому, могущественному, другу благородныхъ, защитнику угнетенныхъ, благодушному и незлобивому императору римскому. Въ началѣ вѣка Богъ создалъ въ мірѣ два великія царства, подобно двумъ очамъ (т. е. звѣздамъ), озаряющимъ міръ: всемогущественную имперію римскую и мудрую монархію персидскую. Эти два царства удерживаютъ порывы народовъ воинственныхъ и охраняютъ всеобщіе порядоки и тишину. Хотя вселенная наполнена злыми и мятежными *духами*, старающимися разрушить порядоки, Богомъ установленныя; хотя усилія духовъ этихъ и не увѣнчиваются успѣхами, тѣмъ не менѣе, людямъ благочестивымъ, которымъ Богъ даровалъ сокровища мудрости и оружіе правосудія, подобаетъ противодѣйствовать злымъ духамъ. Самые опаснѣйшіе изъ нихъ недавно произвели величайшіе беспорядки въ Персіи: они воздвигли рабовъ на господъ, подданныхъ на правителей; они смѣнили порядоки неурядицей, добро—зломъ. Варамъ (Бахрамъ), презрѣнный рабъ, котораго предки мои, воззвавъ изъ ничтожества, осыпали почестями, не счумѣвъ выдержать величія своей славы, предался злу, и, домогаясь царской власти, возмутилъ наше отечество. Мятежъ этотъ приведетъ къ тому, что *дикія орды кочевыхъ народовъ разрушатъ просвѣщен-*

ное государство персидское; со временемъ они же воздвигнутъ на союзниковъ нашихъ рати непобѣдимыя (1). Въ виду этихъ соображеній, вполне достойно было бы миротворной вашей прозорливости, если бы вы подали руку помощи угнетенному царству, укрѣпили распадающуюся монархію и сдѣлались, такимъ образомъ, спасителемъ Персіи.“

Покуда Маврикій размышлялъ объ отвѣтѣ на это посланіе, Варамъ, овладѣвъ Персіей, вѣнчался царской тиарой. Въ 593 г. въ Константинополь прибыли два посла, — одинъ отъ царя Варама, другой отъ Хозроя. Первый предлагалъ Маврикію за соблюденіе нейтралитета Низибу и всѣ области до рѣки Тигра; второй — за помощь и содѣйствіе отдавалъ всю Арменію съ городомъ Дарю. Маврикій принялъ сторону Хозроя, который съ войсками выступилъ за Евфратъ. Успѣхамъ его много содѣйствовали мятежи въ войскахъ Варама и заговоры вельможъ къ его низложенію. Побѣжденный на берегахъ Балараты войсками Хозроя и Маврикія, Варамъ бѣжалъ съ поля сраженія и пропалъ безъ вѣсти, а Хозрой, благодаря императору, снова возшелъ на престолъ персидскій. Изъ разсказовъ лѣтописей о борьбѣ царя съ самозванцемъ приведемъ два факта, особенно замѣчательные. *Мебодетъ*, военачальникъ Хозроя, овладѣвъ городомъ *Хозроантиохіей*, казнилъ тамошнихъ евреевъ за ихъ участіе въ мятежѣ Варама. „Этими врагами“, говоритъ лѣтописецъ греческій, *Теофилактъ*, „нельзя было и пренебрегать. Евреи, жившіе въ это время въ Персіи, были страшно богаты. Когда Веспасіанъ овладѣлъ Іерусалимомъ и сжегъ тамошній храмъ, многіе евреи, опасаясь римлянъ, со всѣми сокровищами своими переселились изъ Палестины въ Мидію, а потомъ въ Персію. Здѣсь, умноживъ богатства, они вовлекали жителей въ непрерывные мятежи, такъ какъ евреи народъ развращенный, невѣрный, любящій смуты, а еще того болѣе страданія другихъ людей... народъ ревнивый, завистливый, не имѣющій понятія о дружбѣ и постоянный только въ непримирен-

---

(1) Слова пророческія: черезъ 50 лѣтъ аравитяне овладѣли Персіей, а черезъ 853 года турки — имперіей греческой.

мой своей ненависти!“ Къ крайнему негодованію грековъ, Хозрой предавалъ плѣнниковъ своихъ лютейшимъ истязаніямъ. Захвативъ въ одномъ сраженіи храбраго военачальника Варама, по имени *Бризака*, Хозрой сперва обрѣзалъ ему носъ и уши, а послѣ, угощая грековъ обѣдомъ, тутъ же, ради потѣхи, велѣлъ его, чуть живаго, растерзать на куски, что было исполнено. Греческіе вожди тотчасъ же вышли изъ стола... Послѣ десятидневныхъ торжествъ царь распростился со своими союзниками, щедро осыпавъ ихъ *похвалами* и, выпросивъ себѣ у Маврикія тысячу тѣлохранителей, прилежно занялся казнями и истязаніями захваченныхъ въ плѣнъ приверженцевъ Варама.

Набѣгъ *сарациновъ* на Персію охладилъ дружественныя отношенія Хозроя съ Маврикіемъ. Обвиняя своего благодѣтеля въ содѣйствіи врагамъ, злодѣй готовился уже объявить ему войну. Убіеніе Маврикія въ 602 году разрѣшило Хозроя отъ его обязательствъ Восточной имперіи и въ то же время дало ему возможность грабить греческія области подъ благовиднымъ предлогомъ мести *Фокль*, убійцы Маврикія. Опять запылала двадцатичетырехлѣтняя война между Персіей и Восточной имперіей, ознаменованная злодѣйствами Хозроя. Отъ береговъ Тигра до Босфора вся Азія пылала пожарами и обагралась кровью. Месопотамія, Сирія, Финиція и Палестина ежегодно страдали отъ разбойничьихъ набѣговъ персовъ. Въ 609 г. они овладѣли всѣми областями греческими отъ Эдессы до Халкидоніи; разорили Эдессу, Дамаскъ, а въ 615 г. подъ предводительствомъ *Ромизанета*, извѣстнаго болѣе подъ именемъ *Сарбара* (вепря или кабана), заняли Палестину. Опустошивъ всю область, Сарбаръ овладѣлъ Іерусалимомъ, захватилъ множество плѣнныхъ обоого пола и *похитилъ животворящій крестъ Господень*; который, въ особомъ ящикѣ за печатью епископа, былъ доставленъ въ Персію; что же касается до плѣнныхъ христіанъ, евреи выкупили ихъ въ числѣ 80,000 и всѣхъ перерѣзали. Іерусалимъ представлялъ груды пепла и развалинъ! Опустошенія, произведенныя Веспасіаномъ въ Іерусалимѣ *іудейскомъ*, повторились теперь въ Іерусалимѣ *христіанскомъ*... На слѣдующій годъ *Саэтъ*, другой военачальникъ Хозроя, осадилъ Халкидонію. Императоръ *Ге-*

раклій, опасаясь за Константинополь, вступилъ съ Саэтомъ въ мирные переговоры и по его совѣту отправилъ пословъ къ Хозрою. Немедленно по прибытіи на границы Персіи, Саэтъ заковалъ ихъ въ цѣпи и въ этомъ видѣ представилъ царю. „Ты долженъ былъ привести ко мнѣ не пословъ, а самого Гераклія!“ крикнулъ Хозрой въ бѣшенствѣ и приказалъ снять кожу съ достойнаго своего вельможи, велѣлъ выдѣлать изъ нея мѣхъ для вина; что же касается до плѣнныхъ, онъ сказалъ имъ: „Вы и всѣ ваши тогда только будете пощажены, когда отречетесь отъ вашего *распятаго Бога* и поклонитесь солнцу!“ Заточенные въ темницу греческіе посланники вскорѣ были убиты въ ней палочными ударами.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Побѣды грековъ. — Уничтоженіе храма огня и идола Хозроя. — Разореніе церквей христіанскихъ. — Несторіане. — Убіеніе Хозроя. — Сирозтъ. — Казнь убійцы Хозроя. — Артаксерксъ III. — Борана. — Отсылка Животворящаго Креста въ Константинополь. — Издигердетъ. — Переговоры съ аравитянами. — Сраженіе при Кадезіи. — Нахавендская битва. — Покореніе Персіи халифами. — Убіеніе послѣдняго изъ сасанидовъ. — Десять вѣроисповѣданій. — Нравственный выводъ изъ исторіи Персіи.

Въ 622 году, императоръ Гераклій, желая наконецъ отомстить Хозрою за всѣ кровавыя обиды, съ многочисленными войсками вступилъ въ Арменію. Сарбаръ, надѣясь отвлечь его, занялъ Биликію; но Гераклій, быстро подвигаясь впередъ, принудилъ Сарбара къ сраженію, увѣнчанному совершенной побѣдой надъ персами. Зная ихъ обыкновеніе поклоняться восходящему

солнцу, Гераклій выстроилъ свои войска тыломъ къ востоку: они ударили на персовъ именно въ ту самую минуту, когда тѣ пали ницъ при первыхъ лучахъ дневнаго свѣтила. Весною, съ греками соединились саррацины и тогда-то Хозрой ознаменовывалъ чуть не каждую свою встрѣчу съ непріятелями—постыднымъ бѣгствомъ, чему нечего и удивляться: коварные, вѣроломные и неблагодарные люди всегда были и будутъ подлыми трусами! Овладевъ городомъ *Гозакомъ*, Гераклій обратилъ въ пепель главную его часть. Жертвами пламени и ярости побѣдителей были: знаменитый *храмъ огня*, высоко чтимый персами и колоссальная статуя Хозроя, стоявшая во дворцѣ подъ куполомъ, изображавшимъ сводъ небесный; вокругъ статуи были разставлены изображенія солнца, луны, звѣздъ и небесныхъ геніевъ: изъ горсти одной руки статуи, посредствомъ особаго механизма, изливался фонтанъ въ видѣ дождя; изъ другой—сверкали молніевидныя искры, сопровождаемыя громомъ. Слѣдующіе два года (624 и 625) были ознаменованы непрерывными побѣдами грековъ.

Желая отмстить имъ местію вполнѣ себя достойною, Хозрой грабилъ, разорялъ христіанскіе храмы и принуждалъ подданныхъ своихъ христіанъ переходить въ *несторіанскую* ересь, ненавистную императору; но это не останавливало успѣховъ Гераклія, который, овладевъ Ассиріей, разбилъ на голову персидскія войска близъ Ниневіи. Сарбаръ, вѣрный исполнитель велѣній Хозроя, отказался отъ повиновенія и готовъ былъ перейти на сторону Гераклія... При всемъ томъ, царь надменно отвергъ мирныя предложенія и, готовясь къ продолженію войны, намѣревался объявить своимъ наслѣдникомъ *Мердазата*, сына своего отъ любимѣйшей жены *Сиры*—христіанки. *Сироэтъ*, старшій сынъ, узнавъ объ этомъ, перерѣзалъ всѣхъ братьевъ, казнилъ Мердазата, и дряхлаго Хозроя, засадивъ въ темницу, велѣлъ уморить голодомъ. Такъ какъ свергнутый царь на пятые сутки былъ еще живъ, его, по приказанію Сироэта, доканали стрѣлами въ 628 г.

Сироэтъ-Шируйазъ (628) заключилъ миръ съ Геракліемъ, уступивъ ему всѣ города, занятые персами со времени послѣдней войны. Умеръ отъ чумы въ 629 году, послѣ шестимѣ-

сячнаго царствованія. Восточныя лѣтописи рассказываютъ, что когда по приказу Сироэта убійца вошелъ въ темницу Хозроя, чтобы умертвить старика, тотъ сказалъ ему: „Я безвинно казнилъ твоего отца. Сынъ, не убивающій убійцу отца своего, есть сынъ незаконный!“ Прийдя къ Сироэту, убійца передалъ ему предсмертныя слова Хозроя и тотъ, похоронивъ отца, передалъ убійцу казни, говоря ему: Ты слышалъ самъ? сынъ, не убивающій убійцу своего отца, есть сынъ незаконный!“

Артаксерксъ III—Ардширъ (629) семилѣтній младенецъ былъ убитъ Сарбаромъ послѣ двухъ мѣсяцевъ царствованія. *Сарбаръ* или *Шахриаръ*, въ свою очередь былъ убитъ черезъ двадцать дней... Ступени персидскаго престола становились скользки отъ крови; восходившіе по нимъ падали другъ за другомъ.

Борана-Нурандохта (630 г.), дочь Хозроя, царствовала только годъ и четыре мѣсяца, причемъ обнаружила твердость и дарованія, достойныя человѣка государственнаго. Женское мягкосердечіе или, если можно такъ выразиться, деликатность царицы высказалась единственно въ томъ, что она отослала въ Константинополь *животворящій крестъ Господень*, похищенный ея отцемъ при разграбленіи Іерусалима. Въ теченіе года послѣ ея смерти на престолѣ персидскомъ промелькнуло нѣсколько царей-призраковъ, царствованіе которыхъ ограничивалось днями, самое же большее двумя—тремя мѣсяцами. Послѣдній царь династіи Сассанидовъ, *Издигердетъ III—Іездгердъ* воцарился въ 632 году, согласно избранію вельможъ и волѣ народной.

Еще при его предшественникахъ, мусульмане-аравитяне, пользуясь внутренними смутами, завладѣли многими персидскими областями. Іездгердъ, взойдя на престолъ, потребовалъ у *Саада*, предводителя войскъ халифа *Омара*, прислать въ Мадаинъ трехъ депутатовъ для переговоровъ и когда Саадъ исполнилъ его требованіе, царь обратился къ депутатамъ съ слѣдующею рѣчью:

— Мы никогда не питали къ аравитянамъ особеннаго уваженія и до сихъ поръ вы слыли у насъ въ Персіи не то за купцовъ, не то за нищихъ. Ъли вы зеленыхъ ящерицъ, пили мутную, соленую воду, одѣвались въ грубыя шерстяныя ткани. Съ тѣхъ только поръ, какъ многіе изъ васъ попали въ предѣлы

Персія, вы ознакомились съ хорошими яствами, попробовали чистой, прѣсной воды и начали одѣваться въ мягкія, шелковыя и льняныя одежды. Ваши соотчичи, завидуя вамъ, цѣлой толпой нахлынули въ наше царство и, не довольствуясь дарованными имъ благами, требуютъ, *чтобы персіяне приняли ненавистное имъ въроисповѣданіе...* Поистинѣ, ваши дѣйствія напоминаютъ намъ ту лисицу въ баснѣ, которая, забравшись въ виноградникъ, принялась объѣдать лозы. Садовникъ, думая, что одна лисица большихъ убытковъ ему не надѣлаетъ, не гналъ хищницы; но насытившаяся виноградомъ лисица сообщила своимъ подругамъ о простотѣ садовника и навела за собою ихъ цѣлыя стаи... Тогда-то садовникъ, захвативъ лисицъ, перебилъ ихъ. Вы поступаете также точно, но я (заключилъ царь) прощаю вамъ, позволяю нагрузить вашихъ верблюдовъ пшеномъ и финиками для доставки землякамъ и совѣтую возвратиться во свояси. Если же, не взирая на великодушное мое предложеніе, вы останетесь въ предѣлахъ Персіи, я съумѣю отомстить вамъ за эту дерзость.

Такъ велъ переговоры бѣдный царь персидскій съ будущими обладателями Азіи, предлагая плоды земли тому народу, который владѣлъ уже и самою землею. Депутаты съ достоинствомъ отвѣчали царю, что единственное желаніе халифовъ есть *обращеніе Персіи въ исламу*; что только съ этимъ условіемъ, да при исправномъ платежѣ податей, ни одинъ аравитянинъ не вторгнется въ предѣлы царства. Если же, — заключили депутаты, — вы отвергаете новое ученіе, тогда платите халифамъ дань, которую имъ платятъ всѣ *невѣрныя*; если же и на это не согласны — готовьтесь къ войнѣ...

Іздгердъ выбралъ послѣднее — и возгорѣлась роковая война, рѣшившая участь Персіи. Трехсуточная рѣшительная битва произошла въ 636 г. близъ города *Кадезіи*. Персидская стотысячная армія была истреблена: священная царская хоругвь *Кавэ* досталась въ руки побѣдителей. Послѣднее обстоятельство навело на персовъ суевѣрный ужасъ и внушило имъ предчувствіе о близкомъ паденіи царства. Царь, преслѣдуемый Саадомъ, бѣжалъ отъ него изъ города въ городъ. Въ 640 г. Омаръ отозвалъ Саада отъ предводительства войсками, что дало Іздгерду нѣкоторую

надежду дать отпоръ побѣдителямъ; но Омаръ, свѣдавъ о приготовленіяхъ царя къ продолженію войны, послалъ противъ него *Номана* съ нарочнымъ повелѣніемъ искоренить нелѣпную вѣру огнепоклонниковъ. Номанъ со своею арміею двинулся къ *Нехавенду*, близъ котораго укрѣпленнымъ лагеремъ расположились персіяне, предводимые *Фарузаною*. Два мѣсяца, стоя въ виду другъ друга, ни онъ, ни Номанъ не отваживались приступать къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Наконецъ Номанъ, созвавъ свои дружины, сказалъ имъ: „Друзья, готовьтесь побѣдить или испить сладкую чашу мученичества! Трижды я произнесу нашъ текбиръ (*славословіе* ⁽¹⁾): при первомъ разѣ препоясывайтесь, при второмъ—садитесь на коней, при третьемъ, съ копытами въ рукахъ, мчитесь къ побѣдѣ или во врата райскія! Что касается лично до меня, я паду мученикомъ, и когда буду убитъ, повинуйтесь моему преемнику!“ Произошла битва. Номанъ былъ убитъ, но аравитяне отомстили за смерть его блестящей побѣдой: 30,000 персіанъ легло на полѣ сраженія, а 80,000 утонуло въ рвахъ, окружавшихъ лагерь; Фарузанъ, бѣжавшій въ горы, былъ настигнутъ и убитъ. Битва арбельская рѣшила, 970 лѣтъ тому назадъ, судьбу царства Кира, битва *нехавендская* рѣшила судьбу религіи Зороастра: поклоненіе огню и солнцу, повсюду изгоняемое, было замѣнено поклоненіемъ единому Богу въ грубой формѣ исламизма.

Послѣдній царь персидскій, послѣ многолѣтнихъ скитаній изъ города въ городъ, пріютился, наконецъ, у мельника близъ города Мервы. Прельщенный богатымъ одѣяніемъ Іездгерда, мельникъ его зарѣзалъ въ 650 г. Народъ растерзалъ убійцу, а тѣло царя было отослано въ Истахаръ для погребенія въ усыпальницѣ царей персидскихъ. Халифы *Тохериды* смѣнили Сассанидовъ на престолѣ Персіи; власть ихъ простиралась отъ Окса до Евфрата.

(1) Текбиръ, т. е. музусьманское славословіе, состоитъ изъ короткой молитвы. или, вѣрнѣе, двухъ словъ: великъ Господь! (Аллахъ керимъ!). Текбиромъ, кромѣ того, называется всякое призываніе имени Божія, а равно и знаменитая формула: «лѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ пророкъ Его!»

Покоривъ царство, имъ пришлось еще продолжать борьбу съ многими приверженцами закона Зороастрова. Послѣдніе, тѣснимые мусульманами, укрывались сначала въ Когистанѣ, потомъ, берегами Персидскаго залива, достигли Ормуса. Отсюда, послѣ пятнадцати-лѣтняго пребыванія, принуждены были бѣжать на островъ *Діу*, слишкомъ бѣдный произведеніями для прокормленія многихъ тысячъ семей. Бросивъ жребій, огнепоклонники отправились въ Индію, гдѣ раджа Гудзератскій далъ имъ пріютъ, разрѣшивъ свободное отправленіе вѣроисповѣданія праотцевъ. Переселенцевъ этихъ въ Индіи называютъ *Парсами* или *Парси*, въ Турціи и Персіи: *Гебрами* или *Гаврами*. Кромѣ Индіи, многіе эмигранты-огнепоклонники нашли убѣжище въ Арменіи, въ горахъ кавказскихъ и по бережьямъ Каспійскаго моря. Потомки первыхъ переселенцевъ существуютъ донинѣ и въ предѣлахъ Россіи, въ городѣ *Баку*.

Окончивъ историческій очеркъ персидской монархіи, служащій вступленіемъ къ исторіи ея религіи, считаемъ не лишнимъ объяснить читателю причины, побудившія насъ вставить этотъ очеркъ въ нѣсколько широкія рамки. Наглядно, онъ ознакомилъ съ древнѣйшими повѣрьями, обрядами и обычаями персовъ; со степенью нравственнаго развитія этого народа, а—*самое главное*—съ его столкновеніями съ народами иныхъ вѣроисповѣданій и его отношеніями къ послѣднимъ. Въ предѣлахъ Персіи, въ древности, умѣщались почти всѣ религіи и каждая изъ нихъ болѣе или менѣе вліяла на политическій бытъ монархіи Кира.

Первобытная религія, заимствованная у мидянъ, состояла въ *сабиизмѣ*, т. е. въ поклоненіи свѣтиламъ небеснымъ и стихіямъ; впоследствии къ ней примѣшалось и *обоготвореніе* чловѣка, въ лицѣ царей-деспотовъ. *Зороастръ*, преобразовавъ эту религію, присоединилъ къ ней ученіе *дуализма* или догматъ о двухъ началахъ, добромъ и зломъ. *Артаксерксъ*, женатый на Эсѣири, особенно благоволилъ *закону Моисееву*. Войны съ греками и

малоазиатскими ихъ поселеніями, въ которыхъ сохранялось вѣрованіе въ *божества олимпійскія* — имѣли громадное вліяніе на религіозныя убѣжденія персовъ, приносившихъ жертвы и этимъ божествамъ и совѣщавшихся съ греческими оракулами; *Ксерксъ* приносилъ жертвы Минервѣ. Во время похода *Камбиза* въ Египетъ, царь этотъ, всячески оскорбляя тамошнюю религію, вѣрилъ однако же и *египетскимъ* оракуламъ.... *Христіанство*, проникнувшее въ Персію, то гонимое, то покровительствуемое царями, находило себѣ многихъ послѣдователей и послѣдовательницъ, даже между царевичами и царскими женами. Ученія *манихейцевъ* и *зендикувъ* (послѣдователей Маздака) нашли себѣ приверженцевъ между царями, а въ народѣ были даже приняты съ восторгомъ, успешно соперничая съ закономъ зороастровымъ. Желая досадить императорамъ византійскимъ, Хозрой II покровительствовалъ *ереси несторіанской*.... наконецъ, главная цѣль халифовъ аравійскихъ, при завоеваніи Персіи, состояло въ обращеніи этой страны въ *исламизмъ*; но персіяне, принявъ и этотъ законъ, стали, со временемъ, магометанами-раскольниками, и отвратясь отъ Корана, сдѣлались *шиитами*—т. е. послѣдователями доктрины Алія....

Грустно сказать въ заключеніе, что изъ *десяти* вѣроисповѣданій —положительно ни одно (кромя послѣдняго) не укоренилось въ Персіи; ни одно—самое христіанство,—не имѣло благотворнаго, смягчающаго вліянія на нравы этой вѣроломной страны, отличительнѣйшими чертами которыхъ были издревле: *безбожіе* и *безчеловѣчіе* со всѣми пороками, порождаемыми этими двумя отрицательными качествами.... Явленіе это тѣмъ чудовищнѣе, что именно Зороастръ, какъ увидимъ далѣе — училъ своихъ соотечественниковъ существенному отличію: *добра* отъ *зла*, *свѣта* отъ *тмы*, *добродѣтели* отъ *порока*!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Религія персовъ до Зороастра. — Сабизмъ. — Миѳра. — Жертвоприношенія. — Огонь. — Праздники весны и осени. — Анаитисъ. — Праздникъ Сака. — Обязанности мобедовъ. — Вѣра въ сны. — Календарь. — Языкъ и письмена. — Извращеніе первоначальной религіи. — Обогащеніе царей.

До Зороастра, жившаго и проповѣдывавшаго свое ученіе при Даріи Гистаспѣ, персы, подобно властителямъ своимъ — мидянамъ, исповѣдывали *сабизмъ*, первобытную религію почти всѣхъ малоазіатскихъ народовъ. Предметами поклоненія сабистовъ вообще были: солнце, луна, планеты, звѣзды и четыре главныя начала природы, т. е. огонь, воздухъ, вода и земля. Божествамъ этимъ персы не воздвигали ни алтарей, ни храмовъ въ твердомъ убѣжденіи, что молитвы на открытомъ, преимущественно высокомъ мѣстѣ, скорѣе дойдутъ до Бога, нежели изъ подъ каменныхъ сводовъ капищъ. Жрецы персовъ, маги или *мобеды*, уроженцы Мидіи, и по всему вѣроятію, ученики халдеевъ поддерживали въ персахъ вѣру въ божественность свѣтилъ, въ особенности же въ ихъ вліяніе какъ на землю со всѣми ея произведеніями, такъ равно на дни, легкіе или тяжелые, и, наконецъ, на судьбы людей. Откуда вытекало вѣрованіе въ бытіе особенной звѣзды надъ каждымъ человѣкомъ; звѣзды, по сочетанію которой съ планетами и созвѣздіями, въ минуту его рожденія, можно судить о грядущей его участи. Такимъ образомъ, астрологія была повсемѣстно однимъ изъ основныхъ догматовъ сабизма. Подъ именемъ *Миѳры*, мидяне и персы признавали солнце божествомъ верховнымъ, душою міра; огонь — его подобіемъ на землѣ. Молились тому и другому, но не иначе, какъ чрезъ посредство мобедовъ. Молящіеся, въ ихъ сопровожденіи, шли обыкновенно на гору, ведя за собою жертву (преимущественно коня), убранную миртовыми, лавровыми или тамариндовыми вѣтвями. На вершинѣ горы жертву зарѣзывали, подстилая подъ текущую кровь охапки клевера (*trifolium pratense L.*)

и раскладывая на нихъ же куски мяса, на которые изрѣзывали жертву. Мясо ея съѣдали; землю поливали смѣсью растительнаго масла (1), меда и молока. „Мясо жертвы на съѣденіе людямъ“, говорили при этомъ мобы— „душу ея—богу!“ Молящимся вмѣнялось въ обязанность молиться не только о себѣ и своихъ родныхъ, но непременно о царѣ и о всѣхъ согражданахъ. Обожаніе огня выражалось, главнымъ образомъ, въ предосторожностяхъ отъ оскверненія этой стихіи: раздувать огонь дыханіемъ, жечь на немъ что либо нечистое, въ особенности трупы—почиталось грѣхомъ непростительнымъ, также точно какъ и преданіе землѣ тѣлѣ усопшихъ.

Эпохи равноденствій, весеннаго и осеннаго, праздновались у персовъ, какъ и вообще у сабистовъ, повсемѣстно. При праздникѣ весны (*нурузъ*) ликовали и веселились; праздникъ осени носилъ отпечатокъ унынія и грусти. Въ праздникъ нурузъ, вступленіе Миеры въ созвѣздіе Агнца (овна), возвѣщало людямъ долгіе, теплые дни, пробужденіе природы отъ зимняго сна и начало плодотворной дѣятельности земли... словомъ, нурузъ былъ праздникомъ жизни (2). Вступленіе Миеры въ знакъ вѣсовъ было предвѣстникомъ предстоящаго лишенія людей всѣхъ вышеупомянутыхъ благъ, т. е. умаленія дней, наступленія холодовъ, сумрака и зимняго безплодія засыпающей природы. Въ этихъ двухъ праздникахъ древнихъ персовъ уже лежалъ зародышъ ученія о двухъ началахъ, вполнѣдствіи развитаго Зороастромъ.

Какъ съ поклоненіемъ Миерѣ сливалось обожаніе огня, такъ съ поклоненіемъ *Анаитисъ* (луна) соединялось обожаніе воды, стихіи, посвященной этой планетѣ. За тяжкій грѣхъ признавали сабисты бросать въ воду нечистоты, мыть въ рѣкахъ грязное бѣлье или выливать въ нихъ кровь, органическія изверженія и

(1) Въ замѣну этихъ двухъ словъ, впредь мы будемъ употреблять славянское *елей*, почему-то изгнанное изъ гражданскаго языка.

(2) *Нурузъ* до нынѣ празднуется въ Персіи. Язычество завѣщало его магометанамъ, и праздникъ сохранился, вопреки уставамъ исламизма. Такъ у насъ сохраняется *семики*, не имѣющій ничего общаго съ христіанствомъ.

т. п. Свѣтило ночи древніе персы чествовали пятидневнымъ торжествомъ — *Сака*, установленнымъ Киромъ въ память побѣды, одержанной надъ племенемъ саковъ. Первообразъ римскихъ сатурналій, сака былъ празникомъ подчиненныхъ: женщинъ, дѣтей и рабовъ. Въ эти дни господа подчинялись слугамъ; самъ царь, слагая бремя власти, вѣнчалъ тиарою и облакалъ въ свои одежды преступника, приговореннаго къ смерти. Ему воздавали царскія почести, приказаніямъ его (кромя собственнаго помилованія) повиновались; его поили и кормили — именно *на убой*, такъ какъ, по прошествіи праздника, все-таки предавали смерти.

О поклоненіи прочимъ планетамъ мы не распространяемся потому, что исторіи сабизма посвятимъ слѣдующій томъ нашего труда; сверхъ того, о многихъ религіозныхъ обрядахъ персовъ читатели уже имѣютъ нѣкоторое понятіе изъ предыдущихъ главъ. Замѣтимъ только нѣкоторыя отличительныя черты религіи персовъ до ея преобразования. Въ вѣденіи мобедовъ, кромѣ жертвоприношеній и составленія гороскоповъ, были разнаго рода *гаданья*, *метаніе жребія*, самое же главное — *толкованіе сновъ*, въ которые персы особенно вѣрили. Что вѣрованіе это нерѣдко имѣло вліяніе на судьбы монархіи, это мы видѣли съ первыхъ же страницъ ея исторіи. Сбыччивыми снами признавались особенно весенніе; сновидѣнія во время листопада признавались пустыми и обманчивыми. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что мобедамъ не безъизвѣстно было вліяніе луны на спящихъ вообще, на лунатиковъ въ особенности; несомнѣнно и то, что послѣдніе почитались особенно угодными Анаитисѣ и пользовались репутаціей вдохновенныхъ истолкователей велѣній этой богини. Въ дополненіе очерка сабизма персовъ скажемъ, что годъ, начинавшійся съ марта, дѣлился у нихъ на двѣнадцать тридцатидневныхъ мѣсяцевъ съ пятью добавочными днями. У каждаго мѣсяца было свое созвѣздіе, у каждаго дня — своя звѣзда, благотворно или губительно на него вліявшая. Вотъ древнѣйшія названія мѣсяцевъ у персовъ въ двухъ редакціяхъ, согласно таблицъ, составленной знаменитымъ англійскимъ антикваріемъ Томомъ Гайдомъ (Thomas Hyde): 1) мартъ — апрѣль: *Адуръ* или *Фервардинъ*, 2) апрѣль — май: *Гулгусъ*, *Дей* или *Ардибехештъ*, 3) май — іюнь: *Бахманъ* или *Хор-*

дадз, *Шурдадз*, 4) июнь—июль *Эсфендармадз* или *Тирз*, 5) июль—августъ: *Дабз*, *Фервардинз* или *Мардадз*, 6) августъ—сентябрь: *Ардибехештз* или *Шариверз*, 7) сентябрь—октябрь: *Хардадз* или *Михрз*, 8) октябрь—ноябрь: *Тирз* или *Абанз*, 9) ноябрь—декабрь: *Мурдадз* или *Адарз*, 10) декабрь—январь: *Шариверз* или *Дей*, 11) январь—февраль: *Михрз* или *Рахманз*, 12) февраль—мартъ: *Абанз* или *Исфендармадз*.

Священный языкъ мобедовъ, предшественниковъ Зороастра, назывался *пеллеви*; Зороастръ замѣнилъ его языкомъ *зендз*, откуда и названіе книги его закона—*Зенд-Авеста*, т. е. слово на языкѣ зендъ. Письменные знаки мобедовъ первоначально были іероглифическіе—они и есть такъ называемыя *клинообразныя* или *воздеобразныя письма*, встрѣчающіяся на памятникахъ эпохи первыхъ трехъ царей династіи Ахеменидовъ.

Деспотизмъ вель персовъ къ раболѣпству; раболѣпство, въ свою очередь, привело ихъ къ забвенію божества и къ обоготворенію царей. Мобедамъ, этимъ покорнѣйшимъ слугамъ деспотовъ, не трудно было возвести это обоготвореніе въ религіозный догматъ и дошло, наконецъ, до того, что уже не боговъ, но царей стали признавать правителями вселенной; свѣтиламъ небеснымъ продолжали поклоняться единственно потому, что сами они, по толкованію мобедовъ, повиновались велѣніямъ царскимъ. Рубка головъ упрямымъ была наилучшимъ аргументомъ людямъ, державшимъ сомнѣваться въ божескомъ всемогуществѣ царя персидскаго. Извращеніе и безъ того ложныхъ религіозныхъ понятій было именно тѣмъ страшнымъ *зломъ*, къ искорененію котораго былъ призванъ Зороастръ, по собственному его сознанию. Появленіе преобразователя религіи было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ возникшей въ ней неурядицы... Пришло время напомнить народу, что кромѣ боготворимаго имъ царя есть еще существо во вселенной, предъ которымъ шаръ земной менѣе песчинки, предъ которымъ самыя эти цари должны падать во прахъ съ сознаниемъ своего ничтожества предъ его безпредѣльнымъ величіемъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ (1)

Зороастръ. — Вѣще сновидѣніе его матери. — Смыслъ его. — Рожденіе Зороастра. — Враги его. — Ихъ преступныя попытки. — Дѣтство и отрочество Зороастра. — Чудесная переправа. — Прибытіе въ Иранъ. — Гора Альборджъ. — Бесѣда съ Ормуздомъ. — Добро и зло. — Безсмертіе. — Рай и адъ. — Зенд-Авеста. — Шесть издедовъ. — Пещера Миоры. — Зороастръ у Дарія Гистаспа. — Испытанія. — Чудесный кипарисъ. — Злоба маговъ.

Зороастръ, имя элинированное, т. е. переименованное на греческій ладъ изъ слова *αδτροειτης*: приносящій жертвы звѣздамъ, или созерцатель звѣздъ. По зендски имя преобразователя *Зеревоистро*: живая, золотистая, живоносная звѣзда. Попомокъ древнихъ царей мидійскихъ (по отцу и по матери), Зороастръ родился въ 589 году до Р. Х. въ Урміи, городѣ области Азербиджанской. Отца его звали *Поросшаспъ*, мать *Догдо*. Имя перваго означаетъ обладателя табуновъ и доказываетъ, что онъ владѣлъ огромными стадами, которыя, по тому времени, были главнѣйшими богатствами. Скорбя о злобѣ, царившей тогда на землѣ, Поросшаспъ часто молился богу—вседержителю, *Хеомо*, о дарованіи ему сына, и богъ услышалъ его молитву: „отъ корня Ферадунова изростилъ древо великое и послалъ на землю Зороастра для освобожденія узниковъ и угнетенныхъ.“ Догдо, будучи беременна на пятомъ мѣсяцѣ, видѣла чудный сонъ. Снилось ей черная туча, подобно орлиному крылу, затмивавшая солнце и разливавшая мракъ по всей землѣ. Изъ

(1) Во избѣжаніе частыхъ выносокъ и ссылокъ, скажемъ, что какъ эта глава, такъ и послѣдующія составлены по біографіи Зороастра: *Зердустъ-намэ*, сокращенно переведенной *Аикети-Дюперронамъ* (Anquetil — Duperron) вмѣстѣ съ *Зенд-Авестою*. На русскомъ языкѣ т-и другое является впервые.

этой тучи дождемъ сыпались всякіе гады и звѣри: львы, тигры, волки, носороги, змѣи съ острыми зубами, и все они валились въ домъ Поросшасна. Одно изъ этихъ чудовищъ бросилось на Догдо, разорвало ей утробу и, вырвавъ младенца, сжало его въ когтяхъ. Дрожаящая всеѣмъ тѣломъ, страдальца, умоляя о помощи, повторяла: „кто избавить меня отъ этихъ звѣрей?“ — Не бойся, отвѣчалъ младенецъ, спокойно улыбавшійся въ когтяхъ чудовища — звѣри эти не повредятъ намъ. Богъ заботится обо мнѣ, и ты познаешь этого бога! Много звѣрей, но я одинъ справлюсь съ ними!..“ Мать поуспокоилась и увидѣла она тогда, что все звѣри, образовавъ гору, потянулись къ небу; мгла разсѣялась, проглянуло солнце, подулъ осенній вѣтеръ, и звѣри опять посыпались на землю, будто блевые листья. Явился юноша необыкновенной красоты, сіяющій какъ полумѣсяцъ, величавый какъ царь. Въ одной рукѣ держалъ онъ лучезарный рогъ, которымъ долженъ былъ выкорчевать корень *дивовз* (бѣсовъ); въ другой — книгу. Онъ бросилъ ее въ самую гущину звѣринаго стада, и все оно исчезло, кромѣ волка, льва и тигра; но юноша ударилъ ихъ рогомъ, и они разсѣялись какъ дымъ... Тогда, взявъ младенца, исторгнутаго изъ утробы матери, онъ опять вложилъ его въ чрево Догдо, дунулъ, и она снова почувствовала себя беременною. „Не бойся!“ сказалъ онъ ей при этомъ — „небесный царь покровительствуетъ твоему младенцу; весь міръ ожидаетъ его появленія. Это пророкъ, котораго богъ пошлетъ своему народу; закону его возрадуется весь міръ: онъ заставитъ пить изъ одного источника лютаго льва и кроткаго агнца. Не бойся звѣрей: покровительствуемому богомъ бояться нечего, хотя-бы на него возсталъ весь свѣтъ!..“ Сказавъ это, юноша исчезъ, и Догдо пробудилась. Время было полуночное. Устрашенная сновидѣніемъ, мать пошла къ старцу снотолкователю, великому волхву, вѣдуну звѣздъ и всей вселенной. На разспросы Догдо о значеніи сна, онъ отвѣчалъ только, чтобы она показала ему свой гороскопъ, а дня черезъ три пришла понавѣдаться. Трое сутокъ не спала Догдо и когда на четвертые сутки пришла къ волхву, онъ ей чрезвычайно обрадовался. Долго при ней онъ наблюдалъ звѣзды, нѣсколько разъ пересчитывалъ гороскопъ, нѣсколько разъ что-то писалъ и сти-

раль на дощечкѣ и, окончивъ вычисленія, сказалъ: „Вижу то, чего понинѣ не видалъ никто. Беременности твоей пять мѣсяцевъ и двадцать три дня. Рожденный тобою въ свое время младенецъ будетъ нареченъ *Зороастромъ-благословеннымъ*. Возвѣщенному имъ закону порадуются весь міръ. Врагами его будутъ послѣдователи закона нечистаго; они объявятъ ему войну и вступятъ съ нимъ въ ожесточенный бой... Ты пострадаешь отъ нихъ на яву, какъ отъ звѣрей пострадала въ сновидѣніи, но, тѣмъ не менѣе, восторжествуешь надъ ними. Лучезарный юноша, сошедшій съ шестаго неба, есть посланникъ божій; рогъ—величіе божіе, которое проявится въ Зороастрѣ для изгнанія зла изъ міра; книга—печать пророчества, отъ которой бѣгутъ дивы. Три звѣря—три могучіе врага, предъ Зороастромъ, однако же, безсильные. Будетъ царь въ Персіи, при которомъ люди обратятся къ истинной вѣрѣ. Повинующимся словамъ Зороастра богъ даруетъ рай; души враговъ будутъ низринуты въ адъ! Говорю тебѣ истину: наука и познанія мои, изъ старинныхъ книгъ почерпнутыя, не обманываютъ меня.

Догдо, упоенная радостью будто виномъ, съ сердцемъ, трепещущимъ, какъ легкое облако, утреннимъ вѣтеркомъ гонимое, возвратясь домой, обо всемъ слышанномъ рассказала мужу. Пришло время родить, и Догдо родила Зороастра, смѣявшагося въ минуту появления на свѣтъ, что было чудомъ невиданнымъ. *Плینی* говоритъ (Исторія міра, кн. VII, гл. 16), что біеніе родничковъ новорожденнаго было такъ сильно, что отталкивало руку, приложенную къ его тѣмени. Присутствовавшія при родахъ чародѣйки, даже и тѣ удивлялись этому признаку ума необыкновеннаго. Молва о рожденіи чудеснаго младенца разнеслась по всему царству; встревожились всѣ маги, черно книжники, вѣдуны и чародѣи, властвовавшіе тогда надъ умами людей. Старѣйшина ихъ, *Дурансеручъ*, по книгамъ своимъ понялъ, что Зороастръ со временемъ вытѣснитъ магію и поклоненіе дивамъ; этотъ Дурансеручъ при вѣсти о его рожденіи воспрянулъ со своего трона, будто бѣшенный буйволъ.... сѣлъ на коня и поскакалъ въ домъ Поросшаспа и Догдо. При входѣ волхва въ комнату, Зороастръ сосалъ грудь матери; пещки его были подобны наливнымъ плодамъ, подрумяненнымъ лѣт-

нимъ солнцемъ; величіе божіе вѣяло отъ его тѣла. Влѣднѣй отъ злости, Дурансерунъ, вырвавъ младенца изъ рукъ матери, занесъ на него мечъ, намѣреваясь разрубить Зороастра пополамъ, но рука злодѣя, по волѣ бога-хранителя душъ, мгновенно отсохла! Пламенѣя безсильной злобой, злодѣй бѣжалъ; за нимъ послѣдовали маги, „изгибаясь будто змѣи.“ Въ угоду ему, они черезъ нѣскольکو времени, похитивъ Зороастра, унесли его въ пустыню. Здѣсь, сложивъ костеръ и разведя страшный пламень, бросили въ него младенца, въ полной увѣренности, что онъ сгоритъ до тла. Догдо, узнавъ объ этомъ, побѣжала къ мѣсту убіенія сына и видитъ— онъ спокойно спитъ на пылающемъ кострѣ; огонь для него будто зыбкая вода, щечки его сияютъ какъ планеты *Зогоре* и *Моштери* (Юпитеръ и Венера). Внѣ себя отъ радости, осыпая его поцѣлуями, мать принесла его домой. Узнавъ о спасеніи Зороастра, маги и дивы пришли въ бѣшенство и стали измышлять иные способы къ его пагубѣ. Младенца бросили на узкую тропу въ горномъ ущелии, по которой проходили стада. Гибель его подъ ногами быковъ казалась злоумышленникамъ неминуемою... ничуть не бывало: передовой быкъ, прикрывъ его собою, защищалъ отъ прочихъ и ни одинъ не прикоснулся къ Зороастру ни рогомъ, ни копытомъ; тоже случилось, когда младенца бросили на дорогу подъ ноги шедшаго табуна лошадей: здѣсь его защитила кобылица. Не взирая на очевидное покровительство божіе, Дурансерупъ отважился на третью попытку. Въ волчьихъ логовищахъ онъ велѣлъ перерѣзать всѣхъ волчатъ и бросивъ ихъ труны на долину, положить между ними Зороастра: Волки и волчихи сбѣжались стаями, рыча и скаля зубы, но ребенка не тронули: его защищала сидѣвшая въ изголовьѣ старая волчиха. Когда же онъ расплакался, съ горы на долину сбѣжали двѣ овцы и кормили его молокомъ всю ночь, въ присутствіи вольвовъ, которые и къ нимъ не прикоснулись. Сильнѣйшій изъ маговъ, *Турбераториз*, сказалъ растерявшимся товарищамъ: „Горюйте, не горюйте, а я знаю, что этого ребенка намъ не извести, такъ какъ его хранить самъ Богъ. Вѣрьте мнѣ, что онъ побѣдитъ насъ, и законъ его распространится по землѣ!“ Слышавшій эти слова, отецъ Зороастра спросилъ что означалъ смѣхъ младенца при его рожденіи?— „Смѣхъ этотъ“

отвѣчалъ Турбераторшъ, — „быль знаменіемъ будущей его святости. Ему суждено указать народамъ истинный путь къ спасенію своею Зенд-Авестою!“ Радуюсь, отецъ возвратился въ свой домъ и здѣсь посѣтилъ его благочестивый, ученый старецъ, выпросивъ у отца Зороастра, чтобы онъ его отдалъ старцу на воспитаніе. Поросшаспъ исполнилъ его просьбу, и Зороастръ выросъ на попеченіи старца до семилѣтнаго возраста, въ бережѣ и въ холѣ, хранимый *Ормуздомъ*, не страшась жгучаго дыханія *Аримана* (духа тьмы и зла) (1). Дурансерунъ и Турбераторшъ попытались овладѣть отрокомъ посредствомъ чаръ и адскихъ навожденій... при видѣ ихъ весь народъ дрожалъ отъ ужаса, одинъ только отрокъ Зороастръ оставался непоколебимъ. Вскорѣ онъ заболѣлъ: Турбераторшъ, наваривъ ядовитыхъ зельевъ, принесъ ихъ къ больному подъ видомъ лекарствъ; но Зороастръ, бросивъ кубокъ на землю, сказалъ ему: „не нужна мнѣ твоя помощь, грязная душа! Богъ — единственный мой врачъ и цѣлитель!“

Въ тѣ времена маги и чародѣи страшно размножились по всей землѣ; люди, позабывъ Бога, поклонялись дивамъ и совѣщались съ ними. Этимъ нечестивымъ вѣрованіемъ увлекся и Поросшаспъ и подружился съ магами, заклятыми врагами своего сына. Однажды, когда они были на пирѣ у Поросшаспа, онъ сказалъ Турбераторшу: „Дай мнѣ рецептъ лекарства, дающаго веселье душѣ!“ Не давъ времени магу отвѣчать, Зороастръ гнѣвно произнесъ: „Не пустословь, отецъ! Тебѣ это снадобье не нужно. Илучи прямымъ путемъ, не попадешь въ адъ, къ которому ведутъ и въ который стремятся всѣ волхвы и чародѣи!

— Такъ ты отвергаешь мою власть! крикнулъ Турбераторшъ. Ты не вѣришь, что я могу тебя и отца опозорить по всему свѣту?

— Ничего ты не можешь, грязная душа! Чтобы опозорить меня съ отцомъ, тебѣ придется лгать; мнѣ, чтобы тебя опозорить, достаточно сказать правду. Знай же, что я, по волѣ всемогущаго,

(1) Олицетворяя себѣ духа тьмы во всемъ вредномъ и гибельномъ, древніе персы называли его дыханіемъ смертоносный вѣтеръ *самумъ* или *саміэль*.

низвергну тебя во прахъ, разрушу всё дѣла твои, уничтожу твое тѣло, а душу поражу безутѣшной скорбію!..“

Устрашенные этой грозной рѣчью семилѣтняго отрока, волхвы бѣжали изъ-за стола и покинули домъ Пороспаса. По возвращеніи Турбераторша домой, тѣломъ его овладѣла жестокая горячка, а душою скорбь безутѣшная. Такъ, побѣдивъ маговъ, Зороастръ достигъ пятнадцатилѣтняго возраста, проводя дни и ночи въ молитвахъ Ормузду, утѣшая скорбящихъ, помогая неимущимъ... И прославился онъ, наконецъ, между большими и малыми, знатными и простыми. Гнушаяся ученія чернокнижниковъ, онъ учился премудрости у *халдеевъ* и достигъ въ ней высочайшей степени совершенства.

Когда Зороастру исполнилось 30 лѣтъ, онъ впервые отправился въ Иранъ. Дойдя до береговъ *Аракса* и не найдя лодки для переправы, онъ душевно пожалѣлъ о своихъ попутчицахъ, вынужденныхъ пуститься въ плавь и при этомъ обнаружить сокровеннѣйшія свои прелести. Щады ихъ стыдливость и въ огражденіе себя отъ соблазна, Зороастръ усердно помолился Ормузду, и давъ знакъ всѣмъ присутствовавшимъ, мужчинамъ и женщинамъ, слѣдовать за собою, пошелъ по отвердѣлой поверхности рѣки будто по сушѣ. Онъ прибылъ въ Иранъ въ день Анирана (30 число) мѣсяца Эсфендармада, когда праздновали *день Фарвардіановъ* или душъ праведныхъ. Ночь застала его въ дорогѣ, и когда онъ прилежъ отдохнуть, ему приснилось, будто съ сѣвера и съ юга идутъ другъ на друга двѣ арміи змѣй, сражаются между собою, и змѣи южныя одерживаютъ верхъ надъ сѣверными. Изъ этого сновидѣнія онъ понялъ, что въ предстоящей борьбѣ съ дивами и магами онъ побѣдитъ ихъ. Повеселясь на праздникѣ, Зороастръ, черезъ Ширванъ, прибылъ, на восходѣ солнечномъ дня Дашмэхера, мѣсяца Ардибехешта (15 числа II мѣсяца), на берегъ моря *Дазти* (Каспійскаго моря). Здѣсь, помолясь Ормузду, онъ вошелъ въ воду сперва *по щиколотку*, потомъ — *по кольны*, послѣ того — *по поясъ* и, наконецъ — *по горло*. Постепенное это погруженіе было знаменіемъ четверократнаго приращенія новаго закона: 1) при Зороастрѣ; 2 и 3) при пророкахъ: *Ошедербамъ* и *Ошедермахъ*; 4) при *Созиошъ*, который, по воскресеніи своемъ,

очистить міръ отъ грѣховъ и уподобить его раю. Умывъ въ волнахъ моря голову и все тѣло, Зороастръ возблагодарилъ Ормузда за благополучный переходъ и отправился въ горы для бесѣды съ богомъ. На пути ему встрѣтился *Бахманъ*, одинъ изъ шести свѣтлѣйшихъ духовъ, сіяющій какъ солнце, имѣя одну руку прикрытую пеленою.

— Кто ты, откуда и чего ищешь? спросилъ онъ павшаго въ прахъ Зороастра.

— Ищу пути, отвѣчалъ тотъ, — идучи по которому, могъ бы угодить Ормузду. Хочу дѣлать угодное творцу, но не знаю что ему угодно. Ты, чистый, укажи мнѣ путь, научи!

— Встань и слѣдуй за мною: самъ Ормуздъ дастъ тебѣ отвѣты. Зажмурься и иди скорѣе!

Всходя на гору, Зороастръ открылъ глаза, и тогда чистые духи указали ему дорогу къ подножію престола Ормузда. Поклоняся ему, Зороастръ спросилъ: „Кто тебѣ всѣхъ угоднѣе?“ — Тотъ, отвѣчалъ присносущій: — у кого чистое сердце, кто правдивъ, чуждъ своекорыстія; кто благодѣтельствуетъ на свѣтѣ всѣмъ: водѣ, огню, звѣрямъ. Такой человѣкъ вѣчно будетъ счастливъ; его удѣлъ — рай. Ослушникамъ волѣ моей одинъ путь — въ адъ.

Послѣ того Зороастръ разспросилъ Ормузда о шести свѣтлѣйшихъ духахъ (*Амшаспандахъ*), объ Ариманѣ, о добрѣ и злѣ и о концѣ грѣшниковъ. „Я указую *добро*“, отвѣчалъ Ормуздъ. — „Ариманъ творецъ и источникъ *зла*; мое желаніе, чтобы народы не вѣдали ни печали, ни скорбей; отъ Аримана же все зло, дурныя дѣянія и грѣшныя помыслы. Адъ — удѣлъ всѣхъ творящихъ зло; это путь, по которому они идутъ сами; я же никому не хочу зла и никого въ адъ не вталкиваю.

— Дай же мнѣ безсмертіе, сказалъ Зороастръ, — чтобы я могъ научить твоему закону людей всѣхъ грядущихъ поколѣній.

— Желаніе безумное! отвѣчалъ Ормуздъ. — Давъ безсмертіе тебѣ, я долженъ дать его и волхву Турбераторшу, а тогда невозможно будетъ и воскресеніе. Вѣрь, *если бы я даровалъ тебѣ безсмертіе, ты самъ же вскорѣ попросилъ бы у меня смерти.*

Желая доказать истину своихъ словъ, Ормуздъ приказалъ по-

дать яству, подобную меду, вкусивъ котораго Зороастръ, какъ бы въ сонной грезѣ, увидѣлъ отверстыми сердца всѣхъ людей и сокровеннѣйшіе ихъ помыслы; передъ нимъ вихремъ пронеслись всѣ событія міра, отъ сотворенія перваго человѣка до воскресенія мертвыхъ; онъ видѣлъ все, чему надлежало случиться въ послѣднюю тысячу лѣтъ бытія міра. Бѣдствія, видѣнныя Зороастромъ, побудили его отказаться отъ безсмертія. Послѣ того Ормуздъ посвятилъ его въ таинства мірозданія, объяснилъ ему законы движенія свѣтилъ небесныхъ, вліянія звѣздъ на участь людей; показалъ величіе амшаспандовъ и блаженство, уготованное праведнымъ. Въ аду Зороастръ видѣлъ гнусный ликъ Аримана и освободилъ изъ ада одного изъ провинившихся патріарховъ (по преданію царя *Джемшида* или воина *Гершаспа*, въ минуту гнѣва ударившаго огонь). Ариманъ, увидя Зороастра, закричалъ ему: „чистая душа, брось законъ Ормузда: я дамъ тебѣ все, что ни пожелаешь! Не истребляй только народа моего, чистая душа!“ — Вѣчное безславіе, отвѣчалъ Зороастръ, — тебѣ и твоимъ послѣдователямъ! Я покрою стыдомъ, будто одеждою, всѣ дѣла твои.

Тогда явилась огненная гора, чрезъ которую прошелъ избранникъ божій безъ всякаго вреда. Чистые духи, по повелѣнію Ормузда, расплавивъ металлы, поливали ими тѣло Зороастра, и ни единого волоска на немъ не было опалено. Ему вскрыли животъ, вынули кишки, и при этомъ не чувствовалъ онъ ни боли, ни страданій, такъ какъ для покровительствуемаго Богомъ самое желѣзо подобно мягкому воску, такъ какъ ему нечего страшиться ни огня, ни воды.

— Научи же народовъ всему, что ты видѣлъ, сказалъ Ормуздъ Зороастру, — ибо ты пастырь народовъ. Какъ ты переходилъ огненную гору, такъ грѣшники идутъ путемъ Аримана; какъ тебя поливали струями клокочащаго металла, такъ грѣшники будутъ поглощены огненной рѣкой... Эта огненная рѣка знаменуетъ также, что одно поколѣніе, измѣнивъ истинному закону, предается Ариману, но служители истины побѣдятъ дивовъ. Сомнѣніе овладѣетъ сердцами людей, которые будутъ истреблены огненною рѣкою. *Адербадъ-Махреспантъ* научить людей всему, что имъ вѣдать надлежитъ.“ Зороастръ спросилъ у Ормузда, въ чемъ заклю-

чаются таинства богослуженія, обязанности мобедовъ и *дестуровъ* (степени жрецовъ), какъ слѣдуетъ молиться, говоря *афринъ* (славословіе), куда при моленіи слѣдуетъ становиться лицомъ?— Существо, всѣхъ питающее, само же не имѣющее нужды въ пищу, отвѣчало ему: возвѣсти людямъ, что свѣтъ мой сокрытъ во всемъ, что блещетъ. Становясь лицомъ къ свѣту и призывая имя мое, человѣкъ отвращается отъ тьмы и обращаетъ въ бѣгство Аримана. Въ мірѣ нѣтъ ничего выше свѣта!

Затѣмъ Ормуздъ научилъ Зороастра Зенд-Авестѣ, т. е. своему *слову*. „Прочти эту книгу царю Гистаспу, дабы онъ былъ покровителемъ истинной вѣры“, прибавилъ Ормуздъ, — „обучи его добру; научи всему, что тебѣ теперь извѣстно!“ Зороастръ, поблагодаривъ Бога, спустился съ горы и тутъ опять явился ему *Бахманъ*, свѣтлый духъ (амшаспандъ), покровитель тварей, и сказалъ ему: „Поручаю тебѣ *стада* мои и всѣхъ животныхъ; научи мобедовъ скотоводству. Не убивайте птенцовъ и скотину, еще годную на служеніе человѣкамъ; объяви это старому и малому. Я учу этому по порученію Ормузда!“

Бахмана смѣнилъ второй свѣтлый духъ — *Ардибехештъ* лучезарный. — Служитель Божій, сказалъ онъ Зороастру, — объяви царю Гистаспу, что тебѣ ввѣряю я всѣ *огни*. Научи мобедовъ, дестуровъ и гербедовъ уходу за огнемъ, чтобы они не заливали его водой, не тушили грязью. Въ каждомъ городѣ долженъ быть сооруженъ алтарь огню (*Атеш-гахъ*), предъ коимъ слѣдуетъ совершать узаконенныя празднества, такъ какъ блескъ огня отъ бога. Огню, кромѣ дерева и благоуханій, ничего инаго не нужно. Научи этому старому и малаго и скажи имъ, что за ослушаніе — адъ!

Третій амшаспандъ, *Шахриверъ*, сказалъ Зороастру: „чистый, возвратись на землю, скажи людямъ, носящимъ *оружіе* — пусть они чистятъ его ежегодно. Видъ оружія прогоняетъ злоумышленниковъ; не ввѣряйте же его ни врагамъ, ни злымъ людямъ!“

— Четвертый духъ, *Эсфендармадъ*, поручилъ Зороастру передать людямъ, чтобы они не сквернили *земли* ни кровью, ни нечистотами, ни мертвыми тѣлами. Все это должно сносить на мѣ-

ста неудобренная, не паханная, куда не проникает ни вода, ни тропа человеческая. Обильный урожай—награда прилежному пахарю. Величайший из царей тотъ, кто дикую землю дѣлаетъ плодородною!

Пятый духъ, *Хордадъ*, сказалъ Зороастру: „тебѣ ввѣрю *воды*—текучую, рытую, рѣчную, бѣгущую издалека, съ горъ; воду колодезную и ключевую. Возвѣсти людямъ, что вода придаетъ силу и жизнь всѣмъ животнымъ; что она родительница всѣхъ произрастеній. Не примѣшивайте же къ ней ничего нечистаго; пища, сваренная въ чистой водѣ, — святая!

— Научи людей—сказалъ шестой духъ *Амердадъ*, — уходу за *деревьями* и сбереженію плодовъ... отъ всѣхъ же чистыхъ духовъ передай людямъ, чтобы закону Ормузда въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ обучалъ особый законоучитель, разумѣющій Авесту и твердо читающій молитвы. Да обратятся люди къ правдѣ; да препояшутся священнымъ поясомъ *кости*—символомъ святаго закона. Пусть люди свято чтутъ четыре основныя начала человѣка: огонь, воздухъ, воду, землю; тогда всѣ будутъ блаженствовать, будучи благословлены Ормуздомъ!

Обращаемъ вниманіе читателя на то замѣчательное обстоятельство, что имена этихъ духовъ въ то же время—имена покровительствуемыхъ ими мѣсяцевъ. *Бахманъ* (май) заботится о стадахъ; *Ардибехештъ* (апрѣль)—объ огнѣ, такъ какъ именно въ этомъ мѣсяцѣ начинаются жары; *Шахриверъ* (декабрь) даетъ совѣтъ чистить оружіе, т. е. готовиться къ полевымъ работамъ; *Хордадъ* или *Шардадъ* (сентябрь), начало дождей, говоритъ о водѣ; *Эсфендармадъ* (іюнь) о землѣ, такъ какъ приближается время сѣнокоса и созрѣнія плодовъ и хлѣбовъ; о плодахъ же говоритъ и *Амердадъ* (іюль—августъ). Изъ этихъ наставленій явствуетъ, что Зороастръ основою народнаго благосостоянія, подобно китайскимъ законодателямъ, полагалъ—земледѣліе и скотоводство, научая согражданъ заниматься тѣмъ и другимъ сообразно временамъ года.

Спустясь съ горы *Альборджа*, на которой онъ бесѣдовалъ съ Ормуздомъ, Зороастръ въ ней же нашель пещеру, которую посвятилъ Миерѣ. Въ ней преобразователь устроилъ символическія

Рис. 1. Пещера Мавры.

изображенія годичнаго круговорота земли, движенія планетъ и созвѣдй. Плиніи говоритъ (Ист. міра, кн. XI, гл. 42), что Зороастръ, послѣ бесѣды съ Ормуздомъ, жилъ еще двадцать лѣтъ въ пустынѣ, питаясь сыромъ, который обладалъ чудеснымъ свойствомъ не портиться. Наконецъ законодатель рѣшился возвратиться въ свѣтъ. Узнавъ объ этомъ, маги и дивы ополчились противъ него, но, увидя всезнаніе Зороастра, пришли въ крайнее смущеніе. „Брось чтеніе своей Авесты съ акомпаниментомъ священныхъ бубенъ!“ кричали они ему... Но мудрецъ прочелъ молитву, крикнулъ, и всѣ враги его исчезли: дивы спрятались подъ землю; одни изъ маговъ умерли отъ страха, другіе попросили пощады. Зороастръ пришелъ въ столицу Гистаспа въ *счастливый день*; отдохнувши, призвавъ бога на помощь, отправился въ дворецъ въ самое то время, когда въ царскихъ чертогахъ происходило засѣданіе государственнаго совѣта. Такъ какъ по закону никто не смѣлъ входить туда, и двери были заперты, Зороастръ проникъ въ комнату сквозь приподнятую половицу. Многіе изъ присутствовавшихъ въ ужасѣ разбѣжались, но царь Гистаспъ, усадивъ Зороастра, милостиво бесѣдовалъ съ нимъ, задавая ему разные вопросы и удивляясь мудрымъ его отвѣтамъ. Послѣ царя съ Зороастромъ бесѣдовали мудрецы и ученые о древнихъ наукахъ... и они встали передъ нимъ въ тупикъ, такъ какъ не было вопроса, на который бы онъ не былъ въ состояніи дать удовлетворительнѣйшаго отвѣта. Восхищенный царь, давъ Зороастру помѣщеніе во дворцѣ, разрѣшилъ ему ежедневно вести въ присутствіи своемъ ученые диспуты. Одолѣвъ своихъ противниковъ, „работая языкомъ, будто острымъ мечемъ“, Зороастръ попросилъ царя дозволить ему проповѣдывать Авесту, начавъ съ вельможъ и маговъ. „Стало ты пророкъ? замѣтилъ царь. Докажи же мнѣ чудомъ свое великое назначеніе!...

— Слушающіе пророчія мои могутъ сами творить чудеса! отвѣчалъ Зороастръ. Ормуздъ сказалъ мнѣ: слушающіе Авесту въ чудесахъ не нуждаются; книга, сама по себѣ, есть чудо изъ чудесъ!.

Заинтересованный Гистаспъ попросилъ пророка почитать ему Авесту и, выслушавъ первую главу, сознался, что она ему не нравилась.

вится: не понимая ее царь, также точно, как ребенок не понимает достоинств драгоценных камней. Не желая, однако же, огорчить проповедника, Гистаспъ общалъ ему пообдумать важный вопросъ принятія новой вѣры, прося при этомъ Зороастра приходить каждое утро во дворецъ для толкованій. Черезъ нѣсколько времени ученые, признавая чистоту ученія, все-таки настоятельно требовали чуда у проповедника.

— Позволь намъ, говорили они царю, — крѣпко на крѣпко, по рукамъ и по ногамъ связать пророка. Мы натремъ его тѣло ѣдкими зельями, потомъ выльемъ на него цѣлый манз (1) расплавленной мѣди!

Зороастръ, помолясь Ормузду, отдалъ себя въ руки истязателей, и — ни зелья, ни расплавленный металлъ ни мало не повредили ему. Кромѣ того, онъ бралъ въ руки огонь, не опалия себя кожи, и огонь этотъ, переданный имъ другимъ лицамъ, не обжигалъ и ихъ. Послѣ этихъ опытовъ Зороастръ посадилъ во дворѣ царскаго жилища кипарисъ, въ нѣсколько дней разросшійся до толщины десяти обхватовъ, а на раскидистой его вершинѣ могъ уместиться цѣлый дворецъ. Тогда то, пораженный чудесами, Гистаспъ рѣшился принять новый законъ, чему уже не смѣли препятствовать ни маги, ни ученые. Тайно негодуя на пришлеца, они, однако же, стали изыскивать способы къ его пагубѣ, и замыслы ихъ увѣнчались желаннымъ успѣхомъ.

---

(1) Мѣра емкости нѣсколько больше русскаго четверика. Вместимость его 28,800 ячменныхъ зеренъ. Здѣсь говорится не о вѣсѣ, а объ объемѣ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Заговоръ противъ Зороастра. — Его заточеніе. — Бользнь царскаго коня. — Постепенное исцѣленіе. — Четыре блага. — Сонъ царя. — Безсмертіе. — Всезнаніе. — Неуязвимость. — Первые жрецы и алтарь. — Поученія Зороастра. — Десять правиль. — Первые послѣдователи Авесты. — Семейство Зороастра. — Будущіе его сыновья. — Четыре огня. — Сказка о кипарисѣ. — Браминъ Ченреихачихъ. — Диспутъ. — Законъ Ормузда, распространенный по Персіи и Индіи.

Зороастръ, какъ мы уже говорили, пользовался квартирою во дворцѣ. Уходя по утрамъ къ царю, онъ имѣлъ обыкновеніе, заперевъ дверь комнаты своей на ключъ, отдавать его привратнику. Подмѣтивъ это, маги и ученые, посредствомъ лести и щедрыхъ подкуповъ, уговорили послѣдняго впустить ихъ въ комнату Зороастра во время его отсутствія, съ тѣмъ, чтобы послѣ на всё его роспросы привратникъ отвѣчалъ, что никто не входилъ туда, и ключъ все время оставался на его рукахъ. Провравшись такимъ образомъ въ комнату пророка, завистники его подѣкнули въ нее кровь, навозъ, вѣлокъ шерсти, куски мертвечины, головы кошки, собаки и мертвыя кости, сложивъ все это въ мѣшокъ, замѣнявшій Зороастру подушку. Совершивъ эту гнусность, маги и ученые пошли къ царю, которому въ то время Зороастръ читалъ Авесту, и сказали ему: „Его ученіе — чародѣйство, а самъ онъ злой чернокожничекъ, умышляющій твою пагубу. Ты властенъ, царь, вѣрить намъ или не вѣрить, но прибави только обыскать комнату этого пройдохи и обманщика.“

Комнату обыскали, принесли во дворецъ все убогое имущество проповѣдника: коверъ, замѣнявшій ему постель, одежды, книги, небольшой деревянный стаканчикъ и мѣшокъ съ заключавшимися въ немъ мерзостями. Спросили привратника, не входилъ ли кто къ Зороастру въ его отсутствіе? Привратникъ подъ клятвою по-

*

казаль, что никто не входилъ, такъ какъ ключъ во все время отсутствія жильца оставался у него, привратника, на рукахъ. Осыпавъ Зороастра бранью, оскорбленіями и бросивъ объ полъ Авесту, царь приказаль заковать его въ цѣпи и засадить въ темницу на хлѣбъ на воду. Ормуздъ не допустилъ, однако же, погнубить своему избраннику и черезъ семь дней обличилъ клеветниковъ чудеснымъ образомъ.

У царя Гистаспа былъ любимый вороной конь, его бранный товарищъ, носившій его къ побѣдамъ и къ славѣ, такъ какъ изъ сраженій, въ которыхъ царь бываль на своемъ конѣ, ни одно не было проиграно. Съ этимъ конемъ, во время заточенія Зороастра, случился странный недугъ: всѣ четыре ноги его ушли въ животъ, будто втянутыя въ него какой-то чудесной силой. Опечаленный Гистаспъ созвалъ со всѣхъ концевъ царства первѣйшихъ врачей и ветеринаровъ, но ни одинъ изъ нихъ не рѣшался даже браться за леченіе, такъ какъ болѣзнь царскаго коня выходила изъ ряда обыкновенныхъ и излечимыхъ. Царь былъ въ отчаяніи, которое раздѣлялъ съ нимъ дворъ и весь народъ. Узнавъ отъ своего тюремщика объ этомъ несчастіи, Зороастръ послалъ сказать Гистаспу, что беретса вылечить коня. Призванный къ царю, онъ подтвердилъ свое обѣщаніе, требуя отъ Гистаспа, для успѣха леченія, чтобы тотъ исполнилъ четыре его просьбы: по одной за каждую конскую ногу. „*Первая просьба*,“ сказалъ пророкъ—сознайся внутренно, что я истинный избранникъ Ормузда и что законъ, проповѣдуемый мною, чистъ и святъ!“ Тутъ онъ пошелъ въ конюшню и, помоляся со слезами, сталъ растирать рукою то мѣсто груди коня, куда ушла правая передняя нога, вскорѣ вышедшая наружу во всю свою длину. „*Вторая моя просьба*,“ сказалъ Зороастръ послѣ того:—заключается въ томъ, чтобы сынъ твой, герой царевичъ *Эсфендіаръ*, далъ мнѣ слово слѣдовать моему закону душою и тѣломъ, разумомъ и оружіемъ быть моимъ защитникомъ!“ — Даю это слово! сказалъ царевичъ— и вскорѣ задняя правая нога вышла наружу изъ живота больного коня. „Теперь“, продолжалъ пророкъ, — „позволь мнѣ, царь, пройти на женскую половину твоего дворца и, хотя сквозь занавѣсы, сказать нѣсколько словъ твоей супругѣ!“ Прийдя во дво-

рець, онъ сказалъ, обращаясь къ царицѣ, стоявшей за занавѣсью: „благодарю и благословляю тебя за такого сына, каковъ царевичъ Эсфендіаръ! Желашь ли удостоиться благословенія Ормузда? Слѣдуй ученію моему...

— Послѣдую! отвѣчала царица—и лѣвая передняя нога коня вышла наружу, въ исполненіе *третьей* просьбы Зороастра. Удивленіе царя возрастало по мѣрѣ чудеснаго выздоровленія коня. *Четвертая* и послѣдняя просьба, сказалъ Зороастръ:—допроси привратника о моемъ несчастномъ дѣлѣ... Въ такомъ только случаѣ конь твой бодро и весело встанетъ на всѣ четыре ноги, если привратникъ необлжно скажетъ сущую правду!

Призванному привратнику царь объявилъ прощеніе, если онъ выдастъ злоумышленниковъ. „Стану ли я щадить это проклятое племя!“ отвѣчалъ тотъ—и выдалъ маговъ. Четверо изъ нихъ были тотчасъ же посажены на колъ—и мгновенно четвертая нога коня вышла наружу. Царь въ восторгѣ бросился обнимать Зороастра, прося у него прощенія за недавнія обиды и обѣщая впредь уважать Авесту и слушаться ея проповѣдника.

Однажды бесѣдуя съ нимъ о законѣ, Гистаспъ сказалъ: желалъ бы я попросить у Ормузда *четыре* блага. Первое—показать мнѣ, живому, мѣсто, предназначенное мнѣ въ райской обители послѣ смерти; второе: дать тѣлу моему неуязвимость, а сердцу безстрашіе; третье: сдѣлать меня всезнающимъ и—четвертое: что бы душа не покидала тѣла моего до дня воскресенія!

— Изъ всѣхъ четырехъ благъ, отвѣчалъ Зороастръ:—Ормуздъ можетъ дать тебѣ только одно; прочія же кому либо другому. Подумай, что, пользуясь одинъ всѣми четырьмя благами, ты будешь всемогущъ, какъ самъ Ормуздъ. Хорошо; я помолюсь ему, попрошу...

Проведя всю ночь въ молитвѣ, Зороастръ рано утромъ пришелъ къ царю и засталъ его въ тронной залѣ, на престолѣ, съ тѣярою на головѣ. Не успѣлъ онъ сказать своего привѣтствія, какъ испуганные царедворцы доложили Гистаспу о прибытіи во дворецъ четырехъ всадниковъ-исполиновъ, вооруженныхъ копьями. Въ залу вошли исполины, посланники Ормузда: *Бахманъ, Ардибехештъ, Хордадъ и Адергошаспъ*. „Повинуйся Зороастру!“ воскликнули они громовыми голосами:—„и тогда не бойся ада“.

Сказавъ — исчезли; а царь, обращаясь къ Зороастру, произнесъ: — „ввѣряю тебѣ мое тѣло и душу!“ Тогда пророкъ совершилъ обрядъ *Дарунз*, предложивъ богу вино, оиміамъ, молоко и гrenaдовое яблоко. Благословивъ дары эти, онъ прочелъ молитву изъ Зенд-Авесты и, отпивъ вина, далъ остатокъ допить Гистаспу. Охмѣлѣлый царь уснулъ и спалъ трое сутокъ, въ теченіе которыхъ душа его, вознесенная къ престолу божію, видѣла обитатели райскія, чистый *кердарз* (источникъ) добрыхъ дѣлъ царя и будущее мѣсто его со святыми. Молоко приношенія Зороастръ далъ вынуть второму сыну царя, *Пасшутану* — и тотъ сдѣлался бессмертнымъ; оиміамъ достался царскому министру *Джамаспу*, который сталъ всезнающимъ въ наукахъ, въ настоящемъ и будущемъ. Нѣсколько зернышекъ гrenaдоваго яблока придали тѣлу *Эсфендіара* ту чудесную неуязвимость, за которую царевича прозвали *руннз-таномз* (мѣднымъ тѣломъ). Царь, пробудившійся послѣ своего трехдневнаго сна, воскликнулъ въ восторгѣ: „нѣтъ конца царствію божію!“ и тотчасъ же велѣлъ народу слѣдовать закону Зороастра. Послѣдній, возсѣвъ на высокой тронъ, читалъ Авесту во всеуслышаніе, и смущенные дивы скрылись подъ землю. Послѣ того онъ избралъ мобедовъ и гербедовъ изъ людей чистыхъ, научилъ ихъ обрядамъ, уходу за огнями, устройству богослуженныхъ принадлежностей и утвари. Построилъ великолѣпный чертогъ, на сводахъ котораго изобразилъ луну, а подъ сводомъ поставилъ престолъ изъ чистѣйшаго золота и серебра. Чтобы скрыть все это отъ глазъ нечестивыхъ, Зороастръ закрылъ все зданіе ковромъ и въ этомъ первомъ храмѣ (*атеш-га*) соорудилъ первый алтарь огню *Бурзинз*, воспламенившемуся, отъ удара молніи, на сдѣлѣ царя Гистаспа. Этому, рожденному молніею, огню поклонялись преимущественно земледѣльцы. Празднуя великій день сооруженія перваго храма духу свѣта и истины, Зороастръ, воздавъ хвалу творцу міровъ и призвавъ царя и всѣхъ вельможъ, окончательно ознакомилъ ихъ съ закономъ, читая слѣдующія поученія:

— *Поклоняйтесь Богу во правдѣ*, и рай будетъ грядущимъ удѣломъ вашимъ.

— *Ариманз*, врагъ Ормузда, отвращаетъ сердце человѣческое отъ закона, вовлекая его въ адъ, таеъ каеъ бѣдствія лю-

дей — радость аду. Дивы, издѣваясь надъ грѣшниками, послѣ говорятъ имъ въ аду: а зачѣмъ вы сворачивали съ прямого пути; зачѣмъ отъ свѣта обращались ко тьмѣ! Ормуздъ, сжалясь надъ грѣшниками, послалъ меня, говоря мнѣ: да идутъ люди путями правды и свѣта, да возненавидятъ неправду беззаконнигъ и да идетъ прямымъ путемъ. Царь, не уклоняйся отъ заповѣдей божіихъ. Учи народовъ земли не ходить путями проклятаго Аримана, и путь ихъ будетъ въ рай. Да вникаютъ люди въ чудеса Зороастра, и души ихъ не будутъ вѣдать ни страха, ни скорби.

— Изъ собственныхъ устъ Ормузда слышала я еще слѣдующія правила:

1) Миръ, въ глазахъ Создателя его — ничто. Многія тысячи поколѣній смѣняются поочередно, но онѣ не воспрепятствуютъ кончинѣ міра.

2) Подъ сводомъ небеснымъ и сводомъ алтаря умѣщаются безъ различія цари и подданные, господа и рабы.

3) Поучай людей только словамъ моимъ, и я сжаюсь надъ грѣшными, уменьшу количество ихъ мукъ, смягчу степень страданій.

4) Люди, въ дѣяніяхъ вашихъ будьте увѣрены, что пожнете только то, что сѣете. Сѣявшіе на землѣ чистоту, пожнутъ ее и на небесахъ. Слово Божіе неизмѣнно: ни придать ему нельзя ничего, ни отнять отъ него ничего невозможно; это слово говоритъ всѣмъ: *стыдъ будетъ одьяніемъ грѣшника въ аду.*

5) Вотъ что Ормуздъ говоритъ мождамъ; онъ говоритъ имъ то, чего до нынѣ еще никто не говорилъ ни вслухъ, ни шепотомъ: водою измѣряется чистота алмаза, правдою или прямыною (*расти*) измѣряется истинное величіе; самой правдѣ же нѣтъ мѣры ни въ великомъ, ни въ маломъ. Если подобныя рѣчи до меня (Зороастра) говорилъ другой ктонибудь людямъ, то слова мои тщетны; если же никто не произносилъ подобныхъ рѣчей, то слѣдуетъ слушать слова мои съ охотою и прилежаніемъ... Ибо эти слова Бога чистаго, а не дивовъ нечистыхъ; дивы такъ не говорятъ и Бога не благословляютъ.

6) Изъ всѣхъ пророковъ земли и законоучителей людей, никто, кромѣ чистаго Зороастра, не зналъ, что сокрыто въ землѣ,

что совершится на ея поверхности въ грядущемъ. Онъ, по Зенд-Авестѣ, предрекаетъ будущее; онъ показываетъ людямъ, гдѣ добро и зло, сокрытыя отъ созданія міра до его воскресенія; онъ знаетъ что такое дивы; учитъ правдѣ, отличію добра отъ зла.

7) До Зороастра еще ни одинъ пророкъ не молился съ такимъ чистымъ, кроткимъ, добрымъ и непорочнымъ сердцемъ.

8) Законникамъ и блюстителямъ правосудія Ормуздъ говорить: дѣлающіе добро получаютъ на небесахъ мзду соразмѣрную.

9) Вотъ что возвѣщаетъ Ормуздъ народамъ земли: души грѣшниковъ остаются въ аду по степени сѣдѣльныхъ преступленій.

10) Мнѣ, Зороастру, Ормуздъ сказалъ: не спрашивай меня, что будетъ съ ослушниками слова твоего; наказаніе неминуемое ожидаетъ ихъ въ концѣ дней.

Въ книгѣ о жизни Зороастра (*Зердустъ мамэ*) ни слова не говорится о первыхъ послѣдователяхъ и ученикахъ преобразователя, но по изысканіямъ Анкети-Дюперрона (1), самъ Зороастръ называетъ двоюроднаго брата своего *Медиомаха*, царскаго министра *Джамаспа* съ братомъ *Фрешостеромъ*, сыномъ *Хенхеорошемъ* и внукомъ *Вереснехе*. Кромѣ того учениками Зороастра были еще: сынъ Фрешостера *Зоузареостроэсизъ* съ сыномъ *Вехонехемекенго* и братъ царя, *Зериръгъ*. Что же касается до семейства самого Зороастра, онъ былъ женатъ, поочередно, на трехъ женахъ. Отъ первой онъ имѣлъ сына *Эздевастера*, перваго жюбеда, и трехъ дочерей: *Пари*, *Саритъ* и *Пурсистъ*. Овдовѣвъ, Зороастръ взялъ вторую жену, родившую ему двухъ сыновей: *Ороуэртура*, дестура и родоначальника земледѣльцевъ, и *Хорсишедчера*, родоначальника поколѣнія воиновъ. Третьей женою законодателя была *Хоуо*, дочь Фрешостера. Въ концѣ міра отъ нея родятся еще три сына. Зороастръ при жизни трижды посѣщалъ жену, и послѣ cadaго посѣщенія она, купаясь въ рѣкѣ, оставляла тамъ по зародышу. Этихъ зародышей охраняютъ два изеда: *Нериозенгъ* и

(1) Zend-Avesta P. 1771 in 4° Tome I, 2 partie, p. 44.

Анахидз, и будутъ охранять до тѣхъ поръ, покуда три чистыя дѣвственницы, купаясь въ рѣкѣ, не воспримуть этихъ трехъ зародышей и не родятъ троихъ сыновей: *Осшедербами*, *Осшедермаха* и *Созіосша*. Первый родится въ послѣднее тысячелѣтіе міра, остановитъ теченіе солнца на десять сутокъ, принесетъ людямъ двадцать вторую часть (*носкз*) Авесты и обратитъ половину рода человѣческаго къ закону Ормузда. Второй явится на свѣтъ черезъ четыреста лѣтъ послѣ перваго, остановитъ солнце на 20 сутокъ, принесетъ 23 носкъ Авесты и обратитъ къ закону Ормузда третью долю второй половины рода человѣческаго. Созіосшъ, третій и послѣдній изъ сыновей Зороастра, родится въ послѣдніе годы бытія міра, на 30 сутокъ остановитъ солнце, принесетъ 24 и послѣдній носкъ Авесты и обратитъ къ Ормузду весь родъ человѣческой. Затѣмъ послѣдуетъ воскресеніе мертвыхъ.

По порученію Зороастра, сынъ его Ороузартуръ, дестуръ области Варджемридской (Иракъ Аджами), проповѣдуя новый законъ, строилъ алтари четырехъ огнямъ: *Фарнъ*, *Госиаспу*, *Бурзинъ-мехеру* и *Бахраму*, назначая для служенія при нихъ мобедовъ и дестуровъ. Эти четыре разнородные огня добывались различными способами: отъ тренія сухаго дерева, изъ кремня и огнива, отъ молніи и, на сколько можно догадываться, нефтяныхъ источниковъ. Богатѣйшій алтарь огню былъ воздвигнутъ въ *Кашмеръ*, деревнѣ Хорасана. Предъ входомъ росъ чудесный кипарисъ, насаженный Зороастромъ. На корѣ его законодатель вырѣзалъ день и число принятія царемъ ученія Авесты; на широко разросшихся вѣтвяхъ былъ построенъ дворецъ въ 40 кубическихъ локтей изъ чистаго золота и серебра, со стѣнами, обложенными внутри янтаремъ и драгоценными каменьями и украшенными портретами предковъ царя и Зороастра: *Джешиида* и *Феридуна*. Сюда часто удалялся Гистаспъ, чтобы молиться Ормузду, и изъ этого воздушнаго дворца намѣревался воспарить душою на небеса, въ минуту смерти...

Намъ пришлось бы написать еще цѣлый томъ, еслибы мы вздумали объяснять всѣ символы и аллегоріи, которыми переполнено жизнеописаніе Зороастра, однако же, здѣсь не можемъ не пояс-

нить читателю прямого смысла этого символическаго сказанія о чудесномъ кипарисѣ. Легко можетъ быть, что въ дворцовомъ саду Гистаспа росъ огромный кипарисъ съ устроенной на его вершинѣ воздушной бесѣдкой, подобной той, которую устроилъ себѣ *Тиверій* на исполинскомъ платанѣ и назвалъ своимъ гнѣздышкою, по сказаніямъ Плинія (Ист. міра Кн. XII, гл. III). Возможно и то, что въ своей воздушной бесѣдѣ царь персидскій бесѣдовалъ съ Зороастромъ — но этимъ правда и ограничивается, а затѣмъ начинается фантастическая варіація восточнаго поэта. Чудесный кипарисъ съ золотымъ дворцомъ, есть символъ самаго закона, насажденнаго въ Персіи руками Зороастра, чудесно укоренившася и разросшася. Кипарисъ, возрастая, приближалъ царя къ небу... другими словами: чѣмъ усерднѣе царь слушалъ наставленія законодателя, тѣмъ болѣе приближался къ совершенству. Къ этому-то чудному кипарису, на которомъ, подобно нашему сказачному *Соловью-Будиліровичу*, заливался Зороастръ, Гистаспъ приказалъ собираться сатрапамъ всѣхъ областей, истребить у подножія его идоловъ странъ Туранской и Тчинской и слушать поученія проповѣдника Авесты. Многіе сатрапы ослушались царя и не желали слѣдовать новому закону; тогда начались войны и лютыя гоненія ослушниковъ. Ученики Зороастра, распространяя его ученія, проникли до крайнихъ предѣловъ царства, обращая въ законъ Ормузда и иноплеменниковъ.

Слухъ объ успѣхахъ новаго ученія проникъ въ Индію и достигъ до ушей мудрѣйшаго изъ мудрыхъ, брамина *Ченрегахача*. Онъ рѣшился вступить въ борьбу съ Зороастромъ и письменно испросилъ на то разрѣшенія у Гистаспа, обѣщая ему доказать, что ученіе Авесты лживо, а распространитель его — гнусный обманщикъ. Посланіе брамина смутило царя и онъ, созвавъ на совѣтъ всѣхъ своихъ вельможъ, спросилъ ихъ мнѣнія. *Джамаспъ* отвѣчалъ, что онъ въ успѣхѣхъ Зороастра увѣренъ и не опасается за него. Гистаспъ отписалъ брамину, что тотъ можетъ пожаловать въ Балъкъ на состязаніе съ персидскимъ мудрецомъ. *Ченрегахачъ* готовился къ диспуту два года, перечиталъ тысячи книгъ, совѣтовался со всѣми своими ученѣйшими единовѣрцами и, призвавъ ихъ съ собою, явился наконецъ въ Балъкъ.

Послѣ семидневнаго отдыха онъ пришелъ къ царю и сказалъ ему:

— Не сабли и не копыя будутъ оружіемъ нашего поединка, но единственно языки и слова; тѣмъ не менѣе, царь, поединокъ нашъ долженъ окончиться смертью обманщика, котораго ты предашь заслуженной казни, если я одержу надъ нимъ духовную мою побѣду. Въ случаѣ же, если онъ убѣдитъ меня въ правдивости своего ученія, я влянусь ему послѣдовать и признать себя ученикомъ Зороастра!

Съвъ на приготовленные для нихъ золотые троны, браминъ и Зороастръ начали состязаніе. Первый предложилъ ему вопросы, которые готовилъ цѣлыхъ два года. „Отвѣтъ мой въ нѣскахъ Авесты!“ сказалъ Зороастръ и, раскрывъ книгу, тотчасъ же прочелъ въ ней пророчество о своемъ диспутѣ съ Ченгреггачахомъ, о побѣдѣ надъ нимъ и его обращеніи къ закону Ормузда... „По истинѣ“, вскричалъ браминъ:— „вижу и слышу невиданное и неслыханное! Два года готовилъ я свои вопросы въ твердой увѣренности, что и въ двѣсти лѣтъ не найду на нихъ отвѣтовъ... и вотъ они на лицѣ, въ этой книгѣ!.. Сознаю себя побѣжденнымъ и принимаю законъ Ормузда.“

Послѣ семидневнаго пиршества браминъ распростился съ Гистаспомъ и своимъ учителемъ, который снабдилъ его точной копіей Авесты. По возвращеніи своемъ въ Индію, браминъ Ченгреггачахъ дѣятельно занялся распространеніемъ новаго закона и въ короткое время обратилъ въ ученіе Зороастра до 80,000 человѣкъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Проповѣданіе Авесты халдеямъ. — Туранскій царь Арджаспъ. — Религіозныя войны. — Смерть Зороастра. — Разореніе Балка. — Книги закона. — Вендидадъ-садэ. — Іештгъ-садэ. — Ея содержаніе. — Бунъ-Дехешъ. — Языческое многословіе. — Содержаніе книги Вендидадъ садэ. — Слогъ и метода изложенія. — Шестнадцать областей. — Зло отъ Аримана. — Джемшидъ. — Населеніе земл. — Первыя обязанности человека.

Торжество надъ браминомъ упрочило славу Зороастра и окончательно подчинило его вліянію царя Гистаспа: законодатель сдѣлался безсмѣннымъ его собесѣдникомъ; царь, совѣщаясь съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ, постоянно слѣдовалъ его совѣтамъ и указаніямъ, не разлучаясь съ Зороастромъ ни въ походахъ, ни въ путешествіяхъ. Мудрецъ посѣтилъ Вавилонъ, училъ своему закону тамошнихъ жрецовъ, мидянъ-переселенцевъ и бывшего въ то время тамъ *Пифагора* (1).

Ученіе Авесты, успѣшно распространяемое, встрѣтило жестокаго гонителя въ лицѣ *Арджаспа*, царя туранскаго, которому Персія платила дань. Онъ написалъ Гистаспу письмо, наполненное укоридами за измѣну религіи предковъ и за принятіе дживаго ученія. Гистаспъ, желая защитить законъ Зороастра, отвѣчалъ Арджаспу похвалами Авесты и предложеніемъ царю туранскому самому послѣдовать ей; однако же опроверженія послѣдняго были такъ энергичны, что и самъ Гистаспъ замѣтно охладѣлъ къ Зороастру и его закону. Негодуя на царя туранскаго, мудрецъ употребилъ всѣ средства къ возбужденію вражды и кровавой распри между Гистаспомъ и Арджаспомъ: ловко сдѣлавъ онъ затронуть

(1) Anquetil-Duperron, Zend-Avesta, P. 1771 in 4, t. I, partie II, p. 53.

самолюбіе персидскаго царя, мрачными красками расписавъ ему униженіе быть данникомъ властителя Турана, быть данникомъ тому, котораго должно и можно поработить, такъ какъ Ормуздъ, безъ сомнѣнія, дастъ Гистаспу побѣду. Въ эти послѣдніе годы своей жизни Зороастръ, проповѣдующій, вмѣсто ученія Авесты, похоть на туранцевъ, подстрекающій царя къ кровопролитію — является намъ уже не служителемъ духа свѣта, Ормузда, а скорѣе рабомъ Аримана. Трудно какъ-то примирить предыдущія проповѣди Зороастра о хожденіи путемъ свѣта и правды съ воинственными, фанатическими выходками, печально ознаменовавшими его старость. Кромя Арджаспа, врагами Зороастра были иранскіе князья: *Рустамъ* и *Залъ*, на которыхъ онъ также всѣми мѣрами старался обратить ярость Гистаспа. Старанія мудреца увѣнчались успѣхомъ: ему удалось наконецъ, вмѣсто огня на алтарѣ Ормузда, разжечь войну религиозную, охватившую многія области Персіи и обогрившую ихъ кровью многихъ жертвъ. Братья царя Гистаспа, многіе изъ сыновей его — сложили головы въ бою и не дешево обошлась Эсфендіару его побѣда надъ Арджаспомъ, котораго онъ вытѣснилъ наконецъ изъ предѣловъ Ирана. По окончаніи войны Зороастръ удалился въ Балкъ, гдѣ и умеръ въ 512 г. до Р. Х. „своею смертію“, по словамъ его историка въ книгѣ Зердустъ-намэ, а по преданіямъ и сказаніямъ *Меджиди* и *Шах-намэ-нансери* — убитый туранцами, вторгшимися въ Балкъ подъ предводительствомъ *Кехрама*, сына Арджаспа. Дѣйствительно, городъ этотъ былъ выжженъ непріятелями, мободе всѣ до единого перерѣзаны и кровью ихъ погашены были всѣ огни на алтаряхъ Ормузда, но нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ предполагать, что въ числѣ жертвъ ярости туранцевъ находился и Зороастръ, умершій, по мнѣнію Анкети-Дюперрона, еще до разоренія Балка...

Теперь займемся обзоромъ книгъ закона Зороастра, которыми въ теченіе 1162 лѣтъ руководствовались персы, а огнепоклонники, *зебры*, руководствуются и понынѣ.

Книга закона: *Авеста* (слово), написанная Зороастромъ, состояла изъ двадцати одного *носки* (части), изъ нихъ семь были посвящены разсужденіямъ о божествѣ, происхожденіи живыхъ су-

шествовъ, исторіи рода человѣческаго и т. д. Семь слѣдующихъ заключали нравоченія, уставы религіи и правила гражданскаго быта: въ семи послѣднихъ заключались медицина и астрологія. Послѣднія три носка — 22, 23 и 24, принесутъ, въ концѣ міра, сыновья Зороастра. Толкованія и примѣчанія на Авесту называются *Равайэтами*.

I) Книга *Вендидадъ-садэ* есть единственная изъ всѣхъ частей (носковъ) Авесты, счеюмъ *двадцатая*, сохранившаяся для потомства. Она состоитъ изъ трехъ частей: 1) *Изешне* (величанія, славословія), 2) *Виспередэ* (всезнанія) и 3) *Вендидадэ* (правовѣденія). *Изешне*, въ свою очередь, дробится на 72 *хаса* (1), раздѣленные на двѣ части; въ первой (27 хась) величаніе Ормузда и подвѣдомственныхъ ему чистыхъ духовъ; во второй (45 хась) славословіе Всевышняго и ангеловъ. Часть *Виспередэ*, состоящая изъ 27 *карде* (отдѣловъ), посвящена перечню всѣхъ чиновъ небесной іерархіи. *Вендидадэ*, въ 22 *фаргардахэ* (отрывкахъ), содержитъ въ себѣ исторію мірозданія, борьбу добра и зла, наставленія Ормузда Зороастру, правила сохраненія здоровья и отношеній человѣка къ Богу, своему ближнему, къ закону и т. д.

II) Книга *Іештэ-садэ* (молитвенникъ) состоитъ изъ 1) молитвъ покаянія (*патетоваэ*), 2) молитвъ при воскуреніи благоуханій (*дупэ неренгэ*: дымъ молитвы); 3) благодареній (*афрингэ, афергангэ*); 4) молитвъ свадебныхъ (*некахэ, нам-задэ*); 5) молитвъ пяти духамъ (*гахамгэ*) дня: отъ восхода солнца до полудня; отъ полудня до трехъ часовъ; отъ трехъ часовъ до заката солнца; отъ заката до полуночи; отъ полуночи до восхода. 6) молитвъ и письменныхъ заговоровъ (*вади, неренги, тавиды*) на всевозможныя обстоятельства въ домашнемъ быту, равно и отъ всякихъ недуговъ и лихихъ болѣстей. Отдѣлъ этотъ, весьма любопытный, имѣетъ много общаго съ нашими простонародными заклинаньями, заговорами, нашептываньями и тому подобными пошло-

(1) Ха, или хась въ буквальномъ переводѣ значить мѣра, граница; въ іудейскихъ книгахъ: *отэ* и у аравитянъ, въ Коранѣ: *знакэ*.

стами, либо завѣщанными народу древнимъ язычествомъ, либо (того вѣрнѣе) забредшими къ нему изъ отдаленнѣйшихъ странъ востока. Нѣкоторыя изъ заклинаній, чуть ли не въ подстрочномъ переводѣ, встрѣчаются и въ нашей народной демонологіи... Впрочемъ, персы перещеголяли славянъ: у послѣднихъ, сколько намъ извѣстно, не было заклинаній при отправленіи органическихъ нуждъ, какъ это находимъ у персовъ огнепоклонниковъ и индійскихъ браминовъ! Очень можетъ быть, что мы, въ трудѣ нашемъ, говоря о народныхъ повѣрьяхъ и предрасудкахъ, слышимъ строго къ нимъ относимся, но нельзя иначе! Каждый предрасудокъ, по видимому, самые невинный, ничто иное, какъ тормазъ для умственного развитія народа; ничто иное, какъ заматерѣлая на понятіяхъ его, грязь язычества. До тѣхъ поръ, покуда народъ не будетъ поставленъ въ истинныя, ученію Христову сообразныя, отношенія къ своей вѣрѣ, до тѣхъ поръ не только нельзя требовать отъ него образованія, о немъ нельзя и думать!..

III) Книга *Бун-Дехешъ* (корневая, родоначальная), служащая какъ бы дополненіемъ книгѣ Вендидадъ-садэ, содержитъ въ себѣ космогонію и исторію первыхъ вѣковъ бытія міра, сливающуюся съ легендарной исторіей Персіи. Съ содержаніемъ этихъ двухъ книгъ мы ознакомимъ читателя, не утомляя его вниманія ни обзоромъ молитвенныхъ книгъ Зороастра, ни длиннымъ перечнемъ легионовъ второстепенныхъ духовъ, изъ которыхъ каждому посвящена особая молитва. Молитвъ и славословій Ормузду великое множество; первыя читались при обрядахъ разъ по десяти, двадцати, сорока и до ста; вторыя служили припѣвами къ каждому стиху. По понятіямъ слѣпаго, языческаго антропоморфизма, воображавшаго себѣ Вѣчнаго Духа въ образѣ человѣческомъ, молящійся не долженъ *просить* Бога, какъ сынъ отца, но надобно дать Ему какъ докучливый нищій, которому подають затѣмъ только, чтобы онъ отвязался. Язычество полагаетъ силу молитвы *въ количествъ*; по ученію христіанскому, *въ качествъ* вся ея сила. Отъ „многословія“ въ молитвѣ предостерегалъ Господь и Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ учениковъ Своихъ и всѣхъ, слушавшихъ божественное Его слово, говоря имъ:

— А молясь, не говорите лишняго, какъ язычники; ибо они

думаютъ, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны. Не уподобляйтесь имъ, ибо знаетъ Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣете нужду, прежде вашего прошенія у Него (1).

Религіозный и гражданскій законъ Зороастра заключается въ *двадцати двухъ* фаргардахъ книги Вендидадъ—садъ. Правила изложены въ формѣ разговора законодателя съ Ормуздомъ; первый предлагаетъ вопросы, второй—даетъ отвѣты. Свойство ли восточнаго слога вообще, или особенность изложенія Зороастра, но эти разговоры испещрены плеоназмами и многократными повтореніями и пережевываньями одной и той же фразы по нѣскольку разъ; напримѣръ, въ такомъ родѣ: „человѣкъ расчистилъ землю и сталъ сѣять на ней хлѣба, овощи и разводить стада. До того времени, земля была бесплодна и не заселена, но какъ человѣкъ началъ сѣять хлѣба и овощи, она стала плодоносною и заселенною.... если бы онъ не сѣялъ и т. д., земля не была бы плодоносною и заселенною, но она стала и т. д.“, въ родѣ нашей простонародной сказки про *блага бычка*. Кромѣ того, при каждомъ вопросѣ Зороастръ повторяетъ всѣ титулы, подобающіе Ормузду, а тотъ, отвѣчая, каждый разъ называетъ Зороастра: „чистѣйшимъ, возлюбленнымъ“ и т. д. Отдѣляя эти мишурныя пустословія отъ сущности самого дѣла, видимъ, что *Ормуздъ* первый творилъ все чистое и прекрасное, а послѣ него, все портя и оскверняя, дѣйствовалъ *Ариманъ*. Первый создалъ слѣдующія *шестнадцать* областей, надѣленныхъ разными благами: 1) *Эриена-Веедіо* (Арапъ, часть Арменіи) съ благораствореннѣйшимъ климатомъ; 2) *Сохдо* (Согдіана), богатую стадами; 3) *Мооре* (Мару въ Хорассанѣ), населенную святыми и праведными людьми; 4) *Бахди* (Балкъ или Балхъ), въ которой выдѣлывались превосходныя ткани (2); 5) *Незаэ* (Нижній Балхъ); 6) *Хариоу* (Герать), область богатую и многолюдную; 7) *Везкереанте* (Кабуль); 8) *Оруанъ* (Лагоръ) съ обширнѣйшими паст-

(1) Отъ Матсея, Глава VI, ст. 7—8.

(2) Въ подлинникѣ: знамена или значки, что въ буквальномъ переводѣ было бы лишено всякаго смысла.

бищами; 9) *Хнеанте* (Бандагаръ и устья береговъ Окса), изобиловавшую волками (¹); 10) *Херехети* (Арухангъ), славившуюся чистотою земли; 11) *Хеэтомеланте* (прибрежные области Систана), населенную мудрыми и учеными; 12) *Раханз* (Адербиджанъ), съ тремя зародышами (²) и жителями миролюбивыми; 13) *Чехре* (Хорассанъ), съ праведными жителями; 14) *Верене* (Падомехарчеръ въ Кирманѣ), гдѣ родился *Феридунизъ*; область съ четырехъ-угольнымъ городомъ; 15) *Ханте-хеанде* семь областей Индіи (Персія); 16) *Ренхейао* (южный Хорассанъ), область вольныхъ и независимыхъ всадниковъ.

Злой, завистливый и „смертоносный“ Ариманъ въ первой области испортилъ климатъ. Онъ впустилъ въ рѣку *змлю*, породившую зиму, которая захватила въ году полныхъ десять мѣсяцевъ. Стужа оковала воды и землю со всѣми ея произрастеніями; глубокіе снѣга засыпали горы и долины... Изъ этихъ *золз* Ормуздъ, по безконечной своей благодати, извлекъ *добро*: безъ зимней стужи не могутъ прозябать осенніе посѣвы; вода отъ талыхъ снѣговъ, орошая землю, усиливаетъ растительность на долинахъ и поемныхъ лугахъ. Въ слѣдующихъ областяхъ Ариманъ ознаменовалъ свою дѣятельность иными бѣдствіями. На стада онъ напустилъ рои мухъ и слѣпней съ ядовитыми жадами; между святыми и праведными людьми разсѣялъ злыя рѣчи; муравьи источили ткани... Въ пятой области Ариманъ вдохнулъ въ людскія сердца сомнѣніе въ бытіи Бога; въ шестой водворилъ бѣдность и размножилъ нищихъ; въ седьмой установилъ повлоненіе женщинамъ-бѣсамъ (*пару*); въ восьмой развратилъ сердца; въ девятой научилъ людей грѣху противуестественному и тѣмъ лишилъ души ихъ возможности перейти мостъ *Чиневадз* (³); въ десятой показалъ людямъ зарывать

(¹) Правильнѣе: собаками, къ которымъ Зороастръ питалъ особенную нѣжность.

(²) Намекъ на трехъ сыновей Зороастра, имѣющихъ родиться въ Адербиджанѣ, или на три касты, на которыя въ древности былъ раздѣленъ народъ персидскій: ученыхъ (аеорней), воиновъ и пахарей.

(³) Мостъ Чиневадъ соединяетъ обитель мертвыхъ съ обителью вѣчной жизни. Въ законѣ Зороастра, какъ увидимъ, упоминается о многихъ грѣхахъ, лишаящихъ души возможности перехода. Мысль глубокая!

въ землю мертвыхъ тѣла; жителей одинадцатой области Ариманъ научилъ окаянной, богопротивной „магіи“ или волхованію, наукѣ обманчивой, которая вѣжется чѣмъ-то важнымъ, покуда не обратится въ ничто отъ единого слова премудрости божіей... Гордость и преступное сомнѣніе расглили сердца въ двѣнадцатой области; въ тринадцатой—люди жгли мертвецовъ на кострахъ; въ двухъ слѣдующихъ Ариманъ осквернилъ женщинъ, до того времени чистыхъ, давъ ихъ организму свойство періодическаго цвѣтенія; наконецъ, въ послѣдней области духъ зависти, злобы и тьмы осквернилъ землю жестокими стужами, отнявъ у нея плодотворныя силы...

Такъ, по словамъ Ормузда, водворились на землѣ *добро* и *зло*.

На вопросъ Зороастра (*II фаргардъ*): кто первый изъ людей былъ угоденъ богу? Ормуздъ называетъ *Джемшида*, пастыря стада и народовъ. Богъ предлагалъ ему быть распространителемъ закона, но Джемшидъ отказался, сознавая себя недостаточно чистымъ для этого. „Постарайся же сдѣлать землю плодородною, а людей счастливыми!“ сказалъ ему Ормуздъ.—А ты дай мнѣ способность отгонять бѣсовъ (*дивовъ*) святымъ словомъ твоимъ! попросилъ Джемшидъ. Ормуздъ одѣлилъ людей разумомъ и долготѣіемъ, а пастырю ихъ далъ золотой мечъ для обработки земли; земли же Джемшиду отмежевано было *девятьсотъ частей*. Первую треть онъ населилъ людьми, домашними животными, птицами и яркими красными огнями (?) и тѣмъ приблизился къ свѣту, къ странѣ, гдѣ царствуетъ *Рапиманъ* (югъ). Между землю золотымъ мечемъ своимъ, Джемшидъ говоритъ: „да возрадуется же *Сапондомадъ* (духъ земли)!“ Вторую треть земли, пустыню, онъ сдѣлалъ плодородною, засадилъ ее растениями, деревьями, заселилъ людьми съ домашнею скотиною и птицами, развелъ стада быковъ, табуны лошадей... наконецъ, воздѣлалъ и третью треть всего количества земли, данной ему Ормуздомъ, который вмѣстѣ съ *изедами* (чистыми духами-хранителями) снизошелъ на Иранъ. Тогда Джемшидъ построилъ первый городъ *Веръ* (Гамаданъ), снабдивъ его водопроводами и заселивъ людьми и животными. Тѣ и другія были вротки, незлобивы; жены ихъ были чисты, не вѣдая цвѣ-

тенія... Не было въ городѣ ни начальства, ни волхвовъ, ни нищихъ. Строитель Джемшидъ постановилъ себѣ за правило раздѣлять города на три разряда; въ первому, о девяти улицахъ, онъ причислилъ города съ 1,000 жителей; во второму—о шести улицахъ, города съ 600 жит., въ третьему, о трехъ улицахъ—города, заселенные 300 жителей. Для сохраненія порядка въ городахъ Ормуздъ далъ Джемшиду сто частицъ самобытнаго свѣта, того самаго, который оживляетъ луну, звѣзды, планеты и всѣ свѣтила небесныя (¹). Въ городахъ этихъ лѣто продолжалось семь мѣсяцевъ; зима только пять.

— Что особенно любо и пріятно землѣ? спрашиваетъ Зороастръ.

— Человѣкъ, ходящій по ней съ предметами, относящимися до богослуженія, читающій *хаванъ* (утреннюю молитву), говорящій слово добра и мира. Любо и пріятно землѣ, если наилучшіе участки ея достаются служителямъ Ормузда, стадамъ, женщинамъ, дѣтямъ, или служатъ мѣстами для сходбищъ добрыхъ людей. Любо и пріятно землѣ, когда ее засѣваютъ зернами, травами, деревьями; когда ей, сухой, даютъ воду, когда изъ нея, перепоенной водою, извлекаютъ излишнюю; любо и пріятно землѣ, когда на ней пасутся и случаются стада. Той же землѣ тяжело и ненавистно: 1) если на ней живутъ злые волхвы, помыонники дивовъ и *даруди* (девяти духовъ, подвластныхъ Ариману); 2) если на ней хоронятъ падаль или умершихъ (²); 3) устраиваютъ *дахме* (кладбище); 4) если ее раскапываютъ и роютъ звѣри, подвластные Ариману; 5) если по ней ходятъ, мужчины или женщины, плачущіе, скорбящіе, посыпающіе головы свои золою и рвущіе на себѣ волосы. Расчистка земли—исправляетъ все. При погребеніи умершаго, не слѣдуетъ одному человѣку нести его, иначе *Даруди Незошъ* (бѣсъ смерти) овладѣетъ могильщикомъ, да и самъ мер-

(¹) Имя Джемшидъ—означаетъ: свѣтъ, блескъ.

(²) Странно, однако, судить Зороастръ о персидской землѣ; что за безразличность: ей противно принять въ свои нѣдра падаль, существа изъ нея же созданнаго?.. Назначеніе мертвечины—быть удобреніемъ земли.

твецъ возопіеть объ этомъ безобразіи. Хоронить слѣдуетъ на разстояніи не менѣе тридцати шаговъ отъ воды и деревьевъ, не менѣе трехъ—отъ жилища чистаго человѣка; *кесше* (могила) не должна быть болѣе или менѣе роста покойника. Если ученики закона (*маздедейснаны*), прельстясь одѣяніемъ мертвеца, отроютъ тѣло и облукуются въ эти одежды, за это ихъ можетъ постигнуть болѣзнь, ослабленіе и преждевременная дряхлость. Виновныхъ въ похищеніи одежды мертвеца слѣдуетъ возвести на высокую гору, содрать съ нихъ кожу отъ пояса вверхъ и оставить ихъ въ снѣдь плотояднымъ птицамъ и звѣрямъ.

Земля требуетъ тщательнаго за собою ухода; ее слѣдуетъ чаще копать, вспахивать, разравнивать—справа на лѣво, слѣва на право. Какъ дитя не можетъ родиться безъ нѣжныхъ объятій женщины, такъ земля не можетъ дать плода безъ ухода за нею; она всегда умѣетъ отблагодарить пахаря за его о ней попеченія. Сѣять хлѣбъ и обрабатывать землю, вотъ первый и основной законъ, данный людямъ Ормуздомъ. Усердный пахарь столько же угоденъ ему, сколько создатель сотни тварей или чтець десяти тысячъ молитвъ (*изешне*). Одѣляющій хлѣбомъ нищему—досаждаеть бѣсамъ (*дивамъ*); подавая потребное количество, онъ сбиваетъ дивовъ съ ногъ, подавая болѣе—онъ доводитъ ихъ до слезъ... какъ бы мало ни подавалъ, все же огорчаетъ дивовъ. При обильномъ урожаѣ, груди и груди дивовъ пылаютъ неугасимымъ огнемъ. Пища—первая потребность человѣка; истощенный голодомъ безсиленъ, неспособенъ на трудъ, на добрыя дѣла; не можетъ, какъ слѣдуетъ, обрабатывать землю, ни давать существованіе здоровымъ и сильнымъ дѣтямъ. Міръ живетъ ѣдою; голодь—отець смерти. Знающій о погребенной падали, но не вырывающій ее въ теченіе полугода изъ земли, подлежитъ наказанію 500 ударами внотомъ изъ кобылей или верблюжьей кожи, либо денежной пенѣ въ 500 серебряныхъ драхмъ. За годъ времени число внотовъ и количество пени удваиваются; за два года нѣтъ ни наказанія, ни прощенія: виновный долженъ быть отлученъ отъ среды повинующихся закону. Къ числу отлучниковъ принадлежатъ также: воры, волхвы, несправедливые, прикасающіеся къ падали, грѣшники противъ природы и гордецы.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

*Честность въ денежныхъ дѣлахъ и твердость въ словѣ.—
Законы о личной безопасности.—Предосторожности отъ
оскверненія.—Огненные птицы.—Собаки.—Роженницы.—
Мертвецы.—Бѣсъ Незошъ.—Врачи.—Ихъ вознагражде-
нiе.—Упраздненiе кладбищъ.—Посуда.—Очищенiе огня.—
Обрядъ очищенiя.—Бѣсы и пари.—Молитвы объ усоп-
шихъ.—Пять смертныхъ грѣховъ.—Волосы и ногти.—Свя-
щенный поясъ.—Плутухи.—Суккубы и инкубы.—Молитвы.*

Честность въ дѣлахъ денежныхъ Зороастръ вмѣняетъ въ непре-
мѣнную обязанность каждому гражданину. „Брать взаимны и не
отдавать,“ говоритъ онъ устами Ормузда (1) „тоже, что красть“;
хотя бы заемъ дѣлаемъ былъ и у богатаго. Давать слово, съ
предвзятымъ намѣренiемъ не сдержатъ его, есть грѣхъ противу
Миеры (*Миера-даруди*). Грѣхъ этотъ раздѣляется на шесть ка-
тегорiй: 1) измѣна данному слову; 2) рукоблiе; 3) недостаточ-
ное кормленiе домашней скотины; 4) нерадѣнiе о стадѣ; 5) не-
вознагражденiе своего учителя или наставника и 6) усчитыванiе
рабочихъ. За провинность первой изъ шести категорiй грѣшникъ
подлежитъ 300 годамъ пребыванiя въ аду, если его родственники
не озаботятся искупить его соразмѣрной пеней; за вторую, душа
вучится 600 лѣтъ; за третью 700; за четвертую 800, за пя-
тую 900; за шестую 1000 лѣтъ. Лгунъ, обманщикъ и воръ не-
навистнѣе Ормузду злѣйшихъ бѣсовъ.

Преступленiя противу личности дѣлятся на три разряда: *Агареф-
те*—намѣренiе, *воэуэвереште*—ударъ, *аредошъ*—увѣчье или

---

(1) По примѣру многихъ законодателей древности, Зороастръ часто
упоминаетъ въ своей книгѣ, что «божество говоритъ его устами», не
вѣрише ли было бы сказать, напротивъ, что «законодатель говоритъ
устами своего божества»?

хорз—предательское нападеніе сзади. Пять преступленій перваго разряда еще не губят души преступника, тѣмъ же не менѣ за первый разъ виноватый подвергается пяти кнутахъ или пенѣ; за второй—10; за третій—15; за четвертый—30; за пятый—50, за шестой—70; за седьмой—90 кнутахъ. Не выражающій раскаянія или не сознающійся совершаетъ грѣхъ тяжкій (*танафурз*) и подлежить 200 ударамъ кнута. За преступленіе втораго разряда наказаніе увеличивается на одну степень (за первую вину—10 кнотовъ и т. д.); третьяго разряда, на двѣ степени (за первую вину 15 кнотовъ и т. д.)... Вообще законодатель не скупится на удары кнутомъ и въ этомъ случаѣ вѣренъ персидскому національному характеру.

Заботливость Зороастра о предосторожностяхъ противу оскверненія доходитъ до смѣшнаго, оставляя далеко за собою щепетильность браминовъ индійскихъ ('). Такъ, напримѣръ, онъ спрашиваетъ Ормузда: можно ли для богослуженія употреблять дерево, на которое сядились плотоядныя птицы, клевавшія мертвечину? и получаетъ въ отвѣтъ, что мертвецовъ слѣдуетъ класть въ такихъ мѣстахъ, въ которыя не залетаютъ ни птицы, ни мухи, даже вѣтеръ. Вода и огонь святы, говоритъ законодатель, какъ же они убиваютъ утопающихъ или сгорающихъ? „Умерщвляетъ утопающаго не вода,“ отвѣчаетъ Ормуздъ: „дивъ *Астуадз* связываетъ его по рукамъ и по ногамъ, и тогда рыбы Аримана забиваютъ человѣка до смерти своими хвостами и пожираютъ его тѣло. Этотъ же самый дивъ связываетъ человѣка, захваченнаго пламенемъ въ жилищѣ, тѣло его испекается на огнѣ, а пожирается *огненными птицами* (²). Душа человѣка, удостоившагося счастья погибнуть въ огнѣ, идетъ прямо къ подножію свѣта (*нурз-нахз*). Послѣ восторженныхъ похвалъ Ормузду, расточающему щедроты свои въ

(¹) См. Томъ I: Индія. Гл. VII, стр. 56—57.

(²) Повѣрье объ огненныхъ птицахъ существуетъ у насъ, въ Россіи. Голуби, испуганные пламенемъ пожара (особенно въ ночную пору), всегда вьются и кружатся надъ пожарищемъ: глядя на нихъ сквозь призму суетвѣрнаго страха, мужички принимаютъ ихъ за какихъ-то особенныхъ птицъ, огненныхъ, летающихъ надъ пожаромъ не спроста!...

равной степени, какъ всему чистому, такъ равно и поганому; Зороастръ разспрашиваетъ его, въ какой степени умирающей скоропостижно можетъ осквернить окружающихъ? Оказывается, что оскверненіе при этомъ распространяется въ обратной прогрессіи: чѣмъ чище умершій, тѣмъ болѣе оскверненныхъ. Взявъ за норму число *десять*, Ормуздъ постепенно его уменьшаетъ слѣдующимъ образомъ: умершій жрецъ — оскверняетъ десятаго, воинъ — девятаго, пахарь — восьмага.... затѣмъ слѣдуютъ животныя разныхъ породъ: собака пастушья (*песосшурунъ*), дворовая (*весшурунъ*), бродячая (*вохонезакъ*); собаки — добраго человѣка (*торунъ*), слѣпаго (*сокорунъ*), куница (*джеджошъ*), ловающая ужей; ежъ (*эвезошъ*), кротъ (*визошъ*) (1), песецъ (*оронешъ*), смертью своею не оскверняетъ никого изъ присутствующихъ ни посредственно (*питридъ*), ни непосредственно (*хамридъ*). Змѣя, гнусное пресмыкающееся (образъ котораго принималъ на себя дивъ искусситель, *Ашмахъ*), околѣвая, также не оскверняетъ никого; она опасна только до тѣхъ поръ, покуда жива.

Роженица должна, какъ существо оскверненное, быть удалена на 90 шаговъ (*30 галовъ*) отъ мѣстъ богослуженія, воды, огня, домашнихъ животныхъ и общества людей. Въ уединеніе, въ которое она на время удаляется, ей слѣдуетъ доставлять пищу, питье и одѣяніе; три дня и три ночи она должна принимать бычачью мочу съ золою, въ количествѣ 3, 6, 9 капель; можетъ пить вино, молоко кобылье или коровье, но отнюдь не воду; можетъ ѣсть печеное мясо и плоды. По прошествіи трехъ сутокъ, женщина должна умыться бычачьею мочою, по прошествіи еще шести дней — водою и только тогда можетъ возвратиться въ свой домъ. Еще того строжайшему стечужденію подлежитъ женщина во время цвѣтенія: не только прикосновеніе къ ея одеждѣ, но къ нитѣ, руками ея сеученной — оскверняетъ человѣка.

---

(1) Кротъ у древнихъ маговъ пользовался большимъ уваженіемъ (см. Плинія кн. XXX), и Зороастръ признаетъ его животнымъ полезнымъ, такъ какъ онъ истребляетъ подъ землею личинки насѣкомыхъ, вредныхъ растеніямъ. Въ пользѣ бѣднаго этого животного убѣдились въ Европѣ въ весьма недавнее время.

Землю, на которой лежалъ мертвецъ или собачая падаль, ранѣе года нельзя обрабатывать; малѣйшая частица мертвечины, оставшаяся на землѣ, можетъ отравить ее, а на земледѣльца навлечетъ лютыя загробныя муки. Утопленника, замѣченнаго въ водѣ, непременно слѣдуетъ вынимать, но водою пользоваться не иначе, какъ на разстояніи 90 шаговъ отъ мѣста находки трупа; колодезь или рытый прудъ, въ которомъ утонулъ человѣкъ или собака, надобно вычерпать до суха и пользоваться вновь набѣжавшею водою. Въ случаѣ, если падаль попадетъ какииъ нибудь образомъ на плодое дерево—ранѣе года плодами его пользоваться нельзя. Въ предупрежденіе разноски частицъ мертвыхъ тѣлъ птицами или звѣрями, мертвцовъ можно хоронить въ желѣзныхъ, свинцовыхъ или каменныхъ гробахъ (1). Дивъ смерти Даруди-Незошъ овладѣваетъ трупомъ немедленно по кончинѣ человѣка, являясь въ видѣ мухи, разрушая всѣ связки организма и переѣдая сочлененія. Какъ Незошъ разрушаетъ трупъ, такъ оскверненіе вѣдается въ вещи, близко соприкасавшіяся съ умирающему. Ковры, на которыхъ умираютъ больные, подлежатъ очищенію: шерстяные ковры должно мыть три раза бычачьей мочей, три раза натирать землею и три промывать въ водѣ, а потомъ на три мѣсяца развѣшивать на солнце; ковры изъ бумажной ткани подлежатъ двойному числу всѣхъ этихъ очищеній. Перемытые и вывѣтренные ковры все же не настолько чисты, чтобы ихъ могли употреблять ученики закона (правовѣрные) и чистые люди—они могутъ только служить постелями роженицамъ или женщинамъ, постигнутымъ цвѣтеніемъ. За неисполненіе всѣхъ этихъ правилъ Ормуздъ, *духъ добра* (?), опредѣляетъ: живымъ число кнотовъ, соразмѣрное винѣ, а мертвымъ—многіе вѣка адскихъ мученій. Человѣкъ, уличенный въ умысленномъ брошеніи трупа въ воду, или съѣвшій кусокъ падали (?) оскверненъ на вѣки и проклятъ, хотя бы отъ слезъ раскаянія „выплакалъ себѣ глаза“.

Ученіе закона, желающій посвятить себя врачебной наукѣ,

(1) Всѣ эти правила объ оскверненіяхъ также точно непослѣдовательны и въ фаргардахъ книги Вендидадъ-саде.

обязанъ испытать степень своего знанія сначала надъ тремя невѣрными (*девіеснанами*), а послѣ уже лечить правовѣрныхъ (*маздейснаноуз*). Если онъ уморить невѣрныхъ во время опытовъ, онъ не смѣетъ заниматься леченіемъ; если же, не смотря на запрещеніе, будетъ лечить, да на бѣду еще и уморить пациента, подлежитъ казни разъятіемъ по суставамъ (*бадовересте*). Каждый благодаритъ врача за исцѣленіе соразмѣрно средствамъ: жрецъ читаетъ ему благодарственную молитву (*афферганъ-даманъ*); хозяинъ дома даритъ врачу мелкую домашнюю скотину, начальникъ улицы — скотину покрупнѣе, градоправитель — самую крупную и жирную; начальникъ губерніи даритъ вчетверо болѣе. За исцѣленіе хозяйки дома врачу дарятъ — осла; за жену начальника улицы — быка... за прочихъ: лошадь и верблюда. Плата за излеченіе любимаго сына полагается та же, что за градоправителя. Вознагражденіе ветеринаровъ, судя по заслугамъ, ограничивается быкомъ, зайцемъ, даже кускомъ мяса. Лечить можно (говоритъ Ормуздъ) ножемъ, плодами древесными или *словомъ*; послѣдній способъ — дѣйствительный...

Мѣсто погребенія изъ поганого дѣлается чистымъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ: въ этотъ періодъ времени тѣло, зарытое въ землю, окончательно обращается въ прахъ. Упраздненіе кладбищъ и превращеніе ихъ въ нивы, есть дѣло богоугоднѣйшее, такъ какъ кладбища — области дивовъ, заселенныя ихъ исчадьями *харфестерами* (т. е. гадами: жуками, скорпіонами, червями и змѣями). Ариманъ безвластенъ надъ человѣкомъ, упразднившимъ кладбище, такъ какъ человѣкъ этотъ выше звѣздъ, луны и солнца; Ормуздъ отпускаетъ ему тагчайшіе грѣхи, награждаетъ здоровьемъ, долготѣіемъ, огонь охраняетъ его отъ всякаго зла... *День допроса* (четвертый послѣ смерти) будетъ для этого человѣка днемъ покоя...

Чистоплотный и до щепетильности опрятный Зороастръ продолжаетъ разспрашивать Ормузда о мѣропріятіяхъ противъ оскверненій и, въ дополненіе ко всему предъидущему, получаетъ въ отвѣтъ: наставленія о *чисткѣ посуды*, служившей умирающему. Оказывается, что золотую посуду достаточно вымыть бычачьей мочою, вычистить пылью и ополоснуть въ водѣ одинъ разъ; серебряную —

два раза; желѣзную—три; мѣдную—четыре; фаянсовую—шесть; грубая земляная или щеленная не подлежит очищенію. Наставленіе справедливое, какъ въ экономическомъ, такъ и въ гигиеническомъ отношеніи. Если домашняя скотина съѣсть падаль, донтъ ее можно никакъ не ранѣе года. Мѣсто, на которомъ лежалъ трупъ, слѣдуетъ очищать, вытирая нѣсколько разъ коровьимъ поземомъ, пылью и орошая бычачьей мочою. Въ случаѣ, если падаль или трупъ лежатъ на дорогѣ, проходить по ней нельзя ранѣе ея очищенія. Для этого надобно прежде всѣхъ пустить на дорогу собаку съ желтыми глазами, бровями и бѣлыми ушами: пробѣжавъ по дорогѣ три раза, она отгонитъ сѣвернаго бѣса, стерегущаго трупъ... По неизмѣннѣю собаки съ вышесказанными примѣтами, можно взять собаку пеструю—бѣлую съ желтымъ, но она должна пройти мимо трупа *девять разъ*. Послѣ того слѣдуетъ прочитать молитву, трупъ оттащить съ дороги и пустить по ней сперва домашнюю скотину, потомъ гражданъ, а за ними уже жрецовъ съ богослужбными принадлежностями...

— Откуда берутся дивы (бѣсы)? спрашиваетъ Зороастръ.

— Дивы обоого пола размножаются подобно людямъ, отвѣчаетъ Ормуздъ. Чистая вода омовеній, отгоняетъ ихъ отъ человѣка, но отгопяетъ постепенно, по мѣрѣ омовенія отъ головы до оконечности ножевыхъ пальцевъ. Долгъ правовѣрнаго — *очищать огонь*, употребляемый людьми при противузаконныхъ обрядахъ и реме-слахъ. Люди оскверняютъ огонь, употребляя его: на сожженіе труповъ, варку лака, пережиганіе позема, развода огонь въ печахъ: гончарныхъ, литейныхъ, кузницахъ, ювелирныхъ мастерскихъ и кухонь; нечистъ огонь и степныхъ пожаровъ (палей), сторожевыхъ и пастушьихъ костровъ. Правовѣрный, желающій очистить оскверненный огонь, долженъ переносить его *девять разъ* сквозь девять вязанокъ дерева, примѣшивая къ послѣдней благоуханія.

Для обряда *торжественнаго очищенія* оскверненнаго, слѣдуетъ, въ 90 шагахъ отъ святаго мѣста, вырубить деревья на пространствѣ девяти двойныхъ квадратныхъ *базу* (54 футовъ), очистить его пылью и разложить на немъ *девять* камней: шесть на разстояніи девяти шаговъ другъ отъ друга, а послѣдніе три на разстояніи 81 шага. Камни очерчиваются посредствомъ желѣз-

наго лезвія тремя кругами, постепенно сьуживающимися. Оскверненный надъ каждымъ камнемъ присѣдаетъ на корточки; потомъ, изъ желѣзнаго ковша, привязаннаго къ девятиколѣнному жезлу, омывается съ головы до ногъ бычачьей мочою, водою, духами. Шестъ сутокъ послѣ того онъ *долженъ пребыть въ уединеніи, откуда, омывшись водою, можетъ вступить по прежнему въ общество людей. Жреца, совершившаго обрядъ, слѣдуетъ *щедро отблагодарить*: въ случаѣ малаго даянія онъ можетъ обидѣться, а если обидится, то и весь обрядъ нейдетъ впрокъ, и очищенный становится оскверненнымъ до скончанія вѣковъ. Если же жрецъ при обрядѣ сдѣлаетъ ошибку, дивъ *Ашмахъ* отнимаетъ у него „дожди добра и дасть ему засухи нужды и горя“.

Самыя могучія средства противъ бѣсовъ — молитвы, читаемыя множество разъ. Онѣ отгоняютъ Аримана со всѣми дивами, ему подвластными: *Незошемъ, Андеромъ, Савелемъ, Наонхесомъ, Эшемомъ* (бѣсомъ зависти), *Вериномъ* (бѣсомъ засухи), *Вато* (бѣсомъ бурь)... Отъ молитвъ же бѣгутъ: *Кхру* жестокой, властвующій надъ сочлененьями человѣческаго тѣла *Бухде*, бѣсъ пьянства — *Конде*, бѣсъ усыпленія и сновидѣній — *Бошасъ, Мавидъ*; бѣсъ гнили и зловонія трупнаго *Кафизъ*, а также и всѣ лубавыя бѣсовицы (*пари*), вредящія водѣ, огню, землѣ, деревьямъ, домашней скотинѣ и людямъ.

Молитвы объ усопшихъ, обращаемаыя къ духу, проводнику душъ въ загробную обитель *Дохману*, должны соразмѣряться степени родства. За отца и за мать читается сыномъ или дочерью *тридцать молитвъ*: за это умершимъ простится *шестьдесятъ грѣховъ*; за дочь или за сына столько же, а равно за родныхъ братьевъ и сестеръ. Дѣды за внуковъ и внуки за дѣдовъ должны читать 25 молитвъ (отпущеніе 50 грѣховъ); двоюродные за двоюродныхъ — 20 молитвъ (40 грѣховъ), троюродные 15 молитвъ (30 грѣховъ), родственники въ четвертомъ колѣнѣ — 10 (20), состоящія въ свойствѣ — 5 (10)... слуги за хозяевъ должны читать 6 молитвъ, и за это отпустится послѣднимъ 12 грѣховъ.

Строго запрещаетъ Ормуздъ бить и увѣчить собакъ; ему пріятно, если человѣкъ даетъ имъ пріютъ и кормъ, но только не жиръ

и не горячую пищу... Собаку слѣдуетъ кормить, во первыхъ, за-тѣмъ, чтобы она не взбѣсилась отъ голоду, а во вторыхъ; за то, что разумомъ ея „держится весь міръ,“ ея голосъ отгоняетъ во-ровъ отъ чужаго имущества, волковъ отъ стады. Пастушья и дво-ровая собака—вѣрные хранители челоуѣка; собака вмѣщаетъ въ себѣ восемь качествъ: жреца, воина, пахаря, птицы, вора, хищ-наго звѣря, публичной женщины и юноши... Тутъ, въ книгѣ Зо-роастра, вмѣсто болѣе или менѣе остроумныхъ сравненій — совер-шенная бессмыслица! „Собака“ говоритъ онъ— „похожа на птицу быстротой и вообще имѣетъ съ ней много общаго потому... что похожа на птицу.“ Извольте понять, если можете!

За убіеніе собаки, смотря по породѣ, виновный обязанъ либо доставить 10.000 вязановъ дровъ на алтарь огня, очистить 14 огней, снабдить жрецовъ орудіями и утварью для богослуженія, воина — оружіемъ, пахаря — быкомъ съ колокольчикомъ; либо обязанъ убить 10.000 ужей, черепахъ (*окаинныхъ* пресмы-кающихся), лягушекъ водяныхъ и земляныхъ, муравьевъ или мухъ. Въ случаѣ нежеланія исполнить этихъ правилъ, убійца собаки можетъ вмѣсто нихъ, ради очищенія отъ грѣха, прорыть каналъ, устроить водопроводъ, пожертвовать участокъ земли на пастбище, либо *для пріюта жрецовъ* (1)...

Пятнадцатый и шестнадцатый фаргарды Зенд-Авесты — посвя-щены бесѣдамъ о вещахъ довольно щекотливыхъ и откровенныхъ. Ормуздъ исчисляетъ слѣдующіе *пять* непростительныхъ грѣховъ: 1) непочтительное обхожденіе со старшими; 2) кормленіе собаки горячей пищею; 3) истязаніе ценной суки; 4) связь съ жен-щиною, во время ея цвѣтенія; 5) связь съ женщиною, кор-мящей младенца грудью. Женщина, рождающая внѣ брака, совер-шаетъ, по словамъ Зороастра, *грѣхъ, отъ котораго „весь міръ приходитъ въ ужасъ, воды колеблются и дере-вья содрогаются;“* она должна избѣгать встрѣчи съ людьми,

---

(1) Какъ во всѣхъ статьяхъ закона видно, что Зороастръ принадле-жалъ къ жреческой кастѣ! За подарочки, за благостыни жрецамъ онъ, именемъ Ормузда, готовъ простить любой грѣхъ. Кромѣ того, какая жалкая узкость понятій, какая мелочность!

а въ случаѣ убіенія младенца или изгнанія плода, повинна смертной казни четвертованіемъ. Дестуръ *илметъ право* убить ребенка, мать, отца и даже женщину, кормившую ребенка грудью. Независимо отъ отчужденія цвѣтущихъ женщинъ — совершенному отлученію отъ общества правовѣрныхъ и вѣчному проклятію подвергаются тѣ изъ нихъ, которыя преданы несчастной привычкѣ соединять сладострастныя мечты съ дѣйствительностью или, точнѣе сказать: крайній идеализмъ съ грубѣйшимъ матеріализмомъ (1). Этотъ грѣхъ одно и тоже, что сожженіе роднаго дѣтища. Также точно губить свою душу человѣкъ, стригущій себѣ ногти и волосы безъ соблюденія необходимыхъ обрядовъ: кромѣ молитвы, при этихъ операціяхъ слѣдуетъ, тщательно собравъ обрѣзки и волосы, класть ихъ на емень, очерчивать его тремя кругами и, призывая птицу свѣтлаго Бахмана, *Асшожештъ*, просить ее, чтобы она унесла эти частицы человѣка, не давъ ихъ на поруганіе дивамъ!..

По нашему народному повѣрью пряди стриженныхъ или счесанныхъ волосъ слѣдуетъ сожигать, иначе если птица унесетъ ихъ въ гнѣздо — у стригшагося либо голова будетъ болѣть, либо на нее нападутъ насѣкомыя. Последнее говорить и Зороастръ. Что же касается до ногтей, то извѣстно-ли читателю, что у насъ идиоты, послѣдователи нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектъ, всю свою жизнь копятъ обрѣзки своихъ ногтей въ особый мѣшечекъ, который при жизни носятъ за пазухой, а умирая, завѣщаютъ класть съ собою въ гробъ для какаго-то полезнаго употребленія за могилой... Какъ, подумаешь, глупость-то сблизжаетъ людей разныхъ вѣковъ, націй и вѣроисповѣданій!..

Непремѣнная принадлежность каждаго правовѣрнаго — священный поясъ, называемый *косту*; безъ него не только пахарь или воинъ, но и самый жрецъ дѣлается работъ Аримана. Изъ птицъ самая угодная Ормузду — *перодерешъ* (пѣтухъ): пѣніемъ своимъ она возвѣщаетъ наступленіе дня, призываетъ людей къ утренней

(1) Есть вещи, о которыхъ нельзя выразаться иначе, какъ косвенно — мы пишемъ не медицинскій трактатъ. Зороастръ, не обвиняясь, говорить о томъ грѣхѣ, о которомъ въ Ветхомъ Заветѣ упомянуто въ исторіи Самари и Омана.

молитвѣ, прогоняетъ отъ нихъ бѣсовъ сна. Кормить пѣтуховъ — дѣло богоугодное; птица эта заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія, такъ какъ служитъ людямъ для измѣренія времени. При первомъ пѣнии пѣтуха, въ первую треть ночи, должны пробуждаться служители алтарей огня, при второмъ — сахари; при третьемъ — всѣ ученики закона.

Въ одномъ изъ предъидущихъ фаргардовъ, Ормуздъ, на вопросъ Зороастра: какъ размножаются бѣсы (дивы), — отвѣчаетъ, что они рождаются подобно людямъ... Теперь, вдаваясь въ подробности, утверждаетъ, что бѣсовицы рождаются зачиная отъ грѣховъ, т. е. что не грѣхи — порожденія бѣсовскія, а на оборотъ, бѣсы дѣтища грѣховъ. Какихъ же именно? 1) Вслѣдствіе неподаанія благостыни жрецамъ; 2) вслѣдствіе неосторожнаго мочеиспусканія; 3) вслѣдствіе сонныхъ грезъ челоуѣка, сопровождаемыхъ любовнымъ наслажденіемъ; 4) вслѣдствіе сообщенія пятнадцатилѣтнаго юноши съ публичной женщиной.

Опять намъ приходится сдѣлать сопоставленіе языческаго суевѣрія съ европейскимъ. Въ крещеной Европѣ XVI и XVII вѣка существовало вѣрованіе въ бѣсовъ *суккубовъ* и *инкубовъ*, являющихся въ сновидѣніи мужчинамъ и женщинамъ, возбуждающихъ въ нихъ страсти и склоняющихъ къ любовнымъ наслажденіямъ. Вслѣдствіе послѣднихъ, по увѣренію европейскихъ демонологовъ, женщины беременѣли и рожали. Зороастръ до этой пошлости не доходитъ, но, тѣмъ не менѣе, говоритъ, что бѣсовки беременѣютъ отъ сонныхъ грезъ мужчины и рождаютъ — *бѣсовъ*. Грѣшникъ влечетъ слѣдомъ за собою пагубу и смерть: рѣка, на которую онъ взглянетъ, высыхаетъ на цѣлую треть, нива на столько же оскудѣваетъ; изъ народонаселенія, въ средѣ котораго живетъ грѣшникъ, вымираетъ треть добрыхъ и чистыхъ людей.

Послѣдніе два фаргарда (XXI и XXII) содержатъ въ себѣ совѣты Ормузда Зороастру — молиться, молиться непрерывно и чуть ли не всему, что только на глаза попадетъ: солнцу, свѣтиламъ, огню, землѣ, растениямъ, домашней скотинѣ — въ особенности быкамъ — земнымъ и *небесному* (т. е. созвѣздію Тельца). Небесный быкъ и луна — отецъ и мать всѣхъ произрастеній земли: зародыши и сѣмена ихъ, они весной бросаютъ на землю вмѣстѣ съ

дождевыми каплями; дождями же завѣдуетъ и распоряжается изедъ *Тиръ* (планета Меркурій).

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Содержаніе книги Бун-Дехешъ. — Мірозданіе. — Вражда Ормузда и Аримана. — Заточеніе послѣдняго. — Изеды, зодіакъ, созвѣздія. — Освобожденіе Аримана. — Порча всѣхъ произведеній Ормузда. — Убіеніе быка. — Планеты. — Борьба изедовъ съ дивами. — Смерть Кайомортса. — Воды и растенія. — Семь областей. — Горы. — Зѣври, птицы и рыбы. — Дерево Ренва. — Первые люди. — Грѣхопаденіе. — Происхожденіе народовъ. — Пять огней. — Чудесныя зѣври и птицы.

Окончивъ обзоръ знаменитой книги закона, Вендидадъ-садэ, воздерживаясь отъ всякихъ критическихъ разсужденій, переходимъ къ обзору третьей и послѣдней книги: *Бун-Дехешъ*, содержащей въ себѣ космогонію, исторію первыхъ вѣковъ бытія міра и заключающей несравненно болѣе любопытныхъ свѣденій, нежели книга Вендидадъ. Несомнѣнно, что она, подобно двумъ первымъ книгамъ, написана Зороастромъ, а впослѣдствіи дополнена нѣсколькими авторами. На сколько въ ней есть заимствованнаго изъ космогоніи другихъ народовъ древности, объ этомъ предоставляемъ судить самому читателю.

Въ началѣ бытія міра, мракъ царилъ по всей вселенной. Духъ добра, *Ормуздъ*, пребывалъ въ высочайшихъ сферахъ; духъ злобы, зависти и смерти, *Ариманъ*, гнѣздился въ преисподней. Оба они, безначальные и безконечные, созидали міръ. Зная, по премудрости своей, что Ариманъ враждебенъ ему, Ормуздъ всего прежде создалъ легіоны свѣтлыхъ духовъ (*изедовъ*) для противодѣйствія бѣсамъ (*дивамъ*), созданнымъ Ариманомъ. Небо и свѣтлые духи созидались въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ. До начатія борьбы со своимъ противникомъ, Ормуздъ предложилъ ему миръ и доброе согла-

сіе; Ариманъ гордо отвергъ то и другое, объявляя Ормузду войну на девять тысячъ лѣтъ. „Не хватить силъ у тебя! отвѣчалъ тотъ. По опредѣленію Всевышняго первыя три тысячи лѣтъ буду властвовать (надъ міромъ) я, вторыя три тысячи—мы вдвоемъ, т. е. я и ты, а на третьи, послѣднія три тысячи лѣтъ—ты одинъ будешь властителемъ вселенной,.. Затѣмъ произойдетъ между нами борьба послѣдняя и моя несомнѣнная побѣда!“ Произнеся этотъ договоръ, Ормуздъ двадцать одинъ разъ прочиталъ молитву *гоноверъ*, начинающуюся словами: „это желаніе Ормузда (1)“ и т. д., и Ариманъ погрузился во тьму кровѣшную на три тысячи лѣтъ, чтобъ творить духовъ зла, покуда Ормуздъ творилъ свѣтила, чистыхъ (изедовъ) и создалъ небеса. Первый чистый, созданный Ормуздомъ, былъ *Бахманъ*, будущій правитель міра; Ариманъ во тьмѣ создалъ духа разрушителя *Акумана*. Послѣ Бахмана явились чистые: *Ардибехештъ*, *Шахриверъ*, *Сапондомадъ*, *Хордадъ* и *Амердадъ*; создавъ Акумана, царь тьмы сотворилъ: *Андера*, *Савеля*, *Некаэда*, *Тарика* и *Зареча* (2).

Пространствомъ для свѣта Ормуздъ назначилъ промежутокъ между небомъ и землею; въ высшихъ областяхъ ээира онъ размѣстилъ звѣзды, солнце и луну. Звѣзды были раздѣлены на видимыя (неподвижныя) и невидимыя; первыя, размѣщенныя на небосклонѣ отдѣльными купами, образовали двѣнадцать знаковъ или созвѣздій, *родительницъ*, отъ которыхъ родились все прочія звѣзды. Имена родительницъ слѣдующія: 1) Агнецъ, 2) Быкъ, 3) Двойни, 4) Ракъ, 5) Левъ, 6) Колосъ, 7) Вѣсы, 8) Скорпионъ, 9) Лукъ стрѣльца, 10) Козерогъ, 11) Кувшинъ, 12) Рыбы. Звѣзды, изъ которыхъ были составлены эти знаки, были раздѣлены еще на 28 созвѣздій (*хордахъ*); каждому хордаху отдано подъ начальство

(1) Стало быть, Ормуздъ молился себѣ самому? Впрочемъ, подобныя чудеса встрѣчаются во многихъ другихъ мифологіяхъ, кромѣ персидской.

(2) Каждый свѣтлый духъ соимененъ весеннимъ, лѣтнимъ мѣсяцамъ и счастливымъ днямъ, духи тьмы—зимнимъ мѣсяцамъ и несчастнымъ днямъ.

6,480.000 малыхъ звѣздъ, а для наблюденія за порядкомъ всего міра, по четыремъ странамъ неба Ормуздъ поставилъ по большой яркой звѣздѣ: *Таситера* (Сиріуса) на восточной, *Сатевиса* (Альдеборана) на западной, *Венанда* (звѣзда слѣдка Оріона) на южной и *Хафторанга* (большую и малую Медвѣдицъ) на сѣверной. Самую средину неба заняла большая звѣзда *Месшахъ*, или *Рапитанъ*, царь южныхъ областей земли.

Три тысячи лѣтъ заточенія Аримана въ пропастьхъ преисподней—миновали. Дивы освободили его и стали призывать на войну съ Ормуздомъ; особенно настойчивъ былъ лукавый (дарвандъ) *Дже*. Царь вѣчной тьмы отговаривался недостаткомъ войска, но Дже далъ обѣщаніе ровно столько содѣйствовать ему въ порчѣ и оскверненіи всего созданнаго Ормуздомъ. До начала битвы надобно было осмотрѣть міръ и расположеніе небесныхъ воинствъ. Для этого Ариманъ создалъ тѣло прелестнаго пятнадцатилѣтняго юноши, въ которое вселился Дже и ушелъ на землю, самъ же царь тьмы, принявъ видъ змѣи, всползъ на небо, оттуда на землю (въ день Ормузда мѣсяца *Фарвардина*) къ югу, осмотрѣлъ всѣ чудеса неба и земли и содрогнулся отъ ужаса; проникъ въ нѣдра земли и, вылетѣвъ на ея поверхность въ видѣ мухи, видѣлъ всѣ созданныя Ормуздомъ произрастенія, быка и перваго человѣка *Кайоморта* (сына персти). Омрачивъ на югѣ свѣтъ дневной мглой непроницаемой, Ариманъ расплодилъ на землѣ ядовитыхъ гадовъ (*харфестеровъ*), палачицами вихрями осушилъ травы, пожегъ дерева, а на быка напустилъ двухъ ядовитыхъ бѣсовъ: *Верина*, врага дождей, въ видѣ скорпіона, и *Босшаспа*—усыпителя. Издыхая, биекъ завѣщаль, чтобы берегли мертвое его тѣло...

Весь этотъ рассказъ и всѣ послѣдующіе ничто иное, какъ символическое описаніе древнѣйшихъ космическихъ и геологическихъ переворотовъ. Подъ бѣсомъ, въ видѣ змѣи вспалывающемъ на небо, не трудно угадать появленіе *кометы* (историкъ опредѣляетъ даже самый день ея появленія въ мартѣ мѣсяцѣ), слѣдствіемъ котораго могли быть: мгла, засухи и моровыя повѣтрія. Биекъ, побѣжденный бѣсами *усыпленія* и *засухи*—аллегорія усыпленія производительныхъ силъ земли именно въ осеннюю пору,

когда солнце находится въ созвѣздіи Скорпіона (1). Эти объясненія даютъ читателю ключъ къ разгадкѣ всѣхъ послѣдующихъ аллегорическихъ сказаній персидскаго бытописателя.

На перваго человѣка *Кайомортса* напалъ дивъ смерти *Астудъ* съ тысячею помощниковъ, но не могъ ничѣмъ ему повредить, такъ какъ еще не пришелъ его часъ, и тридцать лѣтъ, опредѣленныхъ человѣку на владычество надъ землею, еще не истекли. Произшелъ же Кайомортъ изъ правой передней ноги быка, умерщвленнаго дивами; изъ лѣвой — вышелъ *Госшорунъ*, хранитель стада (2), который, увидя человѣка въ опасности, заревѣлъ будто тысяча людей и бросился къ Ормузду просить помощи. Духъ добра успокоилъ его, поведя на небо и показавъ въ жилищѣ вѣчнаго свѣта — *феруэръ* (зародышъ или, вѣрнѣе, мысль божію) явленія на землѣ Зороастра, будущаго освободителя людей отъ лукаваго и всѣхъ адскихъ козней... Госшорунъ возрадовался и успокоился.

Между тѣмъ на небесахъ продолжалась страшная неурядица: сонмы бѣсовъ нападали на свѣтлыя изедовъ (звѣзды), Ариманъ осквернилъ огонь на землѣ, и густой, смрадный дымъ, восходя къ небесамъ, затмѣвалъ свѣтила. Семь дивовъ было взято Ормуздомъ въ плѣнъ и превращены духомъ правды и свѣта въ яркія новыя звѣзды. Преобразовавъ тѣла выходцевъ изъ преисподней, Ормуздъ замѣнилъ и прежнія имена ихъ новыми: 1) *Туръ* (планета Меркурій); надзирателемъ за нимъ приставленъ Тасштеръ; 2) *Бехрамъ* (Марсъ), надзиратель его Гафторангъ; 3) *Анхума* (Юпитеръ), надзир. Венантъ; 4) *Анахидъ* (Венера), надз. Сатевисъ; 5) *Кеванъ* (Сатурнъ), надз. *Месмагъ*; шестую и седьмую звѣзды Ормуздъ назвалъ *Гурзшеромъ* и *Додждомъ-Мусшеваромъ*: обѣ онѣ были косматыя, съ хвостами, и надзоръ за ними порученъ былъ солнцу и лунѣ; солнце указало этимъ

(1) Въ одной изъ послѣдующихъ главъ при разсказѣ о таинствахъ Мьеры мы подробнѣе поговоримъ о символѣ быка, уязвляемаго скорпіономъ.

(2) Созвѣздіе Пса. Мысль дать первому человѣку въ товарищи собаку не лишена своего рода поэзіи.

скитальцамъ вселенной путь, далѣе котораго они идти не осмѣливались... Что же касается до самого солнца, предѣлами собственнаго пути его были: гора *Альборджъ*, окружающая землю, и *Тарекъ*—гора средиземная. Дойдя до вершины первой горы, солнце останавливается, обойдя вторую гору, оно снова пускается въ прежній путь; 180 дней солнце находится на востокѣ, 180 — на западѣ, дважды въ годъ, когда она въ знакъ Агнца или Вѣсовъ, день бываетъ равенъ ночи; должайшій день во время нахождения солнца въ знакъ Рака, должайшая ночь—когда оно вступаетъ въ знакъ Козерога. Къ 360 днямъ, составляющимъ періодъ солнечнаго пути, слѣдуетъ прибавлять еще пять дней, называемыхъ *гахми*. Человѣкъ, знающій молитвы, для гаховъ предназначенныя, можетъ повелѣвать дивами и они покоряются ему, какъ властелину. Такимъ-то образомъ, не взирая на всѣ происки врага своего, Аримана, чистый и доброжелательный Ормуздъ водворилъ стройный порядокъ на небесахъ. Не легка была побѣда надъ Ариманомъ: девяносто сутокъ продолжалась борьба дивовъ съ изедами, покуда, наконецъ, Ариманъ, ослѣпленный красотою послѣднихъ, не обратился въ постыдное бѣгство, въ яростномъ сознаніи своего безсилія.

Пораженный на небесахъ, онъ вознаградилъ себя побѣдою на землѣ: срокъ владычества Кайомортса (сына персти) окончился, и онъ былъ убитъ дивами... однакоже, умирая, сказалъ дивамъ, что имъ не одолѣть будущихъ людей, которые произойдутъ отъ его сѣмени. Гады, порожденные Ариманомъ на землѣ, размножась, страшно вредили ей и всѣмъ ея произведеніямъ. Для истребленія ихъ, изедъ Тосшеръ, вступивъ въ созвѣздіе Рака, спустилъ на землю тридцатидневный дождь, и вода покрыла землю въ ростъ человѣческой. Тосшеру при дождѣ помогали изеды: *Бахманъ*, *Хомъ* и *Барзо*, чередуясь каждые десять дней; самъ же Тосшеръ каждые эти десять дней измѣнялъ свой образъ, превращаясь поочередно въ человѣка, коня и быка. Дождь первыхъ десяти дней умертвилъ гадовъ, вода стекла съ земли, но отъ разложенія падали стала соленою. Табъ образовался *Заре-Ферахъ-кандъ* (море-окіянь нашихъ народныхъ сказовъ). Вмѣсто умерщвленныхъ гадовъ, Ариманъ создалъ безчисленное множество жабъ,

*

для истребленія которыхъ Ормуздъ послалъ на землю Тосшера, преобразившагося въ бѣлага длиннохвостаго коня. На встрѣчу ему Ариманъ выпустилъ изъ преисподней дива *Аповеша*, въ видѣ коня чернаго. Бѣлый побѣдилъ чернаго, и второй проливной дождь брызнулъ на землю, для расчистки ея отъ труповъ умерщвленныхъ жабъ; крупныя капли дождя были съ бычачью голову, мелкія съ человѣческую. Въ противника своего, смердящаго дива Аповеша, чистый изедъ Тосшеръ пустилъ огонь *ваджесте* (молнію) и окончательно обратилъ его въ бѣгство (т. е. отбрасывая мишуру восточной фразеологіи: первая гроза очистила смрадный воздухъ и разсѣяла гнилостныя, болотистыя испаренія). Изъ водъ втораго десятидневнаго дождя образовались: *озера*, три большихъ и 23 малыхъ; изъ водъ третьяго двѣ *ръки* (руды) Арг-рудъ и Вех-рудъ — родоначальницы главнѣйшихъ восемнадцати рѣкъ земли.

Желая, во чтобы-то ни стало, разрушить все созданное Ормуздомъ, злобный Ариманъ проникъ въ нѣдра земли и сталъ бѣгать въ нихъ, расшатывая основы подсолнечнаго міра... Вслѣдствіе этой бѣготни, земля вспучилась и на поверхности ея образовались *горы*, родоначальницею которыхъ была гора *Альборджъ*. Съ горъ потекли на землю родники прѣсной воды и образовались ключи, подобные кровеноснымъ жиламъ въ тѣлѣ человѣческомъ.

Взявъ сухое дерево, изедъ *Амердадъ* опустилъ его въ море-океанъ, и оно, разростаясь чудеснымъ образомъ, произвело 10,000 плодовыхъ деревьевъ, а эти, въ свою очередь, произвели 100,000 всякихъ произрастеній. Изъ хвоста быка, убитаго дивами, выросли 55 злаковъ ⁽¹⁾ и 12 деревьевъ цѣлебныхъ. Отъ сѣмени быка, переработаннаго луною, произошла первая пара животныхъ: *быкъ* и *корова*, бывшіе родоначальниками 282 породъ разныхъ животныхъ, рыбъ водяныхъ и птицъ поднебесныхъ.

Дожди Тосшера образовали на землѣ рывины и промоины, раз-

---

(1) Злачныя растенія (graminea) формою напоминаютъ бычачій хвостъ, оканчивающійся кистью, какъ тѣ колосомъ. Обращаемъ вниманіе читателя и на сопоставленіе быка съ луною: намекъ на рожки молодого мѣсяца.

граничившія поверхность земную на *семь* областей (*кешваровъ*): 1) срединную, *Кешваръ Хуннерецъ* (Иранъ); 2) восточную, *К. Шаве*; 3) западную, *К. Арзе*; 4 и 5) двѣ южныя, *К. Фредезафше* и *К. Видедафше* и 6 и 7) двѣ сѣверныя, *Воробересте* и *Вороджересте*. Особенно яростнымъ нападеніямъ Аримана подвергалась область срединная, такъ какъ на ней суждено было жить людямъ закона Ормузда и родиться великому Зооростру. Прародительница всѣхъ горъ земли, *Альборджъ*, доросла въ первыя 200 лѣтъ до неба звѣзднаго, во вторыя—до луннаго, въ третьи—до солнечнаго, въ четвертыя же и послѣднія двѣсти лѣтъ она достигнетъ до первоначальнаго свѣта. Ростъ всѣхъ прочихъ горъ земли въ числѣ 244 ограничивается только двумястами лѣтъ. Черезъ одну изъ нихъ *чекхеэтъ-даэти* на гору Малую Альборджъ переброшенъ мостъ *Чиневадъ* для переправы душъ въ свѣтлыя обители изъ преисподней, предверіемъ которой служитъ *чекхеэтъ-деэти* (Здѣсь въ подлинникѣ длинная *родословная* всѣхъ горъ и рѣкъ земли).

Кромѣ злаковъ, деревьевъ и первой пары животныхъ, изъ разныхъ частей тѣла быка выросли еще разныя полезныя деревья и травы: изъ роговъ и мозга костей—15 деревьевъ, полезныхъ для врачеванія, изъ поздрей—*гандена* (лукъ-порей, *Allium roggium* L.); изъ крови—виноградъ, сокъ котораго укрѣпляетъ и веселитъ человѣка; изъ груди *эспандъ* (дикая рута, *Reganium harmala* L.), утѣляющій головную боль (¹). Отъ первой пары животныхъ, родившихся изъ сѣмени быка, всѣхъ прежде произошли: козлы и бараны, верблюды и буйволы, кони и ослы, калянныя бараны и олени. За ними слѣдовали *пять* разрядовъ водяныхъ (т. е. чистыхъ) животныхъ: 1) двухкопытныхъ, 2) однокопытныхъ, 3) лапчатыхъ, 4) когтистыхъ (хищныя птицы) и 5) плавающихъ (рыбы), а уже отъ этихъ пяти породъ—282 породы звѣрей и птицъ и 110—породъ рыбъ. Чистѣйшее изъ всѣхъ животныхъ—собака,

---

(¹) Головную боль преимущественно вслѣдствіе опьяненія. Здѣсь намекъ на то, что въ природѣ вездѣ и всюду, гдѣ болѣзнь, тамъ и лекарство.

находится и на небѣ для охраненія звѣрей отъ нападеній духовъ тьмы; когда она (ее зовутъ *Суроко*) спускается на землю, животныя предаются акту самовоспроизведенія (1). Птицу *Вареша* (вахиря, дикаго голубя) Ормуздъ создалъ за тѣмъ, чтобы она напоминала имъ о соблюденіи закона, т. е., на сколько можно догадываться, о супружескомъ сожителствѣ со своими безъ богопротивныхъ связей съ иновѣрцами.

Первозданный человѣкъ *Кайомортсв* (сынъ персти), убитый дивами, умирая, извергъ изъ себя плодотворную влагу, взятую на сбереженіе двумя изедами—*Неріозенхомъ* и *Сапондамадомъ*; влага эта заключала въ себѣ зачатки грядущихъ поколѣній людей. Изеды передали ее солнцу, а оно, очистивъ ее, бросило въ землю. Черезъ сорокъ лѣтъ (въ мѣсяцъ и день Миэры) изъ этого сѣмени выросло дерево *Ренва*, по прошествіи пятнадцати лѣтъ достигшее степени совершеннаго развитія: стволъ его изображалъ мужчину и женщину, держащихъ другъ друга за уши, листьевъ на вершинѣ дерева было только пятнадцать. Первыми его ягодами были мужъ и жена *Месшія* и *Месшіане* оба чистые, единомыслящіе, покорные Ормузду. Дивъ злобы, зависти, Ариманъ, вдохнулъ въ нихъ сомнѣніе въ бытіи духа свѣта и внушилъ мысль заботиться о самихъ себѣ. Мужъ и жена отправились на охоту и, встрѣтивъ бѣлую козу съ полнымъ вымянемъ, сососали ея молока и тѣмъ согрѣшили и лишились 99 блаженствъ изъ ста блаженствъ, дарованныхъ имъ Ормуздомъ, отправясь на охоту вторично, черезъ тридцать дней, мужъ и жена встрѣтили бѣлаго ягненка и на этотъ разъ, почувствовавъ жажду къ крови, зарѣзали бѣдное животное. Дивъ научилъ ихъ развести огонь посредствомъ тренія объ песокъ дерева казильника (*Cornus mascula* L.); вопреки закону Ормузда, они ртами раздували пламя, поддерживая его чистыми деревьями, миртомъ и *хормою* (финиковою пальмою). На этомъ

---

(1) Эпоха восхода созвѣздія «Большаго пса» (каникулы) крайній предѣлъ дѣятельности воспроизводительныхъ силъ природы—земли и животныхъ. Каждое сказаніе персидской мифологіи тѣсно связано съ астрономіей и метеорологіей.

огнѣ они изжарили агненка и часть мяса его была унесена птицею *керкхасомъ* (воршунѣ). Отвѣдавъ однажды мяса животнаго, Месшія и Месшіане пристрастились къ нему и предались звѣроловству, питаея мясомъ и одѣваея въ звѣриныя шкуры. Такъ совершилось первое грѣхопаденіе первыхъ мужа и жены, предшествовавшее послѣдующимъ, тягчайшимъ грѣхомъ.

По совѣтамъ и указаніямъ Аримана мужъ и жена, порывъ землю, нашли въ ней желѣзо, изъ котораго и выковали первый топоръ. Срубивъ дерево, Месшія и Месшіане построили себѣ палашъ для жилья. Пользуея всѣми этими благами, первые люди не только не благодарили Ормузда, но возгордились передъ нимъ, а потомъ и другъ передъ другомъ. Затѣмъ дивы вдохнули въ ихъ сердца гнусное чувство зависти... Месшія заспорилъ съ женой, поранилъ ее топоромъ и разошелся съ нею въ разныя стороны. Пятьдесятъ лѣтъ продолжалась ихъ разлука и наконецъ въ мужѣ, первомъ, явилось желаніе помириться съ женою; онъ отыскалъ Месшіане. Пораженный ея прелестями, теперь вполне развитыми (до разлуки мужъ и жена были еще слишкомъ юны), признался ей въ любви и безъ труда склонилъ къ новымъ, еще невѣдомымъ, наслажденіямъ. Объясненія примирившихся мужа съ женою въ книгѣ Бун-Дехешъ слишкомъ проникнуты патриархальнымъ цинизмомъ, чтобы мы позволили себѣ приводить ихъ читателю.

Черезъ девять мѣсяцевъ Месшіане родила двойней: мальчика *Сіамакса* и дѣвочку *Весшахъ*; перваго кормилъ отецъ, вторую мать. Ормуздъ отнялъ дѣтей у родителей, самъ воспиталъ ихъ и, по достиженіи ими пятидесяти лѣтъ, разрѣшилъ брату и сестрѣ супружеское сожителство; предѣлъ же человѣческаго бытія положилъ во сто лѣтъ. Отъ Сіамакса и Весшахъ родилось семь паръ и въ числѣ ихъ *Фревахъ* и *Фревакеинъ*. Отъ этой пары произошло пятнадцать паръ, сдѣлавшихся родоначальницами всѣхъ народовъ земли, заселившихъ семь ея областей: аравитянъ, персовъ, асирійцевъ, жителей Турана, Синда; амазонокъ страны Салемской; одноглазыхъ, одноухихъ, одноногихъ и врылатыхъ обитателей пустынь и людей косматыхъ съ хвостами (обезьянъ).

Физиологическія подробности, въ которыя вдается послѣ этого

книга бытописанія, на столько же неблагопристойны на сколько живы, хотя той же самой эмбриологической теоріи слѣдовала и *ученая* Европа до конца XVI столѣтія. Нельзя оставить однако же безъ вниманія слѣдующія слова бытописца: „Тѣло, образовавшееся во чревѣ женщины, служить впоследствии жилищемъ для души нисходящей съ неба. Душа руководитъ всѣми дѣянiami тѣла человѣческаго покуда оно живо; умирая же *тѣло обращается въ землю, а душа возвращается на небо.*“ Въ природѣ *мужскими* производительными силами можно назвать: небо, металлы, воздухъ, огонь, *женскими* — воду, землю, деревья, луну.

Оней пять разрядовъ: 1) *Березеденхъ*, небесный огонь боговъ и царей (молнія); 2) *Вохфрейанъ*, огонь или теплота живыхъ существъ; 3) *Ороуазештъ*, жизненная теплота въ деревьяхъ; 4) *Вазештъ*, горный огонь изъ горы Саподжегера (одинъ изъ вулкановъ Ирак-аджеми) 5) *Согенештъ*, земной огонь искуственно разводимый на людскую потребу.

Изъ растений и животныхъ, созданныхъ благимъ Ормуздомъ, слѣдуетъ упомянуть о деревѣ *Гогардъ*, объ ослѣ живущемъ въ морѣ-окіанѣ (заре Ферах-кандъ), о морскомъ быкѣ; о птицахъ: *Чамрошъ*, *Каресифатъ*, *Адсажештъ* и орлѣ. Дерево Гогардъ, росшее сначала въ ущельи горы на морѣ на окіанѣ, воскресить блаженныхъ въ день послѣдній. Ариманъ желая уничтожить это дерево создалъ жабу, а Ормуздъ для защиты его десять рыбъ: безпрестанно плавая вокругъ дерева онѣ отгоняютъ жабу. Отъ одной изъ нихъ, рыбы *Араза*, произошло пятьдесятъ породъ. У осла, живущаго въ морѣ-окіанѣ, три ноги, шесть глазъ, девять ртовъ, одинъ рогъ, тѣло бѣлое. Онъ слѣдитъ за людьми не исполняющими закона и, въ случаѣ содѣяннаго ими дурнаго дѣла, лягаетъ ихъ. На каждомъ копытѣ у него могутъ умѣститься стада и тысячи всадниковъ. Опуская уши свои въ воды моря окіана, осель его очищаетъ; отъ крика его беременѣютъ всѣ самки животныхъ чистыхъ, самки же харфестеровъ (гадовъ) выкидываютъ недоносковъ. Рыбы и водяныя животныя беременѣютъ точно также при вряѣ морскаго быка. Живущая на вершинѣ горы Альборджа птица Чамрошъ каждые три года облетаетъ города, раскидывая по

нимъ посѣвы общаго согласія и благоденствія. Говорящая птица Борешфать научила закону Ормузда жителей *Варджемерда* (области, находящіяся между Иракъ-аджами и Систаномъ). Птица Азсожештъ крикомъ своимъ прогоняетъ дивовъ, съѣдая трупы, оберегаетъ ихъ отъ нападеній харфестеровъ... Орель, созданный Ормуздомъ, распластавъ крылья обонечностями ихъ касается востока и запада.

Каждое чистое животное враждебно нечистому, созданному Ариманомъ. Бѣлый соколъ (*базе*) истребляетъ ужей, дятель — сарапчу, коршунъ — падалъ, горный орель (*верасаретверзъ*) — змѣй, собака — волковъ, кунипа — ящериць, муравьѣдъ (*месхъ*) и ежъ (*зеозека*) убиваютъ муравьевъ, послѣдній — свою уриною. Пѣтухъ (*халька*) врагъ бѣсовъ и чародѣевъ, разгоняющій ихъ своимъ крикомъ; онъ и собака — хранители челоуѣва отъ всякаго зла, заслуживающіе съ его стороны самыхъ нѣжныхъ попеченій.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Четырнадцать разрядовъ водъ. — Голубиная книга. — Сравненіе русскаго эпоса съ восточнымъ. — Русское суевѣріе и его источники. — Главнѣйшія звѣри и растенія. — Ботаническая система. — Цвѣты, посвященные изедамъ. — Грядущая участь вселенной. — Кончина міра. — Воскресеніе мертвыхъ. — Рай и Адъ. — Комета. — Огненная рѣка. — Безсмертіе. — Судъ надъ грѣшниками. — Обновленіе земли. — Прощеніе Аримана. — Всеобщее блаженство. — Родословіе. — Лѣтосчисленіе. — Династія Песидадіановъ. — Кайомортсъ. — Битвы съ дивами. — Гусшенкъ. — Джемшидъ. — Дѣленіе на касты. — Правосудіе.

Всѣ воды и влаги, созданныя Ормуздомъ, раздѣляются на четырнадцать разрядовъ: 1) вода древесная (роса), 2) горная, 3) дождевая, 4) колодезная, 5) животная плодотворная влага (спегша),

6) потъ лицевой, 7) потъ тѣлесный, 8) моча, 9) слюна, 10) жидкій животный жиръ, 11) желчь (*хейе*: chylus), 12) древесный сокъ — 13) молоко (1). Есть кромѣ того чудесные ключи и источники (*варз*) дающіе здоровье, плодородіе женщинамъ, богатство и т. д. (2).

Въ сборникѣ нашихъ народныхъ раскодій, называемомъ *Голубиною книгою* царя Давыда Евсеевича, въ числѣ многого множества бурзововъ находятся вопросы, задаваемые царю народомъ и его отвѣты: *отчего* и *оттого*... между прочими: какая гора всѣмъ горамъ мать? Какое море всѣмъ морямъ море? Какая трава всѣмъ травамъ? и т. д. Царь вычитываетъ отвѣты изъ таинственной Голубиной книги, написанной, по словамъ сказочниковъ-идіотовъ, „*Иисусомъ Христомъ (?!!)*, читанной *Исаею пророкомъ*“.

Помимо того, что это чадо народной поэзіи плодъ нелѣпѣйшей помѣси язычества съ извращенными понятіями о христіанствѣ—его можно назвать вольнымъ переводомъ Зороастровой Зенд-Авесты, да и царь Давыдъ Евсеевичъ напоминаетъ нѣсколько Дарія Гистаспа. Въ книгѣ Бун-Дехешъ мы находимъ точно такой же длинный перечень (только не въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ) горъ, звѣрей, растений и т. д., которыя всѣмъ горамъ горы, всѣмъ звѣрямъ звѣри и т. д... Въ смиренномъ сознаніи нашего ничтожества, не осмѣливаемся выразить опасенія навлечь на себя со стороны фанатиковъ славящины за эти предположенія тѣ же упрекя, которыми они осыпали недавно одного правдиваго и даровитаго изслѣдователя старины (3) за то, что онъ дерзнулъ противопоставлять индускій эпосъ нашему народному, очевидно доказывая, что герои нашихъ сказокъ скопированы съ богатѣрей древней Индіи.

---

(1) Ни кровь, ни слезы—почему-то не удостоились войти въ этотъ списокъ... Или Зороастръ считалъ ихъ произведеніями Аримана, такъ какъ персы особенно любили проливать одну и заставлять ближнихъ — проливать другія.

(2) Минеральныя воды.

(3) Надѣмся, просвѣщенный читатель догадывается, что мы говоримъ о превосходномъ трудѣ г. Стасова.

Бун-Дехешъ, начало которой писано Зороастромъ, жившимъ за 500 слишкомъ лѣтъ до Р. Х., была дополнена и распространена, по крайней мѣрѣ, за тысячу лѣтъ до начала Руси... При всемъ нашемъ благоговѣніи къ самобытному творчеству народной нашей поэзіи мы не простираемъ однако же этого благоговѣнія до того, чтобы обвинять компиляторовъ книги Бун-Дехешъ въ заимствованіяхъ изъ *нашей* знаменитой Голубиной книги: цифры краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе словъ. Древніе наши рапсоды, все эти калѣки переходіе, странники, гудошники, южно-русскіе кобзари и т. п. „брали свое добро тамъ, гдѣ его находили“ безъ всякаго стѣсненія, по простотѣ души наряжая героевъ восточныхъ мифологій въ родимую сермягу. Полудикому народу нашему было мало заимствовать у язычества разныя примѣты и повѣрья: онъ заимствовалъ у него сказки и легенды... Тѣ и другія, *передь-ланныя* въ устахъ народныхъ на наши нравы, весьма много способствовали извращенію религіозныхъ народныхъ понятій, низводя христіанство на степень язычества и порождая вполнѣдствіи секты да расколы одни другихъ нелѣпѣе. Напрасно слѣдые защитники старины такъ снисходительно смотрятъ на древнія наши сказки, называя ихъ младенческимъ лепетомъ первобытной поэзіи (¹) народа—младенца; напрасно! Какъ первыя сказки, слышанныя ребенкомъ въ дѣтствѣ, вліяютъ на умственное его развитіе, такъ точно сказки народныя не могутъ не вліять на его понятія и позднѣйшія убѣжденія. Язычество, изгнанное изъ Россіи святымъ Владиміромъ, возвратилось въ нее вполнѣдствіи подѣ личиною странничка, благочестиваго старца-разскащика, либо скормороха сказочника—и на первый же случай начало свою пропаганду нелѣпѣйшими сказками о крестителѣ Руси и богатыряхъ, его сподвижникахъ; затѣмъ пригрѣтое и радушно принятое въ избѣ мужичка, стало его вѣковѣчнымъ собесѣдникомъ... Было ли на

(¹) О Голубиной книгѣ любопытствующіе могутъ найти довольно обстоятельныя свѣдѣнія въ статьѣ г. Соловьева: Русская пѣсня, напечатанной въ журналѣ «Всемирный Трудъ» 1867 г. (Октябрь, статья четвертая, стр. 223—226).

святой Руси хоть одно историческое событіе; былъ ли хоть одинъ великій дѣятель (даже не въ весьма отдаленномъ прошломъ), о которомъ русское язычество — снисходительно называемое *суевѣріемъ* — не сплело бы своихъ сказокъ, не присоединило къ правдивымъ сказаніямъ исторіи своихъ нелѣпныхъ прибаутокъ?.. Прислушайтесь къ нашимъ народнымъ преданіямъ о нашествіи татаръ, о святыхъ мученикахъ князьяхъ, Димитріи Донскомъ, Грозномъ, Самозванцѣ, польскомъ погромѣ... наконецъ о Петрѣ великомъ, о французскомъ нашествіи! А сказки и неблицы слагаемыя суевѣріемъ о святыхъ, какъ напримѣръ объ Ильѣ-Муромцѣ; или о великихъ личностяхъ нашихъ святителей, митрополитахъ московскихъ: святомъ Алексіѣ, воспретившимъ будто бы сорокамъ гнѣздиться въ Москвѣ, или Филиппѣ митрополитѣ, Зосимѣ новгородскомъ, Василии блаженномъ?.. Нѣтъ, родимый народъ, бери ты для своихъ сказокъ *Бову-королевича* да царей *Додона* съ *Давыдомъ Евсеевичемъ* да *Забавой Путьяшиной*, но не украшай пестрыми цвѣтами своего воображенія (возраженными на языческой почвѣ) гробницъ нашихъ Святителей и великихъ людей.

Не желая утомлять читателя, мы не переводимъ ему изъ персидской Голубиной книги, т. е. Бун-Дехена, длиннаго перечня произведеній царствъ природы главенствующихъ надъ прочими, ограничимся тѣмъ, что звѣри *бллой* масти всѣмъ звѣрямъ звѣри, гора *Арпазинъ* — всѣмъ горамъ гора; за ними по старшинству слѣдуютъ: деревья *Хомъ* (амомъ греческихъ ботаниковъ), *дармене* (чернобыльникъ, *Artemisia L.*), *пакеди* (просо: *panicum miliaceum L.*), миртъ, финикъ... Изъ одѣяній людскихъ, священный поясъ *кости* ⁽¹⁾ всѣмъ одеждамъ одежда и проч. Повѣствуя о деревьяхъ, авторы книги Бун-Дехешъ говорятъ, что сначала древесные стволы были гладкіе и не было кустарниковъ, покрытыхъ иглами: жесткая кора деревьямъ, иглы кустарникамъ даны были для защиты ихъ отъ нападеній дивовъ и злыхъ *парі*.

Растенія земли распределены систематически на съѣдомыя, ма-

(1) Кости не родительный падежъ слова: кость, а собственное зендское имя священнаго пояса.

слянистыя, красильныя, пахучія и т. д. Въ этомъ случаѣ персидскіе догматисты опередили ученую Европу: почти той же ботанической системы придерживались почти всѣ ученые до времени *Чезальпини*. Распредѣливъ растенія по породамъ, персидская книга бытописанія перечисляетъ тѣ изъ нихъ, которыя посвящены изедамъ небеснымъ, покровителямъ мѣсяцевъ, дней и созвѣздій. Приводимъ этотъ списокъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ находится въ подлинникѣ: лилія посвящена Бахману, жасминъ Ормузду, майоранъ Ардибехешту, базиликъ Шахриверу, цвѣтъ ивы Сапондамаду, красный макъ Адеру, бѣлый кувшинникъ (*Nymphaea alba* L.) Абану, плакунъ трава (1) (*Teucrium marum* L.) солнцу, фіалка Тасшеру, виноградъ Госшу, первые весенніе цвѣты, лѣтніе плоды и овощи Миерѣ, жеруха (*Lepidium sativum* L.) Серошу, шиповникъ Расне, пѣтушій гребешокъ (*celastia cristata*) Фервардину, богородицына трава (*thymus serpyllum*) Бехраму, мята Асману, шафранъ Зеліаду и мн. др.

Первые люди Месшія и Месшіане, рожденные изъ персти земной, питались водою (подобно деревьямъ), потомъ плодами, моложомъ и наконецъ мясомъ теплокровныхъ животныхъ; люди *послѣдніе*—отъ мясной пищи постепенно перейдутъ къ молочной, растительной и окончатъ водою. Въ послѣднее тысячелѣтіе міра силы природы замѣтно убудутъ и ослабѣютъ; люди будутъ молиться Ормузду однажды въ трои сутки. При появленіи на землѣ третьяго и послѣдняго сына Зороастра, *Созіосша*, который принесетъ людямъ послѣднюю часть Авесты, послѣднее ея слово—они уже не будутъ вкушать никакой пищи, но смертію оттого не умрутъ. Созіосшъ воскреситъ мертвыхъ... „Возможно ли воскресеніе усопшихъ тѣлъ? спрашиваетъ Зороастръ Ормузда (2) и получаетъ въ отвѣтъ: я, создавшій твердь, наполненную звѣздами, сотворившій солнце, луну, планеты, землю съ ея произрастеніями и воды; я, вдохнувшій огонь

(1) Плакунъ трава, всѣмъ травамъ трава—поетъ и наша російская Голубиная книга, будто эхо рева персидскаго осла на морѣ на океанѣ!

(2) Здѣсь въ книгѣ Бун-Дехешъ текстъ опять излагается въ видѣ діалога Зороастра съ Ормуздомъ.

жизни въ животныхъ и человѣка — я воскрешу его. Душа возвратится въ тѣло вновь созданное: изъ земли выростетъ остовъ и одѣнется тѣломъ, жилами, мускулами; изъ воды явится кровь и подобно древесному соку разольется по тѣлу; огонь дастъ этому тѣлу жизнь, а воздухъ — дыханіе! Всѣхъ прежде воскреснетъ первоизданный Кайомортъ, за нимъ — Месіа и Месіане, потомъ всѣ ихъ потомки, и весь актъ воскресенія усопшихъ совершится въ пятьдесятъ семь лѣтъ. Сначала появятся на землѣ души усопшихъ, а послѣ уже новыя тѣла; одна частица солнца оживитъ Кайоморта, прочія частицы оживятъ всѣхъ остальныхъ людей. Воскресіе узнаютъ другъ друга: сынъ отца, братъ брата, сестра сестру и при этомъ каждый увидитъ всѣ дѣла свои, добрыя и злыя. Грѣшники между праведными будутъ какъ черныя животныя въ стадѣ бѣлыхъ; *дараванды* (грѣшники) скажутъ тогда праведникамъ: зачѣмъ не учили вы насъ добру? зачѣмъ мы не слушали васъ?.. И будутъ праведники отдѣлены отъ грѣшниковъ; и пойдутъ первые въ *Гороманъ* (рай), вторыя въ *Дузахъ* (адъ); одни будутъ блаженствовать, другіе мучиться — три дня и три ночи... Затѣмъ послѣдуетъ разлука: тогда праведники восплачутъ о грѣшникахъ, грѣшники же сами о себѣ. Будетъ такъ потому, что въ день воскресенія у чистаго отца окажется сынъ нечистый; изъ двухъ сестеръ одна будетъ праведница, другая грѣшница. Тѣ и другіе, грѣшники и праведники, получатъ по дѣламъ своимъ. Гонители закона будутъ наказаны смертію (*марорзанъ*), а равно и родоначальники стыда, такъ какъ *стыдъ* — *сынъ грѣха* ('). Помощниками Созіосша въ обновленіи міра будутъ пятнадцать чистыхъ мужей и столько же чистыхъ женъ.

Когда *Гурзшеръ* (комета) съ луннаго неба опустится на землю, послѣдняя занеможетъ и омертвѣетъ, подобно овцѣ, изнемогающей отъ ужаса при появленіи волка. Пламя Гурзшера расплавитъ камни горъ великихъ и малыхъ, а также и металлы, находящіеся въ ихъ нѣдрахъ: образуется тогда огненная рѣка, которая потечетъ по землѣ, очищая ее отъ зла и беззаконія! Не минуютъ этой рѣки

(') Счастливое и чрезвычайное мѣткое выраженіе.

ни праведники, ни грѣшники; но для первыхъ ключущій металлъ будетъ какъ парное молоко... Сгоритъ въ этой рѣвѣ и врагъ людей, источникъ всѣхъ золь — *змѣй* Аримана. По очищеніи весь родъ человѣческой соединится, чтобы подобно одному человѣку воспѣть молитву (*сатассуз*) Ормузду и шести Амшаспандамъ (1). Первый перестанетъ творить и созидать, но и воскресшіе люди не будутъ работать, а единственно славословить Ормузда. Созіосшъ и быкъ *Гедейавешъ* напоитъ новыхъ людей сокомъ Хома, дерева жизни, и будутъ люди безсмертны. Для окончательнаго образованія новаго тѣла взрослому человѣку достаточно будетъ сорока лѣтъ; для тѣла младенца — пятнадцати. Бесплодные супруги, по воскресеніи, будутъ имѣть дѣтей; холостые переженятся. Вставъ на вершину горы, по указанію Ормузда, Созіосшъ будетъ судить людей и каждому опредѣлять его мѣсто. Явятся на этотъ судъ чистые духи и нечистые; Амигаспонды, изеды; дивы и пари; явятся и Ариманъ и правда встанетъ на очную ставку съ ложью. Духъ зла и развратитель людей, возвратится на преобразованную и очищенную землю, но некого будетъ ему развращать, не чему будетъ вредить... Наконецъ и онъ сознаетъ святость Ормузда, препоясается *кості*, а за нимъ всѣ нечистые, съ той минуты обратившіеся въ чистыхъ. Творческія силы обновленной земли будутъ неистощимы, самая поверхность ея измѣнится: исчезнутъ горы и пропасти, на мѣстѣ ихъ будутъ только плодоносныя равнины... Воцарится блаженство на землѣ и въ небесахъ!...

Этимъ обѣщаніемъ амнистіи, не только грѣшникамъ, но даже и самому чорту оканчивается, будто гармоническимъ акордомъ, книга Бун-Дехешъ. Слѣдующія затѣмъ *родословіе* и *лѣтосчисленіе*, очевидно, прибавлены къ ней въ позднѣйшее время. Родословіе царей и праотцевъ, потомковъ людей первозданныхъ, состоитъ изъ длиннаго перечня именъ мужскихъ и женскихъ, съ монотоннымъ припѣвомъ: „родился отъ такого-то, а у этого родился такой-то,“ что очень напоминаетъ стихи изъ одной старинной комедіи (2).

(1) Амшаспандами называются первые шесть изедовъ или свѣтлыхъ духовъ.

(2) Гсворунъ, Н. И. Хмѣльницкаго.

Федотъ родиль Θому, Θома родиль Ивана,
Иванъ родиль Кузьму, Кузьма родиль Демьяна,
Демьянъ.... у этого родился сынъ Борисъ,
У этого Егоръ, у этого Денисъ!...

Что же касается до лѣтосчисленія, то изъ него узнаемъ, что предѣлъ бытія міра положенъ въ *двѣнадцать тысячъ лѣтъ*. Въ теченіе *первыхъ* трехъ тысячелѣтій, Ормуздомъ были созданы духи, твердь, свѣтила и созвѣздіе; въ теченіе *вторыхъ* — Кайомортъ и быкъ, въ теченіе *третьихъ*: растенія, животныя и люди. Наше время — пограничный рубежъ между *третьимъ* и *четвертымъ* трехтысячелѣтіемъ. Династія первыхъ владѣтелей земли, *Песидадіановъ*, въ лицѣ девяти *джеммидовъ* (патріарховъ) царствовала 2421 годъ, семь мѣсяцевъ и нѣсколько дней. Цифра не заслуживающая, разумѣется, ни малѣйшаго довѣрія.

Баснословныя преданія о династіяхъ *Песидадіановъ* и *Койниановъ*, какъ мы уже говорили, служатъ какъ бы продолженіемъ книги Буя-Дехешъ. Рѣшаемся передать ихъ читателямъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, для полнаго его ознакомленія съ религіозной исторіей древней Персіи, во вторыхъ — съ характеромъ народнаго эпоса этой великой страны. Нѣкоторыя черты характера и подвиги баснословныхъ героевъ напоминаютъ нашихъ сказочныхъ богатырей да витязей и послужатъ подтвержденіемъ, той истины, что *русская* сказка забрела на Русь съ востока.

Первый царь Персіи, родоначальникъ Песидадіадовъ, былъ никто иной какъ *Кайомортъ* (сынъ персти), первоначальный человекъ. Жилъ онъ тысячу лѣтъ, а царствовалъ тридцать. Жилъ онъ уединенно въ горныхъ ущельяхъ, почему и заслужилъ отъ подвластныхъ ему народовъ прозвище *горнаго царя* (Гер-шаха). Красавецъ собою, онъ былъ роста необыкновеннаго и при взглядѣ на него люди чувствовали ужасъ и благоговѣніе. Всего прежде онъ озаботился просвѣщеніемъ собственной семьи, потому научилъ, народовъ своихъ полезнымъ искуствамъ и наукамъ; въ числѣ первыхъ были земледѣліе и ткацкое мастерство, въ числѣ вторыхъ правовѣденіе.

Злые дивы, негодуя на царя за его полезные труды, объявили ему войну и въ одной изъ битвъ убили его сына *Сіамека*. Мстя за него, Кайомортъ къ войскамъ своимъ присоединилъ цѣлыя стада львовъ, тигровъ, пантеръ и другихъ хищныхъ звѣрей, которые растерзали дивовъ. Побѣдивъ, такимъ образомъ, враговъ своихъ, Кайомортъ удалился въ престольный свой городъ Балкъ, гдѣ и умеръ, завѣщая корону царскую внуку своему *Гусшенку*, сыну Сіамека. Подобно дѣду своему, заботясь о благѣ людей, Гусшенкъ продолжалъ великое дѣло ихъ образованія. Онъ научилъ подданныхъ своихъ мастерствамъ плотничному и кузнечному, кромѣ рудниковъ желѣза открывъ въ землѣ золото, серебро, бирюзу и многіе другіе камни и металлы; сверхъ того, Гусшенкъ первый добылъ огонь посредствомъ удара кремнемъ о желѣзо и дресировалъ охотничьихъ собакъ. При его преемникѣ *Тахмурасъ*, дивы снова начали тревожить людей и принудили царя воевать съ ними. За подвиги свои въ этихъ войнахъ, Тахмурасъ заслужилъ прозвище *Дивбенда*, т. е. побѣдителя злыхъ духовъ. Сподвижникъ его, *Шираснъ*, свѣдущій во всякихъ тайныхъ знаніяхъ и чародѣйствахъ, истреблялъ дивовъ заклинаньями и напускаемыми на нихъ порчами. Нѣкоторые изъ нихъ, взятые въ плѣнъ, сообщили Тахмурасу многія свои тайны и въ числѣ ихъ искусство *читать* и *писать*. Кромѣ грамоты, съ которою царь ознакомилъ своихъ подданныхъ, онъ научилъ ихъ верховой ѣздѣ, прирученію полезныхъ животныхъ, дресировкѣ ягуаровъ для охоты (*Felis onca* L.) и размноженію лошаковъ посредствомъ случки ословъ съ кобылицами.

Всѣ эти три царя владычествовали въ общей сложности девяносто лѣтъ, по тридцати—каждый. Сынъ Тахмураса *Джемшидъ* перещеголялъ ихъ всѣхъ, такъ какъ царствовалъ *семьсотъ лѣтъ!*.. Онъ основалъ городовъ Персеполисъ, устроилъ первыя оружейныя заводы, *ситцевыя фабрики* (¹), красильни; заставилъ дивовъ построить бани и добывать жемчугъ со дна моря...

(¹) Выдѣлка и окраска хлопчато-бумажныхъ тканей начало свое получила въ Персіи (ситцы у французовъ называются *toiles perses, persiennes*);—тканей шелковыхъ въ Китаѣ, кисей въ Индіи.

этому послѣднему, водолазному искуству люди научились отъ бѣсовъ; кромѣ того, Джемшидъ нашель секретъ составлять воды изъ пахучихъ цвѣтовъ и ароматическія масти изъ мускусу, амбры и камфоры. По примѣру царей индійскихъ, Джемшидъ раздѣлилъ свой народъ на *четыре касты*: 1) жрецовъ, 2) воиновъ, 3) пахарей, 4) ремесленниковъ; онъ же установилъ всященный праздникъ весны *Нурузз*. Разъ въ мѣсяцъ, всѣ подданные царя имѣли право подавать ему прошенія, на которые онъ немедленно клалъ свои справедливыя революціи. Семь вѣковъ его царствованія, были золотыми вѣками для всего свѣта: не слышно было жалобъ на несправедливость, на притѣсненія; блаженствуя подъ скипетромъ Джемшида, народъ возвышалъ голосъ свой единственно для благословеній и похвалъ мудрому царю.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Обольщеніе Джемшида Ариманомъ. — Идолопоклонство. — Дюгакъ. — Столкновеніе двухъ доктринъ. — Аллегорическій смыслъ сказаній. — Сверженіе Джемшида. — Злодѣйство Дюгакха. — Сыновья Кавеха. — Афридумъ. — Кожаное знамя. — Туръ, Салмъ, Иради. — Удълы. — Убіеніе Иради. — Молитви Афридуна. — Миночезръ. — Мценіе. — Симъ. — Войны съ туранцами. — Чудесная стрѣла. — Наставленіе Миночезра народу. — Рожденіе Зила. — Рудабэ. — Отрывки изъ книги Шахнамэ: страданія Рудабэ. — Симуръ птица. — Ея наставленія Залу.

Въ послѣдній годъ царствованія Джемшида, въ окно его дворца влетѣлъ *Ариманъ* въ видѣ свѣтлаго духа и обратился къ нему съ такой рѣчью: „Слушай совѣтовъ моихъ; нарочно для ихъ подаенія тебѣ я спустился съ неба. Знай, во первыхъ, что ты не человекъ! Люди хворають, испытываютъ, кромѣ тѣлесныхъ недуговъ, душевныя скорби: тебѣ же ни тѣ, ни другія невѣдомы; отъ тѣхъ

и другихъ ты избавленъ, именно потому, что ты не человѣкъ, а богъ. Знай, во вторыхъ, что прежде ты жилъ на небесахъ: солнце, луна и звѣзды тебѣ повиновались... Ты явился на землю для того только, чтобы дать людямъ правые законы, а потомъ снова возвратиться на небеса. Знай, въ третьихъ, что до нынѣ ни одинъ человѣкъ не могъ видѣть меня—не искупивъ смертію моего лицезрѣнія,—ты же остаешься и цѣль и невредимъ! Объяви людямъ все, что узналъ отъ меня, прикажи имъ воздавать себѣ божескія почести, а ослушниковъ ввергай въ огонь!”

Злой духъ исчезъ; Джемшидъ послѣдовалъ гибельнымъ его совѣтамъ и много людей погибло въ пламени костровъ за то, что не хотѣли поклоняться царю, какъ богу. Пять посланниковъ, вози съ собою царскій кумирь, разъѣзжали по всему свѣту, возвѣщая людямъ: „вотъ изображеніе бога вашего, поклоняйтесь ему, иначе будете ввергнуты въ огонь!“ Много было пострадавшихъ, но еще болѣе послѣднихъ было людей, изъ страха смерти сдѣлавшихся идолопоклонниками. *Дгогакъ*, царь аравійскій, свѣдавъ обо всѣхъ этихъ беззаконіяхъ Джемшида, по внушенію неба вторгся въ Персію для наказанія ея царя. Джемшидъ, убѣгая отъ Дгогака изъ области въ область, скитался по Индіи и Китаю... Наконецъ пойманный противникомъ своимъ въ области *Дамавендъ*, былъ распилень на двое по приказанію Дгогака. Сначала проклятый Ормуздомъ, Джемшидъ въ послѣдствіи былъ прощенъ имъ по ходатайству Зороастра.

Алегорическій смыслъ басни понятенъ: лень и раболѣпство народа доброму и справедливому царю развили въ немъ непомѣрную гордость, которая довела его до сумасбродной мысли возведенія себя на степень божества. Религія сабизма въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи всегда переходила въ одно изъ двухъ: или въ *деизмъ*, т. е. поклоненіе божеству, или въ *антропоморфизмъ*, т. е. обоготвореніе человѣка, грубѣйшее идолопоклонство. Олицетвореніе идеи деизма, Дгогакъ, преслѣдовалъ Джемшида — олицетворявшаго въ свою очередь идею язычества; борьба ихъ окончилась казнію послѣдняго и какой именно казнію? Распиленіемъ пополамъ: довольно понятный намекъ на то, что изъ водворившагося язычества въ Персіи образовались двѣ секты.

Побѣдитель Джемшида Дгогакъ царствовалъ *тысячу* лѣтъ.... Другими словами: вновь водворившаяся религія тысячу лѣтъ владычествовала въ Персіи. Лѣтописцы противорѣчатъ другъ другу въ сказаніяхъ и происхожденіи Дгогака: одни говорятъ, что онъ былъ родомъ изъ Аравіи, другіе изъ Сиріи, третьи изъ Вавилона. Вслѣдствіе этого разнорѣчія и нельзя опредѣлить съ точностью откуда новая религія персовъ была заимствована. По прозвищу Дгогака *Бейурасъ* (10.000 коней) можно предполагать, что приношеніе въ жертву божеству этихъ животныхъ, было однимъ изъ основныхъ ея обрядовъ. Но счастлива-ли была Персія, смѣнивъ прежнее язычество на новую доктрину? Нѣтъ, потому что Дгогакъ (т. е. новая религія) былъ царь злой и кровожадный, вредилъ людямъ своими чарами, казнилъ безвинно, изобрѣталъ лютейшія истязанія, и вслѣдствіе этого, былъ ненавистенъ всѣмъ своимъ подданнымъ. Помимо вреднаго вліянія на законодательство, новая религія губельно вліяла на умы людей, вмѣняя имъ въ грѣхъ малѣйшую попытку къ свободному мыслію.... но мысль цѣпами не оуешь, ума-разума въ темницу не заточишь: люди сбросили еоеократическое иго и ненавистная религія исчезла!.. Таковъ смыслъ нижеслѣдующихъ аллегорическихъ сказаній о послѣднихъ годахъ царствованія Дгогака.

На плечахъ у него были два нароста, видомъ похожіе на змѣйныя головы, и царь тщательно скрывалъ это безобразіе. За двѣсти лѣтъ до его гибели, наросты эти обратились въ болячки, не дававшія Дгогаку покоя ни днемъ, ни ночью. Разъ, задремавъ послѣ долгой бессонницы, онъ видѣлъ во снѣ старика, совѣтовавшаго ему для излеченія прикладывать къ ранамъ *человѣчьи мозги* (просимъ читателя особенно замѣтить это). Царь по пробужденіи послѣдовалъ этому совѣту и съ того же дня сталъ прикладывать къ болячкамъ мозги двухъ узниковъ, нарочно для этого ежедневно убиваемыхъ. Когда опустѣли тюрьмы, Дгогакъ обложилъ подданныхъ своихъ податью — въ двѣ живыя человѣческія головы, которыя, каждый день, персы обязаны были доставлять ему во дворецъ. Въ число жертвъ попали двое сыновей кузнеца *Кавеха*, двое юношей дивной красоты и съ прекраснѣйшими душевными качествами. Вѣсть о гибели ихъ застала Кавеха за работой у нако-

важны: обезумѣвъ отъ горя кузнецъ, какъ былъ, въ кожаномъ своемъ передникѣ, бросился бѣжать по городскимъ улицамъ, испуская отчаянные вопли и призывая жителей Испагани къ отмищенію. Бунтъ вспыхнулъ въ городѣ и вставшій во главѣ мятежниковъ Кавеха вмѣсто знамени поднялъ прикрѣпленный къ древку кожаный свой передникъ. Большинство войска состояло изъ бродягъ и мошенниковъ (1), отчаянныхъ головорѣзовъ; они устремились на дворецъ, умертвили царскаго намѣстника, разграбили казну и арсеналь. Последнее дало возможность бунтовщикамъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Въ числѣ 100.000 человекъ они осадили Дамавендъ, резиденцію Дгогака, и, стоя подъ стѣнами города, избрали себѣ въ цари Кавеха, но кузнецъ отказался отъ этой чести, указавъ народу на князя изъ рода прежнихъ царей *Афридуна* или *Феридуна*; самъ же довольствовался только званіемъ военачальника. Дгогакъ сразился съ полчищами мятежниковъ, но былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и казненъ по повелѣнію новаго царя.

Афридунъ, сынъ Абтиновъ, изъ колѣна Тахмураса, до восшествія своего на престолъ укрывался отъ гоненій Дгогака, казнившаго земледѣльца, дававшаго пріютъ изгнаннику и кормившую его молокомъ своимъ корову, *Пурмайя*. Въ память послѣдней, Афридунъ на войнѣ постоянно былъ вооруженъ булавою *Гурзъ-гаузиръ*, съ наконечникомъ въ видѣ коровьей головы. Онъ воцарился шестнадцати лѣтъ; Кавеха назначилъ правителемъ Испагани и намѣстникомъ Ирана. По смерти героя-кузнеца, Афридунъ выпросилъ у семейства его кожаный передникъ покойнаго и употреблялъ его вмѣсто знамени во всѣхъ своихъ сраженіяхъ. Имѣлъ-ли видъ этого кожанаго доскута могучее вліяніе на духъ воиновъ, или въ немъ заключалась таинственная, побѣдоносная сила, но какъ бы то ни было, съ этимъ знаменемъ въ рукахъ Афридунъ постоянно торжествовалъ надъ неурядителями. Отличаясь мудростью и правосудіемъ, Афридунъ прилежно занимался науками, особенно медициной (онъ былъ ея основателемъ въ Персіи) и астрономіей: имъ были соста-

---

(1) То есть первыми приверженцами новаго ученія были самые прѣзрѣнные классы народа.

влены *харезмійскія таблицы*. Онъ же первый изъ царей персидскихъ ввелъ въ употребленіе верховую ѣзду на слонахъ.

Отъ первой своей жены, дочери Дгогава, царь имѣлъ двухъ сыновей: *Тура* и *Салма*; отъ второй, знатной персіянки — сына *Иради*, бывшаго его любимцемъ и обожаемаго народомъ. Между этими тремя сыновьями онъ еще при жизни раздѣлилъ все свое царство на удѣлы: старшему Туру достались Туркестанъ и Китай; второму Салму: Малая Азія (*Румъ*), Африка (*Магребъ*) и Европа (*Франкистанъ*); младшій, Иради, былъ назначенъ областелемъ Ирана, т. е. всей страны отъ персидскаго залива до Инда. Завидуя Иради, оба старшіе брата рѣшили отнять у него удѣлъ, требуя отъ отца перемирия и угрожая ему войною въ случаѣ отказа. Огорченный отецъ просилъ ихъ оставить его въ покоѣ; Иради великодушно предложилъ братьямъ отказаться отъ своего удѣла въ ихъ пользу и передалъ имъ при этомъ посланіе отца, въ которомъ царь заклиналъ сыновей жить между собою въ добромъ согласіи... Не смотря на все это, Туръ и Салмъ, убивъ добраго Иради, отправили къ царю Афридуну набальзамированную голову его любимца. Старикъ проклялъ убійцъ и, подѣвля къ небу голову Иради, молилъ Ормузда единственно о томъ, чтобы онъ далъ ему, Афридуну, дожить до того дня, когда будетъ отомщена смерть невинно убиеннаго. Какъ бы въ исполненіе этой молитвы, любимѣйшая невольница покойнаго Иради, *Махаферидъ*, скорѣ родила дѣвочку, названную *Перитшехеръ*: ликъ пери (¹). Когда она выросла, Афридунъ выдалъ ее за своего племянника *Песиена*. Отъ этого брака родился *Миночээръ*, лицомъ и характеромъ весь въ своего дѣда, великодушнаго красавца Иради и на этого младенца Афридунъ возложилъ всѣ свои надежды. Воспитывая его, старикъ внушалъ ему чувства ненависти къ убійцамъ Иради, и

(¹) *Цари* или *пери*, какъ уже было нами говорено выше — демоны въ женскомъ образѣ — поразительной, именно чарующей красоты, но все же демоны, а не свѣтлые духи, какъ то ложно понимаютъ писатели европейскіе. Представленіе себѣ демона въ видѣ красавицы несравненно вѣрнѣе, нежели въ видѣ рогатаго уroda съ обезьяньей рожей: порокъ является чelовѣку всегда съ привлекательной стороны.

возросшіи Миночеэръ явился грознымъ мстителемъ Туру и Салму. Устрашенные, въ предвидѣніи своей гибели, злодѣи попытались— совершенно безуспѣшно умиловити Афридуна дарами, а правнука его раболѣпной лестью. Миночеэръ пошелъ на нихъ войною и въ первой же битвѣ убилъ Тура ударомъ дротика, а Салма ударомъ меча, причеиъ разсѣлъ его пополамъ. Возвращаясь съ битвы, побѣдитель, встрѣченный прадедомъ, сошелъ съ коня и благоговѣно поцѣловалъ землю, на которой стоялъ дряхлый Афридуиъ. Вскорѣ царь скончался, благословляя Миночеэра, завѣщая ему во время предстоящаго царствованія слѣдовать совѣтамъ мудраго *Сама*, князя систанскаго и говоря между прочими наставленіями: „смотри на каждый день своего царствованія какъ на страницу будущей своей исторіи и остерегайся, чтобы на ней не было написано ни единой строки, позорящей твою память!“

По нѣкоторымъ предположеніямъ полу-баснословный Миночеэръ былъ современникомъ великаго законодателя народа израильскаго *Моисея* (1500—1460 г. до Р. Х.). Съ первыхъ же дней своего воцаренія Миночеэру пришлось вести войны съ туранскимъ царемъ *Афрасиабомъ*, оттягавшимъ у него нѣкоторыя области и загнавшимъ его наконецъ въ укрѣпленный городъ Амоль въ Табуристанѣ. Десять лѣтъ длилась осада, окончившаяся примиреніемъ вслѣдствіе эпидемической болѣзни, появившейся въ лагерьѣ осаждавшихъ. Договаривавшіеся положили условіемъ принять за пограничную черту между Тураномъ и Персіею то мѣсто, на которое упадетъ стрѣла, пущенная съ вершины горы Дамавенда. Стрѣла *Ареша*, воина Миночеэра, соскользнувъ съ лука, натянутого имъ изо всѣхъ силъ, перелетѣла страны *Нисшабуръ*, *Сирхасъ*, *Мерву* и упала на берегу Джохуна. Восточные лѣтописцы объясняютъ этотъ необыкновенный полетъ баснею, будто бы стрѣла, пущенная Арешемъ, вонзилась въ лѣтѣвшаго коршуна, который донесъ ее до береговъ пограничной рѣки... Какъ бы то ни было, миръ былъ заключенъ и новые предѣлы Персіи расширились гораздо далѣе прежнихъ. Тридцать пять лѣтъ она наслаждалась миромъ и тишиной, подъ мудрымъ правленіемъ Миночеэра. На тридцать шестой годъ сынъ умершаго царя туранскаго отнялъ у Миночеэра нѣсколько областей и началась новая война, окончившаяся

блестящей побѣдой Миночээрѣ надъ врагами, но еще того болѣе ознаменованная—мудрыми рѣчами царя, которыми онъ увѣщевалъ своихъ воиновъ и народъ. Рѣчи эти, сочиненныя лѣтописцами въ позднѣйшія времена, и вѣроятно не говоренныя баснословнымъ царемъ, заслуживаютъ однако же вниманія читателей какъ отголосокъ религіозныхъ, философическихъ и политическихъ убѣжденій древнихъ персовъ.

Миночээръ, сидя на золотомъ тронѣ, предъ отбытіемъ на войну, говорилъ собравшимся воинамъ и народу:— „Люди, познайте, что у многого множества созданій земныхъ — Творецъ единый; онъ же и податель всякихъ благъ... Хвалите же Творца за все его благодѣянiя; размышляйте о томъ, что сотворено имъ, такъ какъ размышленiя эти просвѣщаютъ разумъ человѣка и наоборотъ—равнодушiе къ созданiю Божію омрачаетъ сердце человѣческое. Теперь люди познайте, что какъ царь имѣетъ права надъ народомъ и войскомъ, такъ равно народъ и войско имѣютъ права надъ царемъ. Войска обязаны ему повиноваться и помогать въ борьбѣ его съ врагами; царь же съ своей стороны обязанъ снабжать воиновъ пищею, почетнымъ одѣянiемъ и неотлагательно награждать ихъ за заслуги. Воины для царя тоже, что крылья и хвостъ для птицы: птица, лишенная того и другаго, годна только на жаркое. Народъ обязанъ царю повиноваться и исправно платить ему налоги и подати; царь же, въ отношенiи къ народу, обязанъ быть правосуднымъ, не обременять его налогами и никоимъ образомъ не угнетать, не требовать отъ него никакихъ услугъ свыше силъ, не довѣрять управленiя народомъ людямъ неправеднымъ. На посѣвы и на всякія разумныя предпріятiя, царь обязанъ давать народу заимообразно зерна и деньги изъ собственной казны. Въ случаѣ неурожая, вслѣдствiе гибельнаго влiянія звѣздъ, царь обязанъ бѣдствующую область на два года избавить отъ податей—за тѣмъ, чтобы жители, собравшись съ силами, могли употребить эти деньги на улучшенiе своего быта.

„Познайте, люди, что царю необходимо обладать тремя качествами: прямодушiемъ (онъ никогда не долженъ лгать), щедростiю (царь не долженъ быть скупъ) и кротостiю (онъ не долженъ забывать, что отъ минуты гнѣва могутъ зависѣть сотни жизней его поддан

ныхъ). Злой царь озлобляетъ свой народъ, а это озлобленіе размножаетъ внутреннихъ враговъ. На казну свою царь обязанъ смотрѣть какъ на достояніе народное и употреблять ее не иначе, какъ на предпріятія производительныя; драгоценныя камни, верховныя лошади и ручное оружіе — могутъ быть царскою собственностью потому, что народу ни на что не пригодны... Всего же прочаго царь не долженъ лишать своихъ подданныхъ; онъ не долженъ говорить имъ: „не ѣшьте такого-то кушанья, предоставьте его мнѣ одному; не пейте этого вина—оно мое; не употребляйте нарядовъ или душистыхъ водъ, исключительно мнѣ предоставленныхъ.“

„Царь долженъ быть щедръ на милость и скупъ на наказаніе. Простить, хотя-бы и по ошибкѣ, тамъ гдѣ слѣдовало-бы наказать, несравненно лучше, нежели поступить наоборотъ: въ послѣднемъ случаѣ зло непоправимо! Приносить-ли подданный жалобу царю на градоправителя, царь не долженъ смотрѣть на важность лица, а наказать его, если оно виновато, отрѣшеніемъ отъ должности или ссылкой. За убіеніе невиннаго—убійцу слѣдуетъ казнить смертію, милуя его въ томъ только случаѣ, если родные прощаютъ убійцу. Все сказанное вамъ, народы мои, вы въ правѣ требовать отъ меня и все будетъ исполнено. Теперь, позвольте разъяснить вамъ обязанности ваши, храбрыя мои воины.

„Вамъ предстоить отгѣснить врага, спасти меня и себя самихъ. Я распоряжусь, чтобы вамъ выдали исправное оружіе, а вы, по долгу службы, храбро владѣйте имъ. Посовѣтуемся сообща о мѣропріятіяхъ: продовольствіе въ непріятельской землѣ ваше дѣло; чѣмъ она плодороднѣе и обильнѣе, тѣмъ вамъ же лучше. Повинующагося мнѣ воина я награжу; при обвиненіи котораго нибудь въ ослушаніи, удостовѣрюсь самъ въ истинѣ и, въ случаѣ клеветы, накажу донощика. Власть держится двумя силами: справедливостью—со стороны царя, повиновеніемъ—со стороны подданнаго.

„Познайте, люди, что въ бѣдствіяхъ наилучшее дѣло терпѣніе; павшій въ битвѣ угоденъ Богу: предайтесь же волѣ Бога высочайшаго и покоритесь судьбѣ его. Здѣшная жизнь путешествіе, люди—странники со своими котомками, либо труженики носильщики, перетаскивающіе тѣли съ мѣста на мѣсто: собственнаго своего нѣтъ ни у единаго человѣка; всякое благо дано ему на время и

въ чертоги будущей жизни, человекъ не унесетъ иныхъ сокровищъ, кромѣ добрыхъ дѣлъ своихъ, Богу угодныхъ.

„Вы, правители областей моихъ, познайте, что несправедливость — зло, обращающее въ бесплодную пустыню самое цвѣтущее царство. Въ справедливости все счастье народа: печитесь же о его счастии. Въ бесплодныхъ странахъ *дѣлайте кровопусканіе рѣкамъ* (1), давайте истокъ подземнымъ ключамъ; на удовлетвореніе голодающихъ берите казну мою, берите заблаговременно, не давая усиливаться голоду: народъ возвратитъ этотъ заемъ впоследствии—въ два, три, четыре года; по четвертямъ, по третямъ!.. Народъ, воины, правители! воскликнулъ Миночээръ въ заключеніе:—слышали вы, поняли, будете повиноваться мнѣ?“ — И всѣ единодушно отвѣчали: „слышали, поняли, будемъ повиноваться!“

Побѣдивъ туранцевъ, царь посвятилъ всю жизнь свою благу подданныхъ, въ чемъ не мало помогаль ему мудрый и мужественный *Самъ*, потомки котораго играютъ немаловажную роль въ персидскихъ эпопеяхъ, какъ увидитъ читатель. У Сама былъ сынъ, родившійся съ сѣдыми волосами (2), вельдствие этого названный *Заломъ*, т. е. старикомъ. Подозрѣвая, что новорожденный — сынъ какого нибудь дива, обольстившаго въ сновидѣніи жену его, Самъ велѣлъ отнести Зала на вершину горы Альборджа и оставить тамъ на произволь судьбы. Младенецъ однако же не погибъ, кормимый исполинской величины птицею *симургомъ*, а раздавшійся съ неба голосъ возвѣстилъ Саму, что сынъ его теперь подъ защитою покровителя міровъ. *Самъ* раскаялся въ своей запальчивости, Заль былъ возвращенъ ему и поселился во дворцѣ, откуда черезъ нѣсколько времени поѣхалъ въ Систанъ. Здѣсь, охотясь однажды, онъ проѣзжалъ мимо высокой башни и на вершинѣ ея увидѣлъ дѣвушку рѣдкой красоты. Молодые люди взглянули другъ на друга и, не теряя много времени, другъ въ друга влюбились.

(1) Т. е. прорывайте каналы и стройте водопроводы. Мѣры, принявшіяся въ древней Персіи и Вавилонѣ для водоснабженія бесплодныхъ мѣстъ, достойны удивленія и подражанія.

(2) Напоминаемъ читателю китайскія сказанія о Лао-тси и японскія о Ю-ю-ри-ку. см. томъ II. Гл. VIII, стр. 62 и Японія гл. II, стр. 266.

Чтобы дать возможность своему возлюбленному достигнуть до нея, прекрасная узница, обрѣзавъ свои черные волосы, сплела изъ нихъ веревку и спустила ее до подножія башни; по этой лѣстницѣ Заль взобрался на вершину. Возлюбленную сѣдовласаго юноши звали *Рудабэ*; она была дочерью кабульскаго царя Михраба, изъ племени Дгогака. Михрабъ и отецъ Зала изъявили свое согласіе на свадьбу Рудабэ, и молодые люди поженились.

— Вскорѣ—повѣствуетъ *Фердузи* (1)—стройный этотъ кипарисъ (т. е. Рудабэ), до тѣхъ поръ бесплодный, принесъ желанный плодъ. Поблекъ цвѣтъ весны, воспламеняющей сердца; душа его омрачилась скорбію, тяжесть носимаго бремени заставляла его проливать кровавыя слезы; гибкій станъ обезобразился; ланиты наминали не розу, но шафранъ. *Синдохтъ* (2) сказала ей: „о душа твоей матери, что съ тобою стало, отчего ты такъ пожелтѣла?“ Рудабэ отвѣчала ей: „денно и ночью я не смыкаю устъ моихъ, прося помощи у Бога, не могу спать, поблекла я вся; я какъ живая покойница. Приходить время мое, но мнѣ кажется, что я не освобожусь отъ моей тягости: тѣло мое точно камнями набито, точно желѣзо въ утробѣ моей!..“ Плакала Синдохтъ, глядя на блѣдный ликъ своей дочери. Такъ и жила Рудабэ, не вѣдая ни сна, ни покоя до самаго дня разрѣшенія своего отъ бремени, и когда пришло время родить, она, обезсиленная, лишилась чувствъ. Поднялись вопли и стenanія во дворцѣ Зала; узнавъ о причинѣ ихъ, Синдохтъ ногтями царапала себѣ лицо и рвала черные волосы свои, умащенные мускусомъ. Заль понялъ причину скорби, узналъ, что поблекли листья стройнаго кипариса и пошелъ въ Рудабэ съ лицомъ омоченнымъ слезами и болящимъ сердцемъ. Прислужницы ея рвали на себя волосы, заливаясь слезами... И пришла тогда Залу въ голову мысль, и мысль эта усладила его горестъ: вспомнилъ онъ о перѣ симурга-птицы и смѣясь сказалъ о немъ своей тещѣ (3). Принесли жаровню, развели на ней огонь; Заль

(1) Знаменитый поэтъ, жившій въ XI вѣкѣ, авторъ книги Шах-намэ, изъ которой мы дѣлаемъ теперь извлеченія.

(2) Имя матери Рудабэ, жены царя Михраба.

(3) Симургъ-птица, опуская Зала на землю, дала ему одно изъ своихъ

пожегъ на немъ частицу пера. Въ ту же минуту омрачился воздухъ и явилась птица, научающая повиновенію, подобная тучѣ, проливающей дождь жемчужный, или, вѣрнѣе, дождь утѣхъ болящей душѣ. Прилетѣла къ Залу птица добровѣщая, избранница изъ всего живаго міра. Обратился къ ней Заль со славословіями безчисленными, съ просьбами и мольбами нескончаемыми. Сказала ему симургъ-птица: „о чемъ ты печалишься? Зачѣмъ роса въ львиныхъ очахъ? Отъ серебристаго кипариса, отъ этой красавицы лунолицей родится тебѣ сынъ, искатель славы. Львы будутъ лобзать прахъ ногъ его; облако не осмѣлится пронестись надъ его головой; отъ голоса его кожа лютаго леопарда порвется на куски и будетъ леопардъ грызть свои когти. Не устоятъ ни витязь, ни воинъ съ желѣзнымъ сердцемъ при звонѣ его булавы, при видѣ его мощной груди, руки и ноги. Какъ мужъ совѣта и мудрости, онъ уподобился Саму; въ гнѣвѣ—льву воинственному; въ стройности—кипарису; въ силѣ—слону. Единнымъ перстомъ будетъ онъ метать камень на двѣ тысячи верстъ (1)... Онъ не родился на свѣтъ какъ обыкновенный человѣкъ—на то воля Бога, подателя всѣхъ благъ, именно въ подтвержденіе будущаго превосходства. Принеси мечъ *хорошей воды* (т. е. закалки) и приведи человѣка разумнаго и въ чародѣйствахъ свѣдущаго. *Упои* сначала Рудабъ *виномъ*, изгони изъ ея сердца ужасъ и тревогу и препоручи чародѣю творить свои дѣла. Онъ *извлечетъ младенца изъ чрева* Рудабъ: *подсѣчетъ* повыше бедръ этотъ стройный кипарисъ, который *не ощутитъ при этомъ боли* (2) и чрезъ этотъ подрѣзъ из-

---

перевъ, съ наставленіемъ сожигать его въ крайнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни и съ обѣщаніемъ являться при этомъ на помощь къ своему воскормленнику.

(1) Извиняемся за неумѣстный руссизмъ; въ Персіи разстояніе измѣряется парсангами.

(2) Всѣ эти подробности чрезвычайно важны. Изъ нихъ узнаемъ во первыхъ, что цесарская операція при трудныхъ родахъ была извѣстна въ Персіи въ древнѣйшія времена, можетъ быть даже и изобрѣтена тамъ. Во вторыхъ: что при операціяхъ приводили въ безчувствіе (анестезировали) хотя и не хлороформомъ, но виномъ съ усыпляющимъ составомъ; въ третьихъ: соженіемъ пера для приведенія въ чувство—

влечетъ львенка: кровью обогрится тѣло Рудабѣ, но чародѣй зашьетъ сдѣланный имъ надрѣвъ. Изгони изъ сердца твоего страхъ, скорбь и безпокойство. Истолки съ молокомъ и мускусомъ траву, которую сорвешь по моему указанію; высуши эту смѣсь въ тѣни: потри этой смѣсью рану Рудабѣ и она тотчасъ же исцѣлится. Проведи потомъ по этой ранѣ перомъ изъ моего крыла и тѣнь могущества моего будетъ благословлена. Радуйся словамъ моимъ и благодари властителя міра: онъ даровалъ тебѣ царственное дерево, на которомъ, что ни день, будутъ произрастать плоды счастья... Не тревожься же... эта плодовая вѣтвь дастъ тебѣ плодъ желанный!“ И, вырвавъ перо изъ своего крыла, птица дала его Залу и унеслась въ поднебесье...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Рожденіе Рустама. — Нареченіе имени богатырю. — Царь Невдеръ. — Нашествіе туранцевъ. — Пльнъ царя. — Казнь его. — Избраніе Зави. — Гершаспъ. — Династія Кайяниновъ. — Кам-Кусъ. — Несчастный походъ въ Марендеранъ. — Пльнъ. — Подвиги Рустама. — Поединокъ съ Абладомъ. — Его плѣненіе. — Разказы о Мазендерань. — Авлидъ, проводникъ Рустама.

Видя приготовленіе Зала къ операціи, кровавыми слезами заплакала Синдохтъ, а съ нею заплакали и всѣ отъ мала до велика. „Какъ можно, говорила она — исторгать младенца изъ чрева матери?...“ Вскорѣ прибылъ опытный мобедъ и, уповъ лунолицую виношь, безъ боли надрѣзалъ бокъ ея и извлекъ младенца. Чудо

средство, распространенное повсемѣстно, могло быть перенято у персовъ другими народами. Рецептъ живительной мази свидѣтельствуетъ наконецъ, объ обширныхъ познаніяхъ персовъ въ медицину и хирургію.

невиданное! Младенецъ-богатырь былъ похожъ на льва, красавецъ, стройный, румяный и красноволосый. До него еще не рожалось на землѣ такихъ огромныхъ дѣтей. Мать спала цѣлыя сутки вслѣдствіе упоенія виномъ, отнявшимъ у нея самосознаніе. Этимъ временемъ рану зашили и медицинскими средствами устранили боль. По пробужденіи родильница сказала нѣсколько словъ своей матери и тогда ее осыпали золотомъ, драгоценными каменьями ⁽¹⁾ и воспѣли хвалебныя пѣсни Богу. Принесли младенца и восхищались имъ, будто явившимся на землѣ небожителемъ: наружностью онъ, однопольный, былъ похожъ на годовалаго, на цѣлую гору розъ и тюльпановъ (лилій). Засмѣялась она, станомъ подобная кипарису, и угадала въ своемъ сынѣ величіе царственное... Увидя его, поняла лунолицая, что *освободилась отъ тяжкаго своего пояса* и воскликнула: „Рус-тамъ (т. е. я избавлена!)!“ такъ и прозвали новорожденнаго *Рустамомъ*. Для насыщенія его потребны были десять кормилицъ, а по отнятіи отъ груди ихъ, Рустама кормили хлѣбомъ и мясомъ; младенецъ ѣлъ за пятерыхъ. Рожденіе богатыря было послѣднимъ великимъ событіемъ изъ всѣхъ ознаменовавшихъ царствованіе Миночерра, который умирая завѣщалъ царство сыну своему, безбожному, жестокому и несправедливому.

Всеобщее негодованіе на новаго царя и во многихъ областяхъ вспыхнувшіе мятежи дали надежду овладѣть Ираномъ туранскому царю *Пешенгу*, потомку Тура, сына Афридунова. Собравъ своихъ сыновей и воиновъ, Пешенгъ сказалъ имъ: „будетъ намъ прятать мщеніе подъ полы нашихъ одеждъ. Всякій здравомыслящій человѣкъ долженъ понимать, что иранцы, заклятые враги и злодѣи наши; злобою и недоброжелательствомъ противу насъ они перепоясались будто обоюдоострыми мечами. Нынѣ я хочу отомстить за славнаго Тура и мужественнаго Салма; пришелъ день возмездія! Смоемъ съ нашихъ лицъ слѣды кровавыхъ слезъ. Жду вашего совѣта!“

Старшій сынъ его *Афрасиабъ* подаль голосъ за войну и не-

---

(1) Древнѣйшій обычай востока, соблюдаемый издревле и у насъ подъ названіемъ подарка родильницѣ на зубокъ.

медленно тридцать тысяч войска были посланы въ Забулистанъ. Невдеръ въ эту область послалъ свои отборныя войска, предводима Самомъ, отцемъ Зала, но дряхлый предводитель умеръ еще до встрѣчи съ непріятелемъ. Это несчастіе придадо бодрости врагамъ въ числѣ 400,000 напавшихъ на 40,000 войска Невдера. Обѣ арміи стояли въ виду другъ друга, когда *Барманъ*, воинъ туранскій, вызвалъ на поединокъ охотника изъ войскъ Невдера. Вызовъ былъ принятъ старымъ Кобадомъ, сыномъ Кавеха, свергшаго съ престола Дгогака. Туранецъ былъ молодецъ, силенъ, ловокъ, а потому и неудивительно, что одолѣлъ противника. Послѣ того было три сраженія между войсками Невдера и Афрасіаба и всѣ три были выиграны послѣднимъ, а Невдеръ попалъ въ плѣнъ. Озлобленный побѣдою, одержанною Заломъ надъ туранцами, Афрасіабъ приказалъ обезглавить своего плѣнника.

Распри и усобицы, бывшія неминуемыми послѣдствіями смерти Невдера, довели бы Персію до конечной гибели, если бы она не имѣла хранителя въ лицѣ храбраго, прямодушнаго, талантливаго Зала. Онъ утишилъ волненіе, примирилъ между собою удѣльныхъ князей, заставивъ ихъ до времени отложить вопросъ о личныхъ интересахъ ради спасенія отчизны. Двѣнадцать лѣтъ свирѣцествовали туранцы въ Персіи, не имѣя возможности овладѣть столицею ея, *Истахэромъ*, находившейся подъ защитою Зала. Ему и Рустаму удалось наконецъ избавить царство отъ ига иноплемениковъ. Первой мыслию освободителей было избраніе царя изъ потомковъ древнихъ государей; ни Заль, ни Рустамъ не желали огрочить славы своей похищеніемъ престола, что, надо замѣтить, имъ было бы сдѣлать легче, нежели кому другому. Созвавъ вельможъ и выборныхъ отъ народа, объяснивъ имъ необходимость имѣть законнаго царя, благородный вождь указалъ имъ на племянника Невдера, *Зава*—и предложеніе его было единодушно принято.

Завъ человекъ уже не молодыхъ лѣтъ, но бодрый духомъ и тѣломъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, *Гершаспомъ*, всего прежде озаботился о вознагражденіи жителей областей, особенно пострадавшихъ отъ нашествія туранцевъ; для этого истинно добраго дѣла онъ не пощадилъ и собственной казны. Затѣмъ онъ одержалъ блестящую побѣду надъ Афрасіабомъ и принудилъ его признать не-

прикосновенность пограничныхъ областей Персіи; далъ новыя законы, уменьшилъ подати, усмирилъ удѣльныхъ князей, словомъ — былъ благодѣтелемъ народа. За одинъ только порокъ преданіе народное порицаетъ его память: Завъ былъ обжорливъ и любилъ придумывать разныя затѣйливыя и лакомыя блюда.

Гершаспъ, наслѣдникъ Зала, царствованіемъ своимъ напомнилъ жителямъ Ирана ненавистнаго имъ Невдера. Общее негодованіе онъ особенно навлекъ на себя неблагодарностію къ доблестному семейству Зала. Отъ ропота перешли къ мятежу, пользуясь которымъ Афросіабъ туранскій снова вторгся въ Харасанъ. Гордо отвергнувъ содѣйствіе Зала, Гершаспъ самъ повелъ свои войска на непріятелей, и одно за другимъ проигравъ имъ пять сраженій, былъ убитъ, а вся армія его обращена въ бѣгство. Отчаянные иранцы прибѣгнули къ Залу, умоляя его быть вторично спасителемъ отечества, и герой, поручивъ это великое дѣло сыну своему Рустаму, съ обѣщаніемъ помогать ему совѣтами, потребовалъ отъ согражданъ избранія новаго царя на мѣсто убитаго Гершаспа. Выборъ великодушнаго Зала, закятаго врага безначалія, палъ на племянника покойнаго, Кобада, бывшаго родоначальникомъ второй династіи *Кайаниановъ*, имя которой происходитъ отъ прозвища *Кай* или *Кай*: великій, принятаго новымъ царемъ при восшествіи его на престолъ. Признательный Рустаму за его подвиги, онъ удостоилъ его совершеннымъ своимъ довѣріемъ и вскорѣ весь міръ огласился новыми геройскими дѣяніями богатыря. Выступивъ со своими войсками противъ туранцевъ, Рустамъ вызвалъ царя ихъ на предварительный поединокъ и выбилъ его изъ сѣдла; но слѣдовавшая затѣмъ битва была съ обѣихъ сторонъ упорная и побѣда осталась за Рустамомъ, убившимъ своеручно 1160 непріятелей и прогнавшимъ туранцевъ на тотъ берегъ Джихуна. Окончивъ войну выгоднѣйшимъ миромъ, царь Кай-Кобадъ обѣхалъ всѣ свои области, строя города и водворяя правосудіе; сыну своему *Кай-Касу* онъ особенно завѣщалъ быть справедливымъ къ своему народу и избѣгать войны съ иноплемениками. Новый царь не совѣтъ однако же слѣдовалъ этому мудрому совѣту, повинувшись болѣе своимъ страстямъ и неукротимому тщеславію, такъ какъ волхвы предсказали ему царствованіе славное и благополучное. Желая наказать

даника своего, царя мазендеранскаго (т. е. удѣльнаго князя) за попытку свергнуть его, Кай-Каусъ рѣшилъ истребить весь его родъ и племя, и присоединить его царство къ своимъ владѣнιάмъ. Тщетно Заль и Рустамъ отклоняли его отъ этого предпріятія тѣмъ болѣе опаснаго, что царство мазендеранское было населено дивами, сообщниками тамошняго царя; Кай-Каусъ былъ непреклоненъ. Поручивъ управленіе Ираномъ *Миладу*, своему визирю, онъ отправился въ походъ, не взявъ даже съ собою Рустама, такъ какъ ревнуя о своей славѣ не желалъ раздѣлять ее съ другимъ. Въ началѣ дѣйствія его въ Мазендеранѣ были успѣшны, но потомъ царь мазендеранскій взялъ перевѣсъ съ помощію ополченія дивовъ, предводимыхъ *Сепидомъ* (бѣлымъ бѣсомъ). Ослѣпивъ царя и всѣхъ его воиновъ, они взяли въ плѣнъ перваго, а послѣднихъ изрубилъ (1). Вѣсть объ этомъ несчастіи взволновала всю Персію и дряхлый Заль поручилъ сыну своему выручить царя изъ неволи. Во время этого похода Рустама было *семь* знаменитыхъ приключеній съ нимъ и его конемъ *Рахшемъ*, воспѣтыхъ Фердузи въ его *Шах-Намѣ*. Пропуская четыре первыхъ приключенія, какъ мало интересныя, мы заимствуемъ описаніе трехъ послѣднихъ изъ этой славной персидской эпопеи.

„Продолжая свой путь, быстро подвигался Рустамъ впередъ и достигъ наконецъ того края свѣта, гдѣ нѣтъ дня, а одна ночь, черная какъ лицо эіііона; гдѣ нѣтъ ни солнца, ни звѣздъ, словно первое цѣпями оковано, а вторыя опутаны сѣтями. За темнотою не могъ видѣть Рустамъ ни горныхъ вершинъ, ни водныхъ потоковъ, и ѣхалъ онъ опустя поводья своего коня *Рахша*. Изъ страны вѣчнаго мрака пріѣхалъ Рустамъ въ страну свѣта, въ которой вся земля облачена была въ шелковое одѣяніе жатвы. Въ этой странѣ старцы молодѣли и вся она сплошь состояла изъ зелени и журчащихъ ручьевъ. Одежда Рустама была какъ водная влага на его тѣлѣ: до того взмокла она; нужны были ему сонъ и

(1) Малькольмъ въ своей Исторіи Персіи полагаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о солнечномъ затмѣніи, предсказанномъ Фалесомъ милетскимъ и бывшимъ во время войнъ Ціаксара съ лидійцами.

покой. Снявъ онъ свой нагрудникъ изъ леопардовой кожи и шлемъ съ головы: тотъ и другой взмокли отъ поту, и разложивъ ихъ на солнце для просушки, богатырь поспѣшилъ соснуть и отдохнуть. Замотавъ поводья вокругъ шеи своего коня, онъ пустилъ его на поля, покрытыя жатвою. Когда нагрудникъ и шлемъ богатыря просохли, онъ опять одѣлся въ нихъ и какъ левъ сложилъ себѣ постель изъ травы. Сторожившій поле, замѣтивъ на немъ чужаго коня съ крикомъ побѣждалъ на Рустама и Рахша и сильно ударилъ палкою по ногамъ слонотѣлаго (1) витязя, а когда тотъ проснулся, сторожежь сказалъ ему: „зачѣмъ ты, Ариманъ, пускаешь коня своего на чужую жатву? Зачѣмъ пускаешь его на добро человѣка, который тебѣ не сдѣлалъ зла?“ Разумный Рустамъ разгнѣвался на эти рѣчи, бросился на караульщика и не говоря ему ни худаго, ни хорошаго слова, вырвалъ оба уха по самый корень. Взывъ караульщикъ, взялъ свои уши и убѣжалъ. Жилъ тогда въ той странѣ витязь *Авладъ*, юный и храбрый, о которомъ далеко гремѣла молва. Къ нему прибѣжалъ изувѣченный караульщикъ, весь въ крови, и разсказалъ все дѣло, какъ оно было. Услышавъ эту вѣсть, Авладъ воспрянулъ отъ гнѣва и ярости, и пошелъ посмотреть что это за пришлецъ. Изъ саду, въ которомъ онъ тогда находился съ своими друзьями, витязь отправился къ тому мѣсту, гдѣ покоился слонотѣлый богатырь. Авладъ приблизился къ нему; Рустамъ уже вскочилъ на своего Рахша, вынулъ булатный мечъ и налетѣлъ на витязя, словно туча громоносная. Слѣхавшись, соперники разгнѣвались мыслями и Авладъ сказалъ Рустаму: „Какъ тебя зовутъ по имени, что ты за человѣкъ, кто твой царь, въ чемъ твоя защита? Не переѣзжай дороги львовъ храбрыхъ... За что, про что ты оборвалъ уши караульщику, да конемъ своимъ погравилъ засѣянное поле? За это отправлю я тебя въ страну вѣчнаго сумрака и сброшу шлемъ твой на землю!“

(1) Подлинныя слова поэта, подобно всѣмъ прозвищамъ предъидущимъ и послѣдующимъ. Метафоры, сравненія и тому подобныя риторическія прикрасы, равно какъ и плеоназмы—отличительнѣйшія черты восточнаго слога.

— Зовутъ меня тучей, отвѣчалъ Рустамъ:— а когда туча сражается со львомъ, то вмѣсто дождя сыплетъ удары копья да меча, сбивая головы. Имя мое дойдя до ушей твоихъ, заморозитъ твое дыханіе и оледѣнитъ всю кровь твоего сердца. Слыхалъ ты когда объ арканѣ и лукѣ богатыря слонотѣлаго? Скажи же всякой матери, рожающей тебѣ подобныхъ, чтобы она сыновьямъ своимъ заранѣе шила саваны и оплакивала ихъ. Пріѣхалъ ты ко мнѣ не одинъ, но вся твоя ватага передо мной, что вѣтеръ передъ сводомъ небеснымъ!

Взялъ Рустамъ свой мечъ булатный, прицѣпилъ къ сѣдельной лукъ свой свернутый арканъ и подобно льву, ринувшемуся въ средину стада, свалилъ всѣхъ своихъ противниковъ: однимъ ударомъ меча булатнаго онъ перерубалъ человѣка на-двое, а здѣсь, не мало головъ повергъ къ своимъ ногамъ; уцѣлѣвшіе бойцы разбѣжались стеною и плача: по полямъ да по доламъ скакали всадники въ горы. Будто бѣшенный слонъ скакалъ Рустамъ, держа на рукѣ свой арканъ въ шестьдесятъ оборотовъ, вокругъ руки обмотанный, да какъ наскочилъ на Авлада, то сталъ этому ясный день, что ночь сумрачная: метнулъ Рустамъ свой арканъ во всю длину и попала голова гордаго Авлада въ петлю. Связалъ ему Рустамъ руки крѣпко на крѣпко, толкнулъ впередъ себя и сѣвъ на сѣло сказалъ: Говори правду и не изворачивайся, покажи мнѣ жилище бѣлаго дива, дворецъ царя Пулада, сына Ганди и столицу Вида; веди меня туда, гдѣ сидитъ въ заточеніи царь Коусъ... Если ты скажешь правду и совѣстью не покривишь, я отниму у царя мазендеранскаго вѣнецъ, тронъ и тяжелую булаву и надъ нимъ и всей страной тебя повелителемъ посажу. Если же ты солжешь, я источу изъ глазъ твоихъ источникъ кровавыхъ слезъ!

— Избавь мозги свои отъ гнѣва и открой глаза! отвѣчалъ Авладъ. По невѣденію не отвязывай моего тѣла отъ души и узнаешь все, что желалъ знать. Я покажу тебѣ дороги, города, жилища и мѣсто заточенія царя Коуса, такъ какъ ты порадовалъ меня хорошей вѣстью. О, человѣкъ, слѣды котораго счастливы:— знай, что отсюда до темницы Коуса сто парсагговъ, отъ темницы до жилища бѣлаго дива столько же; дорога худая и трудная. Есть между двухъ горъ мѣсто ужаса, надъ которымъ и орелъ не летаетъ. Тамъ, между

двумя стами дверей есть одна, ведущая въ неизмѣримую пещеру. Ночью караулятъ на горахъ двѣнадцать тысячъ храбрѣйшихъ дивовъ подѣ начальствомъ Пулада, тамъ же Бидъ и Санджехъ; имъ же всѣмъ глава и повелитель бѣлый дивъ, подѣ которымъ гора дрожить какъ осиновый листъ: тѣло его съ добрую гору, грудь и плечи въ десять веревочныхъ концевъ шириной да и ростомъ дивъ будетъ въ столько же... не легко тебѣ будетъ съ нимъ сладить. За этой горой—пустынная скалистая страна, по которой и лань не смѣетъ слѣда прокладывать; за этой страной — рѣка шириною въ два парасанга, охраняемая могучимъ дивомъ Кунаремсомъ; за рѣкою живутъ *Нермпай* (1) во дворцѣ Беззаумѣ въ триста парасанговъ пространствомъ... Оттуда долгій и трудный путь ведетъ въ городъ Мазендеранъ. Всадниковъ въ немъ тысяча тысячею помноженная, денегъ и оружія вдоволь, и не отыщешь ты въ этомъ войскѣ ни единого человѣка вѣдающаго тоску страха; сверхъ того, въ городѣ ты найдешь тысячу двѣсти боевыхъ слоновъ... Ты одинъ; будь ты изъ желѣза и то не рѣшился бы столкнуться съ этимъ наилкомъ Аримана!

Усмѣхнулся Рустамъ и отвѣчалъ: оставаясь при мнѣ проводникомъ, ты увидишь что сдѣлаетъ этому войску богатырь слонотѣлый съ помощью удачи, меча, стрѣлы да таланта. Когда они увидятъ силу моихъ мышцъ, мою доблесть въ бою, раны, которыя я нашошу булавой, — у нихъ со страху ноги отнимутся и тѣла ослабѣютъ: они не въ состояніи будутъ отличить удилъ отъ стремянъ. Теперь веди же меня къ темницѣ царя Кауса!

Сказалъ—и весело вспрыгнулъ на сѣдло Рахша. Авладъ, указывая путь, бѣжалъ впередъ будто вихрь. Не отдыхалъ Рустамъ

---

(1) Нермпай (слабоногіе) и Дуальпай (коженогіе) демоны, у которыхъ ноги мягкіе какъ ременные полосы. Они, по сказаніямъ персовъ, стоятъ на распутіяхъ, карауля путниковъ. Подозвавъ путника къ себѣ, нермпай вскакиваютъ къ нему на плечи и уже съ этой минуты не оставляютъ его до самой смерти, нерѣдко и задушая, сильно охватывая шею своими ременными ногами. Наши сказочные антипки—безпятаые, по виду своему съ родни персидскимъ нермпаямъ, принадлежащимъ болѣе къ магометанской, нежели къ Зороастровой демонологіи.

ни ночью темною, ни днемъ яснымъ, и доскакалъ до горы Аспруза, гдѣ была несчастная битва Коуса съ дивами и волхвами. Прошла еще половина ночи темной и Рустамъ съ Авладомъ слышали шумъ со стороны поля: звучали кимвалы, а по всей землѣ Мазендеранской всыхнули огни. — Зачѣмъ зажигаютъ огни? спросилъ Рустамъ у Авлада. — Затѣмъ, отвѣчалъ тотъ, что тамъ входъ въ Мазендеранъ; двѣ трети дивовъ охраняющихъ границу не смѣютъ спать по ночамъ. Теперь въ этихъ мѣстахъ долженъ быть дивъ Арзенгъ...

Рустамъ — богатырь уснулъ, а когда солнце показало свѣтлый свой ликъ, привязалъ Авлада къ дереву своимъ арканомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Шестой подвигъ: убіеніе дива Арзена. — Посыщеніе царя и пльнниковъ. — Бой съ бѣлымъ дивомъ. — Освобожденіе пльнниковъ. — Война съ сирійскимъ царемъ. — Царевна Судабъ. — Полетъ царя на орлахъ. — Вторженіе Афрасімба. — Миръ съ туранцами. — Техминъ. — Рожденіе Сураба. — Амазонка Гурдъ-Аферида. — Осада Сепида. — Предчувствіе Рустама. — Лагерь подъ Сепидомъ. — Поединокъ. — Сыноубійство. — Нуш-дару. — Пословица. — Погребеніе Сураба.

Вооружась дѣдовской палицей, въ шлемъ и нагрудникъ изъ леопардовой кожи, Рустамъ сѣлъ на своего вѣрнаго Рахма и поскакалъ въ стану дива Арзена. Подѣхавъ къ стану крикнулъ онъ такимъ зычнымъ голосомъ, что море всколыхнулось и горы дрогнули; Арзенгъ вышелъ изъ шатра и Рустамъ, схвативъ его за уши, сорвалъ ему голову съ плечъ долой и бросилъ ее въ толпу дивовъ. При видѣ богатырской булавы Рустама, дивы бросились бѣжать, причемъ „отцы мяду подъ ногами своихъ сыновей“... Выхватилъ Рустамъ свой мечъ булатный, перебилъ враговъ своихъ множество несмѣтное и на закатѣ солнечномъ возвратился къ свя-

занному Авладу и сидя съ нимъ на деревѣ, сталъ его спрашивать о мѣстѣ заточенія царя Коуса и побѣжалъ Авладъ впередъ, показывая дорогу. Когда они прибыли въ городъ, Рахшъ, конь Рустама, заржалъ такимъ громовымъ голосомъ, что онъ достигъ до ушей царя Коуса, сидѣвшаго въ темницѣ съ прочими плѣнными иранцами: „окончились наши черные дни!“ — сказалъ онъ имъ; — слышу ржаніе Рахша и сердце мое оживаетъ!..“ Плѣнники подумали, что царь помѣшался съ горя, но въ то же мгновеніе явился къ царю свѣтозарный богатырь и со слезами на глазахъ поклонясь царю Коусу, сталъ его спрашивать о претерпѣнныхъ имъ и плѣнниками страданіяхъ. Царь, немедленно присовѣтовалъ Рустаму ѣхать въ ужасную пещеру, жилище бѣлаго дива. „Я и товарищи мои, сказалъ царь, ослѣпли съ горя и свѣдущій врачъ сказалъ мнѣ, что три капли крови бѣлаго дива могутъ избавить меня отъ слѣпоты.“ Отправляясь на битву съ бѣлымъ дивомъ, Рустамъ выразилъ плѣнникамъ надежду на близкое ихъ освобожденіе и на побѣду свою надъ врагами, которую подаетъ ему счастливая звѣзда. И понесся онъ вихремъ на своемъ Рахшѣ предшествуемый Авладомъ. Миновавъ *семь горъ* (1) Рустамъ достигъ бездонной пещеры и окружили его дивы, а онъ сказалъ Авладу: до сихъ поръ ты меня не обманывалъ, но теперь будь мнѣ особенно вѣренъ ты, рожденный подъ счастливою звѣздою!“ — „Надобно выждать какъ пообогрѣется воздухъ“ — отвѣчалъ Авладъ: — тогда дивы уснутъ и тебѣ будетъ легче съ ними справиться. Рустамъ исполнилъ все по совѣту Авлада, и опять скрутивъ его по рукамъ и по ногамъ (2), выхватилъ булатный мечъ, крикнувъ гро-

(1) Число семь играетъ важную роль во всѣхъ восточныхъ сказкахъ, и въ нашихъ точно также. Любопытно знать, какъ объясняютъ это сближеніе приверженцы старины: заимствованіемъ (что очевидно) или самобытнымъ творчествомъ народной поэзіи?

(2) Чѣмъ важнѣе услуги требуетъ богатырь отъ своего плѣнника, тѣмъ крѣпче его скручиваетъ. Этой же самой системы придерживаются герои нашихъ народныхъ сказокъ съ колдунами и вѣдьмами, которыхъ потомъ отпускаютъ на волю, или (и того чаще) все-таки убиваютъ безъ милосердія.

новымъ голосомъ свое имя и молніей налетѣвъ на дивовъ, пошелъ рубить имъ головы... Немногіе дивы устояли, да и тѣ бросились бѣжать отъ богатыря.

Послѣ этого Рустамъ достигъ до жилища бѣлаго дива. Пещера эта была подобна аду; за тьмою кромѣшною нельзя было богатырю разглядѣть дива и стоялъ богатырь нѣсколько времени недвижно съ мечемъ въ рукѣ; нельзя было Рустаму шага ступить ни назадъ, ни впередъ. Протеръ онъ и промылъ себѣ очи ясныя и тогда разглядѣлъ, что дивъ бѣлый, тѣломъ своимъ занимаетъ всю пещеру. Казался дивъ богатырю черной глыбой съ львиной гривой; онъ спалъ, но Рустамъ не желая спѣшить, гикнулъ будто тигръ-лютый. Дивъ пробудился и поднялся на ноги, чтобы бороться съ богатыремъ: схватилъ въ руки жерновъ мельничный и хмурой тучей двинулся на Рустама... Захолонулось сердце у богатыря: изловчился онъ, словно левъ разъяренный, и ударивъ дива мечемъ булатнымъ — отсѣкъ ему руку и ногу, а раненый дивъ накинулся на Рустама, какъ дикій слонъ на разъяреннаго льва: одинъ рвалъ у другаго тѣло клочьями, и взмокшая отъ крови земля превратилась въ грязь; съ бойцевъ текли ручьи пота и крови... Трудна была борьба Рустаму, не смотря на всю его силу, но наконецъ удалось богатырю поднявъ дива надъ головой повергнуть его на землю, и такъ сильно, что изъ того и духъ вонъ. Вонзилъ Рустамъ ему въ грудь свой мечъ булатный и вырвалъ печень изъ чернаго его тѣла. Трупъ занялъ пространство пещеры и весь міръ залить былъ кровью. Дивы разсѣялись; богатырь освободилъ царя Коуса и излечилъ его слѣпоту каплями крови изъ дивьей печени. Лишенный союзниковъ, царь мазендеранскій задумалъ продолжать войну въ надеждѣ восторжествовать надъ иранцами посредствомъ волшебныхъ чаръ. Вой длился нѣсколько дней... Преслѣдуемый Рустамомъ, царь мазендеранскій превратился въ огромную скалу (1)

---

(1) Тоже самое творится и съ богатырями нашихъ сказокъ, воюющими съ витязями. «Какъ подбѣжить витязь къ горѣ, такъ и окаменѣеть», припѣвъ, повторяемый родною пѣсней чуть ли не двадцать разъ о каждомъ богатырѣ.

и тщетно воины иранскіе пытались сдвинуть ее съ мѣста—это удалось одному Рустаму, который взявъ ее въ руки пригрозилъ скрывавшемуся въ скалѣ царю мазендеранскому разбить его въ дребезги, что и побудило послѣдняго принять прежній человѣческій видъ. Рустамъ привелъ его къ Коусу и по его повелѣнію извѣзлъ царя мазендеранскаго въ куски. Такъ окончилась война. Согласно обѣщанію, данному Рустамомъ Авладу, Коусъ отдалъ ему завоеванное царство, Рустама же, возвратившагося въ Систанъ, осыпалъ почестями и подарками.

Возвратясь изъ плѣна, царь Коусъ велъ весьма счастливо войну съ царемъ сирійскимъ и его союзниками, князьями малой Азіи, Аравіи, Египта и восточной Африки. Миръ былъ заключенъ и царь сирійскій предложилъ Коусу, вмѣстѣ съ дарами, дочь свою *Судабэ* въ жены; когда же тотъ прибылъ за нею въ Сирію—будущій тестъ задержавъ его у себя плѣнникомъ, соглашался дать свободу не иначе, какъ за огромный выкупъ. На этотъ разъ его выручилъ Рустамъ и торжественно привезъ въ Истахаръ вмѣстѣ съ прекрасною Судабэ. За это царь Коусъ выдалъ за освободителя свою сестру и затѣмъ отказался отъ воинскихъ подвиговъ, занявшись исключительно благоустройствомъ государства; но и эти заботы вскорѣ прискучили ему. Въ Ширванѣ онъ построилъ великолѣпный дворецъ и плѣнясь его красотою, вообразилъ себѣ дворецъ раемъ, а себя—богомъ. Убѣжденный въ правдивости этой сумасбродной мысли сновидѣніемъ, въ которомъ свѣтлый духъ поклонялся ему и училъ летать по воздуху, Коусъ задумалъ вознестись на небо. Для этого онъ приказалъ устроить себѣ тронъ и веревками привязать его къ орламъ, которые и подняли его въ поднебесье, но утомленные непривычною тягостью, вскорѣ опустились на лѣсъ близъ города Амоля. Придворные, слѣдившіе за полетомъ царя, прискакали къ мѣсту паденія воздухоплатателя и нашли его невредимаго, но внѣ себя отъ стыда и страха. Имъ удалось разумными совѣтами привести Коуса къ сознанію его сумасбродства, и царь, раскаявшись въ своемъ заблужденіи, опять сдѣлался образцомъ владыкъ земли.

Вскорѣ послѣ этого событія Афрасиабъ, царь туранскій, вторгся въ Персію, но разбитый Рустамомъ бѣжалъ въ городъ Семенганъ,

которымъ и овладѣлъ богатырь персидскій. Князь *Керкинъ*, градоправитель, склонилъ его къ миру, заключенному съ условіемъ, чтобы Афрасіабъ платилъ дань царю Коусу. У Керкина была красавица дочь, по имени *Техмине*, въ которую Рустамъ страстно влюбился и на которой женился тайно, такъ какъ союзъ этотъ не одобрили-бы ни Коусъ, ни Афрасіабъ. Покидая беременную жену свою для возвращенія въ Иранъ, Рустамъ оставилъ ее на попеченіи тестя своего, подаривъ ей, въ залогъ своей вѣрности, золотой браслетъ съ тѣмъ, чтобы Техмине надѣла его на будущаго своего младенца. Вскорѣ она родила сына *Сураба*, нравомъ и наружностью въ доблестнаго своего отца. Желая скрыть происхожденіе Сураба, дѣдъ его Керкинъ выдавалъ его за своего сына. Съ юныхъ лѣтъ Сурабъ выказывалъ мужество необыкновенное, слухъ о немъ разнесся по всему Турану и достигъ до ушей царя Афрасіаба, пожелавшаго видѣть героя. Сурабъ, при свиданіи, сказалъ ему, что любезнѣйшая его мечта—истребить весь родъ и племя царя Коуса и завоевать весь Иранъ. Воспламененный этими рѣчами Афрасіабъ рѣшился нарушить миръ и послалъ на персовъ войско подъ начальствомъ Сураба. При прощаніи своемъ съ матерью, онъ узналъ отъ нея имя своего отца и тайну рожденія... Смущенный Сурабъ отвѣчалъ, что убивъ Коуса онъ возведетъ на иранскій престолъ Рустама и тогда оба царства, Персія и Туранъ, соединятся въ одну громадную державу. Военныя дѣйствія открылись осадой пограничной крѣпости Сепида. Начальникъ ея Хедонеръ, вызвавшій Сураба на поединокъ, былъ имъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ. Въ то время въ Сепидѣ жилъ сынъ царя Невдера Кустехемъ съ сыномъ и дочерью *Гурдъ-Аферидъ*. Послѣдняя видѣла борьбу Сураба со старикомъ Хеджеромъ, и одѣвшись въ мужское платье вышла изъ крѣпости вызвавъ побѣдителя на поединокъ. Сурабъ принялъ вызовъ, долго боролся съ амазонкой, наконецъ сбилъ съ нея племъ и, удивляясь ее мужеству, даровалъ жизнь съ условіемъ сдать ему крѣпость. Гурдъ-Аферидъ возвратясь въ Сепидъ, возшла на крѣпостныя стѣны и подозвавъ къ нимъ Сураба, крикнула ему: „ты умѣлъ справиться со старикомъ и съ женщиной, но не одолѣть тебѣ героевъ Ирана, которымъ ты и самъ уподобляешься по своему мужеству.. Удались же отъ крѣпости и трепещи при

имени богатыря Рустама!“ Взбѣшенный этими словами Сурабъ осадилъ крѣпость...

Узнавъ о вторженіи туранцевъ, царь Коусъ послалъ нарочнаго въ Нимрузъ къ Рустаму съ предложеніемъ принять начальство надъ войсками. Мучимый странными предчувствіями престарѣлый богатырь не выразилъ особеннаго желанія помѣяться силами съ Сурабомъ, достойнымъ своимъ противникомъ. Не имѣя никакихъ извѣстій отъ жены своей, Рустамъ и не подозрѣвалъ, что Сурабъ сынъ его, но тѣмъ не менѣе чувствовалъ невольное волненіе при его имени... Онъ отказался отъ предложенія царя Коуса и тѣмъ упорнѣе стоялъ на своемъ, чѣмъ убѣдительнѣе были просьбы. Съ великимъ трудомъ удалось царскому посланному получить отъ богатыря обѣщаніе, что онъ, по крайней мѣрѣ, пріѣдетъ ко двору, куда Рустамъ и прибылъ послѣ долгаго промедленія. Царь Коусъ встрѣтилъ его упреками и колкостями, а одинъ изъ придворныхъ осмѣлился даже выразить обидныя на его счетъ предположенія. Оскорбленный богатырь отвѣчалъ: „естъ предѣлъ и царской власти, особенно надъ князьями удѣльными; я родился свободнымъ, свободнымъ и умру, предоставляя рабство трусамъ и слабодушнымъ! Въ моихъ глазахъ конь мой выше царскаго трона, боевой шлемъ— важнѣе вѣнца, а булава—сѣпетра... Достаточно съ меня славы предковъ моихъ и моей собственной, пора поуспокоиться, помышляя единственно о защитѣ собственнаго моего княжества!..“ Сказавъ это Рустамъ отправился къ себѣ въ Нимрузъ.

Вѣсть объ обидѣ героя разнеслась по царству и возбудила всеобщее негодованіе на царя и на вельможъ; Коусъ послалъ къ Рустаму цѣлую депутацію, и одинъ изъ посланныхъ, *Гудерзъ*, сумѣлъ склонить богатыря къ принятію предложенія царскаго, сказавъ, что люди могутъ приписать отказъ его—боязни. Во время всѣхъ этихъ переговоровъ, Сурабъ овладѣлъ крѣпостью Сепидомъ и Рустаму, на первый же случай, пришлось отнимать крѣпость у завоевателей. Онъ и царь Коусъ расположились лагеремъ подъ ея стѣнами. Сурабъ, желая вызвать силы непріятельскія, вывелъ на крѣпостныя стѣны плѣннаго Хеджера и тотъ указалъ ему, гдѣ и чей шатеръ, за исключеніемъ шатра Рустама, увѣряя Сураба, что славнаго богатыря Ирана и не находится въ царскомъ лагерѣ.

Эта вѣсть обрадовала Сураба и онъ послалъ къ царю Коусу вѣстника съ вызовомъ на поединокъ любого изъ витязей иранскихъ. Выборъ Коуса, какъ и слѣдовало ожидать, палъ на Рустама. По обычаю того времени обѣ арміи стали въ виду другъ друга: отецъ съ сыномъ сразились...

Не мало времени длился поединокъ. Бойцы дрались дротиками, мечами, булавами; дрались конные и пѣшіе: пріостановятся на нѣсколько минутъ и опять принимаются за борьбу съ обновленными силами. Наконецъ, раненый Рустамъ палъ и Сурабъ, вынувъ мечъ, готовился его заколотъ, но Рустамъ замѣтилъ, что по правиламъ поединка убивать противника можно только послѣ вторичнаго поверженія его на землю. Сурабъ подавъ ему руку, пособилъ приподняться и опять возобновился бой. На этотъ разъ Рустамъ сбиль съ ногъ Сураба, и по его примѣру помогъ ему встать на ноги. И въ третій разъ сразились противники, и на этотъ разъ уже на смерть: палъ Сурабъ и прикололъ его Рустамъ мечемъ булатнымъ. Въ предсмертной истомѣ прошепталъ молодой воинъ: „мать моя рассказала мнѣ по какимъ признакамъ я могу узнать Рустама, отца моего, и я искалъ его! Погубила меня завистливая судьба и лишила радости...“ Поднявъ потухающіе взоры на своего побѣдителя, Сурабъ продолжалъ: „подъ какимъ бы видомъ ты не являлся, куда бы ты не бѣжалъ,—отецъ мой, Рустамъ, первый изъ богатырей всего міра тебѣ отомстить!...“

Рустамъ безъ чувствъ упалъ на полумертвое тѣло Сураба; потомъ оба обнялись, заливаясь слезами. Снимая съ умирающаго сына латныя поручни, отецъ увидѣлъ браслетъ, подаренный имъ при разлукѣ съ женою. Богатырь сорвалъ съ себя шлемъ, рвалъ на себѣ волосы; Сурабъ тихимъ, изнемогающимъ голосомъ утѣшалъ его, умоляя заключить миръ съ Тураномъ. Присутствовавшіе до глубины души тронутые, упомянули о волшебномъ средствѣ *Нуш-дару*, составляемомъ астрологами и излечивающемъ всѣ болѣзни. Универсальнымъ этимъ лекарствомъ пользовались одни только цари. Рустамъ послалъ въ царю Коусу съ убѣдительною просьбою удѣлить Сурабу частицу чудеснаго снадобья; Коусъ хотѣлъ было дать просимое, но придворные возразили ему, что въ случаѣ исцѣленія Сураба, гордости и силъ Рустама не будетъ предѣловъ, и

царь призадумался. Въ надеждѣ, что личная просьба скорѣе будетъ уважена, Рустамъ отправился къ царю, но только что пустился въ путь, какъ Сурабъ скончался. Просьба Рустама по видимому была уважена: жаль только, что принесенное лекарство, излечивавшее всѣ болѣзни, не излечивало отъ смерти. Въ воспоминаніе объ этой запоздалой и уже неумѣстной помощи, въ Персіи съ древнѣйшихъ временъ сложилась пословица: „Сарабу приносятъ Нусш-дару послѣ его смерти,“ — равносильная нашей русской: „спустя лѣто, да въ лѣсъ по малину.“

Сурабъ палъ очистительной жертвой, цѣною своей крови купивъ миръ честный и выгодный для иранцевъ; Коусъ съ торжествомъ возвратился въ Истахаръ, а Рустамъ съ трупомъ Сураба въ Забулистанъ, гдѣ предалъ его погребенію со всѣми почестями. Залъ видя безутѣшную скорбь Рустама присовѣтовалъ ему написать въ Туранъ къ Техминѣ и вызвать ее къ себѣ, въ Нирузъ. Письмо отправили вмѣстѣ съ браслетомъ Сураба, вѣсть о кончинѣ котораго свела Техминѣ и отца ея Керкина въ могилу. Умирая Техминѣ передала браслетъ Сураба вдовѣ его *Шехрусъ*, оставшейся беременною и вскорѣ родившей сына, славнаго витязя *Барзу* (1).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Исторія Сійавуша. — Его воспитаніе. — Царица Судибѣ. — Клевета. — Испытаніе огнемъ. — Новыя войны съ Тураномъ. — Блгство Сійавуша. — Его бракъ. — Рожденіе Хосру. — Приски Кершивеза. — Родственное сходство злодѣевъ. — Убіеніе Сійавуша. — Чудесный кустарникъ. — Смерть Судибѣ. — Подвиги Рустама.

Царь Каи-Коусъ уѣзжая изъ Хорасана оставилъ правителями

(1) Трогательный эпизодъ о Рустамѣ и Сурабѣ изъ Шах-намѣ (хотя и не съ подлинника) былъ переложень стихами покойнымъ В. А. Жуковскимъ. Произведеніе хотя и слабое для Жуковского, тѣмъ не менѣе заслуживающее вниманіе каждаго грамотнаго чловѣка, также точно, какъ его же: Наль и Дамаянти.

въ Сепидѣ *Туса* и *Гива*. Однажды, намѣстники охотясь на берегахъ *Джихуна*, встрѣтили въ лѣсной чащѣ трехъ женщинъ: молодую красавицу съ двумя невольницами старухами. Плѣняя красавицею, *Тусъ* и *Гивъ* заспорили кому изъ нихъ обладать ею: первый ее увидѣлъ, а второй задержалъ. Положили предоставить разрѣшеніе спорнаго вопроса самому царю и съ этой цѣлю спорившіе отправились въ *Истахаръ* вмѣстѣ съ прекрасной находкою. Царь рѣшилъ эту тяжбу, какъ въ баснѣ, левъ при дѣлѣжѣ: онъ объявилъ намѣстникамъ, что по закону, всякая находка есть царская собственность и потому, оставивъ плѣнницу въ своемъ гаремѣ, *Коусъ* щедро вознаграждалъ находчиковъ. Не мало трудовъ и угрозъ стоило царю узнать отъ плѣнницы, кто она и откуда? Оказалось, что она туранская княжна, племянница царя *Афрасіаба*, дочь младшаго его брата *Кершивеза*; она бѣжала на границу отъ преслѣдованій дяди, желавшаго взять ее себѣ въ наложницы. Сдѣлавъ это признаніе княжна объявила, что предпочитаетъ жить на чужбинѣ, нежели принадлежать ненавистному *Афрасіабу*.

Кан-Коусъ страстно влюбился въ княжну и черезъ годъ она родила ему сына *Сіявуша*. Звѣздословы, составлявшіе гороскопъ новорожденнаго, объявили, что грядущая судьба его бѣдственна. Это пророчество встревожило царя и онъ вѣрилъ *Сіявуша* попеченіямъ вѣрнаго *Рустама*. Богатырь полюбилъ приемыша, какъ роднаго сына, взростилъ его, воспиталъ и, по оковчаніи ученія, привезъ ко двору въ *Истахаръ* на удивленіе царю и всему народу.

Одна изъ многочисленныхъ мачихъ *Сіявуша*, царица *Судабъ*, плѣняясь красавцемъ юношей, пустила въ ходъ всѣ обольщенія кокетства, чтобы снискать его взаимность и восторжествовать надъ его цѣломудріемъ. Отвергнутая съ негодованіемъ, она его же обвинила въ собственномъ своемъ преступленіи (1). На всѣ ея укоризны и слезы *Сіявушъ* отвѣчалъ почтительнымъ молчаніемъ. Желая узнать кто правъ, кто виноватъ, царь *Коусъ* совѣщался съ

---

(1) Заимствовано изъ библейскаго сказанія объ *Іосифѣ Прекрасномъ* и женѣ *Пентефріа*, или изъ исторіи *Федры* и *Гипполита*.

придворными волхвами и они, объявивъ ему, что молодой князь невиненъ, предложили подвергнуть его и царицу *испытанію огнемъ* (¹). Въ назначенный день Судабэ оказалась больною и пролежала въ постели; что же касается до Сивавуша, онъ безвредно проскочилъ верхомъ на конѣ сквозь пылавшій костеръ. Каи-Коусъ торжествовалъ оправданіе сына великолѣпными празднествами; царицу же приговорилъ къ смерти... однако тронутый ея мольбами и слезами, замѣнилъ смертную казнь пожизненнымъ заточеніемъ. Одновременно съ этими событіями, царю туранскому Афрасіабу приснился сонъ, предвѣщавшій несомнѣнную побѣду въ случаѣ войны съ Ираномъ. Поводомъ къ ея объявленію царю Коусу послужило во первыхъ похищеніе имъ матери Сивавуша, во вторыхъ—убіеніе Сураба. Многочисленныя рати туранцевъ вторглись въ Хорасанъ, овладѣли Балкомъ и многими другими городами. Предводителемъ иранскихъ войскъ былъ назначенъ Рустама, а въ помощники ему Сивавушъ. Ихъ побѣды принудили Афрасіаба вступить въ мирныя переговоры, которымъ не мало способствовали также совѣты астрологовъ и вѣщія сновидѣнія царя туранскаго. Послѣдній заплатилъ Рустаму значительную контрибуцію; съ обѣихъ сторонъ размѣнялись заложниками.

Приверженцы опальной царицы Судабэ обвинили Рустама въ заключеніи мира невыгоднаго и унижительнаго для Ирана; обвинили героя въ томъ, что онъ не овладѣлъ Кенезеромъ (столицею царства туранскаго) и тамъ не предписалъ Афрасіабу иныхъ условій... Неудачу приписывали наконецъ дряхлости Рустама, молодости и неопытности Сивавуша. Навѣты и извѣты придворныхъ придали царю Коусу рѣшимости нарушить миръ и возобновить военныя дѣйствія и, что еще того хуже, возстановили его противъ Рустама. Тщетно послѣдній, въ видахъ блага отечества, возражалъ царю, что худой миръ лучше доброй ссоры; что война —

(¹) Испытанія огнемъ перевяты были персами у индусовъ и вообще были въ большомъ употребленіи у древнихъ языческихъ народовъ. Средневѣковая Европа не погнушалась и этимъ нечлѣпнымъ обычаемъ язычества, возведя его, подъ именемъ ордалій, въ обрядъ религіозный.

разореніе царству: Кая-Коусъ стоялъ на своемъ и, назначивъ предводителемъ войскъ Туса, отозвалъ Сійавуша; Рустамъ, еще ранѣе оставивъ военачальство, уѣхалъ въ свое удѣльное княжество. Зная слабость и безхарактерность отца, Сійавушъ не могъ не сознавать безотрадности своего положенія. „Нарушая миръ я измѣняю моему слову“ — говорилъ онъ: — „будучи ему вѣренъ, я ослушаюсь отца и царя!“ Кромѣ того, онъ смутно предугадывалъ, что происки и ковы мстительной Судабѣ рано или поздно будутъ причинами его гибели... Въ виду всего этого Сійавушъ рѣшился бѣжать въ Китай, чрезъ владѣнія царя туранскаго, обѣщавшаго ему свое дружеское содѣйствіе. Увѣдомивъ Коуса почтительнымъ письмомъ, Сійавушъ сдалъ начальство надъ иранскою арміею *Бехраму*, а самъ съ 300 спутниковъ перебрался черезъ Джихучъ. Въ царствѣ туранскомъ его съ великими почестями встрѣтили: *Шидакъ*, сынъ Афрасіаба и *Пеиранъ* наслѣдный князь хотенскій... Афрасіабъ ласкалъ будущаго царя иранскаго, прочилъ ему въ жены одну изъ своихъ дочерей, въ надеждѣ упрочить миръ родственнымъ союзомъ... Судьба судила иначе! Царь Коусъ одумался и приказалъ Тусу военныхъ дѣйствій не открывать; онъ надѣялся этимъ способомъ привлечь ко двору бѣглеца Сійавуша. Приступили къ переговорамъ подтверждавшимъ миръ, заключенный Рустамомъ. Сійавушъ предвидя гибельныя его послѣдствія, нѣсколько разъ пытался проникнуть за витайскую границу, но Афрасіабъ постоянно удерживалъ его въ Кенекзерѣ, забавляя праздниками да пиршествами. Праздники эти сопровождались обыкновенно воинскими играми (1), на которыхъ Сійавушъ особенно отличался, чѣмъ еще болѣе снискивалъ къ себѣ любовь Афрасіаба и невольно поддерживалъ его въ намѣреніяхъ породниться съ царемъ иранскимъ. Волхвы на вопросъ Афрасіаба: будетъ-ли дочь его счастлива за Сійавушемъ, дали отвѣтъ отрицательный; но Пеиранъ, вмѣстѣ со многими астрологами, успокоивали и утѣшали царя туранскаго са-

(1) Игрища эти, перенятая отъ народовъ восточныхъ древними греками и римлянами, въ средневѣковой Европѣ были извѣстны подъ именемъ турнировъ.

мыми лестными надеждами. Въ доказательство своей увѣренности, Пеиранъ выдалъ за Сіявуша родную свою дочь, которая родила ему сына *Феруда*. Вслѣдъ за тѣмъ и Афрасіабъ женилъ Сіявуша на своей дочери *Френгисъ*, дозволивъ ей переселиться изъ Кенекзера въ одну изъ восточныхъ областей Турана. Свадьбу сыграли съ баснословнымъ великолѣпіемъ, и въ приданое за дочерью Афрасіабъ далъ огромный удѣлъ съ городомъ Шарсаномъ, избраннымъ Сіявухемъ для своей резиденціи. Въ короткое время Шарсанъ, обстроенный великолѣпными дворцами, сталъ чудомъ всей окрестной страны. Пеиранъ, провожавшій молодыхъ, продолжалъ свой путь въ Индію, гдѣ долженъ былъ собирать подати, и по возвращеніи оттуда черезъ три года, не могъ узнать прежняго Шарсана. По прибытіи ко двору Афрасіаба, Пеиранъ своими восторженными разказами возбудилъ въ царѣ живѣйшее желаніе побывать въ гостяхъ у зятя, но *Кершивезъ* (дѣдъ Сіявуша, отецъ его матери) отговоривъ Афрасіаба, предложилъ ему послать его за себя, и отправился къ Сіявуху съ подарками и многочисленной свитой. Молодой принялъ его съ величайшимъ уваженіемъ, чувствуя прибытіе дѣда блестящими праздниками. Зависть къ доблестямъ внука закралась въ сердце старика, и мысль, что иноплеменникъ можетъ быть со временемъ обладателемъ Турана, не давали покоя Кершивезу. По возвращеніи къ брату, онъ постарался всячески очернить въ глазахъ его своего внука и усомниться въ вѣрности послѣдняго. По словамъ Кершивеза, Сіявухъ велъ тайную переписку съ Коусомъ и въ своихъ подданныхъ старался развигивать ненависть къ Афрасіабу. Испуганный этими клеветами царь поручилъ брату снова съѣздить въ удѣлъ внука, собрать еще свѣденія и, если возможно, вывезти оттуда жену его, княгиню Френгисъ. Въ Шарсанѣ коварный Кершивезъ наговорилъ Сіявуху, что злодѣи оклеветали его царю Афрасіабу и призывая съ собою въ Кенекзеръ увѣрялъ, что это единственное средство оправдаться и обезоружить клеветниковъ. По возвращеніи къ Афрасіабу, онъ напелъ ему новыхъ неблицъ на бѣднаго своего внука, словомъ, дѣйствовалъ со всей дьявольской тактикой вѣроломства. Инаго разрѣшенія задачи, по его словамъ, не было, кромѣ отсылки въ удѣлъ Сіявуша сильнаго отряда войскъ. Афрасіабъ самъ при-

нялъ начальство надъ ними и одновременно съ этимъ рѣшеніемъ Сіаваушъ видѣлъ сонъ, будто Афрасіабъ толкаетъ на него огненную гору и бурный, ревущій потокъ. Какъ бы въ подтвержденіе сна, къ Сіаваушу прискакалъ нарочный съ письмомъ отъ дѣда, въ которомъ злодѣй, предваряя его объ угрожающей опасности, совѣтовалъ бѣжать въ Иранъ не теряя ни минуты...

Этотъ разсказъ персидскихъ лѣтописцевъ, разсказъ полубаснословный, сотканный изъ лжи и правды, невольно наводитъ на мысли не совсѣмъ лестныя для человѣчества вообще. Самые прилежныя розыски хронологіи не въ состояніи опредѣлить, въ какомъ именно вѣкѣ до Р. Х. жили эти герои Ирана.... но жили они, во всякомъ случаѣ, за нѣсколько столѣтій до нашей эры, слѣдовательно тысячи за три лѣтъ до нашего времени. Между тѣмъ въ характерѣ Кершивеза мы видимъ многія черты, напоминающія изверговъ временъ недавно минувшихъ; онъ какъ будто воскресаетъ въ лицѣ *Ричарда III* англійскаго, *Христіерна* датскаго, *Карла IX* французскаго, *Филиппа II* испанскаго, *Медичи* и *Борджія* итальянскихъ. Спрашивается, брали ли эти тираны и злодѣи древнихъ себѣ за образецъ, или будучи самобытными злодѣями, были такъ сказать, отлиты въ одну форму съ древними извергами? Можно ли заключать изъ послѣдняго предположенія, что злодѣйство и развращенность сердца человѣческаго были ему присущи, чуть ли не съ первыхъ вѣковъ бытія? Почему бы не такъ: первый убійца былъ Каинъ...

Слѣдуя совѣту дѣда, Сіаваушъ бѣжалъ въ Иранъ, покидая беременную жену, которой поручилъ назвать ребенка (если родится сынъ) *Хосру*, т. е. счастливымъ. Въ торопяхъ бѣглець забылъ надѣть волшебный нагрудникъ, подаренный ему Рустамомъ. Въ дорогѣ на него напали воины Афрасіаба и не смотря на запрещеніе Сіавауша, малочисленные его спутники вступили съ ними въ бой... Бѣглець былъ взятъ въ плѣнъ и приведенный къ Кершивезу настоятельно требовалъ свиданія и объясненія съ царемъ Афрасіабомъ... Дѣдъ отговаривалъ его.

— Ты слишкомъ добръ, говорилъ онъ внуку: — ты тронешься увѣренными и раскаяньемъ тестя и проиграешь правое дѣло!“

Между тѣмъ Френгисъ, жена Сіавауша, прибѣжавъ къ отцу, исторія религія Т. III.

заливаясь слезами ползала поредъ нимъ на колѣняхъ и вымаливала прощеніе невинному мужу; Афрасіабъ колебался... Кершивезъ, уведя племянницу въ особый шатеръ, сумѣлъ ожесточить брата и вынудить у него смертный приговоръ зятю, и Сіявуша зарѣзали. Небо и земля, говоритъ лѣтописецъ, очевидно выразили свое негодованіе на злодѣйство: жестокая буря разразилась надъ лагеремъ Афрасіаба, а изъ земли, на томъ мѣстѣ гдѣ была пролита кровь Сіявуша, выросъ колючій кустарникъ, названный *хун-сіявушъ*, т. е. кровь Сіявуша ⁽¹⁾. Волхвы объявили, что чуда эти предвѣщаютъ великія бѣдствія, которыя постигнутъ Туранъ въ близкомъ будущемъ. Ненасытный кровью Кершивезъ, пытался было склонить Афрасіаба на умерщвленіе дочери, но Пейрану удалось отстоять эту новую жертву предательства и тупоумія: онъ увезъ ее въ свое удѣльное княжество Хотень, гдѣ Френгисъ вскорѣ родила сына, названнаго *Хосру*, согласно желанію выраженному покойнымъ Сіявушемъ.

Этотъ *Хосру* одинъ изъ любимѣйшихъ героевъ народныхъ преданій былъ на сколько можно догадываться, нѣкто иной, какъ *Киръ*; Афрасіабъ—*Астиагъ*, а Сіявушъ и Френгисъ—*Астиагъ* и *Мандана*... Такимъ образомъ, въ легендарной исторіи исповѣдниковъ Авесты, мы находимъ четвертую редакцію біографіи Кира. Просимъ читателя, сличая факты исторіи съ вымыслами персидскихъ лѣтописцевъ, сдѣлать выводъ насколько правдивы послѣдніе.

Пейранъ увѣдомляя царя Афрасіаба о рожденіи внука, предупредилъ его, что *Хосру* будетъ отданъ на воспитаніе пастухамъ, которые скроютъ отъ князя настоящее его происхожденіе—присокупляя въ заключеніе, что по гороскопамъ астрологовъ будущность *Хосру*—совершеннѣйшее ничтожество... Афрасіабъ мало по малу позабылъ о существованіи внука. Съ нѣжнѣйшаго дѣтства *Хосру* обнаруживалъ сильнѣйшую склонность къ охотѣ и воинскимъ упражненіямъ: десяти лѣтъ онъ ходилъ на львовъ и тигровъ, вы-

---

(1) Особый видъ кактуса весьма колючаго съ ярко красными цвѣтами въ видѣ кровавыхъ капель. Растеніе это играетъ роль во многихъ легендахъ средневѣковой Европы.

казывая богатырское мужество. Пеиранъ образовалъ его сообразно его происхожденію, и ребенокъ давалъ счастливѣйшію задатки на будущее. Около этого времени Афрасіабу приснился странный сонъ, заставившій старика опасаться внука, котораго онъ не безъ злаго умысла пригласилъ къ себѣ во дворецъ. По совѣту благоразумнаго Пеирана, молодой Хосру привинулся помѣшаннымъ и такъ искусно разыгралъ свою роль, что дѣдъ смѣнилъ недавнюю ярость на сожалѣніе и совершенно успокоился на счетъ внука. Послѣ того Хосру, вмѣстѣ съ матерью, поселился въ Шарсанѣ.

Бѣдственная участь покойнаго Сивайуша въ теченіе десяти лѣтъ ставалась тайною для иранцевъ. Свѣдавъ о гибели сына, царь Баи-Коусъ собралъ совѣтъ, чтобы лучше обдумать мщеніе вѣроломнымъ туранцамъ... Рѣшили единогласно объявить войну; Рустамъ, кромѣ того, предложилъ — казнить царицу Судабэ, какъ главную виновницу гибели Сивайуша... Не ожидая утвержденія приговора, богатырь, изъ залы совѣта, пошелъ на царскую половину и закололъ царицу. Война съ самаго начала была ознаменована подвигами Фермерза, сына Рустамова: при первомъ сраженіи онъ разбилъ на голову туранцевъ и своеручно убилъ ихъ предводителя; при второмъ взялъ въ плѣнъ царевича, сына Афрасіаба. Въ отмщеніе за смерть Сивайуша, Рустамъ казнилъ плѣнника.

Устилая себѣ путь непріятельскими трупами, иранцы шли къ Кенекзеру, столицѣ царства туранскаго, и подъ стѣнами ея были встрѣчены многочисленной арміей предводимой самимъ Афрасіабомъ *Пеисемъ*, братъ Пеирана, вызвалъ на единоборство всѣхъ иранскихъ богатырей, въ особенности же Рустама. Престарѣлый герой, принявъ вызовъ, вышибъ Пеисема изъ сѣдла и поднявъ его на копье бросилъ трупъ въ ряды туранцевъ... Схватка сдѣлалась общою и была ожесточенная: подъ Афрасіабомъ былъ раненъ конь и злодѣй едва избѣжалъ плѣна, отступивъ къ китайской границѣ. Почти весь Туранъ былъ покоренъ. Рустамъ пощадилъ жизнь плѣнныхъ, но захваченную царскую казну роздалъ своимъ войнамъ. Семь лѣтъ сидѣлъ онъ въ Кенекзерѣ, облеченный саномъ намѣстника, утверждая и упрочивая власть Коуса надъ туранцами. Придворные шептунны обвинили героя въ преслѣдованіи своекорыстныхъ цѣлей и въ подозрительномъ снисхожденіи къ Афрасіабу и

*

его семейству, которыхъ по настоящему онъ долженъ бы былъ перерѣзать. Эти навѣты побудили безсмысленнаго Коуса — отказать Рустаму во вспомогательныхъ войскахъ. Богатырь, не въ силахъ будучи держаться долѣе въ покоренномъ царствѣ, отступилъ, предавъ области туранскія огню и мечу. Этимъ поступкомъ онъ далъ клеветѣ новую пищу: одобряя его за опустошенія, шептуны обвиняли его теперь, зачѣмъ онъ не продолжалъ завоеваній. Не удостоивая отвѣтомъ этимъ шипящихъ пресмыкающихся, Рустамъ удалился съ театра войны въ свое удѣльное княжество... Въ Иранѣ пошли распри и усобицы, пользуясь которыми Афрасиабъ свергнулъ его тяготѣвшее надъ туранцами: Каи-Коусъ изъ повелителя сталъ данникомъ, позоромъ и униженіемъ искупая недавнія побѣды надъ непріателемъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Сновидѣніе Гудерза. — Блѣство Хосру. — Осада Ардебиля. — Дивы и огненныя стрѣлы. — Завоеваніе Ардебиля. — Состязаніе богатырей. — Гербы. — Единоборство. — Волхвъ Базуръ. — Барзу. — Исповѣдь Каи-Хосру и его завѣщаніе народу. — Избраніе наслѣдника. — Шествіе на богомолье. — Исчезновеніе Каи-Хосру.

Сжался надъ бѣдственнымъ положеніемъ Ирана, Богъ послалъ этой странѣ избавителя въ лицѣ *Гива*. Отецъ его, *Гудерзъ*, видѣлъ во снѣ свѣтлаго духа, сказавшаго ему: „спасеніе Ирана зависить отъ избавленія Хосру, сына Сіявуша: покуда царевичъ будетъ томиться въ плѣну у туранцевъ, до тѣхъ поръ тысячи бѣдствій будутъ тяготѣть надъ твоимъ отечествомъ. Мужество и доблести сына твоего Гива помогутъ ему достигнуть той высокой цѣли, къ которой онъ предназначенъ; предназначеніе же его въ томъ, чтобы освободить царевича-узника... Спѣши возвѣстить это Гиву и слава его подвиговъ озаритъ все твое поколѣніе!“

Тотчасъ же по пробужденіи Гудерзъ сообщилъ сыну о томъ, что въ сонной грезѣ возвѣстилъ ему свѣтлый духъ. Гивъ перодѣлся въ платье туранца и, послѣ трехлѣтнихъ поисковъ, напавъ на слѣдъ Хосру отправился въ Шарсанъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ царевича на загородной прогулкѣ и открылъ ему ту блестящую будущность, которую готовила ему судьба. Слава Гива тѣмъ болѣе поразила Хосру, что не задолго передъ тѣмъ его мать, Френгисъ, имѣла совершенно такое же сновидѣніе, какъ и Гудерзъ. Ночью, царицѣ и царевичу удалось съ малочисленной свитой ускользнуть изъ подъ бдительнаго надзора Пеирана; когда же послѣдній пустился за ними въ погоню, Гивъ защищая бѣглецовъ сразился съ нимъ и послѣ упорнаго боя—обезоружилъ его. Переправясь чрезъ Джихунъ, Хосру, съ матерью и Гивомъ, прибылъ въ Истахаръ къ Каусу. По совѣту астрологовъ старый царь объявилъ внука своимъ наслѣдникомъ, приставивъ къ нему Гудерза въ качествѣ попечителя. Нареченіе наслѣдникомъ иноплеменика, встрѣтило противниковъ въ лицѣ многихъ вельможъ; явились и приверженцы Косру... Образовались партіи Косру и Ферибурза. Каусъ, посоветавшись съ волхвами объявилъ, что царемъ будетъ тотъ изъ двухъ претендентовъ, который овладѣетъ Ардебилемъ—крѣпостью, защищаемой дивами и не признававшей надъ собою власти царей иранскихъ. По жребію Ферибурзъ первый попытался счастья, но безуспѣшно: дивы встрѣтили его дружины градомъ огромныхъ камней и дождемъ *огненныхъ стрѣлъ* ⁽¹⁾ и въ короткое время истребили до ста тысячъ воиновъ... Ферибурзъ и Тусъ, его приверженецъ, позорно бѣжали.

Пришла очередь Косру отправляться въ походъ съ вѣрными своими друзьями Гудерзомъ и Гивомъ. Ставъ подъ стѣнами Ардебила, герой крикнулъ громкимъ голосомъ:

---

(1) Анахронизмы, свойственные лѣтописямъ всѣхъ народовъ, особенно часты въ восточныхъ лѣтописяхъ. Писатели нерѣдко сближаютъ между собою событія, отдаленныя другъ отъ друга цѣлыми вѣками. Огненные стрѣлы, какъ намъ кажется, довольно понятный намекъ на употребленіе въ военныхъ дѣйствіяхъ снарядовъ огнестрѣльныхъ или горючаго состава въ родѣ знаменитаго греческаго огня.

— „Люди и духи, какого-бы вы ни были рода и племени, повелѣваю вамъ сдать мнѣ Ардебиль и покориться моей власти и моему закону! Ослушниковъ поразить гнѣвъ Божій...“ Это-же самое возваніе, написанное, было поднесено Гивомъ на острии копья въ городскимъ стѣнамъ и, мгновенно сорванное вѣтромъ, занесено имъ въ самую средину укрѣпленія... Одновременно, небо очевидно приняло сторону Косру: густыя, черныя тучи нависли надъ крѣпостью и нагнали на ея защитниковъ малодушный ужасъ; стрѣлы, которыми иранцы принялись осыпать ихъ, довершили торжество Косру и городъ отворилъ ему свои ворота. Завоеваніе Ардебила положило конецъ придворнымъ крамоламъ и враждованіямъ партій. Сторонники Ферибурза покорились побѣдителю; царь почтилъ его семидневнымъ торжествомъ и прозвищемъ *гумайуна*, т. е. великаго (точнѣе *Августа*, въ томъ смыслѣ какъ присвоивали себѣ этотъ титулъ императоры римскіе); затѣмъ уступилъ Косру свою тиару, удалясь въ уединеніе на остатокъ дней.

Ознаменовавъ свое воцареніе многими милостями и щедротами народу, *Кай-Хосру* созвавъ совѣтъ изъ удѣльныхъ князей, вельможъ и военачальниковъ, рассказалъ имъ о бѣдственной участи своего покойнаго отца и о всѣхъ тяжкихъ оскорбленіяхъ нанесенныхъ Ирану царями туранскими. „Не сочтутъ-ли члены совѣта необходимымъ, сказалъ царь въ заключеніе, въ видахъ пользы государственной и чести народной, объявить войну нашимъ врагамъ?“ Совѣтъ отвѣчалъ единодушнымъ согласіемъ и Рустамъ назначенъ главнокомандующимъ, но одрахлѣвшій богатырь, извиняясь старческими недугами, отклонился отъ этой чести и подалъ голосъ въ пользу *Туса*. Въ этомъ знаменитомъ походѣ приняли участіе удѣльные князья въ числѣ 560 человекъ. Снаряжая ихъ на битву, царь предложилъ имъ за соответствующія вознагражденія совершить слѣдующіе шесть подвиговъ:

- 1) Побѣдить и убить *Беласшана*, исхитивъ у него его мечъ и боеваго коня;
- 2) Побѣдить зятя царя *Афрасіаба*, *Ниджава*, и сорвать съ головы его шлемъ;
- 3) Похитить у него прелестную невольницу *Асенну*, обладающую очаровательнымъ голосомъ;

4) Обезглавить Тоджава;

5) Достигнуть до Казе-Руда и воздать должныя почести Сивайушу на его могилѣ, а затѣмъ выжечь обширный дремучій лѣсъ, находящійся въ ея окрестностяхъ;

6) Явиться къ царю Афрасиабу, исчислить всё его злодѣйства и объявить ему, что онъ понесетъ за нихъ достойное наказаніе.

Совершеніе первыхъ трехъ подвиговъ взялъ на себя богатырь *Биджангъ*; отецъ его Гивъ — четвертаго и пятаго; *Керкинъ-Миладъ* — шестаго.

На смотрѣ своихъ войскъ Кал-Хосру явился въ блестящемъ царскомъ одѣяніи на бѣломъ слонѣ; царя сопровождали старцы-богатыри Заль (1) и Рустамъ; войска, съ витязами и богатырями во главѣ, проходили передъ Хосру церемоніальнымъ маршемъ. У каждого князя и витязя былъ свой значекъ съ особымъ изображеніемъ, которыя смѣло можно назвать *гербами*, такъ какъ геральдика началомъ своимъ обязана востоку. Въ гербѣ Ферибурза было *солнце*, Гудерза — *левъ*, Гива — *волкъ*, Ферамерза — *семиглавый драконъ*... Длинное шествіе замыкалъ Тусъ, несшій кожаное знамя Кавеха (см. Гл. XX). Двухсотъ тысячная армія переправилась чрезъ Джихунъ и Тусъ, вопреки царскому приказу, вторгнулся въ область *Черемъ* — удѣлъ *Феруда*, брата Хосру и сына Сивайуша. Ферудъ вызвалъ на поединокъ (на стрѣлахъ) Туса и его зятя: будучи отличнымъ стрѣлкомъ, но плохо владѣя саблею, онъ былъ побѣжденъ и отступилъ къ укрѣпленіямъ Черема, которыя были осаждены. Смертельно раненый на вылазѣ Ферудъ взялъ со своей матери и всѣхъ окружающихъ клятву — не сдаваться живыми... Отчаянная мать собственноручно зажгла городъ и зарѣзалась надъ трупомъ сына; родственники и воины покойнаго побросались съ высокихъ стѣнъ кремля (2) и въ нѣсколько часовъ

(1) Персидскіе лѣтописцы, не довольствуясь безсмертною славою своихъ героевъ, награждаютъ ихъ и физическимъ безсмертіемъ. Ниже мы подробнѣе поговоримъ объ этомъ.

(2) Планы нашихъ древнихъ городовъ скопированы съ плановъ городовъ восточныхъ, у которыхъ акрополисы или кремля были непременной принадлежностью.

городъ Черемъ — недавно богатый, красивый, представлялъ оди́къ окровавленные развалины. Тутъ съ честію похоронилъ Феруда и его мать, и пустившись далѣе всталъ укрѣпленнымъ лагеремъ близъ Казе-Руда въ виду туранской арміи предводимой Беласшаномъ. Здѣсь онъ почтилъ могилу Сіявуша кровавою тризною (¹), зарѣзавъ надъ нею плѣнниковъ; зажегъ обширный *лъсъ кукарскій*, пожаръ котораго продолжался цѣлый мѣсяць... Бидженъ вѣрный своему обѣщанію обезславилъ Беласшана, овладѣлъ его конемъ и мечемъ: видя это туранцы подъ обаяніемъ паники обратились въ бѣгство. Не трудясь ихъ преслѣдовать Бидженъ вторгся въ удѣлъ Теджава, сразился съ нимъ, сорвалъ съ него шлемъ и взялъ въ плѣнъ его сладкогласную невольницу Асенпуи! Упоенный успѣхами Тутъ предался порывамъ необузданной ярости, придавъ честной войнѣ характеръ разбоя и грабежа, чѣмъ вскорѣ уничтожилъ въ рядахъ своихъ войскъ всякую дисциплину. Пользуясь этимъ Пеиранъ, напавъ ночью на лагерь Туса, перерѣзалъ великое множество туранцевъ, а предводителя ихъ принудилъ къ постыдному отступленію. Каи-Хосру, негодуя на Туса за убіеніе брата и за послѣдующія ошибки, смѣнилъ его, назначивъ на его мѣсто Ферибурза, мужа доблестнаго, но къ несчастію не имѣвшаго достаточнаго количества войскъ, чтобы противустать Афрасиабу. Война, превосходно начатая, окончилась отступленіемъ иранцевъ, гибелью многихъ богатырей и торжествомъ враговъ. Собравъ новыя ополченія Каи-Хосру, по совѣту Рустама поручилъ смѣненному Тусу опять принять начальство и продолжать военныя дѣйствія. Онѣ открылись вновь поединкомъ двѣнадцати воиновъ Туса съ двѣнадцатью туранцами и первые взяли верхъ. Пеиранъ желалъ поддержать упадающій духъ туранцевъ прибѣгнувъ къ содѣйствію колдуна *Базура*, который взойдя на гору читалъ заклинанія и совершилъ чародѣйскіе обряды: страшная гроза съ градомъ разразилась надъ станомъ иранцевъ, а Пеиранъ пользуясь смятеніемъ, напалъ на нихъ. Одинъ изъ воиновъ Туса, узнавъ, что врагъ одолевается вслѣдствіе чаръ и волхованій Базура, поднялся къ нему на гору,

(¹) Тризны или помиинки перешли и къ славянамъ а отъ язычества дошли и въ христіанство. Обычай—не обрядъ, повѣрье—не догмать.

убилъ его и отрубивъ ему руку принесъ ее Тусу... Небо выяснѣло, тучи разсѣялись и иранцы имѣли возможность, если не осилить неприятеля, то, по крайнѣй мѣрѣ, отступить въ стройномъ порядкѣ⁽¹⁾. Обѣ стороны не рѣшались начинать сраженіе, поджидая помощи: Пеиранъ—союзныхъ китайскихъ и индійскихъ войскъ, а Тусъ вспомогательныхъ дружинъ подъ предводительствомъ Рустама, склонившагося наконецъ на просьбы царя Хосру.

Вѣсть о прибытіи его въ лагерь воскресила упадавшее мужество иранцевъ и нагнала ужасъ на ихъ враговъ, ужасъ до того сильный, что Пеиранъ попросилъ мира. Рустамъ не упрямился, основывая миръ на двухъ условіяхъ: на казни убійцы Сійавуша и на признаніи царя туранскаго данникомъ Кай-Хосру. Отвѣтъ должны были дать туранцы не позже сутокъ, въ противномъ случаѣ опять война. На совѣтѣ, собранномъ Пеираномъ, большинство не соглашалось принять этихъ унижительныхъ условій, предпочитая имъ смерть въ бою.

Безконечная эта война—*окончилась* наконецъ, по видимому гдѣтъ черезъ пятьдесятъ, казнію вѣчнаго Афрасіаба, брата его безсмертнаго Кершивеза и совершеннымъ порабощеніемъ Турана. Кромѣ поединковъ, обыкновенно начинавшихъ каждое сраженіе, въ исторіи ирано-туранскихъ войнъ встрѣчаются довольно интересные эпизоды, не лишены своего рода драматизма и поэзіи. Къ числу таковыхъ можно отнести женитьбу богатыря Биджена на *Мениджге*, дочери Афрасіаба: злодѣй отецъ мужа засадилъ въ изсякшіи колодезь, а женѣ велѣлъ ежедневно приносить ему пищу, подавая ее сквозь разсѣлину камня, прикрывавшаго колодезь. Несчастной было запрещено, подъ опасеніемъ голодной смерти мужа, не только утѣшать его, но даже подавать ему голосъ; она должна была молча слушать его вопли, мольбы и жалобы—молча, отвѣчая на нихъ безмолвными слезами и вздохами. Рустамъ освободилъ узника и выѣхавъ съ его женою привезъ въ Истахаръ. На одномъ изъ поедин-

(1) Почти точно такой-же рассказъ о волхвахъ, насылавшихъ бурю на осаждающихъ, сохранился и въ нашихъ преданіяхъ объ осадѣ Казани Иваномъ Грознымъ въ 1552 году. У летописцевъ всѣхъ вѣковъ и народовъ обычай таковъ: буря въ пользу нашу—очевидная помощь неба; она-же во вредъ намъ—напущеніе злаго духа.

ковъ безсмертный богатырь, все тотъ же Рустамъ, сразился съ витяземъ туранскимъ *Барзу* и былъ имъ равенъ; потомъ, въ свою очередь ранилъ его и взявъ въ плѣнъ, онъ узналъ по золотому браслету, что это никто другой, какъ родной его внукъ, сынъ Сураба (см. гл. XXII). Этого самаго Барзу Афрасиабъ поручилъ похитить у Рустама одной чародѣйкѣ-пѣвицѣ, которая было и прокралась въ удѣльное княжество богатыря, но была имъ узнана и заточена въ темницу и проч. и проч. Скажемъ въ заключеніе, что персидскія эпопеи — пестротой картинъ, яркими красками и затѣйливостію сюжета напоминаютъ вычурные, причудливые рисунки персидскихъ шалей: отъ послѣднихъ рябитъ въ глазахъ, отъ первыхъ утомляется вниманіе читателя и ухо слушателя!

Кай-Хосру, подъ старость, сталъ пренебрегать дѣлами государственными, облѣнился и неоднократно выражалъ желаніе сложить царскую тиару, бременившую его ослабѣвшую голову. Вельможи, опасаясь кровавыхъ усобицъ, призвали въ Истахаръ удѣльныхъ князей-героевъ: Гудерза, Гива, Зала и Рустама, умоляя ихъ отклонить царя отъ его намѣренія отречься отъ престола. Царь былъ непреклоненъ; отвѣчалъ, что волю свою объявитъ въ скоромъ времени. Дѣйствительно, на третій же день, онъ созвалъ на обширную, загородную поляну вельможъ, жрецовъ, волхвовъ, воиновъ и весь свой народъ. Сидя на тронѣ, во всехъ царскихъ регаліяхъ, Хосру среди благоговѣйнаго безмолвія съ умиленной скромностію припомнилъ о славнѣйшихъ событіяхъ своего царствованія, о трудахъ своихъ, подъятыхъ на пользу народа, о преклонныхъ лѣтахъ своихъ и неизмѣнномъ желаніи окончить дни на покоѣ. Народъ отвѣчалъ ему слезами. До наименованія преемника, царь тутъ же вслухъ прочиталъ свою духовную, въ которой Залу и Рустаму отказывалъ несмѣтные сокровища; Гудерзу и его дѣтямъ обширные удѣлы; Тусу боевыхъ коней своихъ и богатѣйшіе табуны; Ферибурзу свое драгоцѣнное оружіе. Одну треть собственной своей казны царь назначилъ въ раздачу войскамъ, другую вдовамъ, сиротамъ убогимъ и нищимъ, третью на поддержку и укрѣпленіе общественныхъ сооруженій: бань, гостинныхъ дворовъ, водопроводовъ, храмовъ и мостовъ. Душеприказникомъ своимъ царь назна-

чиль Гудерза, наслѣдникомъ же назвалъ *Лораспа* пра-правнука *Кай-Кобада*.

Этотъ выборъ былъ встрѣченъ возраженіями со стороны вельможъ: они заявили, что по закону наслѣдникъ долженъ принадлежать къ царской крови, но *Кай-Хосру*, непоколебимый въ своемъ рѣшеніи, оправдывалъ его во первыхъ, высокими дарованіями и добродѣтелями *Лораспа*, а во вторыхъ бывшимъ ему, царю, внушеніемъ свыше... Коронованіе новаго царя совершилась немедленно: *Хосру* своеручно увѣнчалъ его тѣлоу, народъ палъ ницъ, а вельможи осыпали *Лораспа*, по тогдашнему обычаю, золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями.

На другой же день *Хосру* пожелалъ отправиться изъ *Истахара* въ храмъ *Адербиджанскій*, за-просто, безъ свиты, однако же взялъ и ее, по настоянію *Лораспа* и царедворцевъ. У подножія одной горы, *Хосру* предрекъ необыкновенный ураганъ и предупреждая своихъ спутниковъ, приказалъ имъ возвратиться въ городъ, оставивъ его одного; но спутники не послушались. Приближалась ночь; царь удалился для отдыха въ свой шатеръ, откуда исчезъ невѣдомо куда. На зарѣ разразилась буря съ сильной снѣговой мятелю, во время которой погибли *Гивъ*, *Бидженъ*, *Барзу* и многіе изъ спутниковъ, бывшихъ сподвижниковъ царя *Хосру*... Всѣ розыски о немъ остались тщетны и рѣшили, что вмѣстѣ съ душами погибшихъ спутниковъ царь былъ восхищенъ на небо!...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Лораспъ.—*Перенесеніе столицы*.—*Завоеванія*.—*Ругамъ-Навуходоносоръ*.—*Царевичъ Густшаспъ*.—*Быство въ Румъ*.—*Царевна Катайунъ*.—*Обрядъ выбора жениха*.—*Браки*.—*Подвиги Густшаспа*.—*Бой съ дракономъ*.—*Зериръ*.—*Замѣтка о домовичности богатырей*.—*Зороастръ*.—*Эсфендіаръ*.—*Поединокъ съ Рустамомъ*.—*Волшебная стрѣла*.—*Бахманъ*.

Лораспъ въ началѣ царствованія выказалъ блестящія дарованія и самыя миролюбивыя наклонности. Уклоняясь отъ столкновеній съ *Тураномъ*, царь зорко слѣдилъ за покоренной страной и

новымъ ся государемъ, *Арджаспомъ*, готовившимся въ тайнѣ свергнуть ненавистное иго. Вѣковая вражда древней Персіи съ Тураномъ, частыя кровопролитныя войны между этими двумя сосѣдними царствами—явленія самыя обыкновенныя и во всемирной исторіи; явленія, подтверждающія ту великую истину, что два могучіе, почти единоплеменные народы, не могутъ не враждовать между собою. Примѣры многочисленны и нельзя не указать на *Францію* и *Англію*, *Швецію* и *Данію*, наконецъ на *Россію* и *Польшу* XVI и XVII вѣковъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего воцаренія Лораспъ перенесъ столицу изъ Истахара въ Балкъ, въ Хорассанъ, для удобнѣйшаго наблюденія за дѣйствіями Арджаспа туранскаго. На украшеніе новой столицы Лораспъ потратилъ несмѣтныя суммы; особенно же дорого обошлась постройка великолѣпнаго храма *Ну-бакъ*, къ которому изъ окрестныхъ странъ стекались сотни тысячъ богомольцевъ. За любовь Лораспа къ новой резиденціи народъ далъ ему прозвище *балхи*, т. е. балскаго. Мятежи въ Азербиджанѣ, Сиріи и Малой Азіи вскорѣ побудили царя взяться за оружіе. Умиротвореніе мятежныхъ областей было поручено *Ругаму*, сыну Гудеръза, съ предоставленіемъ ему права обращать въ свою собственность покоренныя земли. Ругамъ покорилъ Халдею (*Иракъ-арабы*), Сирію, Палестину и Египеть, заслуживъ за эти подвиги прозвище *Навуходоносора* (¹) и въ тоже время возбудивъ зависть во всѣхъ удѣльныхъ князьяхъ и вельможахъ. Старшій сынъ царя *Густшаспъ*, попросивъ у отца половину царства, далъ ему обѣщаніе своими подвигами затмить славу Ругама. Лораспъ съ гнѣвомъ отвергъ это предложеніе и Густшаспъ бѣжалъ. Въ погоню за нимъ послано было три отряда въ Малую Азію, въ Туранъ и въ Индію; послѣднему, предводимому *Зериромъ*, братомъ Густшаспа, удалось настигнуть бѣглеца въ Кабулъ и привести обратно въ Балкъ. Строго выговаривъ сыну за его неповиновеніе, Лораспъ однакоже простилъ его, обѣщая забыть прошлое.

(¹) Навуходоносоръ слово халдейское: царь покровительствуемый богомъ, планетою Меркуріемъ—перевѣщено въ персидскихъ лѣтописяхъ на бахт-аль-наеръ, удачливый на побѣды.

Прощеніе это не успокоило царевича: волхвы предсказывали ему новыя опасности въ близкомъ будущемъ, и онъ бѣжалъ вторично, переодѣтый и подъ именемъ *Феррухада* въ землю *Румъ* (часть Малой Азіи и Греціи). Здѣсь онъ часто забавлялся охотою и однажды преслѣдуя звѣря, встрѣтился съ любимцемъ императора греческаго и подружился съ нимъ. Любимецъ не могъ однако же узнать отъ царевича тайну настоящаго его званія и имени. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ дочь императора *Катайунъ* достигла возраста, въ которомъ по закону могла избрать себѣ мужа. Согласно обычаю, императоръ призвалъ къ своему двору знатнѣйшихъ молодыхъ людей, изъ среды которыхъ царевна могла бы выбрать счастливца. Наканунѣ дня выбора, Катайунъ видѣла во снѣ прелестнаго юношу, предложившаго ей букетъ цвѣтовъ, и черты лица призрака глубоко врѣзались въ ея память. На другой день, обойдя шеренгу выстроившихся жениховъ, Катайунъ ни на одномъ не остановила нѣжнаго взгляда. Императоръ велѣлъ удесатерить число искателей руки царевны, дозволивъ явиться во дворецъ юношамъ всѣхъ сословій. На этотъ разъ, между зрителями явился Густаспъ и увидя его, царевна въ волненіи, *подавъ ему апельсинъ* въ знакъ избранія, убѣждала изъ чертога царскаго. Выборъ царевны огорчилъ императора, но дочь его оправдывалась чудеснымъ своимъ сновидѣніемъ; сторону же счастливца принялъ и другъ его, любимецъ императорскій. Жрецы и вельможи, у которыхъ отецъ просилъ совѣта, отвѣчали, что государю не слѣдуетъ нарушать ни обычаевъ старины, ни своего слова. Пришлось императору, скрѣпя сердце, дать согласіе на свадьбу дочери: свадьбу сыграли за-просто, а императоръ давъ за Катайунъ значительное приданое, приказалъ ей вмѣстѣ съ зятемъ удалиться въ загородный дворецъ и не показываться ему болѣе на глаза. Кромѣ Катайунъ, у императора было еще двѣ дочери, но въ огражденіе ихъ отъ подобнаго же скандала, онъ именнымъ указомъ уничтожилъ старинный обычай объявивъ, что впредь императоръ будетъ самъ избирать жениховъ своимъ дочерямъ. Онъ прочилъ имъ *Мирина* и *Акрена*, потомковъ Салма, сына Афридуна царя, но не отказывая и прочимъ, разрѣшилъ женихамъ состязаться между собою и заслужить честь попасть къ нему въ

зятя совершеніемъ какого нибудь важнаго подвига. Мирину было поручено убить дикаго звѣря, производившаго въ сосѣднемъ лѣсу страшныя опустошенія. Совладать со звѣремъ было ему не подъ силу и женихъ просилъ совѣта у императорскаго любимца. Тотъ сказавъ слово Густшаспу и иранскій царевичъ съ удовольствіемъ исполнилъ желаніе своего благодѣтеля: онъ убилъ звѣря и вырвавъ у него два огромные зуба (вѣроятно, клыка) сохранилъ ихъ на память объ удачѣ. Уговорились сохранить все дѣло въ тайнѣ, предоставивъ Мирину приписывать себѣ всю славу подвига, совершеннаго чужими руками. Свадьбу мнимаго побѣдителя отпраздновали съ истинно царскою пышностью и Миринъ, желая отблагодарить Густшаспа, подарилъ ему саблю предка своего Салма. Черезъ два года Ахренъ, братъ Мирина, посватался за третью дочь императора и получилъ согласіе, съ условіемъ убить *ужаснаго дракона*, созданнаго Ариманомъ и нагонявшаго страхъ на всю окрестность. И на этотъ разъ Густшаспъ выручилъ жениха, убивъ дракона и взявъ на память зубъ чудовища. Свадьба Ахрена была сыграна великолѣпнѣе свадьбы его брата. На игрищахъ Густшаспъ выигралъ всѣ призы и на вопросъ императора объ имени, назвался Феррухзадомъ. Тогда тестъ обласкавъ его, снялъ опалу съ него и Катайунъ, пригласилъ ихъ переселиться во дворецъ и жить съ нимъ. Феррухзадъ по секрету открылъ императору, какъ оба другіе его зятя совершили свои подвиги, и за это императоръ назначилъ его предсѣдателемъ своего совѣта и начальникомъ всѣхъ войскъ. Царевичъ вскорѣ оправдалъ этотъ выборъ, отразивъ *хазаровъ*, вторгнувшихся въ области Рума (1).

Слухи о подвигахъ мнимаго Феррухзада достигли до Лораспа и крайне его встревожили, заставляя видѣть въ этомъ героѣ новаго своего врага, а съ него достаточно было уже и Арджаспа туранскаго, отложившагося отъ ига Ирана. Императоръ румскій, по совѣту Феррухзада, также отказался платить обычную свою дань царю иранскому. Послѣдній сталъ готовиться къ войнѣ и въ то же время узнавъ отъ посланниковъ императорскихъ, что Феррух-

(1) Анахронизмъ: Хозары являются на поприщѣ исторіи во II вѣкѣ по Р. Х.

задѣ чертами лица напоминаетъ Зерира, сына его, не могъ не предаться смутнымъ предчувствіямъ, говорившимъ ему, что румскій герой—сынъ его Густшаспъ. Волхвы присовѣтовали ему войны не начинать, и онъ рѣшился на миръ, хотя и не выгодный, но болѣе согласный съ его родительскими чувствами. Вести переговоровъ было поручено Зериру; ему же Лораспъ приказалъ собственными глазами удостовѣриться, дѣйствительно ли Феррухзадъ и Гастшаспъ—одно и тоже лице. Узнавъ брата, Зериръ отъ имени отца провозгласилъ Густшаспа наслѣдникомъ иранскаго престола. Вѣчный миръ былъ заключенъ между имперією и Ираномъ, связанными въ лицахъ наслѣдника и жены его узами кровнаго родства. Лораспъ въ Балкѣ радостно встрѣтилъ невѣстку и сына; и тотчасъ же увѣнчалъ его своею тиарою. Въ самый день своего отреченія, старій царь удалился въ сосѣдній храмъ огня; здѣсь, въ одѣянніи простаго жреца, онъ провелъ тридцать лѣтъ и былъ убитъ туранцами при взятіи и разореніи Балка. Лораспъ царствовалъ сто двадцать лѣтъ, жилъ по видимому вдвое!...

Колоссальныя цифры, которыми персидскія лѣтописи опредѣляютъ возрастъ первыхъ царей, далеко не такъ баснословны, какъ кажутся, и изъ подъ баснословія пробивается истина. Читатель не долженъ упускать изъ виду, что въ предлагаемой легендарной исторіи Персіи рѣчь идетъ о первыхъ вѣкахъ бытія, о людяхъ первосозданныхъ, измѣрившихъ возрастъ свой не годами, но столѣтіями. Переберите космогоніи всѣхъ народовъ древности и всѣ онѣ, *единогласно* повѣствуя (каждая по своему) о мірозданіи и первыхъ людяхъ, даютъ имъ по нѣсколько вѣковъ жизни. Не распространяемся объ этомъ вопросѣ, но не можемъ не выразить твердаго убѣжденія, что первобытные люди были, конечно, долговѣчнѣе людей нашего времени. Медико-статистическія данныя доказываютъ намъ, что возрастъ людской уменьшается прогрессивно и самая порода человѣческая хилѣетъ и ослабѣваетъ вмѣстѣ съ измѣненіями климатическими. Въ наше время столѣтніе старики — рѣдкость, тогда какъ два вѣка тому назадъ вовсе не были явленіями феноменальными. Наши русскіе лѣтописцы, люди далеко не знакомые съ физиологіей, занесли однако же на столбцы своихъ хартій замѣтку о томъ, что примѣтное умаленіе возраста человѣка и ослаб-

леніе его организма стали особенно примѣтны послѣ опустошенія земнаго шара ужаснѣйшею изъ всѣхъ моровыхъ язвъ — *черною смертью* во второй половинѣ четырнадцатаго столѣтія (1) и первой — пятнадцатаго. При постепенномъ обогащеніи каталога уже существующихъ болѣзней — новыми, при эпидеміяхъ, появляющихся чуть не каждое десятилѣтіе, при ухудшеніи климата во многихъ мѣстностяхъ; наконецъ при тѣхъ неблагоприятныхъ гигиеническихъ условіяхъ, въ которыхъ поставленъ бытъ современныхъ государствъ земнаго шара, есть основаніе предполагать, что лѣтъ тысячи черезъ двѣ — сорокъ лѣтъ, а можетъ быть и того менѣе, будутъ крайнимъ предѣломъ жизни человѣческой, крайней дряхлостью!... Прибавляйте года прогрессивно, восходя къ первымъ временамъ бытія, и вы получите въ результатѣ среднее число, никакъ не менѣе трехсотъ лѣтъ. Вообще говоря, наука о долговѣчности — *макробиотика*, не шарлатанская фантазія знаменитаго Гуфеланда, а та наука, которая къ изученію человѣка относится какъ *геология* къ изученію исторіи мірозданія — еще мало разработана и ждетъ заслуженнаго вниманія ученыхъ людей. Изысканія по этому предмету привели бы, безъ сомнѣнія, къ великимъ открытіямъ, важнымъ не только въ научномъ, но и въ *религиозномъ* отношеніи.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и героемъ царствованія Густшаспа былъ *Зороастръ*, о чемъ уже извѣстно читателю изъ главъ предыдущихъ. Преданія народныя, въ дополненіе біографіи законодателя, повѣствуютъ, что Зенд-Авеста была по приказанію царя переписана на буйловыхъ кожахъ и положена въ небесную бесѣдку (*Мину*), построенную на вершинѣ кипариса; что въ религиозныхъ войскахъ съ Арджаспомъ туранскимъ, особенно дѣятельное участіе принималъ сынъ Густшаспа, царевичъ Эсфендіаръ, подвигамъ котораго царь малодушно завидовалъ. Эсфендіаръ убилъ Арджаспа и принудилъ послѣдовать закону Зороастра не только туранцевъ, но и *индійцевъ*, ихъ союзниковъ. По окончаніи вой-

---

(1) См. «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина (изд. 1834) Т. V стр. 238: «Лѣтописецъ говоритъ, что съ того времени (1425 г.), какъ нѣкогда съ Ноева потопа, вѣкъ человѣческой сократился въ Россіи, и предки наши сдѣлались тщедушнѣе, слабѣе...»

ны онъ возвратился въ Персію, гдѣ Густшаспъ сдѣлалъ ему великолѣпный—хотя и не искренно—любезный пріемъ. Царь жаловался сыну на Рустама, противившагося новому вѣроисповѣданію и выказывавшаго явное пренебреженіе къ царскому дому. По мнѣнію Густшаспа могущество этого неповорнаго удѣльнаго князя слѣдовало непременно ослабить, иначе оно могло бы угрожать власти царской. Тщетно Эсфендіаръ напоминалъ отцу минувшія заслуги богатыря; тщетно ссылался на всеобщее къ нему уваженіе... Пришлось повиноваться Густшаспу, и царевичъ, скрѣпя сердце, повелъ войска его въ Забулистанъ, удѣльное княжество Рустама. Послѣ предварительныхъ переговоровъ, имѣвшихъ цѣлю отклоненіе кровопролитія, но оставшихся безуспѣшными — Рустамъ и Эсфендіаръ вступили въ единоборство. Послѣ долгой, упорной борьбы соперники поранивъ другъ друга разстались, давъ слово другъ другу сойтись опять черезъ три дня. Залъ, отецъ Рустама, увидя сына израненнымъ, прибѣгнувъ къ помощи симурга птицы. Призванная Заломъ она немедленно прилетѣла, излекла изъ груди Рустама восемь стрѣлъ въ нее вонзившихся, прикрыла его своими громадными крыльями и богатырь мгновенно исцѣлился. Послѣ того птица вручила ему волшебную стрѣлу, выточенную изъ дерева посаженнаго въ день рожденія Эсфендіара, дерева—тайственно и тѣсно связаннаго съ жизнію царевича... Симургъ-птица приказала Рустаму этой самой стрѣлой пустить въ правый глазъ Эсфендіара, который неминуемо погибнетъ отъ этой раны вслѣдствіе вліянія небснаго...

На третій день бойцы сошлись, согласно обѣщанію. Рустамъ, на этотъ разъ увѣренный въ побѣдѣ, долго уговаривалъ Эсфендіара, не вступая въ бой, примириться; царевичъ упорствовалъ... Рокковая стрѣла свиснула, впиалась въ правый глазъ Эсфендіара упавшаго навзничъ съ коня; Рустамъ съ воплями состраданія бросился къ умирающему, который осыпалъ проклятыями.. не его, но отца своего Густшаспа—главнаго виновника кровавой распри. „Дружбѣ твоей поручаю сына моего *Бахмана*“, сказалъ умирающій царевичъ Рустаму:—защити ему отца, дай воспитаніе, приличествующее будущему царю, такъ какъ, по увѣренію волхвовъ и звѣздочетовъ, Бахману суждено быть на престолѣ иранскомъ!..“

замороженное тѣло Эсфендіара было по приказанію Рустама отправлено къ Густшаспу въ Истахаръ. Поздно раскаяваясь въ своей настойчивости, царь, свято исполняя волю покойнаго, оставилъ сына его на попеченіи благороднаго Рустама, а по прошествіи шести лѣтъ, призвавъ Бахмана въ Истахаръ, передалъ ему свой престоль и тиару, а самъ, по примѣру Лораспа удалился въ уединенный дворець близъ Шираза, гдѣ и скончался.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Убіеніе Рустама. — Царица Хумаи. — Пророчество и приговоръ астрологовъ. — Рожденіе Дараба. — Его спасеніе. — Фаулакусъ, царь румскій. — Женитьба Дараба на его дочери. — Городъ Дарабердъ. — Рожденіе Искандера. — Символическіе дары. — Курица, кунжутныя зерна и дыня. — Походы Искандера. — Убіеніе Дараба II. — Завоеванія. — Пророчество и смерть Искандера. — Приближеніе кончины. — Анекдоты о царев.

Бахманъ, царствовавшій сто двѣнадцать лѣтъ, извѣстенъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Ардшира-Дираздеста* (Артаксеркса-длиннорукаго), можетъ быть вслѣдствіе этой особенности организма, или того вѣрнѣе, — вслѣдствіе умѣнья прибирать къ рукамъ удѣльныя княжества. Царь этотъ былъ мудрѣйшій изъ всѣхъ царей Ирана. Начало царствованія его было печально ознаменовано предательскимъ убіеніемъ Рустама однимъ изъ его братьевъ *Шагадомъ*. Заманивъ брата въ одну изъ областей царя кабульскаго, Шагадъ навелъ его на глубокую волчью яму, утыканную на днѣ острыми кольями. Завидуя богатырю, но не смѣя вступить съ нимъ въ открытое единоборство, братоубійца прибѣгнувъ къ этому гнусному средству и возмутительному предательству... Не смотря на раны, богатырь выскочилъ изъ западни и угадавъ по

лицу брата, что это его козни — застрѣлили его стрѣлою въ сердце: въ ту же минуту, убійцы, скрывавшіеся по близости, набросились на Рустама и безжалостно доконали его и изрубили всю его свиту. Оправдываясь благой цѣлю отищенія за смерть своего воспитателя (въ сущности же желая обладать его удѣломъ) царь Бахманъ съ многочисленными войсками занялъ Забулистанъ. Сынъ и наслѣдникъ Рустама *Ферамурз* погибъ въ сраженіи, которое далъ царю иранскому, присоединившему къ своимъ владѣніямъ удѣлъ великаго богатыря. Этой же участи подверглись многія княжества, и въ этомъ случаѣ царь Бахманъ напоминаетъ нашего великаго *собирателя* земли русской — *Ивана III*. Въ лѣтописяхъ персидскихъ сохраняются сказанія и о томъ, что Бахманъ, отнявъ Вавилонъ у сына Навуходоносора, ввѣрилъ управленіе этимъ царствомъ, а равно и Іудею — *Корешу*, при которомъ участь народа Божія значительно измѣнилась къ лучшему... Любимая жена Бахмана была іудейка (Эсфирь); дѣтей же у него было только двое: сынъ *Сассанз* и дочь *Хумаи*. Въ послѣдніе годы царствованія, царь женился на ней и назначилъ ее своею преемницей; Сассанъ бѣжалъ въ Индію. Вскорѣ Бахманъ умеръ и на престолъ иранскій взошла Хумаи, беременная на шестомъ мѣсяцѣ отъ покойнаго мужа, отца то-жъ. Рожденный ею младенецъ былъ красоты необычайной, но составлявшіе его гороскопъ звѣздычеты объявили, что онъ будетъ несчастливъ и на родину свою навлечетъ великіе бѣдствія для предотвращенія которыхъ совѣтовали Хумаи умертвить сына. Не имѣя силъ произнести приговора надъ роднымъ дѣтищемъ, но въ то же время желая принести пользу царству, царица положивъ младенца въ ящикъ съ драгоценными камнями, пустила его внизъ по рѣкѣ Ефрату. Драгоценный грузъ, полывшій по рѣкѣ, былъ перехваченъ бѣднымъ мельникомъ, который, плѣнясь красотой младенца и приложенными къ нему сокровищами, оставилъ его у себя на воспитаніи и воспиталь, надобно отдать ему справедливость, какъ нельзя лучше — въ надеждѣ, что когда нибудь отыщутся родные подкидыша, люди, вѣроятно знатные. Мельникъ назвалъ пріемыша *Дарабомз*, т. е. сохраненнымъ водою. Имя это, имѣющее одинаковое значеніе съ именемъ *Моисея*, еще болѣе самаго разказа подтверждаетъ, что

*

исторія спасенія Дараба — въ переименованномъ видѣ заимствована персидскими лѣтописцами изъ книгъ Ветхаго Заветъа. Здѣсь разгадка вопроса: почему многія историческія событія такъ родственно схожи между собою? Именно потому, что лѣтописцы разныхъ странъ заимствовали другъ у друга болѣе или менѣе драматическіе эпизоды, приплетая ихъ къ своимъ героямъ (см. гл. I, стр. 9), не заботясь о неизбѣжныхъ при этомъ анахронизмахъ, лишь было бы *чудесное*, эта необходимая приправа всякаго древняго сказанія.

Возрастая, Дарабъ выказывалъ особенныя склонности къ дѣлу ратному, а вмѣстѣ съ ними большое мужество и великодушіе. Военачальникъ, въ ряды котораго Дарабъ вступилъ, отзывался о немъ царица въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ, что она пожелала увидѣть юнаго героя... Произошло свиданіе, сопровождаемое (какъ и слѣдовало ожидать) безотчетной симпатіей, распросами, признаніями и окончившееся мелодраматической сценой, съ возгласами: „сынъ мой!“ съ одной стороны и — „матушка!“ съ другой. Царица, давно уже утомленная властью, уступила престолъ Дарабу, прославившемуся успѣшными войнами съ *Фаилакусомъ*, царемъ румскимъ, т. е. Филиппомъ македонскимъ (1). Послѣ многихъ побѣдъ надъ румами, Дарабъ принудилъ Фаилакуса къ миру, съ уплатою Персіи ежегодно дани въ тысячу *золотыхъ мизъ* (2) и выдачею за Дараба дочери царя румскаго. Съ послѣднею царь персидскій прожилъ однѣ только сутки и отослалъ ее обратно къ отцу, не смотря на ея беременность (3), за то, что у нея было пахучее дыханіе. Кончину Дараба искренно оплакивали всѣ его подданные; кромѣ памяти о себѣ, какъ о царѣ мудромъ и справедливомъ, Дарабъ оставилъ прочнымъ монументомъ своего цар-

(1) Не желая сознаться, что Персія была покорена сыномъ Филиппа, лѣтописцы выдумали небывалую родственную связь между царями македонскими и Дарабомъ, т. е. Даріемъ.

(2) Въ глубочайшей древности у персовъ, подобно египтянамъ, монетными единицами были приняты произведенія природы — животныя или растительныя.

створенія *Дарабгердз* — городъ имъ основанный и чудесно украшенный (нынѣ жалкая деревушка въ Фарсиستانѣ, замѣчательная единственно цѣлебнымъ нефтянымъ источникомъ, которому персіане приписываютъ чудесную силу).

Насколько Дарабъ I былъ прекрасенъ наружностью и добродѣтеленъ, на столько же сынъ его и наслѣдникъ — Дарабъ II былъ безобразенъ и пороченъ; вскорѣ возненавидѣли его подданные за жестокость и гнусное скряжничество. Въ первые же дни воцаренія Дарабъ II отправилъ пословъ къ Фаилакусу съ напоминаніемъ объ исправномъ платежѣ дани; но его уже не было въ живыхъ, а престолъ занималъ *Искандерз* (Александръ) внукъ его, сынъ Дараба I и царевны румской, той самой, которую покойный царь прогналъ отъ себя. Искандеръ отвѣчалъ посланникамъ брата, что птица, носившая золотыя яйца — улетѣла на тотъ свѣтъ. Дарабъ оскорбленный этимъ отвѣтомъ отправилъ новыхъ пословъ для передачи Искандеру: лопаточки для игры *въ лапту*, мячика и мѣшка, наполненнаго кунжутными зернами. Первые два подарка намекали царю румскому, что онъ ребенокъ, которому только играть да забавляться, а третій — символически говорилъ ему, что легче пересчитать кунжутныя зерна, нежели полчища персидскія.. Искандеръ отвѣчалъ посламъ: „лопаточку и мячикъ я оставляю у себя, какъ знаки моего могущества: я отброшу державу вашего царя, какъ мячикъ лопаткою при игрѣ въ лапту.. Что же касается до вашихъ несмѣтныхъ полчищъ, то съ ними *вотъ что* будетъ!..“ И Искандеръ велѣлъ пустить курицу на рассыпанныя по землѣ кунжутныя зерна, которая всѣ ихъ исклевала (!). — „Отъ меня-же, продолжалъ царь румскій — снесите Дарабу въ подарокъ эту горькую дыню (онъ передалъ ее посламъ) и скажите, что его судьба будетъ не слаще!“

(!) Этотъ анекдотъ впоследствии лѣтописцы другихъ странъ рассказывали и о своихъ герояхъ. Замѣчательно, въ особенности, что сказаніе о курицѣ, полклевашей зерна, — ходило и у насъ въ простомъ народѣ и между солдатами во время Крымской войны 1853—56 годовъ. Увѣряли, что такъ-же отвѣчалъ турецкимъ посланникамъ покойный князь А. С. Меншиковъ.

Нашествіе румовъ, предводимыхъ Искандеромъ—не замедлило. Персы негодуя на Дараба и признавая въ Искандерѣ настоящаго и законнаго наслѣдника престола почти не сопротивлялись славному герою и завоевателю ('). Дарабъ бѣжалъ отъ него изъ страны въ страну, постоянно настигаемый и побѣждаемый. Послѣ пятой и послѣдней битвы, онъ былъ убитъ двумя своими приближенными, которые извѣстили о томъ Искандера въ надеждѣ заслужить щедрую награду... но, обочлись въ расчетѣ. Искандеръ засталъ Дараба еще въ живыхъ и царь персидскій, умоляя его отомстить за себя, предложилъ ему въ жены дочь свою, *Русинаксъ*. Побѣдитель исполнилъ завѣщаніе умирающаго: убійцы его были повѣшены, дочь его стала женою Искандера, приказавшаго похоронить Дараба со всѣми подобающими царю почестями.

Покоривъ Персію Искандеръ пошелъ въ Индію гдѣ и занялъ области царя *Кеида*, предлагая ему покориться державѣ своей безъ боя; Кеидъ отвѣчалъ, что готовъ отдать Искандеру не только царство, но и самую жизнь свою, если это ему угодно. Въстѣ съ тѣмъ онъ послалъ побѣдителю безцѣнные дары: свою красавицу дочь, рубиновый кубокъ постоянно полный, мудреца и врача способнаго воскрешать мертвыхъ. За эти дары, а главное—за покорность, Искандеръ пошадилъ Кеида. Завоевавъ царство другаго индійскаго царя *Пура*, Искандеръ вступилъ въ Китай. Императоръ, желая поближе взглянуть на завоевателя, передѣтый проникнулъ въ его лагерь, гдѣ вскорѣ былъ узнанъ и приведенъ предъ лицо Искандера.

— Что заставило тебя отважиться на это странное путешествіе? спросилъ онъ своего плѣнника.

— Желаніе видѣть тебя и твое войско, отвѣчалъ императоръ. Я не боялся за себя, зная очень хорошо, что самъ ни мало не страшень Искандеру.. Впрочемъ еслибы ты даже умертвилъ меня,

---

(') Такова сказка объ Александрѣ. Не осмѣливаясь отрицать факта, лѣтописцы, ради гордости народной его исказили. Ревностные послѣдователи закона Зороастра рассказываютъ, что всемірный завоеватель приговоренъ въ аду къ вѣчному огню за то, что приказалъ сечь священную Авесту.

мои подданные тотчасъ-же посадили бы на престолъ другаго. Единственнымъ желаніемъ моимъ было снискать благорасположеніе и дружбу великаго завоевателя.

Искандеръ обласкалъ императора, а послѣдній, давъ обѣщаніе платить дань, возвратился въ свою столицу; но черезъ три дня явился въ виду лагера Искандера съ огромными войсками. Подозрѣвая измѣну, царь румскій велѣлъ своимъ войскамъ выстроиться въ боевой порядокъ и послалъ къ императору узнать о его намѣреніяхъ. „Я привелъ мою армію тебѣ на показъ—отвѣчалъ тотъ, чтобы доказать не невозможность сражаться съ тобою, но увѣрить тебя въ искренности моихъ миролюбивыхъ предложеній. Звѣзды сказали мнѣ, что ты подъ особеннымъ покровительствомъ неба!“ Искандеръ, которому отвѣтъ императора весьма понравился, простилъ ему дань, предпочитая ей дружбу и пріязнь.

Звѣздословы, съ которыми великій Искандеръ совѣщался на счетъ своей грядущей участи, предсказали ему, что передъ смертью онъ будетъ возсѣдать на желѣзномъ тронѣ подъ золотымъ балдахиномъ. Однажды близъ Вавилона съ Искандеромъ приключилось сильное кровотеченіе изъ носу: одинъ изъ его свиты, снявъ свою желѣзную кольчугу подослалъ ее для сидѣнья царя (какъ средство для остановки крови), голову же его отъ солнечнаго жара прикрылъ золотымъ щитомъ.. Искандеръ, замѣтивъ это воскликнулъ: „пророчество звѣздослововъ сбылось! Я болѣе не жилецъ на этомъ свѣтѣ: весенній цвѣтъ опадеть, какъ зрѣлый плодъ осени!“.. И не теряя времени онъ написалъ своей матери о приближающейся кончинѣ, умоляя ее раздать на память о немъ щедрые подарки людямъ *никогда не въдавшимъ ни горя, ни утратъ*. Само собою, что не смотря на тщательные розыска, царица не могла отыскать въ мірѣ ни единого человѣка—если не въ настоящемъ, то хотя въ минувшемъ, не испытавшаго горя: эта мысль утѣшила мать въ ея невозвратной потерѣ, чего именно и желалъ мудрый Искандеръ, выразивъ странное, повидимому, желаніе въ своемъ завѣщаніи. Онъ скончался тридцати шести лѣтъ, послѣ двѣнадцати царствованія. Набальзамированное тѣло его было отправлено въ Румъ для погребенія. Изъ множества анекдотовъ рассказываемыхъ объ Искан-

дерѣ восточными лѣтописцами, характеризующихъ героя, мы для образца приведемъ три нижеслѣдующіе.

Однажды, Искандеръ отпустилъ на свободу взятаго въ плѣнъ непріятельскаго военачальника. Свидѣтель этого великодушнаго поступка, одинъ изъ вельможъ, сказалъ побѣдителю: „Будь я на вашемъ мѣстѣ, государь, я бы этого не сдѣлалъ!“ — „Потому-то именно я и пощадилъ плѣнника, что я — не ты, отвѣчалъ Искандеръ. Прощаю врагамъ, находя удовольствіе въ благодѣяніяхъ и не вижу никакого въ злодѣйствахъ.“

Въ другой разъ онъ разжаловалъ воеводу, давъ ему должность ниже той, которую тотъ занималъ прежде. Вскорѣ встрѣтивъ опаснаго воеводу, царь спросилъ, каково ему на новомъ мѣстѣ? — „Не мѣсто придаетъ значеніе человѣку, отвѣчалъ воевода, но человѣкъ мѣсту (по нашему: не мѣсто красить человѣка)...“ Довольный этимъ отвѣтомъ Искандеръ простилъ разжалованнаго, давъ ему прежнюю должность.

— „За что ты уважаешь учителя своего Аристотеля болѣе нежели отца? спросилъ кто-то у Искандера.“

— „За то, что отецъ съ неба низвелъ меня на землю, учитель же наставленіями своими вознесъ меня съ земли на небо!“ — Другими словами: отецъ Искандера былъ только посредникомъ воплощенія его души, давъ ей тѣло; Аристотель же, образовывая умъ и сердце Искандера, облагородилъ и возвысилъ его душу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Символь Миѳры и его объясненіе. — Семь дверей. — Тайная община Миѳры и ея степени. — Одежда жрецовъ. — Орудія и музыкальные инструменты. — Приношенія. — Влаги употребляемая при очищеніи. — Четыре вида омовеній. — Переходъ. — Родины. — Обязанности дѣтей и родителей. — Обрядъ посвященія въ законъ. — Нузудъ.

Преобразовывая религію персовъ, Зороастръ не только не нарушилъ основныхъ ея элементовъ, но еще развилъ и осмыслилъ нѣ-

которые изъ нихъ. Къ числу таковыхъ принадлежить догматъ о Миерѣ — солнцѣ, обожаніе котораго было неразрывно связано съ обоготвореніемъ производительныхъ силъ природы, олицетворенныхъ въ видѣ быка. Этотъ символъ, который мы встрѣтимъ въ египетскомъ *Аписѣ*, требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія и довольно пространнаго истолковенія. По мифологіи, *Кайомортсз* (сынъ персти) былъ созданъ изъ ноги *быка* умерщвленнаго дивами: здѣсь быкъ символъ *земли*. Началомъ ея растительной дѣятельности въ глубочайшей древности, за 4500 л. до Р. Х., была эпоха вступленія солнца въ знакъ *тельца* или быка, т. е. апрѣль мѣсяць (въ тѣ времена соотвѣтствовавшій нынѣшнему марту, такъ же точно какъ осеннее равноденствіе, которое нынѣ бываетъ въ сентябрѣ, тогда совпадало съ октябремъ мѣсяцемъ — эпохою вступленія солнца въ знакъ скорпіона) (1). Благодаря этому ключу, теперь намъ можетъ быть понятно символическое изображеніе Миеры, украшавшее, по преданію, стѣны таинственной пещеры, посвященной Зороастромъ этому божеству. На рисункѣ, приложенномъ къ Гл. XIV (стр. 131), представленъ молодой человекъ, увѣнчанный *митрою*, который, придерживая за рогъ скопытившагося быка, вонзаетъ въ него ножъ; собака лижетъ бьющуюся кровь, а у подножія быка лежитъ оцѣпенѣлая змѣя. На другихъ изображеніяхъ Миеры къ этимъ фигурамъ присоединяютъ еще скорпіона, впивающагося клешнями въ нижнія части живота падающаго быка. По сторонамъ его на нашемъ рисункѣ двое юношей: одинъ съ факеломъ горящимъ, другой съ опрокинутымъ... Весь іероглифъ можетъ быть истолкованъ такимъ образомъ: солнце вступаетъ въ знакъ быка, который уступаетъ его непреодолимой силѣ и извергаетъ кровь изъ нанесенной ему раны, т. е. землю въ эпоху весенняго равноденствія орошаютъ дожди, способствующіе плодородію; земля поглощаетъ эти дожди съ такой же жадностью, съ какою собака лижетъ льющуюся кровь... Окоченѣлая змѣя изображаетъ зиму, лишенную власти и силы; юноши съ факелами олицетворяютъ восходъ и закатъ солнца, или еще того вѣрнѣе прибыль и убыль дней, слѣдующихъ за весеннимъ и осен-

(1) Dupuis, Religion universelle. P. 1794 in 4° Tome III, pp. 43—44.

нимъ равноденствіями. Скорпионъ уязвлющій нижнія части быка— символъ октября мѣсяца, т. е. начала осени.. Кромѣ всего выше-сказаннаго, убіеніе быка Миерою и его воскресеніе есть ничто иное, какъ символическое изображеніе окончанія одного года и начала другого, такъ какъ у древнихъ персовъ годъ начинался съ весенняго равноденствія. Полугодичное увеличеніе дней и полугодичное ихъ уменьшеніе сектаторы Зороастра называли чередующимися вла-дѣчествами надъ землею Ормузда и Аримана. Дѣйствительно, шесть мѣсяцевъ весны и лѣта можно также точно назвать царствованіемъ жизни, свѣта, тепла и веселья,—какъ осенніе и зимніе мѣсяцы— царствованіемъ смерти, мрака, стужи и скуки. Но подобно тому какъ зимою въ обнаженномъ и, по видимому, мертвомъ деревѣ таятся жизненные соки, которые весною брызнуть на свѣтъ въ видѣ листовныхъ и цвѣточныхъ распуколокъ, такъ и въ самой смерти таятся зародышъ воскресенія. Эта мысль, утѣшительная для чело-вѣка, вытекая сама собою изъ наблюденій надъ годичнымъ круго-воротомъ земли, вела послѣдователей ученія Зороастра къ вѣрова-нію въ воскресеніе мертвыхъ и жизнь будущую, безконечную или царство Ормузда. Что же касается до Миеры, этого великаго, все-сильнаго божества, олицетворяемаго солнцемъ, древніе персы при-числяли его какъ къ мужскому, такъ и къ женскому полу, даже можетъ быть признавали и двухполнымъ. Символика ихъ однако же въ этомъ случаѣ была скромнѣе символикъ прочихъ наро-довъ древности; Миера или Миерась, онъ или она, никогда не изо-бражались въ видѣ индійскаго *лингама*, греческаго *пріана*, рим-скаго *фаллуса* или халдейскаго *бездъ фегора* (1).

Въ пещерѣ Миеры кромѣ вышеописанныхъ символовъ находи-лись еще *семь* металлическихъ дверей, ведущихъ къ алтарямъ по-священнымъ—каждый, особой планетѣ. Первая дверь была свинцо-вая, вторая оловянная, третья мѣдная, четвертая желѣзная, пятая бронзовая, шестая серебряная, седьмая золотая. Свинцовая дверь

(1) См. Томъ I Индія, Гл. I, стр. 5. Не смотря на то, что персы избѣгали подобныхъ безстыдныхъ символовъ, слово миера или митра, заимствованное у нихъ греками, имѣетъ весьма неблагопрістойное зна-ченіе.

вела къ алтарю Сатурна—тяжелой и медленно движущейся планетѣ; оловянная къ алтарю Венеры; мѣдная Юпитера; желѣзная Меркурія; бронзовая Марса; серебряная луны; золотая солнца. Кромѣ металловъ каждой планетѣ были посвящены особые минералы. Отсюда вытекало вѣрованіе въ таинственную связь свѣтилъ небесныхъ съ ископаемыми произведеніями земли — вѣрованіе, выражавшееся ношеніемъ перстней, браслетовъ и шейныхъ амулетовъ, до которыхъ персіане и донинѣ великіе охотники, будучи вѣрны древнему языческому суевѣрію. Вышеупомянутые семь алтарей таинственно изображали и семь областей небесныхъ, чрезъ которыя должна пройти душа усопшаго, прежде нежели она достигнетъ области Ормузда, или жилища вѣчнаго свѣта. Сообразно числу алтарей капища Миеры при немъ находились жрецы и посвященные, раздѣленные на *семь* степеней и образовывавшіе особую корпорацію или общину, которую можно назвать первообразомъ *тайныхъ религіозныхъ* обществъ Европы. Для поступленія въ число посвященныхъ въ таинства Миеры, желающіе обязаны были подвергаться испытаніямъ, состоявшимъ до восьмидесяти и постепенно тяжкимъ и мучительнымъ: пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ дней на вершинѣ уединенной скалы, погруженіе въ ледяную воду на болѣе или менѣе продолжительное время, прохожденіе сквозь огонь и т. п. были первыми степенями испытаній. Выраженіе: „пройти огонь и воду“, служащее для означенія опытности и обтерпѣлости, ведетъ свое начало, вѣроятно, со времени испытаній сектаторовъ Миеры. Удостоившіеся посвященія въ таинства получали названіе *воиновъ*. Ихъ увѣчивали листовыми вѣнками, причемъ воины обязаны были произносить формулу: вѣнецъ мой—Миера! Члены общества второй степени назывались *львами*, а женщины удостоенныя допущенія въ ихъ число *вѣзнами*. Члены третьей степени назывались *воронами*; четвертой—*персами*; пятой—*питателями*; шестой *свѣтоносными* или *свѣтодарными*; седьмой—*орлами* или *коршунами* и *отцами*. Въ опредѣленные дни происходили сходбища поклонниковъ Миеры общія или одиночныя, судя по важности праздника или цѣли сборища. Хотя въ исторіи мы не находимъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что именно происходило на таинственныхъ сходбахъ, тѣмъ не менѣе есть основанія предполагать,

что поклонники Миеры предавались необузданному распутству, если не при Зороастрѣ, то въ позднѣйшія времена. Секта Миеры сохранилась не только въ Малой Азій, Арменіи, Понтѣ, Сиріи и Палестинѣ, но перешла въ послѣдствіи изъ этихъ странъ въ Грецію, а оттуда въ Римъ, о чемъ мы еще поговоримъ въ исторіи религій этихъ странъ. Извѣстно, что при императорѣ *Адрианѣ* на сходбищахъ сектаторовъ Миеры происходили человѣческія жертвоприношенія; *Юлианъ*, покровитель всѣхъ религій, кромѣ христіанской, особенно благоволилъ сектаторамъ; можетъ быть даже и самъ принадлежалъ къ числу ихъ членовъ. Тайственность общества и обаятельная привлекательность его празднествъ соблазняли многихъ христіанъ, самая же доктрина въ теченіе вѣковъ прилепалась къ нѣкоторымъ расколамъ и легла въ основаніе не одной ереси, какъ увидимъ въ исторіи ересей, которой закончимъ нашъ обширный трудъ.

Теперь перейдемъ къ богослужебнымъ обрядамъ древнихъ персовъ, соблюдаемымъ ненарушимо и пынѣшними гебрами огнепоклонниками. Начнемъ съ обзора жреческихъ одѣяній, утвари, предметовъ приношенія и прочихъ богослуженныхъ принадлежностей.

Одежда жрецовъ состоитъ изъ: сорочки (*садере*), пояса (*кости*) и наличника (*пеномъ* или *падомъ*). Сорочка холщевая или шерстяная съ длинными рукавами и непременно съ карманомъ. Поясъ, съ которымъ огнепоклонникъ никогда не долженъ разставаться, считается изъ *семидесяти двухъ* витовъ и дважды охватываетъ станъ. Въ древности кости перепоясывалъ царскую митру и тиару верховнаго мобеда. По правиламъ, жрецъ, совершающій приношеніе безъ пояса, служитъ не Ормузду, а Арману. Наличникъ, которымъ жрецы и молящіеся прикрываютъ себѣ рты, состоитъ изъ небольшого льнянаго фартука въ четыре квадратныхъ вершка, съ двумя шурками, которыми завязывается на затылкѣ. Этотъ наличникъ, или пожалуй намордникъ, гебры надѣваютъ и на своихъ покойниковъ.

Орудій и музыкальныхъ инструментовъ семнадцать.

1) *Атеш-данъ*, металлическій сосудъ для огня. Его наполняютъ золою, а на ней разводять огонь, послѣ чего атеш-данъ ставятъ на престольный камень *адоштъ*. При древнихъ царяхъ

во время торжественныхъ шестий атеш-даны были носимы двумя жрецами впереди царя. 2) Шипцы (*атеш-чинъ*) для размѣшиванія горящихъ вѣтвей и ложка для угольевъ (*чамчахъ*). 3) *Хаванъ*-чаша, въ которой толкутъ кусочки священнаго дерева *хома* (амома) для извлеченія напитка жизни. 4) *Барсомъ*, вязанка нарѣзанныхъ вѣтвей гренадоваго, тамариндоваго деревьевъ, или кусковъ финиковой пальмы. Число вѣтвей и длина ихъ измѣняются сообразно продолжительности предстоящаго богослуженія. Барсомъ перевязываютъ лыкомъ тамаринда или ремешкомъ изъ пальмоваго листа; эта перевязка (*хвангвинъ*) для вязанки тоже, что священной кости для человѣка. 5) *Ма-ру*, конь (кобылка) или подставка для связки вѣтвей съ двумя полулунными ухватами. Форма эта символически напоминаетъ рожки священнаго быка. 6) Ножъ для рѣзки вѣтвей (*Карде-барсомъ-чинъ*). 7) Кольцо обмотанное волосами изъ бычачьяго или лошадинаго хвоста (*Ангуштеринъ*). Кольцо это при обрядахъ имѣетъ тоже великое значеніе, какъ и *навитрамъ* у индусовъ (томъ I гл. VI стр. 46). 8) *Тали*, небольшая тарелочка для приношеній. 9) *Таште*, блюдечко для того же. 10) *Таште-на-сурахъ* тарелочка съ девятью свѣжинами для процѣживанія сока хома въ сосудъ хаванъ. 11) *Пиалехъ*, чаша для молока. 12) *Авандъ* или *кондри*, чаша для воды. Къ послѣднему принадлежатъ: 13) крышка (*сар-авандъ*). 14) Рукомойникъ для жрецовъ (*мошрабе*). 15) *Санай*, двухколѣнчатая флейта, состоящая изъ двухъ трубочекъ, мѣдной и деревянной. 16) *Доль*, барабанъ состоящій изъ глинянаго цилиндра съ днищами изъ шкуры. 17) *Тиль*, ручные кимвалы, въ которые звякаютъ жрецы, сообразно обрядамъ, определенное число разъ.

Приношенія состоятъ изъ одѣяній приносимыхъ въ даръ жрецамъ модельщиками; изъ мяса (*миездъ*) съѣдаемаго присутствующими во время богослуженія; изъ цвѣтовъ, плодовъ (гренады, финики, тамаринды), риса, духовъ и молока. Хлѣбы приношенія (*дуручъ*) прѣсныя лепешки, при обрядахъ употребляются въ числѣ двухъ и четырехъ до девяти; когда во время обряда на лепешку кладутъ кучки мяса, она называется *дарун-фрес-эсте*, т. е. хлѣбомъ обѣщаній. Кромѣ этихъ приношеній модельщики чрезъ жрецовъ кладутъ на престольный камень: вѣтви дерева хома, сокъ его, куски корней де-

ревъевъ, преимущественно гренадоваго, признаваемаго священнымъ. Цвѣты и плоды его въ древности были непрѣмными украшеніями одѣянія царей и верховныхъ мобедовъ, даже на длинныхъ ремняхъ прицѣплялись къ сѣдламъ царскихъ боевыхъ коней (см. ниже рисунки съ барельефовъ развалинъ Персеполиса). При обрядахъ очищенія, великомъ и маломъ, употребляются кромѣ воды рѣчной, дождевой и ключевой—земля и бычачья урина. Освященной воды три разряда: 1) очищенная вода (*падіаве*) 2) *Зурз*—вода очищаемая ночью; 3) вода разбавленная бычачьею уриною (*йештее*). Кромѣ воды дождевой, прочія очищаются посредствомъ многократнаго процѣживанія, при непрерывномъ чтеніи молитвъ. Бычачья урина (*Неренгз-гомазз*) должна быть непрѣменно отъ однолѣтка безъ всякихъ пороковъ; въ крайнемъ случаѣ вмѣсто быка можно брать для обряда и корову. Мобеды, расни (должность соответствующая должности діакона) и джуги (нисшая жреческая степень), по приготовленіи мѣста для обряда, очерчиваютъ на площадкѣ три, постепенно суживающіеся круга (1), въ которые вводятъ быка и съ молитвами побуждаютъ его троекратно къ отправленію естественной нужды. Добытую урину переливаютъ изъ сосуда въ сосудъ, прикрывая холщевыми покрывками, и разводятъ ею воду йештее, вливая въ сосудъ не болѣе трехъ капель.

Омовеній и очистительныхъ обрядовъ четыре вида:

- 1) *Падіазз*, 2) *Хозель*, 3) *Барашномз-но-шабе* и 4) *Сишов*.

Падіазз—есть ежедневное омовеніе тѣла, предписываемое закономъ каждому правосѣрному; *Хозель*—орошеніе тѣла кающагося бычачьею уриною; *Барашномз-но-шабе*—обрядъ великаго очищенія и покаянія, продолжающійся нѣсколько дней, состоящій изъ попеременныхъ омовеній водою, бычачьею уриною, духами. При

---

(1) Круги, очерчиваемые на землѣ во время обрядовъ послѣдователей ученія Зороастра, переняты ими у маговъ халдейскихъ, а отъ нихъ—магами, колдунами и чернокижниками средневѣковой Европы. Это такъ называемые волшебные круги, которымъ магія и демонологія приписываютъ чудесную силу.

чтеніи разрѣшительныхъ молитвъ, кающійся держать одну руку на своей головѣ, другую на собакѣ, нарочно приводимой для торжества. *Синоэ* или обрядъ тридцати омовеній не только разрѣшаетъ грѣхи, но придаетъ подвергающемуся этому обряду нѣкоторую степень святости. По прибытіи на мѣсто, разгороженное на три участка, кающійся раздираетъ на себѣ одежды, натирается пылью, моется бычачьей уриной, чешетъ себѣ волосы, жуетъ гренадовый листъ, запивая освященною водою. На каждое его тѣлодвиженіе, на каждый глотокъ—особыя молитвы, читаемыя по тридцати, сорока и до сотни разъ.

Таковы обряды обыденные древнихъ персовъ и нынѣшнихъ гебровъ; посмотримъ теперь какими обрядами напутствуетъ религія Зороастра своихъ послѣдователей отъ колыбели до могилы.

Немедленно по рожденіи младенца на свѣтъ, мать посылаетъ къ мобеду за *перэхомомъ* (сокомъ священнаго дерева хомъ). Намочивъ хлопковъ ваты въ этой жидкости, родильница сдвливаетъ съ него три капли въ ротъ новорожденному, котораго только послѣ этого можетъ приложить къ груди. Черезъ нѣсколько минутъ младенца обмываютъ: три раза бычачьей уриною и три раза водою. Призванный, послѣ того, мобедъ составляетъ гороскопъ новорожденнаго и даетъ ему имя одного изъ *изедовъ* (свѣтлыхъ духовъ), или богатырей древности. Родильница по закону удаляется на все то время, въ теченіе котораго почитается „поганю, оскверненною, недостойною быть въ сообществѣ правовѣрныхъ.“

Когда младенцу исполнится три года, отецъ ведетъ его къ алтарю Миеры—въ день и мѣсяцъ, посвященные этому великому божеству. До семи лѣтъ младенецъ не отвѣчаетъ за свои поступки; отецъ и мать обязаны учить его съ самаго этого возраста первымъ молитвамъ. Съ семи лѣтъ отвѣтственность за половину поступковъ ребенка падаетъ на отца и на мать. Духовное совершенствленіе опредѣлено въ пятнадцать лѣтъ, когда юноша препоясывается священнымъ *костю*, избираетъ себѣ *гербеда* (духовника) и дѣлается членомъ общества правовѣрныхъ. Послѣ отца и матери, гербедъ первое лице, которому гебръ обязанъ совершеннѣйшимъ почтеніемъ и безпрекословной покорностью. Любопытны права родителей на дѣтей въ законѣ Зороастра: до семи лѣтъ ребе-

новъ изъять отъ тѣлеснаго наказанія, допускаемаго въ самыхъ крайнихъ случаяхъ; отецъ и мать обязаны ежедневно молить Ормузда о томъ, чтобы онъ внушилъ ихъ дѣтямъ быть послушными ихъ волѣ и безпрекословно покорными. За трехкратное неповиновеніе приказанію родительскому, сынъ или дочь подлежатъ — *смертной казни*; за отцеубійство въ законѣ Зороастра не опредѣлено и наказанія по той причинѣ, что законодатель персидскій, подобно афинскому *Солону* или римскому *Нума-Помпилю*, не могъ допустить въ человѣкѣ такого противуестественнаго безобразія. Исторія Персіи служитъ однако же неопровержимымъ доказательствомъ, что отцеубійство, равно какъ и дѣтоубійство, были далеко не феноменальными явленіями въ этой странѣ; дѣтоубійство въ особенности. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ законъ Зороастра, вѣрный восточному принципу неравноправности мужчинъ съ женщинами, карая немилосердно послѣднихъ за дѣтоубійство и изгнаніе плода, довольно снисходителенъ къ отцамъ, убивающимъ дѣтей за ихъ провинности или просто въ минуту запальчивости и самодурства. Пятнадцатилѣтній юноша, достаточно обученный религіозному закону, пользуется именемъ *нузда*. Обрядъ посвященія въ это званіе — очень сложный, продолжается нѣсколько дней и не дешево обходится родителямъ, такъ какъ посвящаемый обязанъ щедро отблагодарить жрецовъ. Эту благодарность весьма характеристично называютъ *гетти-херидъ*, т. е. покупкою небеснаго царствія. Надъ посвященнымъ совершается дважды обрядъ великаго омовенія; четыре дня къ ряду три дестура, при непрерывномъ чтеніи *изешне* (славословія) водятъ его къ алтарю огня, изъясняя богослуженіе и таинственный смыслъ обрядовъ. Не имѣющій средствъ „купить царствіе Ормузда,“ долженъ довольствоваться именемъ *Бахдина* или *Маздейеснена* (правовѣрнаго, посланника Ормузда).

Рисунокъ 2. Орудія и утварь, употребляемая при богослуженіи:

1) Тали, 2) Шалехъ, 3) Хаванъ, 4) Авандъ, 5) Таште, 6) Чамчахъ, 7) Таште-но-сурахъ, 8) Саре-авандъ, 9) Чамчахъ, 10), 11) Чаша для священнаго напитка, 12) Кусокъ дерева хомъ, 13) Кольцо Ангуштеринъ, 14) Корде-барсомъ-чанъ, 16) Барсомъ и Ма-ру.

Рисунокъ 3. Гебръ, стоящій на молитвѣ.

Рисунокъ 4. Гебратянка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Узаконенія Зороастра противъ постовъ. — Вмѣняемость въ преступленіе дѣяствъ и безбрачія. — Брачные обряды. — Намзидъ. — Некахъ. — Пять разрядовъ бракосочетаній. — Шах-занъ. — Гол-занъ. — Ситар-занъ. — Четер-занъ. — Ходешраэ. — Причины развода. — Рабство женщины. — Правила для родильницъ. — Железная кровать и огонь. — Кормленіе грудью. — Кастовое дѣленіе. — Молитвы. — Пища и питье. — Обряды при агоніи. — Обряды погребальные. — Состояніе души послѣ смерти человѣка. — Поминовенія усопшихъ.

Въ законѣ Зороастра есть двѣ статьи, придающія ему своеобразный характеръ, рѣзко отличающій его отъ прочихъ законовъ странъ восточныхъ. Изъ исторіи религій Индіи и Китая, намъ уже извѣстно, что *постъ* вмѣняется тамъ въ обязанность и заслугу человѣку. Зороастръ, въ законѣ своемъ, говоритъ совсѣмъ иное: постъ, по словамъ персидскаго законодателя, не только не заслуга — но прямой грѣхъ, такъ какъ онъ, въ нѣкоторой степени, тоже самоубійство. Поклонникъ Ормузда обязанъ беречь свое здоровье и всегда ѣсть до сыта, ибо: „здоровое тѣло способнѣе противустоять всякому искушенію лукавыхъ; въ немъ, если оно бодро, бодра и душа. Сытый и не изнуренный человѣкъ способнѣе къ работѣ и воспріимчивѣе къ пониманію закона Ормузда... слабый и безсильный никогда не совершитъ подвиговъ, возможныхъ человѣку мощному и сильному; сила же и мощь человѣческія въ прямой зависимости отъ питанія его тѣла!“

Другое противорѣчіе закона Зороастра законамъ другихъ религій — есть вмѣняемость *супружества* въ прямую обязанность людямъ, а *дѣвическаго цѣломудрія* — въ порокъ дѣвицамъ. Неженатый человѣкъ — самое низкое и презрѣннѣйшее существо; дѣвица же цѣломудренная — величайшая преступница закона Ормузда, какъ уклоняющаяся отъ своего перваго предназначенія, ко-

торое заключается въ размноженіи людей. Безбрачіе — грѣхъ смертный (*танафуръ*). Брачные союзы всего лучше заключать между ближайшими родственниками: братьями и сестрами, дядями и племянниками, тетками и племянниками, отчимами и падчерицами, мачихами и пасынками. Чудовищныя эти союзы до того были обыкновенны между персами первыхъ вѣковъ христіанской эры, что не только отцы церкви, какъ, на примѣръ, св. *Іоаннъ Златоустъ* (1), но даже лѣтописцы мусульманскіе упрекаютъ за нихъ послѣдователей закона Зороастра. Нынѣшніе гебры и парсы, живущіе въ Персіи, Индіи и у насъ, въ Баку, воздерживаясь отъ кровосмѣстельныхъ бракосочетаній, женятся на родственницахъ во второмъ колѣнѣ. Узаконенный возрастъ для супружества пятнадцать лѣтъ для мужчины и тринадцать—для дѣвушки. Послѣдняя, при первыхъ признакахъ созрѣнія, обязана требовать себѣ мужа у отца и матери. Душа дѣвушки, до восемнадцати лѣтъ не вышедшей замужъ, или же умершей дѣвственницею, подвергается за гробомъ вѣчнымъ, адскимъ мученіямъ. Отъ нихъ же не избавляется и выходящая замужъ дѣвушка отцвѣтшая, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ супружество бесплодно. Отецъ и мать, отказывающіе дочери въ ея требованіи или неудовлетворяющіе его по нерадѣнію, подлежатъ страшнѣйшимъ загробнымъ мукамъ безъ надежды на помилованіе (2).

Бракосочетаніе у послѣдователей закона Зороастра, состоитъ нынѣ, какъ состояло и встарь, изъ двухъ обрядовъ: *Намзада* и *Некаха*.

Намзадъ—помолвка и предварительное благословеніе жениха и невесты мобедомъ. Тотъ и другая послѣ надлежащихъ омовеній, одѣтые въ новыя платья и препоясанныя *кости* стоятъ предъ мобедомъ рука объ руку. За нѣсколько дней до свадьбы женихъ, если онъ человѣкъ состоятельный, даетъ пиръ обою пола дѣтямъ

(1) См. S. Ioannis Chrysostomi, Opp. и его же Spuria (изданіе Theobald Fix, т.т. I, III и X, стр. 334, 573 и 957.

(2) Для сличенія узаконеній о бракѣ у индусовъ, китайцевъ и персовъ обращаемъ вниманіе читателя на томъ I, гл. VIII, стр. 61 и томъ II, гл. XII, стр. 110, 111 и гл. XXII, стр. 205—207.

всѣхъ своихъ знакомыхъ. Это дѣтское торжество служитъ, какъ бы залогомъ искренности желаній жениха быть со временемъ родоначальникомъ многочисленнаго потомства. Невѣста, въ свою очередь, въ родительскомъ домѣ, задаетъ точно такой же праздникъ дѣтямъ своихъ знакомыхъ. День свадьбы назначаетъ мобедъ, по совѣщаніи съ гороскопами жениха и невѣсты. Узаконенный *гахъ* (періодъ дня) для бракосочетанія, есть гахъ *Озиренъ* (пятый часъ по полудни). Послѣ молитвы, прочитанной мобедомъ, молодой ведетъ молодую въ свой домъ, гдѣ даетъ обѣдъ собравшимся роднымъ и знакомымъ. Оттуда, длинной процессіей, идутъ въ домъ тестя, куда переносятъ всю мебель и домашнюю утварь новобрачныхъ. Здѣсь пируютъ и веселятся до полуночи; въ полночь, по совершеніи обряда *Некахъ*, молодые возвращаются къ себѣ домой опять со всѣмъ своимъ скарбомъ. Обрядъ *Некахъ* состоитъ въ томъ, что мобедъ, имѣя по бокамъ два столика съ поставленными на нихъ блюдами плодовъ и пшеницы или рису, читаетъ молитву предстоящимъ молодымъ, осыпая ихъ этими плодами или зернами, что дѣлаютъ и всѣ присутствующіе. Этимъ обрядомъ, очевидно заимствованнымъ у индусовъ (1), заканчивается брачное торжество. Въ послѣдующіе дни новобрачные рассылаютъ роднымъ и знакомымъ разныя лакомства и сласти.

Бракосочетаній — пять разрядовъ: 1) *Шах-занъ*, 2) *Югъ-занъ*, 3) *Сатер-занъ*, 4) *Чегеръ-занъ* и 5) *Ходешраъ* или *Ходра-занъ*.

Шах-заномъ называется бракосочетаніе юноши и дѣвицы вообще. Имя этого разряда въ буквальномъ переводѣ значитъ: жена-царица. Бракосочетающихся первый разъ вообще называютъ царемъ и царицею, какъ и у насъ въ древней Руси (да и донныи въ престоляродѣ) княземъ и княгинею.

Югъ-занъ — бракъ съ условіемъ, чтобы первый ребенокъ, если онъ будетъ мальчикъ, былъ отданъ тестю или бездѣтному шуринау,

(1) См. томъ I Индія, гл. VIII, стр. 67. Обычай осыпать молодыхъ супруговъ хлѣбными зернами, хлѣбомъ и деньгами существовалъ у насъ въ древней Руси; существуетъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и понынѣ, также у евреевъ, живущихъ въ Польшѣ.

у которыхъ остается на воспитаніи до пятнадцати лѣтъ. По достиженіи имъ этого возраста, отецъ и мать подвергаются вторичному бракосочетанію со всѣми обрядами шах-зана. На сколько можно догадываться, то Югъ-занъ есть празднованіе пятнадцатилѣтняго супружества, подобно тому, какъ у насъ, европейцевъ празднуются *серебряныя свадьбы*, съ тою разницею, что у насъ вторично мужа съ женой не перевѣнчиваютъ.

Сатарг-занъ обрядъ бракосочетанія женщины замужней при живомъ мужѣ, съ юношей, умершимъ холостымъ, или первымъ ея женихомъ, умершимъ до свадьбы. Это фантастическое бракосочетаніе, при которомъ настоящій мужъ играетъ роль жениха-мертвеца, совершается или по просьбѣ отца и матери покойнаго, или въ исполненіе даннаго покойному слова. Законъ Зороастра, къ сожалѣнію, умалчиваетъ о томъ, которому изъ двухъ мужей будетъ за гробомъ принадлежать двумужница.

Чегеръ-занъ — выходъ вдовы за втораго мужа.

Ходешраэ или *Ходра-занъ* — замужество дѣвушки съ челоувѣкомъ, избраннымъ ею, а не отцомъ и матерью, или же ея замужество наперекоръ ихъ воли и безъ ихъ согласія.

Кромѣ этихъ разрядовъ браковъ, мужъ и жена, по достиженіи ихъ сыномъ пятнадцатилѣтняго возраста, непременно подлежатъ повторенію надъ ними брачнаго обряда.

По закону, болѣе одной жены имѣть не должно; мужчина можетъ взять себѣ другую только въ случаѣ неплодія первой, которая во всякомъ случаѣ остается жить у него въ домѣ. Мужъ не имѣетъ права взять себѣ второй жены, если на то не послѣдуетъ согласія первой. Жена не смѣетъ покинуть мужа и идти за другаго, даже и тогда, когда, вслѣдствіе физическаго истощенія, онъ не исполняетъ своихъ супружескихъ обязанностей. Мужъ имѣетъ право прогнать жену и развестись съ нею: 1) если она имѣетъ съ нимъ сообщеніе при извѣстныхъ обстоятельствахъ; 2) если четыре раза откажетъ мужу въ его справедливыхъ требованіяхъ; 3) если она занимается чародѣйствомъ и волхованіемъ; 4) если она распутно ведетъ себя. Жена обязана любить и уважать мужа „какъ бога.“ Утромъ, опоясавшись кости, она должна предстать передъ нимъ, заложивъ кисти рукъ себѣ подъ мышки, и

по прочтеніи молитвы девять разъ спросить: „что прикажешь, повелитель?“ Послѣ того она трижды бьетъ мужу челою (сиджда), касаясь поочередно рукою лба и земли, и отправляется на работу или къ своимъ хозяйственнымъ занятіямъ. Эти же самые знаки возмутительно раболѣпства дочь обязана оказывать отцу, а сестра старшему брату.

За обольщеніе чужой жены законъ Зороастра обѣщаетъ виновному адскія муки, отъ которыхъ его, впрочемъ, можетъ избавить прощеніе обиженнаго мужа. По достиженіи беременною женою періода четырехъ мѣсяцевъ и десяти дней, мужъ обязанъ прервать съ нею всѣ сношенія, впредь до разрѣшенія ея отъ бремени. Женищина, выкинувшая или родившая мертваго младенца, на сорокъ одинъ день отлучается отъ сообщества людей: первые четыре дня она не должна употреблять ни соли въ пищу, ни воды для питья, а питаться единственно сухимъ хлѣбомъ, мясомъ и жажду утолять плодами. Для прислуживанія ей нарочно назначаютъ двухъ человѣкъ, опоясанныхъ однимъ костью и такимъ образомъ шесть недѣль изображающихъ уродливую двойню, въ родѣ сіамскихъ близнецовъ. Родить женщина должна непременно на желѣзной кровати въ присутствіи мобеда, читающаго молитвы, трехъ или пяти женщинъ и при свѣтѣ яркаго огня, разводимаго за три дня до наступленія родовъ. Последнее дѣлается для отогнанія злыхъ духовъ, дивовъ и пари, постоянно стерегущихъ каждаго новаго жильца, являющагося на свѣтъ Божій.

Эта желѣзная кровать и огонь — необходимыя обстановки роженицы у персовъ, весьма разумныя гигиеническія мѣры, возведенныя, по обычаю востока, въ статьи закона религіознаго. Первая способствуетъ опрятности, второй — чистотѣ воздуха — двухъ благопріятнѣйшихъ условій при разрѣшеніи женщины отъ бремени. Сверхъ того, при положеніи женщины на желѣзную кровать, Зороастръ имѣлъ въ виду и благотѣльное вліяніе этого металла на человѣческій организмъ вообще, вліяніе, на которое наши европейскіе врачи еще не обратили должнаго вниманія.

Родильница подлежитъ шестинедѣльному отлученію, а по прошествіи этого срока, многократнымъ омовеніямъ и очистительнымъ молитвамъ. Она должна кормить грудью мальчика — семнадцать, а

дѣвочку—пятнадцать мѣсяцевъ. Кормленіе грудью своихъ дѣтей не только не вмѣняется матери въ обязанность, но, по закону, должно быть замѣнено отдачею ихъ на грудь наемной кормилицѣ. Въ этомъ случаѣ, Зороастръ принималъ въ соображеніе супружескую невоздержность, всегда вредно отражающуюся на грудномъ младенцѣ. Впрочемъ, щедрый на всякія наказанія—тѣла человѣческаго на землѣ, а души—за гробомъ, персидскій законодатель говоритъ: „Отецъ и мать—окаянные грѣшники, обязанные отвѣтомъ Ормузду, буде ребенокъ, кормимый грудью матери, умретъ до четырехлѣтняго возраста, вслѣдствіе ея невоздержности или недостатка присмотра.“

Таковы узаконенія Зороастра, относящіяся до семейнаго быта и права женщины. Какія же обязанности налагаетъ его законъ на правовѣрныхъ поклонниковъ Ормузда?

Каждый изъ нихъ обязанъ непременно принадлежать къ какой нибудь изъ *четырехъ кастъ*, на которыя должно быть раскассировано гражданское общество. Это дѣленіе на касты—очевидно, заимствовано у индусовъ: *жрецы, воины, пахари и ремесленники*—только безъ рѣзкаго отдѣленія одной касты отъ другой, безъ обязательнаго чванства высшихъ кастъ передъ низшими. Чистыми и безгрѣшными ремеслами признаются тѣ—(замѣтимъ, весьма немногія), при которыхъ работникъ не употребляетъ огня; ремесла презрѣннѣйшія: гробовщики и могильщики (*незаалары*). Каждый гебръ, какой бы онъ ни былъ касты, обязанъ каждые четыре дня совершать обрядъ очищенія (*хозель*). Жрецы должны вставать въ полночь; правовѣрные прочихъ кастъ—при пѣніи пѣтуха. Молитва, необходимая принадлежность каждого дѣйствія, отъ пробужденія до отхода ко сну, цѣлый божій день; ее слѣдуетъ читать одѣваясь, умываясь, причесываясь, разводя огонь на домашнемъ очагѣ и пр. и пр. Молитвы солнцу читаются трижды въ день: при восходѣ (*гах-хазангъ*), въ полдень (*гах-рапитангъ*) и въ пятомъ часу по полудни (*гах-озиренгъ*); лунѣ молятся трижды въ мѣсяцъ: въ день новолунія, полнолунія и ущерба; водѣ—при взглядѣ на эту стихію, также точно какъ и огню.

Въ пищу Зороастръ разрѣшаетъ мясо всѣхъ чистыхъ живот-

ныхъ; нечистыми онъ признаетъ звѣрей хищныхъ и называетъ ихъ порожденіями Аримана. При вкушеніи пищи слѣдуетъ хранить совершенно безмолвіе; пить не иначе, какъ по окончаніи обѣда, а при питіи не прикасаться губами къ краямъ сосуда, а лить себѣ питье въ ротъ черезъ край на нѣкоторомъ разстояніи отъ губъ. Огня въ лампадѣ дуновеніемъ не гасить, но махать на него рукою или опахаломъ, или же, состригнувъ горящую свѣтильню, давать ей истлѣть на шесткѣ очага. Въ случаѣ пожара огня водою не заливать, но закидывать его комьями земли, дерна, щебнемъ, пескомъ, обломками черепицы и т. п.

Обряды, сопровождающіе смертный часъ правовѣрнаго и соблюдаемые при *погребеніи*, отличаются отъ обрядовъ прочихъ народовъ превеликими нелѣпостями. Окружающіе больного при первыхъ признакахъ наступающей агоніи обязаны пригласить мобеда. Послѣдній читаетъ установленныя на сей предметъ молитвы узаконенное число разъ. По окончаніи ихъ, къ умирающему родственники его приводятъ собаку (двухъ собакъ, если умираетъ беременная женщина) — привязываютъ ее къ его ногѣ, а сами отходятъ на девять шаговъ: умирающій долженъ стараться до послѣдняго издыханія смотрѣть на собаку; она принимаетъ его послѣдній вздохъ... За неимѣніемъ собаки ее можно замѣнить какой нибудь домашней — но еще того лучше — хищной птицей. Послѣ того къ умершему приглашаютъ *незазаларовъ* (могильщиковъ), связанныхъ веревкою, съ надѣтыми на руки, вмѣсто перчатокъ или рукавицъ — небольшими полотнянными мѣшками. Незазалары, читая молитвы, обмываютъ покойника и одѣваютъ его *непремѣнно* въ старое, пошешное платье: надѣть на него обновку почитается непростительнымъ грѣхомъ.. По омовеніи и одѣяніи, лице покойника тѣже незазалары покрываютъ *пеномомъ* (см. выше гл. XXVII, стр. 240) и затѣмъ идутъ за гробомъ (*дженезе*). Гробъ этотъ ничто иное, какъ желѣзный ящикъ, въ который кладутъ тѣло только для перенесенія на кладбище (*дахме*). Число носильщиковъ полагается: два для мужчины или женщины и четыре — если послѣдняя была беременна. При положеніи трупа въ дженезе присутствуютъ два мобеда, держащіеся за рукава другъ друга и обязанные смотрѣть на гробъ — но отнюдь не на покойника... Уложивъ трупъ, незаза-

лары читаютъ молитву, причемъ ломаютъ на четверо небольшой хлѣбецъ (*дарунъ*), нѣсколько разъ взглядываютъ на собаку, нарочно для того приводимую, потомъ три раза другъ на друга и несутъ жертвенца къ мѣсту вѣчнаго успокоенія. Участвующіе въ процессіи родственники должны слѣдовать попарно, держась за рукава и непремѣнно поотдаль отъ носильщиковъ. Не доходя девяти шаговъ до входа въ дахмѣ, родственники останавливаются; носильщики, выложивъ трупъ изъ ящика и помѣстивъ его въ оградѣ дахмѣ, возвращаются къ присутствующимъ, разрываютъ веревку, которою были связаны, рвутъ въ клочья мѣшки, которые были надѣты вмѣсто рукавицъ, сбрасываютъ бывшее на нихъ платье и, по омовеніи, переодѣваются въ новое, которое обязаны купить имъ ближайшіе родственники покойнаго. Послѣдніе въ заключеніе обряда вмѣстѣ съ мобедомъ читаютъ молитвы въ виду дахмѣ, прикасаясь къ землѣ указательными пальцами — и наконецъ идутъ по домамъ.

О состояніи души усопшаго сказано въ законѣ, что послѣ кончины человѣка она слаба и безсильна „какъ новорожденный младенецъ.“ Въ первый день она витаетъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ скончался человѣкъ; во второй—около дахмѣ; въ третій—приблизясь къ трупу, ею покинутому, старается опять оживить его; наконецъ въ четвертый день душа прилетаетъ къ мосту Чиневаду, гдѣ ее допрашиваютъ о минувшей жизни *Миера* и *Рашиерастъ*—изедъ истины... Отсюда, судя по отвѣтамъ, душа отправляется въ обители свѣта или въ преисподнюю.

Въ огражденіе души отъ Аримана и происковъ злыхъ духовъ, законъ повелѣваетъ живымъ людямъ читать о ней молитвы, ихъ же множество безчисленное. Особенно важны молитвы въ теченіе трехъ первыхъ сутокъ и жертвоприношеніе на четвертый день. Для послѣдняго берутъ годовалую овцу: мясо съѣдается присутствующими, а жиръ бросаютъ на огонь. Сверхъ того, при молитвахъ четвертаго дня посвящаютъ шесть прѣсныхъ хлѣбовъ (*даруновъ*) Ормузду и главнѣйшимъ изедамъ, защитникамъ и покровителямъ души усопшаго. Въ случаѣ несоблюденія обрядовъ четвертаго дня, душа будетъ томиться тоскою неутѣшною до дня воскресенія мертвыхъ.

Поминать усопшаго законъ повелѣваетъ въ 10, 30 и 31 день по кончинѣ, чрезъ полгода, чрезъ годъ и затѣмъ ежегодно въ 10, 30 и 31 день, считая со дня кончины.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Кладбища.—Правила ихъ освященія и планировки.—Вредъ въ санитарномъ отношеніи.—Испанское дахмѣ отнеклонниковъ.—Примѣты и повѣрья.—Тяжелые и легкіе дни.—Амулетки и талисманы.—Врачебное дуновеніе.—Пыліе пьтуха.—Независть древнихъ персовъ къ голубямъ.—Дурной глазъ.—Иносказанія при сообщеніи печальныхъ вѣстей.—Гули, духи пустыни.—Русское повѣрье о вихряхъ.—Естественное объясненіе сверхъестественнаго.

Кладбища (дахме) должны быть отмежевываемы на мѣстахъ бесплодныхъ, вдали отъ жилья и воды, на нагорьяхъ. Мѣсто, къ тому предназначенное, освящается мобедомъ со многими молитвами и обрядами, при которыхъ главнѣйшимъ изедамъ посвящается *девять* прѣсныхъ хлѣбовъ.

Каждое дахмѣ предназначается для погребенія не свыше 365 тѣлъ. Число это узаконенный комплектъ, съ пополненіемъ котораго дахмѣ упраздняется, а по прошествіи пятидесяти лѣтъ уничтожается вовсе. Зороастръ, въ этомъ случаѣ, судить весьма справедливо: хотя мѣсто погребенія и называется вообще вѣчнымъ жилищемъ, но это названіе не имѣетъ смысла и доказываетъ только ребяческія понятія народовъ о назначеніи могилы... Могила, во первыхъ, не жилище; во вторыхъ—не жилище вѣчное. Назначеніе ея служить складомъ гніющей и обращающейся въ прахъ оболочекъ души, оболочекъ тлѣнной и всего менѣе вѣчной. Подобно тому, какъ въ жизни, старое поколѣніе уступаетъ свое мѣсто молодому, такъ точно и на кладбищахъ—до костей разрушившіяся тѣла уступаютъ

свои мѣста вновь погребаемымъ. Срокомъ для существованія кладбища Зороастръ положилъ пятьдесятъ лѣтъ. По климату Персїи, при тамошнемъ изобилїи хищныхъ звѣрей и птицъ, при *отсутствїи могилъ* на дахмѣ—этого срока весьма достаточно...

Да не удивится читатель этимъ двумъ словамъ: отсутствїю могилъ на кладбищахъ поклонниковъ Ормузда. Дахмѣ—кладбище безъ могилъ, или, вѣрнѣе, одна общая отверзтая могила: дахмѣ участокъ земли, представляющій кругъ въ родѣ арены цирка, обнесенный каменнымъ заборомъ или землянымъ валомъ, съ ямою, вырытою по срединѣ, и восемью канавками, прорытыми отъ центра къ окружности. По краямъ средней ямы вбиваются четыре столба и переплетаются ихъ веревкою изъ ста золотыхъ и хлопчато-бумажныхъ нитей; канавки окаймляютъ частоколомъ изъ 36 большихъ и 206 малыхъ колевъ. Все пространство дахмѣ размежевывается затѣмъ на 365 участковъ (*кеми*). Первымъ покойникомъ дахмѣ долженъ быть младенецъ мужскаго пола, сынъ мобеда, котораго, какъ и послѣдующихъ покойниковъ, кладутъ въ дахмѣ на поверхность земли, головами къ стѣнѣ окружности, ногами къ центру; трупы мужскіе кладутся головами къ самой стѣнѣ, трупы женскіе головами къ ихъ ногамъ, трупы дѣтскіе—къ ногамъ послѣднихъ... Влаги, отдѣляющіяся отъ разложенія этихъ тѣлъ, стекаютъ въ канавки, прорытыя во внутренности дахмѣ; оставы, для очистки занимаемыхъ ими мѣсть, складываются въ центральную яму; старые покойники уступаютъ свои мѣста новымъ, отрывая имъ вакансіи... Удушливый смрадъ въ видѣ мглистаго тумана стоитъ надъ подобнымъ кладбищемъ, и съ утра до вечера носятся надъ нимъ стаи плотоядныхъ птицъ, находящія себѣ здѣсь богатую поживу... Неистощимый рудникъ всевозможныхъ заразительныхъ болѣзней!...

Французскій путешественникъ *Шарденз*, посѣтившій Персїю въ минувшемъ столѣтїи, видѣлъ близъ Испагани кладбище гебровъ, о которыхъ рассказываетъ слѣдующее: „Кладбище это, говоритъ онъ—круглая башня, сложенная изъ грубо отесаннаго камня, въ тридцать пять футовъ вышины и девяносто въ поперечникъ, безъ дверей и входа. Внутри башни прилегающая къ стѣнѣ ввинтообразная лѣстница. При погребенїи трупа въ этой могилѣ, три или четыре мобеда взбираются по приставленной лѣстницѣ, на вершину башен-

ной стѣны, веревками притягиваютъ трупъ, а потомъ опускаютъ его по ступенькамъ внутренней лѣстницы, что во сто разъ опаснѣе по неимѣнію ими никакой точки опоры. Внутри башни по срединѣ вырыта яма, наполненная костями и погнившими лохмотьями. Мертвецовъ кладутъ на матрасы съ подушками въ изголовьѣ и укладываютъ вокругъ стѣны такъ тѣсно, что трупы жмутся другъ къ другу, безъ различія возраста, пола и званія. Трупы лежатъ на спинѣ, съ руками скрещенными на животѣ, со скрещенными же ногами и открытыми лицами. Въ изголовьѣ покойника ставятъ бутылки съ виномъ, гренадовыя яблоки, ножи и прочія домашнія орудія или утварь, смотря по средствамъ. За неимѣніемъ мѣста для погребенія новаго покойника могильщики бросаютъ совершенно истлѣвшія тѣла въ яму, вырытую по срединѣ башни. Сухость воздуха, особенно въ Испагани, такъ велика, что трупы истлѣваютъ очень скоро, не отдѣляя особенно зловонныхъ испареній (?). Меня удивило даже отсутствіе вони на этомъ кладбищѣ. Тутъ были тѣла совершенно свѣжія, ни на рукахъ, ни на ногахъ, которыя были обнажены, непримѣтно было признаковъ порчи; за то лица были страшно обезображены вдронами, безчисленными стаями носящимися вокругъ кладбища и нападающими преимущественно на эту часть тѣла.

Древнихъ царей хоронили въ каменныхъ нишахъ, извѣваемыхъ въ скалахъ, о чемъ мы поговоримъ подробнѣе при обзорѣ памятниковъ въ древней Персіи.

Примѣты, повѣрья и предразсудки многихъ христіанскихъ народовъ остатки древняго язычества, примѣшавшіеся къ истинной религіи, нынѣ имъ исповѣдуемой, или внѣдрившіеся въ его домашній бытъ. Такъ-же точно большая часть повѣрьевъ и примѣтъ нынѣшнихъ персовъ-шітовъ завѣщана имъ религіей Зороастра.

По свидѣтельствамъ Шардена, сэра Уилльяма Усли (Ousely), Моріера, Скотта Уоринга, Жубера и многихъ другихъ путешественниковъ — персіяне суевѣрнѣйшій народъ востока. Вѣрованіе въ астрологию въ счастливые и несчастные дни (тяжелые и легкіе, или, какъ они говорятъ, *бѣлые и черные*) сложило особый календарь, въ которомъ не только показаны тѣ и другіе, но даже

части дня, особенно благопріятствующія или неблагопріятствующія извѣстнымъ предпріятіямъ. Несчастѣйшимъ днемъ въ году персіане называютъ 13 число мѣсяца Сефара. Въ этотъ день они уходятъ со двора въ поле или куда нибудь въ уединеніе, во избѣжаніе какихъ непріятностей или ссоры, которая въ это число гибельно вліяетъ на судьбу человѣка въ теченіе всего года. Въ огражденіе себя отъ сглазу и порчи, персіане носятъ амулеты и талисманы. Амулеты состоятъ изъ выписокъ изъ Корана, изрѣченій святыхъ (*хади*) молитвъ, перемѣшанныхъ съ заклинаньями, написанныхъ въ извѣстное число и носимыхъ въ ладоняхъ на шеѣ или на рукахъ, на поясѣ. У иныхъ амулетъ состоитъ изъ браслета, снѣзаннаго изъ нѣсколькихъ ладоней; другіе носятъ амулеты въ золотыхъ и серебряныхъ ящичкахъ, съ которыми не расстаются даже въ баняхъ. Пишутся амулеты на трапичной бумагѣ, но отнюдь не на пергаментѣ; такъ какъ послѣдній ничто иное какъ выдѣланная кожа животнаго. Кромѣ письменныхъ заклинаній ихъ носятъ въ перстняхъ, награвированныхъ на камняхъ, особенно бирюзѣ (*пирuze*), которой издревле приписываютъ чудесную, противучародѣйственную силу. Послѣдній родъ амулетовъ, называемыхъ *дуаа*, по мнѣнію суевѣровъ, обладаетъ чудесной силой, избавляя носящаго ихъ отъ всякихъ болѣзней и давая ему всевозможныя блага земныя. Ладонки съ заклинаньями персіане навѣшиваютъ въ предохраненіе отъ сглазу на шею домашней скотинѣ, на птичьи клѣтки, въ дверямъ домовъ и лавокъ; въ послѣднемъ случаѣ для привлеченія покупателей ⁽¹⁾. На дѣтей въ предохраненіе ихъ отъ всѣхъ болѣзней надѣваютъ сурки, сплетенные изъ волосъ домашнихъ животныхъ и хищныхъ звѣрей.

Скоттъ Уорингъ говоритъ, что въ Персіи существуютъ между туземцами люди, обладающіе даромъ исцѣлять другихъ отъ укушенія ядовитыми пресмыкающимися и насѣкомыми — посредствомъ *дуновенія* (демонъ). Обладающій демонъ даетъ уязвленному съѣсть кусокъ сахару или хлѣба, на который онъ, заклинатель, дуетъ. Въ

(1) У насъ въ Россіи, съ этой же самой цѣлью, торговцы вбиваютъ на порогъ своихъ лавокъ подкову, преимущественно найденную на улицѣ.

Ширазѣ, въ бытность Уоринга въ Персіи, жилъ подобный лекарь, исцѣлявшій множество людей укушенныхъ змѣями или ужаленныхъ скорпіонами и фалангами. Даръ исцѣленія, говорятъ, приобрѣтается постомъ, молитвою и благочестивыми размышленьями. Уорингъ увѣряетъ, что собственными глазами убѣдился въ истинѣ этого леченія, заслуживающаго, по его мнѣнію, вниманія и глубокаго изслѣдованія людей ученыхъ. Заклинатели змѣй существовали въ глубочайшей древности; Плиній въ VII книгѣ довольно пространно говоритъ объ этой способности, врожденной или приобрѣтаемой. Дуновеніемъ лечать и у насъ простые знахари въ деревняхъ и иногда, какъ говорятъ, весьма успѣшно. Не можемъ припомнить въ которомъ году и въ какой именно губерніи, мужикъ знахарь вылечилъ нѣсколько человѣкъ, укушенныхъ будто бы бѣшеною собакою, *дуя* на появленныя мѣста. — Нельзя не пожалѣть, что наука въ подобнымъ фактамъ относится обыкновенно съ насмѣшкою или пренебреженіемъ, не доискиваясь причины излеченія (1).

Закончимъ обзоръ предрасудковъ персіянъ еще нѣсколькими замѣтками.

Моріеръ говоритъ, что персіяне обращаютъ особенное вниманіе на *пльіе пльуха*: голосъ его въ счастливые часы дня (въ девять часовъ утра, въ полдень и полночь) принимаютъ за добрый знакъ, въ прочіе часы — за дурной, и тогда бѣдному вѣщуну свертываютъ голову (2). Къ *голубямъ* нынѣшніе персіяне питаютъ особенную симпатію и заботятся о ихъ разведеніи. Причина этому чисто экономическая: голубинный пометъ (гуано) служитъ превосходнымъ удобреніемъ для дынныхъ бахчей. Въ древности, однако же, эта птица была жестоко преслѣдуема, по свидѣтельству *Эліана* (Разныя исторіи, кн. I, гл. 15) за то, что предъ гибелью персид-

(1) Весьма вѣроятно въ этихъ случаяхъ исцѣленія укусившія собаки были небѣшенныя, а обыкновенныя; язвы отъ укушенія небѣшеною собакою скоро заживаютъ сами собою, а легковѣрный народъ приписываетъ излеченіе нашептыванію, дуновенію и пр.

(2) У насъ въ престоноародѣ этой операциіи подвергаютъ курицу, запѣвшую пѣтухомъ.

сваго флота у горы Аэона стаи бѣлыхъ голубей кружились надъ кораблями.

Въ Европѣ, говоритъ французскій путешественникъ Жуберъ, имѣють обыкновеніе поздравлять друзей и знакомыхъ со счастливыми для нихъ событіями; на востокѣ—иное. Держить-ли мать ребенка на рукахъ — слѣдуетъ остерегаться отъ всякихъ похвалъ красоты ребенка; везеть-ли кому счастье или удача — объ этомъ не слѣдуетъ говорить ему. Сила предрасудка такъ велика, что персіяне увѣрены въ томъ, что похвала непременно навлекаетъ бѣду. Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ предохранительныя средства, распространяемыя тамошними шарлатанами для отклоненія тибельнаго дѣйствія такъ называемаго *назара*, т. е. завистливаго глаза (дурнаго глаза или джеттатуры итальянцевъ). Возвращаясь домой, уходившая со двора персіянка непременно моется и опрыскивается духами для отклоненія чаръ или порчи (¹)...

Персіяне въ разговорѣ всегда стараются избѣгать предметовъ грустныхъ; если же имъ по необходимости случается говорить о нихъ, то выражаются иносказательно или обиняками. Такъ, напри- мѣръ, увѣдомляя о чьей нибудь смерти, персіяне говорятъ: „онъ подарилъ вамъ долю своей жизни,“ т. е. что умершій могъ бы еще жить многіе годы, но изъ любви къ вамъ отдалъ запасъ своихъ лѣтъ, вамъ на разживу... Это совершенно то же, что и существующая у насъ въ разговорѣ фраза при вѣсти о покойникѣ: „приказалъ вамъ долго жить!“

У жителей окраинъ Соляной степи (*кабира*), между Тегераномъ и Кумомъ, съ незапамятныхъ временъ существуетъ преданіе о степныхъ бѣсахъ или *гуляхъ*, называвшихся во времена владычества религіи Зороастра дивами и пари. Поводъ къ этому повѣрью подали степные миражи, нерѣдко поражающіе своими странностями даже европейцевъ, коротко знакомыхъ съ законами оптики. *Марко Поло*, посѣтившій степь Коби, со всеѣмъ простодушіемъ средневѣ-

(¹) Эти же самыя повѣрья о сглазѣ существуютъ у насъ почти повсемѣстно и по толкованію старыхъ бабъ особенно сильно дѣйствуютъ сглазъ на дѣтей.

коваго суетвѣра описываетъ гулей слѣдующимъ образомъ: „Разсказываютъ за достовѣрное, что степь служитъ жилищемъ множеству злыхъ духовъ, морочащихъ путниковъ и влекущихъ ихъ къ гибели. Если въ продолженіе дня ктонибудь заснетъ, собьется съ дороги, или инымъ какимъ нибудь образомъ потеряетъ изъ виду караванъ, тому неожиданно слышатся знакомые голоса, явственно окликающіе его по имени. Полагая, что это голоса попутчиковъ отставшій отъ каравана углубляется въ пустыню и тамъ погибаетъ. Ночью отставшему путнику слышится конскій топотъ, съ той или другой стороны дороги; полагая, что это караванъ товарищей, онъ стремится въ ту сторону, откуда ему слышится топотъ и только на разсвѣтѣ примѣчаетъ свою ошибку и опасное положеніе. Нерѣдко въ дневную пору демоны пустыни, принимая на себя видъ путешественниковъ, заговариваютъ съ путникомъ, стараясь всячески сбить его съ дороги. Говорятъ, будто нѣкоторые путешественники встрѣчали этихъ злыхъ духовъ въ образѣ вооруженныхъ людей, которые нападали на нихъ и обращали въ бѣгство: сбившись съ дороги, несчастные погибали голодной смертью (¹). Много чудеснаго и невѣроятнаго разсказываютъ объ этихъ духахъ пустыни; между прочимъ, будто они, носясь въ воздухѣ, наполняютъ его криками, воплями, бранящемъ оружія, чѣмъ не мало приводятъ въ смятеніе цѣлыя караваны.“

Моріеръ, человекъ нашего времени, шутливо относясь къ нелѣпнымъ повѣрьямъ, не взирая на ихъ маститую древность, говоритъ, что во время его переѣзда черезъ Соляную степь попутчики персіяне не на шутку побаивались гулей. „Это родъ степныхъ сиренъ“, говоритъ Моріеръ, „заманивающихъ путешественниковъ своими голосами, а потомъ когтями терзающихъ ихъ въ куски. Гуль, по народному повѣрью, имѣетъ способность принимать на себя разныя цвѣта и виды: иногда она (или онъ) является въ видѣ верблюда, лошади, коровы... Когда намъ случалось завидѣть на горизонтѣ

(¹) Жаль, что Марко Поло умалчиваетъ о томъ, какимъ образомъ и кому заблудившіеся и погибшіе съ голоду въ пустынь путешественники могли разсказать о своихъ приключеніяхъ.

пустыни что нибудь неясное, неотчетливое, персіане кричали въ одинъ голосъ, что это гудъ. Потомъ они очень важно рассказы-вали намъ, какими именно заклинаньяи имъ удалось удержать бѣсовъ въ почтительномъ разстояніи (1).“

Эти гуды тоже самое, что и *нернтаи*, о которыхъ мы упо-минали въ рассказахъ о подвигахъ Рустама (см. гл. XXI, стр. 200).

Вихри нашей народной демонологіи имѣютъ большое сходство съ персидскими бѣсами, даже можно сказать одного съ ними происхожденія. Что такое вихрь? Внезапное дуновеніе коловратнаго вѣтра, вспышка воздушнаго электричества, въ разбѣрахъ болѣе обширныхъ называемая ураганомъ или смерчемъ. Вихрь вихтообразно крутитъ пыль, блеклый листъ, солому, куски бумаги и прочіе легкіе предметы, попадающіеся ему на пути. Простой народъ, называя этотъ вихрь, однимъ изъ воплощеній бѣса, утверждаетъ, что на человѣка, попавшаго въ струю вихря, непременно нападаетъ болѣзнь тѣлесная или душевная и т. д. Фантастическое толкованіе каждаго физическаго явленія въ понятіяхъ каждаго народа порождаето бѣсовъ, демоновъ и т. п. Такъ въ степномъ миражѣ древніе персы видѣли, а нынѣшніе видятъ своихъ гулей и невозможно разувѣрить ихъ, что мнимые призраки—отраженіе предметовъ въ зеркальномъ струящемся отъ зноя воздухѣ; что голосъ этихъ призраковъ—гудѣніе въ ушахъ утомленнаго путника; совращеніе его съ дороги—припадокъ горячки, бредъ... Если читатель имѣлъ несчастье совершать безостановочно нѣсколько десятковъ верстъ въ тряской телегѣ по нашимъ проселочнымъ дорогамъ, по пямя да кочкамъ, онъ, безъ сомнѣнія, испытывалъ въ болѣе или менѣе сильной степени припадки недуга, который можно было бы назвать *дорожною лихорадкою*, при которой нервы раздражены; зрѣніе и слухъ ежеминутно обманываются и разсудокъ блуждаетъ въ какихъ-то областяхъ, сопредѣльныхъ помѣшательству. Въ бряцаньѣ колокольчика очень явственно слышится говоръ чьихъ-то голосовъ, свистъ, хохотъ; въ полуобгорѣломъ пнѣ или выкарчеванномъ косматомъ корнѣ—разстроенное зрѣніе весьма отчетливо видитъ человѣческую или медвѣжью фигуру; камень—кажется лежащей коровой...

(1) Morrier: Second journey through Persia, first edition, p. 168.

Съ прїѣздомъ къ мѣсту назначенія, послѣ необходимаго отдыха, разсудокъ вступаетъ въ свои права, о недавнихъ призракахъ остается воспоминаніе, будто о смутномъ сновидѣніи. Зачѣмъ же подобныя грезы народнаго воображенія повсемѣстно примѣшались къ его вѣрованіямъ, въ которыхъ болѣзненный бредъ принять за несомнѣнную истину?

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Древніе памятники Персіи. — Башня близъ Рен. — Равнина Газердерехъ. — Курганъ Атеш-тагъ. — Города Кумъ и Гамдинъ. — Гробницы Эсѳири и Мардохея. — Дамавендъ. — Волканъ съ заповѣдною вершиною. — Сказаніе о золотомъ растеніи. — Праздникъ въ память убіенія Дюгака. — Скала Бизутунъ. — Преданіе о Семирамидѣ. — Гробница пророка Даниїла близъ Шустера. — Львы, ея охраняющіе. — Клады близъ Шираза. — Записка о кладахъ вообще. — Гробница матери Саломона. — Развалины Персеполиса. — Сфинксы. — Догадки о символическомъ ихъ значеніи. — Барельефы. — Разсказъ Кер-Портера о невѣжествѣ и суевѣрїи персіянъ. — Погребальная пещера близъ долины Мардаштъ.

Приступая теперь къ описанію памятниковъ древности, уцѣлѣвшихъ въ Персіи до нашего времени, а также и мѣстностей, съ которыми связаны воспоминанія религіозныя, мы должны замѣтить, что, кромя тѣхъ и другихъ, Персія богата памятниками и мѣстностями, имѣющими отношенія и къ прочимъ религіямъ древности, т. е. браманизму, буддизму, законамъ Моисея и Магомета. Само собою разумѣется, что о послѣднихъ будетъ нами упомянуто въ исторіи іуданизма и исламизма; теперь же предметъ нашего обзора древности временъ первыхъ трехъ династій монархіи персидской.

Въ пяти англійскихъ миляхъ къ юго-востоку отъ *Тегерана* лежатъ развалины города *Рен*, Рэгеса Священнаго Писанія и Исторіи Арріана. Серъ-Робертъ Керъ-Портеръ обратилъ особенное вниманіе на двадцатичетырехъ угольную, кирпичную башню (см. рис. 5) превосходной архитектуры съ кувическою надписью на вершинѣ.

Входъ украшенъ красивымъ портикомъ весьма хорошо сохранившимся. Раскопки мѣста, занимаемаго Реею, безъ сомнѣнія, могли бы привести къ драгоценнымъ археологическимъ открытіямъ, въ сожалѣнію, дѣйствительныя и невѣжественныя потомки древнихъ персовъ менѣе всего способны на подобныя предпріятія, относясь крайне безстрастно не только къ сокровищамъ древности, хранящимся подъ землею, но даже и къ разработкѣ сокровищъ царства ископаемаго... Горное дѣло въ нынѣшней Персіи въ совершенномъ упадкѣ.

На югѣ отъ *Испагани* находится пустынная, безплодная равнина Газердерехъ, т. е. тысяча долинъ, почва которой состоитъ изъ грифельнаго камня; черезъ эту равнину проходитъ почтовая дорога изъ Шираза въ Испагань. Газердерехъ, по народнымъ преданіямъ, мѣсто битвы Рустама съ дракономъ: ядовитое дыханіе чудовища на вѣки лишило землю ея плодотворной силы. Другая достопримѣчательность — трехугольный курганъ, называемый огненное мѣсто (*Атеш-гахъ*). Курганъ этотъ, замѣтный издалека, сложенъ изъ обломковъ скалъ; на вершинѣ его остатки кирпичныхъ зданій; между кирпичами, вмѣсто смазки, лежатъ стебли тростника. Этотъ Атеш-гахъ одинъ изъ первыхъ алтарей огня, современныхъ Зороастру.

Города *Кумъ* и *Гамаданъ* (древняя Эбатана) пользуются репутаціею святыхъ у персіянъ и евреевъ; въ первомъ гробы пророковъ и шаховъ Сефи I и Аббаса II; въ Гамаданѣ же близъ мечети находятся подъ каменнымъ шатромъ двѣ, очень древнія гробницы—Мардохея и Эсеири, какъ гласитъ надпись, грубо изсѣченная тутъ же на камнѣ. Подданные шаха іудеи стекаются сюда па богомолье, воздавая почести гробницамъ, въ которыхъ, можетъ быть, вмѣсто Эсеири и Мардохея покоятся какіе нибудь шиитскіе имамы или дервиши. Еврейская надпись надъ гробницами не можетъ служить порукою за ихъ подлинность, такъ какъ принадлежитъ къ VII вѣку по Р. Х. *Дамавендъ*, древнѣйшій городъ, о которомъ мы неоднократно упоминали въ исторіи Персіи и очеркахъ ея священныхъ преданій—лежитъ въ цвѣтущей долинѣ, неподалеку отъ горы, ему соименной. Изъ горы Дамавенда, по увѣренію туземцевъ, нерѣдко вылетаютъ клубы сѣримстаго дыма и пламя; куски сѣры въ небольшихъ кратерахъ у подножія горы под-

Рис. 5. Древняя башня близъ Реи.

тверждаютъ, вмѣстѣ съ частыми землетрясеніями, что это вулканъ. Само собою разумѣется, что о немъ ходитъ въ народѣ множество странныхъ и фантастическихъ преданій; между прочимъ, будто вершина горы недоступна человѣку... Гебры утверждаютъ, что на Дамавендѣ былъ поставленъ Зороастромъ первый алтарь огня (*атеш-гахъ*). Одинъ изъ жителей Мазендерана увѣрялъ Моріера, будто многіе восходили на завѣтную, неприступную вершину Дамавенда, а индусскіе дервиши, зная изъ своихъ книгъ необходимыя заклинанія, собираютъ на Дамавендѣ одно растеніе, превращающееся въ золото и окрашивающее золотистымъ цвѣтомъ зубы кѣзъ и каменныхъ барановъ, пасущихся на отлогостяхъ вулкана. По этому послѣднему свойству не трудно догадаться, что это какое нибудь растеніе красильное; можетъ быть таже марена (*Rubia tinctorum L.*), что же касается до его способности превращаться въ золото это, вѣроятно, высказаніе, намекъ на его высокую цѣнность, опредѣляемую вѣсомъ золота.

Городъ Дамавендъ, основанный Сіямекомъ, былъ резиденціей тирана Дгогака — пятого царя первой династіи Джемшидовъ. Ежегодно, 31 августа (по европейскому календарю), въ городѣ бываетъ празднество въ память убіенія Дгогака. Жители, собравшись на обширной равнинѣ, пѣшіе и верхомъ, бѣгаютъ по ней и скачутъ, испуская страшные дикіе вопли. Съ сумерекъ въ городѣ зажигаютъ иллюминацію. Преданіе о тиранѣ и двухъ змѣяхъ, бывшихъ у него на плечахъ и откармливаемыхъ человѣческими мозгами — сохраняется въ народѣ и понынѣ. Герой, рѣшившійся свергнуть Дгогака, условился со своими сообщниками, что въ знакъ успѣха предпріятія, онъ тотчасъ по убіеніи злодѣя зажжетъ огонь на вершинѣ горы (1). Въ память этого сигнала жители Дамавенда дѣлаютъ иллюминацію и понынѣ и свято соблюдаютъ этотъ языческій праздникъ.

Подъ разказами о *сигнальномъ огнѣ* на вершинѣ Дамавенда, очевидно, скрывается преданіе о первомъ изверженіи вулкана, совпавшемъ со временемъ убіенія или смерти Дгогака... Точно также древніе греки, въ своей мифологіи, рассказывали, что вершину Этны

(1) О Дгогакѣ и его царствованіи, см. Гл. XI, стр. 184.

загля Церера, отыскивавшая Прозерпину, похищенную Плутономъ.

На сѣверѣ отъ *Курманшаха*, влѣво отъ Гамаданской дороги, находится высокая, крутая скала, вершина которой бываетъ покрыта снѣгомъ нерѣдко до первыхъ чиселъ іюня. Высота этой скалы, называемой *Бизутунъ* (не имѣющая столбовъ или подпорокъ), 1500 англ. футовъ и вся она покрыта изсѣченными въ камень колоссальными изображеніями и клинообразными надписями, особенно на западной сторонѣ *Таки-бостанъ*. Здѣсь въ скалѣ изсѣчено двѣ залы, изъ которыхъ одна имѣетъ 25 футовъ ширины и 20 глубины. Стѣны ея украшены барельефами; главнѣйшій изъ нихъ, высокой художественной работы, изображаетъ всадника исполна съ покрытой головой, въ кольчугѣ, соединяющейся со шлемомъ и ниспадающей до колѣнъ. Въ правой рукѣ всадникъ держитъ коня, на лѣвой у него надѣтъ небольшой щитъ. Мѣстные жители увѣряютъ, что всадникъ этотъ никто иной, какъ славный богатырь Рустамъ... Двѣ надписи, греческая и пеглевійская, до того истерты, что Кер-Портеру едва удалось различить изъ каждой надписи двѣ; три буквы. Кромѣ этого барельефа тутъ же находятся по стѣнамъ изображенія царя и царицы, сцены звѣриной травли, крылатыя фигуры изедовъ, воиновъ, звѣрей и т. п.

По мнѣнію д'Анвилля, скала Бизутунъ есть то самое мѣсто, которае посетила Семирамида во время своего путешествія по областямъ Малой Азіи. Вотъ свидѣтельство о томъ Діодора Сицилійскаго: „Семирамида, по окончаніи чудесныхъ построекъ (въ Вавилонѣ), съ многочисленными войсками направилась къ Мидіи. Достигнувъ горы, называемой *Багистанъ*, она близъ нея расположилась лагеремъ и тутъ же развела садъ въ двѣнадцать стадій въ окружности. Садъ находился въ долинѣ, щедро орошаемой богатымъ воднымъ источникомъ. Гора Багистанъ посвящена Юпитеру (планетѣ этого имени или солнцу?): часть ея, обращенная къ саду, представляетъ скалистые обрывы, возвышающіеся на семнадцать стадій. Семирамида, приказавъ срѣзать и обтесать нижнюю часть горы, начертала на ней свое изображеніе, окруженное сотнею тѣлохранителей—копыноносцевъ. Тутъ же она повелѣла вырѣзать сирійскими письменами надпись, гласившую, что она, Семирамида, приказавъ сложить въ кучу всю кладъ своего обоза, отъ подножія

до самаго тѣмени горы, взшла такимъ образомъ на ея вершину.“ Ученому антикварію или технику-строителю предоставляемъ разрѣшить: сколько было потребно времени и рабочихъ рукъ для исполненія затѣи вавилонской царицы, увѣковѣчившей свою память однимъ изъ тѣхъ сооружений, предъ которыми становится въ туникъ не только позднѣйшее потомство, но и самое время могучее, всесокрушающее...

Главный городъ пустынной области Хузистана — *Шустеръ* — древняя *Суза*, зимняя резиденція царей персидскихъ. Близъ него въ прошедшемъ столѣтіи показывали памятникъ, сложенный изъ бѣлаго камня, по преданіямъ, надъ могилой *пророка Даниила*; о немъ что-то умалчиваютъ новѣйшіе путешественники, но мы слышали отъ одного изъ нашихъ соотечественниковъ, что персы, питая къ этому памятнику глубокое уваженіе, увѣряютъ будто по волѣ божіей при немъ безотлучно находятся нѣсколько львовъ, исправляющихъ должность почетнаго караула.

Близъ *Шираза* находятся остатки древняго замка Фагендера, въ подземельяхъ котораго, по преданіямъ, находится главное казнохранилище древнихъ царей персидскихъ. Жители весьма серьезно говорятъ, что сокровища сохраняются и понынѣ въ подземельяхъ Фагендера подъ стражею ужаснаго дракона, убивающаго каждого дерзкаго, отваживающагося овладѣть кладомъ. Всѣ эти сказанія о кладахъ у всѣхъ народовъ восточныхъ и западныхъ не лишены основанія; высшей администраціи государственной, людямъ ученымъ и предприимчивымъ слѣдовало бы обратить на нихъ повсемѣстно болѣе пристальное вниманіе. Драконы, охраняющіе клады — ничто иное, какъ удушливыя испаренія, вылетающія изъ древнихъ подземельевъ и убивающія смѣльчаковъ, рѣшающихся на розыски безъ необходимыхъ предосторожностей. Мы не сомнѣваемся, что въ подземельяхъ древняго Фагендера легко могутъ быть спрятаны сокровища, если не въ буквальномъ смыслѣ слова, т. е. въ видѣ серебра, золота и драгоценныхъ каменевъ, то въ смыслѣ научномъ или художественномъ... Впрочемъ, зачѣмъ намъ сѣтовать на равнодушіе персидскихъ шаховъ и ихъ подданныхъ въ археологіи, если у насъ въ Россіи, не взирая на всѣ старанія правительства и ученыхъ обществъ, не только простолюдины, но даже грамотные люди

не обращают ни малѣйшаго вниманія ни на древнія развалины, ни на курганы, которыми изобилуетъ Россія почти во всѣхъ своихъ губерніяхъ? Большинство случайныхъ находчиковъ древнихъ кладовъ у насъ на святой Руси напоминаетъ басню о Пѣтухѣ съ жемчужнымъ зерномъ: находка продается за безцѣнокъ, а древнія монеты — либо разбиваются на ходячія, современные; либо, по произвольному курсу, переходятъ въ руки ближайшаго цѣловальника или шинкаря... Добрый народъ нашъ одинаково равнодушенъ и къ своему пропедшему, да, кажется, и къ будущему!...

На востокъ отъ развалинъ Фагендера въ трехъ миляхъ, на пригорьѣ, лежатъ развалины древняго зданія, называемаго гробницею матери Саломона (*Месихеди мадери Сулейманъ*). Само собою разумѣется, что названіе это совершенно произвольно дано персіянами развалинамъ, не имѣющимъ ни малѣйшей связи съ исторіей царства іудейскаго.

Истахаръ, древній Персеполисъ, находится въ двѣнадцать миль отъ Шираза. Части равнины, весьма обширной, загромажденной развалинами знаменитаго города, называются: *Чильминаръ* (сорокъ столбовъ), *Тахти Джемшидъ* (тронъ Джемшида), *Тахти-Каи-Хосру* (тронъ великаго Хосру), *Чильсутунъ* или *Гезарсутунъ* (сорокъ или тысяча столбовъ). Здѣсь — сокровищница персидской археологіи, гробница древняго величія царства; здѣсь каждый обломокъ говоритъ уму и воображенію. краснорѣчивѣе цѣлой сотни сухихъ, утомительно скучныхъ диссертаций. Нижеслѣдующее описаніе мы заимствуемъ изъ путешествія Кер-Портера.

Развалины дворца, извѣстныя подъ именемъ Чильминара, занимаютъ пространство въ 800 англ. футовъ на южной сторонѣ, 926 — на сѣверной и 1425 — на западной. Глазъмъ зрителя представляется равнина, покрытая волнообразными холмами щебня, осколковъ камня, плиты, обломковъ колоннъ и барельефовъ. Скалы, прилегающія къ развалинамъ на сѣверо-западѣ, срубаны мѣстами и нивелированы, кой гдѣ въ скалахъ прорублены ступени. Платформа, для которой скалы служатъ основаніемъ, сложена изъ сѣраго полированнаго мрамора; камни сложены безъ всякой смазки, но такъ плотно прилегаютъ другъ къ другу, что не замѣтно ни малѣйшихъ щелей между ними. Эта платформа состоитъ изъ трехъ

отдѣльныхъ терассъ. Первая, въ 183 фута шириною, занимаетъ весь южный фасъ и окаймлена остатками каменнаго парацета. Съ запада на эту терассу ведетъ весьма удобная, двойная лѣстница въ 55 ступеней, очень отлого лежащихъ. На вершинѣ платформы громадный портикъ съ изображеніемъ двухъ быковъ, обращенныхъ передними частями тѣла на западъ; надъ ними клинообразныя письма. Головы у быковъ отбиты, вокругъ шеи повязаны гирлянды изъ розъ, которыя, равно какъ и завитки шерсти исполнены съ поразительнымъ изяществомъ. На южной сторонѣ двѣ колонны, увѣчанныя тройными канителями, постепенно суживающимися. У втораго портика, который нѣсколько менѣе перваго, по краямъ стоятъ тоже два звѣря, но уже не быки, а какія-то аллегорическія созданія, напоминающія египетскихъ сфинксовъ. Къ бычачьему туловищу приставлены два перистыя крыла, лица человѣческія съ красиво завитыми бородами, въ ушахъ серьги, на головахъ цилиндрическія тиары (см. рис. 6). Высота этихъ изваяній 19 футовъ. Герсенъ полагаетъ, что это *мафтикоры* — баснословные звѣри-людоѣды, о которыхъ говорится у Ктезія, но мнѣніе Герсена неосновательно: вѣрнѣе предположить, что эти персидскіе сфинксы — символическія изображенія силы, могущества и славы царей персидскихъ. Сильвестръ де-Саси и Керъ-Портеръ видятъ въ нихъ первоначальныхъ людей, или правильнѣе — первоначальнаго чело-вѣка — Кайомортса. Третіе мнѣніе, къ которому можно придти послѣ тщательнаго осмотра сфинксовъ, есть то, что они символически изображаютъ землю со всеми ея произведеніями и живущими на ней существами. Вторая и третья терассы, состоящія изъ великолѣпныхъ колоннадъ и обильно изукрашенныя барельефами, описаны у Керъ-Портера съ мельчайшими и всесторонними подробностями, которыя для нашихъ читателей были бы утомительны. Ограничимся только сообщеніемъ рисунковъ капителей и базисовъ колоннъ (см. рис. 7), какъ образчиковъ иранской архитектуры, и прибавимъ, что барельефы драгоцѣнны единственно въ томъ отноше-ніи, что знакомятъ съ одѣяніемъ, вооруженіемъ и отчасти съ бы-томъ древнихъ царей. Изъ этихъ барельефовъ обращаемъ вниманіе читателя на прилагаемый въ рисунокъ (рис. 8) съ изображеніемъ царя, двухъ его прислужниковъ и *изеда*, его хранителя,

въ видѣ крылатаго старца, перепоясаннаго костью. Лица царя и прислужниковъ отбиты и сглажены фанатиками-мусульманами. Жезлъ и цвѣтокъ лотоса въ рукахъ царя, опахало и зонтикъ, несомые прислужниками, были въ древности непрѣнными атрибутами при царскихъ выходахъ. На слѣдующемъ рисункѣ (рис. 9) видимъ того же царя, сидящаго на тронѣ, поддерживаемомъ девятью (пять внизу, четыре наверху) носильщиками. И здѣсь, какъ на предъидущемъ барельефѣ вверху крылатый изедъ (геній-хранитель), а въ нижней части карниза другой—въ видѣ священнаго кости съ широкими крылами по бокамъ. Всмотриваясь въ этотъ послѣдній символъ, нельзя не замѣтить въ немъ разительнаго сходства съ символическими изображеніями *времени* на памятникахъ древняго Египта.

Къ сѣверу отъ Чильминара находятя остатки зданія, представляющаго правильнй четырехугольникъ въ 210 кв. футовъ. Въ зданіе это ведутъ двѣ двери съ сѣвера и съ юга, а въ немъ семь оконничныхъ амбразуръ. Барельефы, украшающіе его стѣны наружныя и внутреннія—изображаютъ царей со свитою, битву богатырей съ чудовищами, имѣющими туловище львовъ и орлиныя крылья и когти; богатыри—Джемшидъ и Рустамъ, а чудовища—дивы, съ которыми они боролись. Въ заключеніе не можемъ не выписать изъ сочиненія Кер-Портера слѣдующей весьма любопытной замѣтки:

„Не смотря на нездоровье, мнѣ казалось, будто какая-то непреодолимая, магнетическая сила влекла меня къ этому неистощимому сокровищу для каждаго любознательнаго человѣка. И такъ, до окончательнаго прощанія съ этими мѣстами, я еще разъ посѣтилъ ихъ, отыскивая между развалинами слѣдовъ древняго города. Такъ близъ скалъ я нашель еще одинъ портикъ; внутреннія его стѣны были украшены скульптурными изображеніями, значительно поврежденными. На сѣверо-западѣ отъ большой террасы въ грудахъ великолѣпныхъ обломковъ я угадалъ остатки храма или инаго важнаго зданія.... Обломки эти заросли кустами дикихъ травъ, уныло покачивающимися зелеными вершинами надъ обломками столбовъ минувшаго величія. Послѣдній ударъ, опрокинувшій стѣны, пощаженныя временемъ, былъ нанесенъ имъ пятнадцать

лѣтъ тому назадъ, толпою сосѣднихъ жителей для добычи желѣза изъ скрѣпъ внутри колоннъ. Это мнѣ сообщилъ поселянинъ, бывший моимъ проводникомъ при моихъ ежедневныхъ изысканіяхъ и однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ этого варварскаго подвига (1). Въ то же время онъ завѣрилъ меня, что ничего подобнаго болѣе уже не случится, потому что невѣжды узнали теперь, какъ опасно подобное святотатство. На мой вопросъ что это значитъ, поселянинъ отвѣчалъ, что не такъ давно одинъ изъ его односельцевъ опрокинулъ колонну на большой терасѣ и на другой же день умеръ! Но это еще не все. О несчастной его участи многимъ снились вѣщіе сны, другимъ въ сновидѣніи же были предостереженія, что Саломонъ или демонъ смерти же накажутъ каждого, кто осмѣлится послѣдовать примѣру погибшаго святотатца. Съ тѣхъ поръ, заключилъ поселянинъ, между нами не найдется смѣлчача, который рѣшился бы тронуть пальцемъ эти зданія, построенныя, какъ надо полагать, при содѣйствіи одного изъ двухъ (т. е. Саломономъ или демономъ), а можетъ быть и обоихъ вмѣстѣ. Меня (Кер-Портера) порадовалъ результатъ этихъ суевѣрныхъ людей, и я сочту за плохаго любителя достопамятной старины того, кто рѣшился бы разогнать эту благодѣтельную тучу, омрачившую умы и вмѣстѣ съ тѣмъ послужившую щитомъ, охраняющимъ развалины отъ покушеній невѣждъ.“

Дѣйствительно, можно сказать вмѣстѣ съ знаменитымъ англійскимъ антикваріемъ: бывають случаи, когда суевѣріе служитъ противодіемъ невѣжеству и сказки о призракахъ и духахъ, гнѣздящихся въ древнихъ развалинахъ—и не въ одной Персіи застраховываютъ ихъ отъ рукъ варваровъ, которые къ старинѣ еще безжалостнѣе самаго времени.

Кромѣ остатковъ древнихъ зданій, Кер-Портеръ нашелъ близъ

---

(1) Скажемъ къ слову, что при нѣкоторыхъ панахъ XVI и XVII столѣтій, также нецеремонно обходились съ римскими древностями въ столицѣ католическаго міра. Бронзовыя статуи переплавлялись на пушки и колокола; золотыя монеты и медали—на украшенія храмовъ и на ходячую монету; изъ бираторовъ выжигали известь, изъ кирпичей добывали селитру.

развалинъ Персеполиса на равнинѣ Мардаштъ, нѣсколько гробницъ, выдолбленныхъ въ скалахъ, и, между прочимъ, одинъ *крипта* (погребальную пещеру), изображенный на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 10).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Накши-Рустамъ.—Царскія гробницы.—Преданіе о смерти родителей Дарія Гистаспа.—Барельефы въ Накши-Рустамъ.—Символическое значеніе священнаго пояса Кости.—Деревня Муриабъ.—Тронъ Саломона.—Гробница Кира.—Ошибки археологовъ.—Барельефы съ изображеніемъ изеда.—Заключеніе.

Въ четырехъ миляхъ отъ Чильминара находится мѣстечко *Накши Рустамъ* (портретъ Рустама), особенно изобилующее древними памятниками, которые можно раздѣлить на двѣ категоріи. Къ первой принадлежатъ четыре гробницы, современныя основанію персидской монархіи; во второй—слѣдуетъ причислить памятники эпохи Сассанидовъ. Они состоятъ изъ барельефовъ, изсѣченныхъ въ скалѣ, о которыхъ мы поговоримъ ниже съ достодолжными подробностями. Скалы, на которыхъ эти барельефы находятся, состоятъ изъ бѣлаго и желтоватаго мрамора. Въ нихъ же изсѣченныя гробницы, въ числѣ четырехъ, такъ и называются *царскими гробницами* и, по преданію, заключали въ себѣ прахъ Камбиза, Дарія Гистаспа, Ксеркса и Артаксеркса-длиннорукаго; говоримъ „заключали“, такъ какъ нынѣ это опустѣлыя склепы, съ отваленными и разбитыми камнями, служившими имъ вмѣсто дверей.

Всѣ гробницы Накши-Рустама имѣютъ форму греческаго креста и нижняя ихъ часть, изсѣченная въ скалѣ, гораздо глубже верхней. Внутри склепа первой гробницы находится три ниши со сво-

лами, заложенные когда-то плитами, нынѣ разбитыми—любопытства или алчности ради. Последнее предположеніе тѣмъ основательнѣе, что, по сказаніямъ *Страбона* (кн. XV, гл. 3), древніе цари погребались со всеми сокровищами, накопленными ими при жизни.

Второй склепъ, называемый гробницей Дарія Гистаспа, находится на вершинѣ скалы, едва доступной. Существуетъ преданіе, будто по окончательной отдѣлкѣ гробницы Дарій пожелалъ осмотрѣть ее, но отецъ, мать, а также и *халдеи* (астрологи), предупреждали царя объ опасности, сопряженной съ подъемомъ на скалу, посредствомъ канатовъ, притягиваемыхъ жрецами. На это воздушное путешествіе отважились однако сами родители Дарія и, съѣвъ въ качалку, довѣрились жрецамъ. Последніе, дотянувъ ихъ до вершины, испугались змѣй, показавшихся по близости, и выпустили подъемные канаты изъ рукъ: отецъ и мать царя стремглавъ ринулись въ пропасть и разбились въ дребезги... Сорокъ жрецовъ — нечаянныхъ убійцъ царскихъ родителей, были немедленно обезглавлены. Во внутренности этой погребальной пещеры, по стѣнамъ которой девять нишъ, находится два камня, одинъ для священной жаровни, другой—какъ надобно полагать, для мобеда, читавшаго надгробныя молитвы. Такъ какъ входъ въ склепъ, по погребеніи царя, герметически замуровывали, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что жрецъ, молившійся предъ трупомъ, погибалъ очистительной жертвой языческаго фанатизма, лицомъ къ лицу съ усопшимъ своимъ государемъ. Кромѣ жреца и сокровищъ царскихъ, въ ниши пещеры вѣроятно замуровывали и нѣкоторыхъ изъ его рабовъ или тѣлохранителей.

Такъ какъ остальные двѣ царскія гробницы въ Накши-Рустамѣ, особенно ничѣмъ не отличаются отъ вышеописанныхъ — мы перейдемъ теперь къ обзору нѣкоторыхъ барельефовъ эпохи Сассанидовъ, снимки съ которыхъ изображены на прилагаемыхъ рисункахъ (рис. 11, 12 и 13).

На первомъ, значительно поврежденномъ — битва двухъ всадниковъ, поединокъ, которымъ обыкновенно начинались сраженія древнихъ персовъ съ ихъ непримиримыми врагами—туранцами. Побѣда на сторонѣ всадника съ лѣвой стороны, сзади котораго видна фи-

гура оруженосца со значкомъ въ рукахъ. Замѣчательно сходство рисунка съ изображеніями европейскихъ средневѣковыхъ турнировъ; сходство, вытекающее отъ условій воинскихъ поединковъ, у персовъ также точно, какъ у средневѣковыхъ рыцарей: единоборцы сражались на смерть весьма рѣдко, имѣя цѣлю только обезоружить противника или вышибить его изъ сѣдла.

На слѣдующемъ рисункѣ (рис. 12) видимъ примиреніе бойцевъ, попирающихъ, копытами своихъ коней, убитыхъ воиновъ. Судя по одеждѣ, украшениямъ на сѣдлахъ (привѣшенные на цѣпяхъ чаши съ горящимъ пламенемъ) и концамъ священнаго *кости*, развѣвающимся на головныхъ уборахъ—мираціеся два удѣльные князя земляки и единовѣрцы. Соединеніе ихъ правыхъ рукъ на кругломъ поясѣ, служитъ подтвержденіемъ догадки, что при мирныхъ договорахъ и заключеніи условій, договарившіеся держались за *кости*, прикосновеніе къ которому было равносильно клятвѣ или присягѣ. Въ дополненіе уже сообщенныхъ читателю свѣдѣній о *кости*, т. е. священномъ поясѣ древнихъ персовъ и нынѣшнихъ гебровъ, скажемъ, что число семидесяти двухъ нитей, изъ которыхъ онъ свивался, есть число символическое: оно соответствуетъ числу государствъ, вошедшихъ въ составъ древней персидской монархіи, оно же произведеніе шести мѣсяцевъ Ормузда (¹), помноженныхъ на двѣнадцать ($6 \times 12 = 72$). Тронъ Джемшида въ Персеполисѣ поддерживался также семьюдесятью двумя колоннами.

Третій рисунокъ (рис. 13) есть повтореніе предыдущаго, съ тою только разницею, что здѣсь мираціеся или договаривающіеся стоятъ ибше на трупѣ, служащемъ имъ подножіемъ. Замѣчательна фигура, стоящая влѣво, поотдалъ отъ главныхъ двухъ, на цвѣткѣ и съ жезломъ въ рукахъ, съ лицомъ, окаймленнымъ остроконечными лучами. Не изображаетъ ли она одного изъ свѣтлыхъ изедовъ или того же Ормузда, незримаго свидѣтеля мирнаго договора?

Главнѣйшія археологическія сокровища, достойныя вниманія не только людей ученыхъ, но и каждаго любознательнаго человѣка,

(¹) Напоминаемъ читателю, что мѣсяцами Ормузда были весенніе и лѣтніе; осенніе же и зимніе были достояніемъ Аришана.

находятся близъ деревни *Мемеди-Мургабъ* въ долину того же имени. На юго-западѣ остатки древняго алтара (*Атеи-гаха*); на востокѣ такъ называемый тронъ Саломона (*Тахти-Салиманъ*) — искусно обточенная скала въ видѣ каедры, возсѣдала на которой, древніе цари дѣлали смотры войскамъ или говорили рѣчи и наставленіе созываемому народу или принимали отъ него присягу. Камни, изъ которыхъ сложенъ этотъ памятникъ, частію бѣловатые, частію ржаваго цвѣта... Нѣсколько поотдалъ находится отлично сохранившійся мавзолей — (другой, кромѣ находящагося въ Фагендерѣ) *матери Саломона*, по преданію народному, *великаго Кира* — по мнѣнію Кер-Портера. Это четверугольное зданіе съ покатою кровлей стоитъ на пирамидальномъ базисѣ изъ бѣлаго мрамора. Къ дверямъ этой гробницы ведутъ семь высокихъ ступеней... Доступъ къ ней одинаково труденъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи: въ послѣднемъ потому, что окрестные жители не дозволяютъ путешественникамъ приближаться къ этому святилищу, охраняемому особымъ сторожемъ (*мутавели*). Не вдаваясь въ излишнія описанія, представляемъ читателю рисунокъ барельефа (рис. 14), украшающій одинъ изъ фасовъ древней гробницы, которую можно назвать прекраснѣйшимъ образцомъ древней персидской архитектуры. Дѣйствительно ли въ этой самой гробницѣ было погребено тѣло основателя персидской монархіи? Это вопросъ спорный, разрѣшимый тогда только, когда новѣйшіе антикваріи дойдутъ до чтенія клинообразныхъ письменъ, въ которыхъ найдется ключъ къ разъясненію многихъ вопросовъ персидской исторіи. Мы не осмѣливаемся отрицать европейскаго авторитета Кер-Портера, но заблужденіе, свойственное человѣку вообще, не чуждо и ученому, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ увлекается своимъ предметомъ. Было время, напирямѣрь (и нельзя сказать, чтобы въ отдаленномъ прошломъ), когда каждый бюстъ, открытый изъ земли близъ Рима, ученые люди долгомъ считали признавать за бюстъ древняго императора или котораго нибудь изъ многочисленныхъ героевъ римскихъ; въ каждой найденной урнѣ хотѣли видѣть сами и другихъ заставляли видѣть — прахъ Сципіона, Суллы, Цесаря или Августа... Настоящая или мнимая гробница Кира въ Мургабѣ не теряетъ своей цѣны въ глазахъ потомства,

даже и въ томъ случаѣ, если вмѣсто великаго завоевателя въ ней ислѣлъ другой царь или, можетъ быть, и царица Персіи.

Закончимъ нашъ обзоръ древностей персидскихъ описаніемъ барельефа, изсѣченнаго въ скалѣ близъ гробницы Кира (рис. 15) и изображающаго *изеда*, т. е. свѣтлаго духа, подвластнаго Ормузду. Въ этомъ изедѣ мы видимъ весьма некрасиваго, бородатаго мужчину, съ четырьмя крылами сзади и спереди, въ одѣяніи жреца и въ шапкѣ, увѣнчанной тройнымъ свѣтильникомъ. Находящаяся надъ нимъ клинообразная надпись вѣроятно содержитъ въ себѣ молитву этому духу или знакомить зрителѣ съ его именемъ и должностью, имъ занимаемою при Ормуздѣ.

Таковы главнѣйшіе слѣды, неизгладимо отпечатлѣнные на горахъ и скалахъ Персіи ея давно минувшею славою и владычествовавшей въ этомъ государствѣ религіею. Одно поколѣніе смѣняется другимъ, вѣка уносятся за вѣками, или выражаясь словами лебединой пѣсни нашего Державина:

Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей...
И топить въ пропасть забвенья
Народы, царства и царей!

Но, прибавимъ, эта же рѣка временъ щадитъ многіе памятники древности, не сглаживаетъ съ камня древнихъ писемъ, не разрушаетъ капищъ древней Индіи, уважаетъ развалины Персеполиса, Вавилона, пирамиды Египта, колізей Рима, дворцы Помпеи, долмены и кромлехи галльскихъ друидовъ... И какъ вѣрнѣе назвать эти щадимые временемъ памятники давно минувшихъ вѣковъ — если не каменными скрижалями исторіи, вѣчными, несокрушимыми, приросшими къ поверхности земнаго шара?

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Рис. 6. Развалны Персеполса. Сѣнксы.

Рис. 7. Развалины Персеполиса. Капители и базисы колоннъ.

Рис. 8. Развалины Персеполиса. Барельеф изображающий царя съ прислужниками.

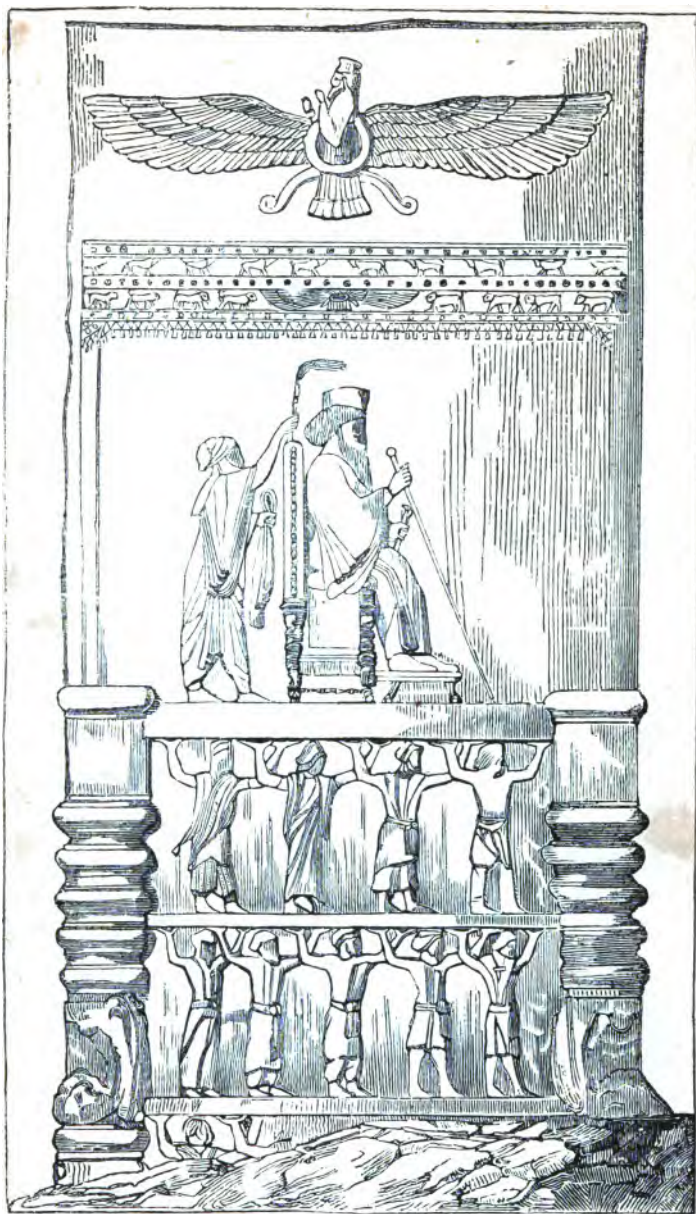

Рис. 9. Развалины Персеполиса. Царь на тронѣ.

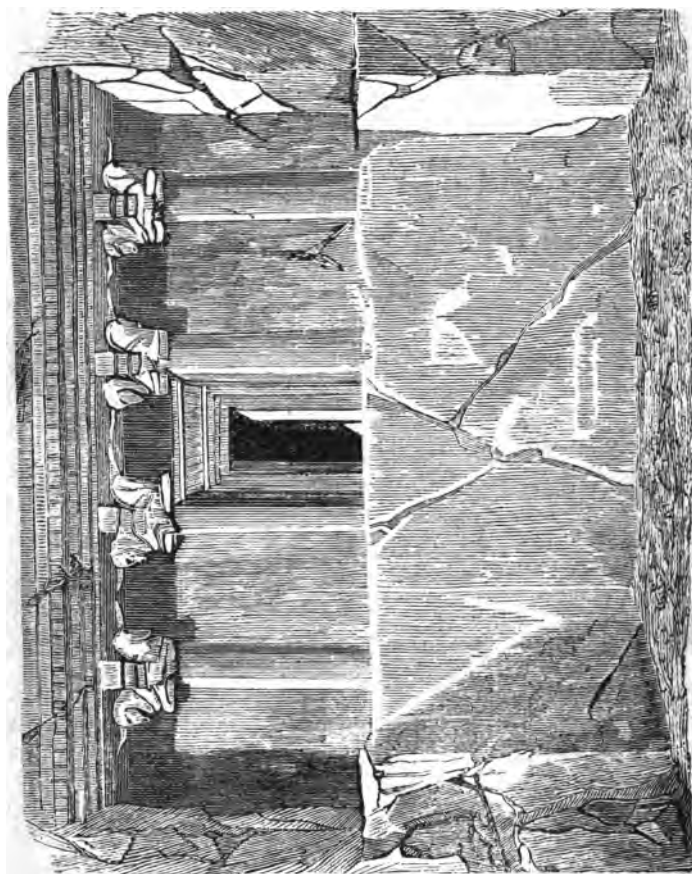

Рис. 10. Погребальная пещера (кранигъ) близъ долины Мардашгъ.

Рис. 11. Барельефы на скалахъ Накши-Рустама: единоборство.

Рис. 12. Барельефы в Накши-Рустамъ: примирение.

Рис. 13. Барельефы въ Накши-Рустамъ: Ормузъ или Изедъ и примиряющіеся.

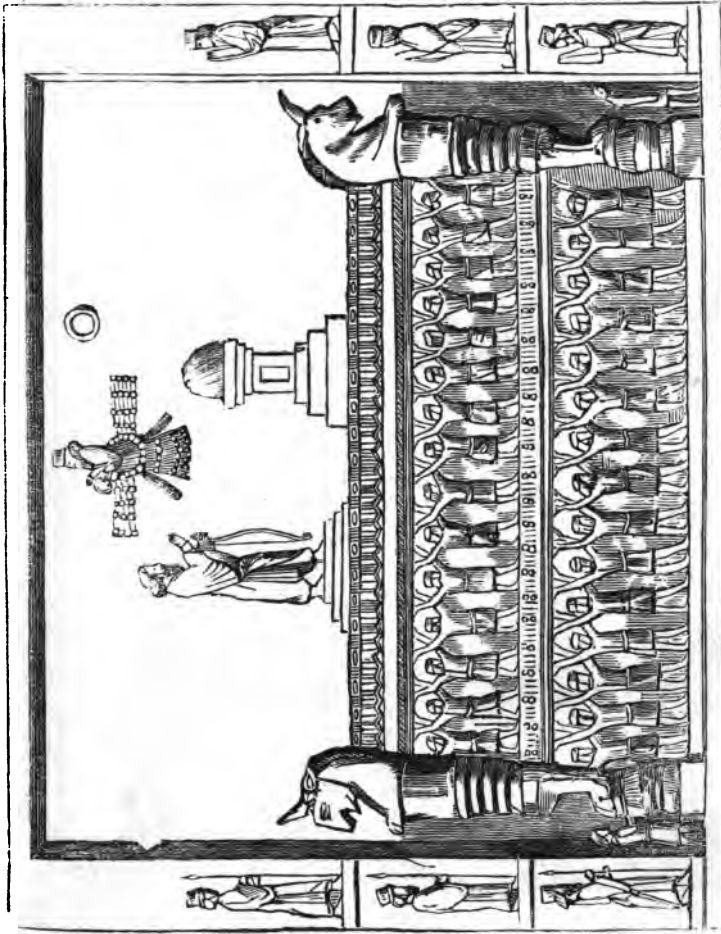

Рис. 14. Гробница Кира близъ деревни Мешеди-Мургабъ.

Рис. 15. Барельефъ на скалѣ близъ Мешеди-Мургаба: изображеніе Изеда.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СТРАН.

Вступленіе. Царства, вошедшія въ составъ Персидской монархіи. Древнія ея имена. Исторія Кира по сказаніямъ Геродота. Сновидѣнія Астіага. Спасеніе Кира. Предопредѣленіе. Наказаніе Гарпага. Войны съ Крезомъ. Покореніе Вавилона. Убіеніе Кира Томиридою. Сказанія Ктезія.	5
--	---

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Киропедія Ксенофонта. Дѣтство Кира. Первые подвиги. Преобразование войска. Помилованіе царя Армянскаго. Тигранъ. Крезъ и Нериглиссаръ. Панея. Абрадаты. Боевыя колесницы. Война съ вавилонянами. Битва еимбрейская.	14
---	----

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Взятіе Сардеса. Погребеніе Абрадаты. Покореніе Каріи и Фригіи. Паденіе Вавилона. Торжественное молебствіе. Жертвоприношенія. Учрежденіе сатрапій. Ревизоры. Промахъ Плинія и Диоскорида. Почты. Библейское сказаніе объ освобожденіи іудеевъ изъ плѣненія вавилонскаго. Слава Персіи. Сонъ Кира. Предсмертная его молитва. Камбизъ. Завоеваніе Египта. Злодѣйство. Фаронъ Псамменитъ. Огравленіе его бычачьей кровью. Истязаніе муміи.	23
--	----

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Походъ въ Эѳіопію. Тугая тетива. Гибель войска. Неистовства и кощунства въ Египтѣ. Убіеніе Смердиса. Кровосмѣшеніе. Казни. Самозванецъ. Смерть Камбиза. Сверженіе Самозванца. Олигархи. Избіеніе маговъ. Водареніе Дарія, сына Гистаспа. Подати. Мужъ, сынъ или братъ. Усмиреніе мятежа въ Вавилонѣ. Походъ въ Скиѳію. Символическіе дары. Бѣдствіе войска. Отступленіе. Завоеваніе Индіи. Бунтъ греческихъ поселеній. Мардоній. Битва при Марафонѣ. Смерть Дарія . . . . .

33

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ксерксъ. Усмиреніе Египта. Продолженіе войнъ съ греками. Силы персовъ, ихъ численность и вооруженіе. Мостъ черезъ Геллеспонтъ. Священное дерево. Истязанія рѣки. Казнь сына Писия. Смотръ и переправа. Бура у горы Пеліона. Битва при Артемизіумѣ. Оермошиллы. Взятіе Афинъ. Саламинская побѣда. Платей. Микале. Отступленіе. Грабежъ и разореніе храмовъ. Звѣрства Аместриды. Окончательное отпѣвнѣ Ксеркса. Его убіеніе. . . . . , . . .

44

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Артаксерксъ и его прозвище. Распри. Казнь корытами. Звѣрства древнія и новыя. Царица Вашти. Мардохей и Эсеиръ. Умыслы Амана. Его казнь. Милости царя къ іудеямъ. Семистокль у Артаксеркса. Побѣды грековъ. Бунтъ Египта. Инаръ. Миръ съ греками. Освобожденіе поселеній греческихъ отъ персидскаго ига. Казнь Инара. Мегабизъ. Эзра. Неэмія. Обновленіе Іерусалима. Язычество, іудейство и христіанство. Гиппократъ . . . . .

53

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Междоусобія. Охъ и Согдіанъ. Задушеніе золою. Дарій Новасъ. Киръ младшій. Артаксерксъ—памятливый. Обрядъ вѣнчанія на царство. Доносъ Тиссаферна. Ссылка Кира. Его возстаніе. Греки—наемники. Битва при Кунаксѣ. Отступленіе де-

сяти тысячъ грековъ. Злодѣяства Паризатида. Отправление Статирь. Войны съ Агазилаемъ и греками. Завоеваніе Кипра. Походъ на кадузійцевъ. Тирибазъ. Начало упадка Персіи . . . . .

61

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Царствованіе Оха. Мавзолъ и Артемиза. Чудо свѣта. Гибельныя послѣдствія кровосмѣшенія. Паденіе Сидона. Покореніе Египта. Кошунство Оха. Его убіеніе. Дарій Кодоманъ. Появленіе Александра Великаго. Его побѣды и завоеванія. Сожженіе Персеполиса. Смерть Дарія. Паденіе Персіи. Казнь Бесса. Три династіи. Сассаниды. Артаксерксъ. Возрожденіе персидской монархіи. . . . .

71

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Сапоръ I. Пророчества астрологовъ, Царевна-чародѣйка. Первое появленіе Мани. Дѣти вдовицы. Вараранъ II. Сказанія о Мани. Казнь его. Замятка о сектѣ манихейцевъ. Вараранъ III. Его исправленіе. Нарсесъ. Гормиздатъ II. Казнь царицы. Тираніе царей. Сапоръ II. Борьба съ римлянами. Походъ Юліана. Его смерть. Царь-младенецъ. Плѣнь Сапора. Бѣгство. Перенесеніе столицы. Артаксерксъ II. Вараранъ IV. Издигердетъ I. Его милости христіанамъ. Царевичъ и Номанъ. Крещеніе Номана. Избраніе Хозрова на царство . . . . .

79

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вараранъ V. Епископъ Акакій. Сказки о Бахрамѣ. Битва со слономъ. Издигердетъ II. Раздѣлъ Арменіи. Перозесъ. Маги. Чудная жемчужина. Баласъ. Кобадетъ. Замокъ забвенія. Бѣгство царя. Осада и взятіе Амиды. Столкновеніе съ христіаниномъ. Гунны. Казнь Сеозета и ея причины. Войны съ Юстиніаномъ. Велисарій. Пророкъ Маздакъ. Его хитрости. Негодовныя вельможъ. Заточеніе и освобожденіе царя. Сущность ученія Маздака. Преобразователи религій вообще. Предшественники исламизма . . . . .

90

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Хозрой. Сношенія съ Византіей. Казни. Коварство Хозроя. Его характеристика. Побѣды Юстиніана. Казнь Маадака. Царевичъ-христіанинъ. Сношенія съ Китаемъ и Индіей. Драгоценные дары. Мудрецъ Абузурджміръ. Двѣнадцать правилъ. Шакалы. Правосудіе. Гормиздъ II. Хозрой II. Посланіе къ Вараму. Бѣгство царя и его письмо къ императору Маврикію. Іеудей. Звѣрство. Бѣдствія Малой Азіи. Разрушеніе Ерусалима. Похищеніе животворящаго креста. Гоненіе христіанъ . . . . .

99

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Побѣды грековъ. Уничтоженіе храма огня и идола Хозроя. Разореніе церквей христіанскихъ. Несторіане. Убіеніе Хозроя. Сирозъ. Казнь убійцы Хозроя. Артаксерксъ III. Борана. Отсылка Животворящаго Креста въ Константинополь. Издигердетъ. Переговоры съ аравитянами. Сраженіе при Кадезійи. Нахавендская битва. Покореніе Персіи халифами. Убіеніе послѣдняго изъ сассанидовъ. Десять вѣроисповѣданій. Нравственный выводъ изъ исторіи Персіи . . . . .

110

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Религія персовъ до Зороастра. Сабизмъ. Миера. Жертвоприношенія. Огонь. Праздники весны и осени. Анаитисъ. Праздникъ Сака. Обязанности мобедовъ. Вѣра въ сны. Календарь. Языкъ и письмена. Извращеніе первоначальной религіи. Обоготвореніе царей. . . . .

117

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Зороастръ. Вѣщее сновидѣніе его матери. Смыслъ его. Рожденіе Зороастра. Враги его. Ихъ преступныя попытки. Дѣтство и отрочество Зороастра. Чудесная переправа. Прибытіе въ Иранъ. Гора Альборджъ. Бесѣда съ Ормуздомъ. Добро и зло. Безсмертіе. Рай и адъ. Зенд-Авеста. Шесть изедовъ. Пещера Миеры. Зороастръ у Дарія Гистаспа. Испытанія. Чудесный кипарисъ. Злоба маговъ. . . . .

121

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Заговоръ противъ Зороастра. Его заточеніе. Болѣзнь царскаго коня. Постепенное исцѣленіе. Четыре блага. Сонъ царя. Безсмертіе. Всезнаніе. Неуязвимость. Первые жрецы и алтарь. Поученіе Зороастра. Десять правилъ. Первые послѣдователи Авесты. Семейство Зороастра. Будущіе его сыновья. Четыре огня. Сказка о Кипарисѣ. Браминъ Ченгрегхачахъ. Диспутъ. Законъ Ормузда, распространенный по Персіи и Индіи . . . . . , ... 135

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Проповѣданіе Авесты халдеямъ. Туранскій царь Арджаспъ. Религіозныя войны. Смерть Зороастра. Разореніе Балка. Книги закона. Вендидать-садэ. Іешть-садэ. Ея содержаніе. Бунъ-Дехешъ. Языческое многословіе. Содержаніе книги Вендидать-садэ. Слогъ и метода изложенія. Шестнадцать областей. Зло отъ Аримана. Джемшидъ. Населеніе земли. Первые обязанности, челоуѣка 144

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Честность въ денежныхъ дѣлахъ и твердость въ словѣ. Законы о личной безопасности. Предосторожности отъ оскверненія. Огненные птицы. Собаки. Роженицы. Мертвецы. Бѣсъ Незошъ. Врачи. Ихъ вознагражденіе. Упраздненіе кладбищъ. Посуда. Очищеніе огня. Обрядъ очищенія. Бѣсы и пари. Молитвы объ усопшихъ. Пять смертныхъ греховъ. Волосы и ногти. Священный поясъ. Пѣтухи. Суккубы и инкубы. Молитвы. 153

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Содержаніе книги Бун-Дехешъ. Мірозданіе. Вражда Ормузда и Аримана. Заточеніе послѣдняго. Изеды, зодіакъ, созвѣдія. Освобожденіе Аримана. Порча всѣхъ произведеній Ормузда. Убіеніе быка. Планеты. Борьба изедовъ съ дивами. Смерть Кайомортса. Воды и ретенія. Семь областей. Горы. Звѣри, птицы и рыбы. Дерево Ренва. Первые люди. Грѣхопаденіе.

Происхождение народовъ. Пять огней. Чудесные звѣри и птицы.	163
---	-----

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Четырнадцать рязрядовъ водъ. Голубиная книга. Сравненіе русскаго эпоса съ восточнымъ. Русское суевѣріе и его источники. Главенствующіе звѣри и растенія. Ботаническая система. Цвѣты посвященные изедамъ. Грядущая участь вселенной. Кончина міра. Воскресеніе мертвыхъ. Рай и Адъ. Комета. Огненная рѣка. Безсмертіе. Судъ надъ грѣшниками. Обновленіе земли. Прощеніе Аримана. Всеобщее блаженство. Родословіе. Лѣтосчисленіе. Династія Пешдадіановъ. Кайомортъ. Битвы съ дивами. Гусенекъ. Джемшидъ. Дѣленіе на касты. Правосудіе.	173
---	-----

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Обольщеніе Джемшида Ариманомъ. Идолопоклонство. Дгогакъ. Столкновеніе двухъ доктринъ. Аллегорическій смыслъ сказаній. Сверженіе Джемшида. Злодѣйство Дгогака. Сыновья Кавеха. Афридунъ. Кожаное знамя. Туръ, Салмъ, Иради. Удѣлы. Убіеніе Иради. Молитва Афридуна. Миночээръ. Мщеніе. Самъ. Войны съ туранцами. Чудесная стрѣла. Наставленіе Миночезра народу. Рожденіе Зала. Рудабѣ. Отрывки изъ книги Шахнамъ: страданія Рудабѣ. Симургъ птица. Ея наставленія Залу	182
---	-----

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Рожденіе Рустама. Нареченіе имени богатырю. Царь Невдерь. Нашествіе туранцевъ. Плѣнъ царя. Казнь его. Избраніе Зава. Гершаспъ. Династія Кайяніановъ. Кай-Каусъ. Несчастный походъ въ Марендеранъ. Плѣнъ. Подвиги Рустама. Поединокъ съ Абладомъ. Его плѣненіе. Разказы о Мазендеранъ. Авладъ, проводникъ Рустама.	193
---	-----

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Шестой подвигъ: убіеніе дива-Арзенга. Посѣщеніе царя и плѣнниковъ. Бой съ бѣлымъ дивомъ. Освобожденіе плѣнниковъ. Война съ сирійскимъ царемъ. Царевна Сулабѣ. Полетъ царя на орлахъ. Вторженіе Афрасіаба. Миръ съ туранцами. Техмина. Рожденіе Сураба. Амазонка Гурдь-Аферидъ. Осада Сепида. Предчувствіе Рустама. Лагерь подъ Сепидомъ. Поединокъ. Сыноубійство. Нушдару. Пословица. Погребеніе Сураба 201

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Исторія Сіявуша. Его воспитаніе. Царица Судабѣ. Клевета. Испытаніе огнемъ. Новыя войны съ Тураномъ. Бѣгство Сіявуша. Его бракъ. Рожденіе Хосру. Происки Кершивеза. Родственное сходство злодѣевъ. Убіеніе Сіявуша. Чудесный кустарникъ. Смерть Судабѣ. Подвиги Рустама 208

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Сновидѣніе Гудерза. Бѣгство Хосру. Осада Ардебиля. Дивы и огненныя стрѣлы. Завоеваніе Ардебиля. Состязаніе богатырей. Гербы. Единоборство. Волхвъ Базуръ. Барзу. Исповѣдь Каи-Хосру и его завѣщаніе народу. Избраніе наследника. Шествіе на богомолье. Исчезновеніе Каи-Хосру . . 216

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Лораспъ. Перенесеніе столицы. Завоеванія. Ругамъ-Навуходоносоръ. Царевичъ Густшаспъ. Бѣгство въ Румъ. Царевна Кагайунъ. Обрядъ выбора жениха. Браки. Подвиги Густшаспа. Бой съ дракономъ. Зериръ. Запѣтка о долговѣчности богатырей. Зороастръ. Эсфендіаръ. Поединокъ съ Рустамомъ. Волшебная стрѣла. Бахманъ 223

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Убіеніе Рустама. Царица Хумаи. Пророчество и приговоръ астрологовъ. Рожденіе Дараба. Его спасеніе. Фаилакусъ, царь румскій. Женитьба Дараба на его дочери. Городъ Дарабгердъ. Рожденіе Искандера. Символическіе дары. Курица, кунжутныя зерна и дыня. Походы Искандера. Убіеніе Дараба II. Завоеванія. Пророчество и смерть Искандера. Приближеніе кончины. Анекдоты о героѣ 230

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Символь Миеры и его объясненіе. Семь дверей. Тайная община Миеры и ея степени. Одежда жрецовъ. Орудія и музыкальные инструменты. Приношенія. Влаги употребляемыя при очищеніи. Четыре вида омовеній. Перахомъ. Родины. Обязанности дѣтей и родителей. Обрядъ посвященія въ законъ. Нузудъ 236

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Узаконенія Зороастра противъ постовъ. Вмѣняемость въ преступленіе дѣвства и безбрачія. Брачныя обряды. Намзадъ. Некахъ. Пять разрядовъ бракосочетаній. Шах-занъ. Юг-занъ. Сатар-занъ. Чегер-занъ. Ходесшраэ. Причины развода. Рабство женщины. Правила для родильницъ. Желѣзная кровь и огонь. Кормленіе грудью. Кастовое дѣленіе. Молитвы. Пища и питье. Обряды при агоніи. Обряды погребальныя. Состояніе души послѣ смерти человѣка. Поминовенія усопшихъ. 249

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Кладбища. Правила ихъ освященія и планировки. Вредъ въ санитарномъ отношеніи. Испаганское дахмѣ огнепоклонниковъ. Примѣты и повѣрья. Тяжелые и легкіе дни. Амулетки и талисманы. Врачебное дуновеніе. Пѣніе пѣтуха. Ненависть древнихъ персовъ къ голубямъ. Дурной глазъ. Иносказанія при сообщеніи печальныхъ вѣстей. Гули, духи пустыни. Русское повѣрье о вихряхъ. Естественное объясненіе сверхъестественнаго. 257

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Древніе памятники Персіи. Башня близъ Реи. Равнина Газердехъ. Курганъ Атеш-гахъ. Города Кумъ и Гамаданъ. Гробницы Эсеиры и Мардохея. Дамавендъ. Волканъ съ заповѣдною вершивою. Сказаніе о золотомъ растеніи. Праздникъ въ память убіенія Дгогака. Скала Бизутунъ. Преданіе о Семирамидѣ. Гробница пророка Даніида близъ Шустера. Львы, ее охраняющіе. Клады близъ Шираза. Замѣтка о кладахъ вообще. Гробница матери Саломона. Развалины Персеполиса. Сфинксы. Догадки о символическомъ ихъ значеніи. Барельефы. Разсказъ Кер-Портера о невѣжествѣ и суевѣріи персіянъ. Погребальная пещера близъ долины Мардаштъ. 265

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Накши-Рустамъ. Царскія гробницы. Преданіе о смерти родителей Дарія Гистаспа. Барельефы въ Накши-Рустамѣ. Символическое значеніе священнаго пояса Кости. Деревня Мургабъ. Тронъ Саломона. Гробница Кира. Ошибки археологовъ. Барельефъ въ изображеніемъ Изеда. Заключение . . 276

Р И С У Н К И.

	Стран.
Рис. 1.—Пещера Миеры	131
Рис. 2.—Орудія и утварь, употребляемая при богослуженіи.	245
Рис. 3.—Гебръ, стоящій на молитвѣ.	—
Рис. 4.—Гебратянка	247
Рис. 5.—Древняя башня близъ Реи	267
Рис. 6.—Развалины Персеполиса. Сѣинксы	281
Рис. 7.—Развалины Персеполиса. Капители и базисы колоннъ	283
Рис. 8.—Развалины Персеполиса. Барельефъ изображающій ца- ря съ прислужниками.	285
Рис. 9.—Развалины Персеполиса. Царь на тронѣ	287
Рис. 10.—Погребальная пещера (крипта) близъ долины Мар- даштъ.	289
Рис. 11.—Барельефы на скалахъ Накши-Рустама: единоборство.	291
Рис. 12.—Барельефы въ Накши-Рустамѣ: примиреніе.	293
Рис. 13.—Барельефы въ Накши-Рустамѣ: Ормуздъ или Изедъ и примиряющіеся	295
Рис. 14.—Гробница Кира близъ деревни Мешеди-Мургабъ	297
Рис. 15.—Барельефъ на скалѣ близъ Мешеди-Мургаба: изобра- женіе Изеда.	299